

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

З Е М Л И

ВОЙСКА ДОНСКАГО.

Т О М Ъ В Т О Р О Й.

Издание Обл. В. Д. Статистическаго Комитета.

НОВОЧЕРКАСКЪ.

1872.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

З Е М Л И

ВОЙСКА ДОНСКАГО.

Печат. въ Област. В. Д. Типографіа.

НОВОЧЕРКАСКЪ.

1872.

Дозволено цензурой.

ГЛАВА XI.

Посольскія сношенія Московскаго Двора съ Крымомъ.—Царь подерѣилеть казаковъ наборомъ вольницы въ украинныхъ городахъ.—Казакамъ велѣно воевать Крымъ въ соединеніи съ княземъ Пожарскимъ.—Война съ азовцами.—Разореніе улусовъ, кочевавшихъ по Еѣ.—Вой съ Пурадлиномъ подь Черкасскимъ городкомъ.—Разбитіе Пурадына на Кагальникѣ.—Похвальная грамота казакамъ и жалованное знамя.—Побѣга съ Дону повобранныхъ вольныхъ людей.—Набѣги казаковъ на приморскія области Тавриды.—Приступъ Азовцевъ подь Черкасскій городокъ.—Казаки получаютъ вспомошествованіе.—Политика Московскаго Двора въ переговорахъ съ Турками и Крымомъ.—Набѣги казаковъ на приморскіе берега Тавриды.—Намѣреніе Крымскаго хана идти войною на казаковъ въ соединеніи съ Запорожцами.—Сынъ Хмѣльницкаго Тимофѣй съ 5,000 человекъ пришелъ къ Міусу.—Походъ Донскихъ казаковъ на Черное море.—Разореніе турецкихъ областей и предмѣстія Цареграда.—Намѣреніе турокъ и крымцевъ соединенными силами идти на казаковъ.—Посольскія сношенія Московскаго Двора съ Крымомъ о казакахъ.—Новый набѣгъ казаковъ на Тавриду и на турецкія области.—Казаки разоряють городъ Тамань и опустошаютъ многія селенія.—Неудачный приступъ казаковъ къ Азову.—Переговоры Россійскаго Двора съ Крымомъ о казакахъ.—Опустошеніе крымскихъ и азиатскихъ береговъ.

Посольскія сношенія Московскаго Двора съ Крымомъ. Послѣ возвращенія Туркамъ Азова были отправлены въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1643 г. изъ Москвы къ крымскому хану посланники: Григорій Нерошовъ и подъячій Никита Головинъ, для мирныхъ переговоровъ и увѣреній въ добромъ согласіи. Отъ двора ханскаго объявлены были имъ жалобы на казаковъ. И между прочимъ представлено, что султанъ турецкій, желая уничтожить все покушенія казаковъ на турецкія владѣнія и на Крымъ, приказалъ разорить казачій *Монастырскій городокъ*; но что Государь Россійскій велѣлъ казакамъ возобновить этотъ городокъ и укрѣпить его попрежнему; приказалъ послать къ нимъ на помощь русскія войска и калмыковъ, для нападенія на Азовъ, и большое количество провіанта, пороха и оружія; что все это противурѣчитъ обыкновеннымъ увѣреніемъ Государя Россійскаго будто

онъ Донскимъ казакамъ никакого вспомошествованія не дѣлаетъ.—Посланники увѣряли татаръ, что Россійскій Государь въ судьбѣ Донскихъ казаковъ никакого участія не принимаетъ, вспомошествованія не дѣлать, калмыковъ на Донъ не призывать, да и быть этого не можетъ, потому что калмыки Россійскому Государю не принадлежатъ; и если казаки возобновляютъ свой Монастырскій городокъ, то, безъ сомнѣнія, не по повелѣнію царскому, а сами собою и вѣроятно потому, что тотъ городокъ издревлѣ принадлежалъ имъ. Впрочемъ, если бы и дѣйствительно казаки послали просить Россійскаго Государя о вспомошествованіи деньгами, войскомъ и съѣтными припасами, то навѣрное просьба ихъ уважена не будетъ.

Невѣря этому, татары не переставали упрекать посланниковъ, что казаки по повелѣнію Россійскаго Государя задержали у себя турецкихъ пословъ, отправленныхъ изъ Константинополя съ Россійскимъ посломъ княземъ Ильею Милославскимъ; говорили, что за всѣ непріятныя дѣйствія Россійскаго Государя противу татаръ, турецкій султанъ приказалъ крымскому хану послать сильное войско на русскія украины. Посланники, напротивъ, дѣлали сильныя увѣренія, что если турецкіе послы и задержаны у казаковъ, то, вѣроятно, по неудобству зимняго времени, въ которое нѣтъ возможности пройти съ Дону до Москвы попричинѣ пустыхъ мѣстъ. Но Магметъ-Гирей не удовольвовился словами: онъ приказалъ посланниковъ запереть въ жидовскій городъ, гдѣ они принуждены были сносить терпѣливо различныя огорченія отъ татаръ; а самъ пошелъ въ походъ на русскую украину.

Въ Москву прислалъ онъ гонцовъ своихъ съ требованіемъ отпуска турецкому послу, задержанному казаками въ ихъ городкѣ Раздорахъ. Но въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ 1644 г. Магметъ-Гирей отрѣшенъ былъ отъ ханства и принужденъ изъ похода возвратиться обратно въ Крымъ, а на мѣсто его возведенъ Исламъ-Гирей (269). Россійскій Государь отпра-

(269) Дѣла Крымскія № 15, статейный списокъ посланниковъ Григорія Неронова и подьячаго Никиты Головинна, бывшихъ въ Крымъ, 1643 и 1644 годовъ.

вилъ къ новому хану пословъ Тимофѣя Караулова и подъячаго Грязнова Акишева съ поздравленіемъ о вступленіи его на Крымскій престолъ и съ выговоромъ за сдѣланное татарамъ вторженіе въ Россійскую границу. Посламъ велѣно было снова увѣрять крымскаго хана, что турецкіе послы были задержаны на Дону за невозможностію продолжать имъ путь къ Москвѣ, по причинѣ наступившей зимы, а не самовольно казаками, и что казакамъ за зимнее содержаніе пословъ отправлено жалованье, состоящее въ деньгахъ и хлѣбѣ.

На бѣгъ Крымцевъ на російскіе предѣлы и осада Черкаскаго городка. Между тѣмъ татары, подъ предводительствомъ новаго хана Исламъ-Гирея, ворвались большими силами въ російскіе предѣлы, разграбили окрестности Путивля, Рыльска и другіе уѣзды, плѣнили множество народа и возвратились въ Крымъ безъ всякаго препятствія. Донскіе казаки въ это время были заперты въ Черкасскомъ городкѣ азовцами и ногайскими татарамъ. Враждебные сосѣди эти расположились аулами около Черкаска и всю зиму 1645 г., до вскрытія весны, держали казаковъ въ осадѣ, приступая къ городку повременамъ большими силами: „мы цѣлую зиму, писали казаки къ Государю, будучи оставлены всѣми, сидѣли въ Черкасскомъ городкѣ окруженные ногайцами, темрюцкими черкесами и крымскими татарамъ; намъ нельзя было выйти изъ городка ни за рыбу, ни за дровами; въ сей крайности многіе изъ насъ померли отъ голоду и стужи“ (270). Весною 1646 г. толпы татаръ откочевали отъ Черкаскаго.

(270) Дѣла Донскія, описка Войска Донскаго, полученная въ Москвѣ 10 мая 1646 г. съ атаманомъ Иваномъ Каторжинимъ.

„А нынѣшню де весною, марта въ 4 день, отпущены онѣ (россійскіе посланники Телешневъ и Кузовлевъ) изъ Кафы во Царь-городъ кораблемъ, а азовскій де, государь, Мустафа-бей со всѣми азовскими городовыми и съ черкасы темрюцкими и съ ногайскими воинскими людьми хотятъ идти къ намъ на приступъ, вскорѣ, подъ Черкаской городокъ большимъ собраньемъ—конные берегомъ, а судовые рѣкою Дономъ, и мы, государь, тово ихъ большаго приходу ожидаемъ къ себѣ вскорѣ, а помощи, государь, и заступленія, мы, опричь Спаса и Пречистыя Богородицы и тебя праведнаго Великаго Государя, ни отъ кого себѣ

Царь подкрѣпляетъ казаковъ наборомъ вольницы въ украинныхъ городахъ. Между тѣмъ еще въ 1645 г. Донскіе казаки получили свѣдѣніе о приготовленіи крымскихъ татаръ къ походу на ихъ городки, подъ предводительствомъ самаго крымскаго хана, имѣвшаго намѣреніе совершенно истребить казаковъ. Донцы послали въ Москву станицу съ просьбою о вспомоствованіи, какъ деньгами, провіантомъ и порохомъ, такъ и людьми. Россійскій Государь, желая отмстить крымцамъ за разореніе украины, а между тѣмъ подкрѣпить казаковъ, приказалъ дворянину Ждану Кондыреву набрать на Воронежѣ и по другимъ украиннымъ городамъ вольныхъ людей *три тысячи* человекъ и подъ своимъ начальствомъ привести ихъ въ Черкасской городокъ; изъ Астрахани же велѣлъ послать астраханскихъ и другихъ татаръ, Гребенскихъ и Терскихъ казаковъ и другихъ народовъ, подвластныхъ Россіи, подъ начальствомъ князя Семена Пожарскаго; сверхъ сего, по веснѣ 1646 г. рѣкою Дюпомъ съ Воронежа послано казакамъ жалованье: деньги, хлѣбъ, вино, порохъ, свинецъ и проч. въ такомъ количествѣ, каковаго напредъ этого никогда не было посылано (271).

Всѣ эти войска прибыли къ Черкасскому весною 1646 г., именно: Жданъ Кондыревъ съ 3,037 человеками и Петръ Красниковъ съ 1,050 чел., а князь Пожарскій съ астрахан-

не имѣемъ, а нынѣшнюю, Государь, всю зиму, мы, бѣдные и безпомощные холопи твои, сидѣли въ низовомъ Черкасскомъ городкѣ отъ ногайскихъ улусныхъ людей и отъ черкасъ темрюцкихъ и отъ крымскихъ воинскихъ людей въ осадѣ, выѣзду, государь, и выходу намъ вонъ изъ городка за рыбою и за дровами ни куды отъ нихъ не было, голоду и холоду мы холопи твои отъ нихъ натерѣлись, и многіе, Государь, у насъ люди со стыда да и голодною смертію помирали; а кочевали, Государь, тѣ ногайскіе улусы во всю зиму въ нижнихъ нашихъ старыхъ юртахъ по Махину и кругомъ нашево Черкассково городка отъ насъ только въ верстѣ, а выныхъ мѣстахъ и меньше версты, и приходи, Государь, и пристуны къ намъ были подъ Черкасской городокъ азовскихъ, и крымскихъ, и черкасъ темрюцкихъ и ногайскихъ улусныхъ людей частые, большимъ собраньемъ и бой и кровопролитіе было у насъ съ ними великое.

(271) Тамъ же, грамота на Донъ 15-го мая 1646 года.

скимъ войскомъ. Они расположились лагеремъ вокругъ Черкасса.

Казакамъ велѣно воевать Крымъ въ соединеніи съ княземъ Пожарскимъ. Итакъ, подкрѣпленные казаки готовились нанести новый ударъ врагамъ своимъ. (По указу царскому надлежало сдѣлать нападеніе на Крымъ съ двухъ сторонъ: князь Пожарскій съ астраханскимъ войскомъ и съ казаками долженъ былъ идти сухимъ путемъ къ Перекопи, а Кондыревъ съ другою частію казаковъ на судахъ моремъ.

Но въ исполненіи этого повелѣнія казаки встрѣтили затрудненіе: во первыхъ потому, что судовъ способныхъ къ плаванію по Азовскому и Черному морямъ оказалось только 30, а нужно было не менѣе 200, во вторыхъ, знатный корпусъ крымскихъ и другихъ татаръ находился уже въ это время въ походѣ къ Азову, и слѣдственно азовцы съ этимъ подкрѣпленіемъ легко могли, по выходѣ казаковъ, нанести ихъ жилищамъ совершенное разореніе. Впрочемъ они приготовили къ походу 30 своихъ судовъ, но никакъ не соглашались взять съ собою Ждана Кондырева по той причинѣ, что онъ, будучи вовсе знакомъ ни съ образомъ ихъ службы, ни съ мѣстностью края, могъ противиться ихъ предпріятіямъ; притомъ же, какъ писали они въ дописаніи своемъ Государю: „онъ человекъ нѣжный, тягости морской и пѣшей службы перенести не можетъ, а намъ и самимъ случаются иногда такія напасти, что другъ друга не взвѣдаемъ“.—Отписавши обо всемъ этомъ Государю, казаки продолжали совѣщанія свои въ войсковыхъ кругахъ: какимъ образомъ открыть военныя дѣйствія (272).

(272) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 31 іюля 1646 года.

„А твоему, Государеву, дворянину Ждану Кондыреву на такую твою государеву великую службу водянымъ путемъ съ нами холони твои видти ему невозможно, потому, государь, что онъ жилъ при твоей государственной свѣтлости и человекъ нѣжной онъ, а наши, государь, нужи и морскихъ походовъ и пѣшіе службы ему будутъ нестерпѣть. Мы, государь, морскіе походы и пристани къ

Война съ азовцами. Большая часть согласна была совокупными силами напасть на Азовъ; но войсковою атаманъ Осипъ Петровъ и старшины этому противились, представляя, что подобное предпріятіе не согласно съ волею царскою, и что посланники россійскіе, находившіеся тогда въ Константинополь, могли быть задержаны. Буйная толпа невнимала справедливымъ представленіямъ: съ грубостію и съ угрозами приступили казаки къ войсковому атаману и заставили его вести себя къ Азову; послали къ князю Пожарскому, чтобы онъ со всѣмъ своимъ войскомъ соединился съ ними, но онъ имъ въ томъ отказалъ, ссылаясь на предписаніе, коимъ строго запрещалось ему открывать непріятельскія дѣйствія противъ турковъ.—Находящіеся же подъ его начальствомъ астраханскіе стрѣльцы, узнавъ намѣреніе казаковъ, явно воспротивились князю Пожарскому и въ числѣ 700 человѣкъ присоединились къ казакамъ: сильныя убѣжденія дворянина Кондырева, коему въ особенности предписано отвращать казаковъ отъ предпріятій ихъ на Азовъ, не имѣли никакого дѣйствія. Въ это же время къ нимъ присоединились Терскіе стрѣльцы, Гребенскіе казаки, черкесы и татары, которые находились подъ начальствомъ князя Черкаскаго. Все это войско было раздѣлено на двѣ части: войсковою атаманъ съ казаками и

крымскимъ городамъ и къ ихъ селамъ всѣ вѣдаемъ, а и намъ, Государь, бывають нужи да и хуртины великія, и струги наши разноситъ по морю, другъ друга невзвѣдаемъ, да и то намъ, Государь, бывають: хуртиною у насъ многіе струги.... а нынѣ на берегъ вымѣтываетъ и разбиваетъ, и безъ запаса и безъ воды многіе дни бываемъ, а ему, Государь, Ждану такіе великіе нужи и пѣшіе службы съ нами будетъ не стерпѣти; а намъ холопьямъ твоимъ случитца о тамошнемъ какомъ дѣлѣ и о промыслу ему Ждану говорить, и ему, Государь, будетъ на насъ въ томъ досадовать, и у него, Государь, въ томъ дѣлѣ будетъ ссора и смута и всякимъ нашимъ промысломъ въ твоей Государевѣ службѣ отъ того будетъ поруха, а ему, Государь, морскихъ походовъ и пристаней и тамошнихъ мѣстъ ничто незабычай и не вѣдаетъ, а къ которымъ, Государь, пристанемъ мы холопи твои на море прѣжь сего приставивали и на крымскія села на удары хаживали, и мы, Государь, бѣжимъ на-спѣхъ отъ пристани до села день и ночь, а ево, Государь, Ждана въ такую твою Государеву службу нужу и пѣшую не будетъ.

съ вольными людьми пошелъ къ Азову стругами, прочіе же казаки съ татарами и стрѣльцами лѣвымъ берегомъ Дона; на утреннѣй зарѣ приступили они внезапно къ Азову и взошли было въ земляной городъ, но артиллерією, стоявшею на стенахъ каменнаго города, были совершенно отражены. Не тѣряя отважности, они вздумали вознаградить неудачное предприятие свое противъ Азова другими средствами: съ береговъ Дона усмотрѣли нѣсколько судовъ, стоявшихъ въ заливѣ Азовскаго моря, бросились въ оный, настигли турецкіе корабли и по маломъ сопротивленіи овладѣли ими. Находившіеся на этихъ корабляхъ турки, услышавъ стрѣльбу въ Азовѣ, снова успѣли уйти на малыхъ судахъ въ Крымъ, оставивъ на произволъ казачовъ нѣсколь ко татаръ и грековъ.—На этихъ корабляхъ взяли ни 30 пушекъ, пять знаменъ турецкихъ, большое количество и пшеницы, вина нѣсколько другихъ товаровъ; три корабля тамъ же на мѣстѣзатопили, а остальные два привели въ Черкасскъ. Междутѣмъ другая часть войска напала на окопавшихся близъ Азова татаръ, порубила почти всѣхъ ихъ, взяла въ плѣнъ 32 человекъ и отбила 30 лошадей, 50 Орогатаго скота и 300 овецъ (273).

(273) Дѣла Донскія, отписки Кондырева и Шишкина, привезенная въ Москву іюня 31-го дня 1646 г.

„И іюня жъ, Государь, въ 18 день, Донской атаманъ Осипъ Петровъ съ Донскими казаками и съ вольными ратными людьми въ низъ плавною и конницею Донскіе казаки и князь Семеново полку Пожарскаго астраханскіе и терскіе служилые люди и черкасы горскіе въ походъ пошли, а куда они пошли, того намъ холопьямъ твоимъ не сказали, и іюня жъ, Государь, въ 25 день Донской атаманъ Осипъ Петровъ съ Донскими казаками и съ вольными людьми плавною изъ походу пришли и съ собою привезли два карабля, а на нихъ пушекъ мѣдяныхъ и желѣзныхъ большихъ и мелкихъ корабленныхъ 36 пушекъ, да пять знаменъ, да всякаго запаса пшеницы и проса, да читья и корабленные всякіе запасы, парусы, и якоря, и канаты и всякіе карабельные заводы; а сказали намъ холопьямъ твоимъ Донскіе казаки и вольные люди, что де они ходили на татарскіе улусы, которые кочуютъ подъ Азовомъ, и какъ они пришли подъ Азовъ, и тѣ де улусные люди отъ Азова кочевали, и они де изъ подъ Азова отогнавъ лошадей и всякую животиину и взявъ полону человекъ съ 20 и болши, пошли отъ Азова моремъ, и увидя на море карабля, пошли къ нимъ, а тѣ де корабли стоятъ на якоряхъ, а турецкихъ людей на кораблехъ нѣтъ, только де на нихъ гречанъ человекъ съ 15 и они де тѣхъ гречанъ и карабля съ

Разореніе улусовъ, кочевавшихъ на Эф. Здѣсь казаки получили свѣдѣніе отъ плѣнныхъ, что на рѣч. Эфъ кочуетъ ушедшій изъ—подъ Астрахани Шатемиръ мурза Исуповъ съ улусомъ своимъ. Дабы азовцы не могли извѣститъ мурзу о близкомъ нахожденіи російскихъ войскъ, казаки разставили нѣсколько десятковъ человекъ между Азовомъ и этимъ улусомъ. Дали знать о предпріятіи своемъ князю Пожарскому; а сами тотъ же часъ съ княземъ Черкасскимъ погнались за Шатемиромъ. Пожарскій немедли пимало переправился Донъ, потянулся въ слѣдъ за передовымъ войскъ мъ и соединился съ нимъ ночью. Въ половинѣ слѣдующаго дня казаки нагнали татаръ, которые, въ числѣ 2/3 телѣгъ, медленно шли къ Ку-

достальными запаси и съ пушки взяли; а про турецкихъ людей тѣ гречане имъ сказали, которые де турецкіе люди были на кораблехъ, и они де послыша изъ Азова стрѣльбу и увидя ихъ на море многихъ людей, сбѣвъ въ сандалы, побѣжали моремъ назадъ къ городу Керчи, а ихъ де покинули на кораблехъ; и были де тѣ корабли съ запаси присланы въ Азовъ, и тѣ де запаси везены въ Азовъ, и остались де въ кораблехъ запаси небольшіе и они де атаманъ и казаки и вольные люди корабли съ пушки и запаси и гречанъ для вѣстей взяли и привезли съ собою вмѣстѣ, а три корабля сошли на море; и мы холопи твои атаману Осипу говорили, что они ходятъ напротивъ твоего Государева указу и были подъ Азовомъ и корабли нимаи съ турецкими людьми, а задору съ турецкими людьми чинить не велѣно, и онъ намъ холопомъ твоимъ сказалъ: люди де у насъ вольные, и учаль де онъ говорить имъ, что бъ они дѣлали противъ Государева указу, и они де ему отказали, турецкой де царь съ крымскимъ за-одинъ и большая де оборона Азову крымской царь, и зимняго де взятыя полону русскихъ людей держать въ Азовѣ тысячи съ четыре, и впрелъ имъ надъ Азовомъ промышлять, что де отъ нихъ тебѣ, Государю, чинится грубости много..... да сказывали намъ холопомъ твоимъ, что у Донскихъ казаковъ и у вольныхъ людей былъ кругъ и приговорили, что идти имъ подъ Азовъ и промышлять подъ Азовомъ, и атаманъ де и старшины лучшіе люди имъ говорили: Государевъ де указъ вы вѣдаете, что надъ Азовомъ промышлять намъ не велѣно и турецкихъ городовъ не воевать; и они де всѣмъ войскомъ и вольные люди зашумѣли: то де вы отводите, что подъ Азовъ не итти, Азовъ де турецкаго и крымскаго царя воевать, живутъ въ немъ турецкіе и крымскіе люди и ходять въ Русь воевати безпрестанно, и имъ де отъ азовцевъ впередъ жить будетъ не мочно, и они де всѣмъ войскомъ приговорили на томъ, что имъ подъ Азовъ итти тотчасъ и надъ ними промысль чинить“.

Крымскія дѣла 1646 г. Распросныя рѣчи воронѣжца боярскаго сына (по имени и прозванію неизвѣстнаго), посланнаго изъ Разряда на Донъ съ государевою казною, съ желѣзомъ и смолою. И распросныя рѣчи Ногайскаго мурзы Аксакъ Келмаметева, того жъ года іюля 25 дня.

бани, и сдѣлали на нихъ всеѣми силами быстрое нападеніе и по маломъ сопротивленіи овладѣли всеѣмъ ауломъ: множество татаръ положили на мѣстѣ и взяли въ плѣнъ около 7,000 душъ мужескаго и женскаго пола; въ добычу досталось чмъ 6/т. рогатаго скота и 2/т. овецъ. При дѣлежѣ добычи вышла ссора со стороны казаковъ и князя Муцала Черкаскаго противъ Пожарскаго: первые всю добычу, доставшуюся на часть войска князя Пожарскаго, отобрали отъ онаго насильно, и въ буйствѣ своемъ даже выстрѣлили по князѣ Пожарскомъ изъ двухъ ружей (274).

Бой съ Нурадыномъ подъ Черкасскимъ городкомъ. По прибытіи всего войска къ Черкасскому городку, Донскіе казаки и князь Пожарскій, переправившись на правую сторону Дона, расположились на прежнихъ мѣстахъ. Князь же Муцалъ Черкасскій со всеѣмъ своимъ войскомъ остановился на противоположной сторонѣ Дона; въ станѣ его было спокойно и беззаботно. Какъ между тѣмъ Нурадынъ съ 7,000 татаръ, переправясь чрезъ Таврическій проливъ, сѣвши тайно къ Азову. Здѣсь узналъ онъ, что часть російскаго войска остановилась противъ Черкаскаго городка на лѣвомъ берегу Дона. Тихо шель онъ отъ Азова къ этому стану и на разсвѣтѣ внезапно всеѣми силами началъ на князя Муцала Черкаскаго. Будучи въ трое слабѣе Нурадына, князь Черкасскій не могъ выдержать перваго натиска татаръ, смѣшался; у него отняли знамя; находившійся же подъ его начальствомъ Бей—мурза со всеѣми своими татарами, видя превосходство силъ непріятельскихъ, бѣжалъ съ поля сраженія степью на Терекъ; къ счастью Гребенскіе казаки и терскіе стрѣльцы не лишились присутствія духа: они остановились и мужественно сопротивлялись всей силѣ татарской. Въ этомъ смятеніи князь Черкасскій забылъ даже увѣдомить Донскихъ казаковъ и князя Пожарскаго о своемъ положеніи;

(274) Дѣла Ногайскія, № 4. Распросныя рѣчи ногайскаго мурзы Аксакъ Калачетова въ посольскомъ приказѣ 1646 года Іюля 25 дня, и отписки войска Донскаго, привезенная въ Москву 1646 г. іюля 31 дня.

но они сами, услышавъ крикъ и звукъ ружей, въ тужь минуту переправились чрезъ Донъ и остановили стремленіе татаръ. Началась вновь жестокая сѣча, продолжавшаяся весь день; наконецъ Нурадынъ, видя что всѣ его усилія тщетны, началъ отступать и потомъ срѣзнительно побѣжалъ къ Азову: въ этомъ сраженіи ранили князя Пожарскаго и письменнаго голову Хрущова; много казаковъ и татарскихъ узденей было побито (275).

Разбитіе Нурадына на Кагальникѣ. Нурадынъ, претерпѣвъ значительный уронъ въ людяхъ, и нерѣшаясь вновь предпринять что-либо противу соединенныхъ казачьихъ и російскихъ войскъ, остановился лагеремъ на рѣчкѣ Кагальникѣ. Ему стоило большаго труда удерживать съ собою мурзъ ногайскихъ, изъ коихъ многіе, невзирая на всѣ его усилія, разбѣжались съ подвластными людьми по своимъ улусамъ. Вѣсть о положеніи войскъ нурадыновыхъ

(275) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 1646 года іюня 31-го.

„Да іюня жъ, Государь, въ 6 день, съ утра на утренней зарѣ, по присылкѣ и по письму къ крымскому царю азовскаго Мустафы—бей и всѣхъ азовскихъ городовыхъ людей, приходилъ крымскій царевичъ Некарей Нурадынъ съ крымскими и съ ногайскими мурзы и со многими ихъ воинскими людьми, и азовской Мустафа—бей со всѣми городскими людьми и съ черкасы темрюцкими и всѣхъ де, Государь, было ихъ десять тысячъ, и били подлѣ нашего Черкаскаго городка на князь Мусала Сенченевича Черкаскаго и отъ тово ихъ удару Богъ помылодаль, со всѣми ратными людьми, и учалъ онъ князь Мусалъ съ ними бой, и, послыша, Государь, мы холопи твои тотъ бой и крикъ, вышли мы къ нему, ко князь Мусалу, на выручку тотъ—часъ наспѣхъ всѣмъ войскомъ, конные и пѣшіе, и учали мы съ ними бой, а твоего Царскаго Величества стольнику и воеводѣ князю Семену Романовичу Пожарскому подали мы о томъ вѣсть, чтобъ онъ шелъ наспѣхъ къ намъ на помощь со всѣми твоими Государевыми ратными людьми не мѣшкалъ же ни часу, и князь Семень Романовичъ Пожарскій пришелъ къ намъ со всею ратью не замѣшкавъ же ни часу, и билися, Государь, мы съ ними съ утра и до вечера, кровопролитіе. Государь, у насъ съ ними было великое, и Божію, Государь, милостію, а твоимъ государевымъ царевымъ и великаго князя Алексеѣя Михайловича всея Русіи счастіемъ съ кошу мы ихъ сбили и многихъ людей побили и языковъ у нихъ побрали, а царевичъ, со всѣми своими воинскими людьми, пошелъ отъ насъ отводомъ съ великою нуждою, и на томъ, Государь, бою князя Семена Романовича Пожарскаго ранили изъ лука да письменнова голову Якова Хрущова ранили-жъ, да и нашихъ, Государь, казаковъ многихъ переранили и коней у насъ наповаль многихъ же побили“.

казаки получили отъ преданныхъ имъ татаръ. По совѣщаніи съ княземъ Пожарскимъ и Муцаломъ Черкасскимъ, и съ дворяниномъ Жданомъ Кондыревымъ и всѣми вольными ратными людьми единогласно собрались въ походъ, и въ ту же ночь, съ 2 подъ 3 число августа мѣсяца, 6/т. соединеннаго войска переправилось чрезъ рѣку Донъ со всею артиллеріею. Дабы сокрыть свое движеніе отъ азовцевъ, они пошли тихо ночью, днемъ же стояли въ байракахъ, и наконецъ 7 числа, на утреннѣй зарѣ, подошедъ близко къ татарскому стану, внезапно напали на оный всѣми силами. Смятеніе татаръ было неописанное: въ страхѣ опрокидывая другъ друга, они всѣ разбѣжались врознь, оставивъ побѣдителямъ въ добычу весь станъ. Казаки взяли множество припасовъ, нурадынову палатку со всѣмъ его имуществомъ и 70 другихъ палатокъ; все прочее, чего не могли забрать, пожгли на мѣстѣ (276).

Между тѣмъ татары ободрились, собрались вмѣстѣ и начали преслѣдовать російское войско, которое, по разграбленіи ихъ стана, медленно подвигалось назадъ. Азовскій паша, узнавъ о разбитіи Нурадына, поспѣшилъ къ нему на помощь со всѣмъ своимъ гарнизономъ и съ артиллеріею, и тѣмъ увеличилъ войско нурадыново до 10/т. челов. Князь Пожарскій и казаки, не желая вступать въ неравный бой, для сохраненія людей, отступали въ порядкѣ, защищаясь артиллеріею; при этомъ случаѣ они побили 200 плѣнныхъ татаръ, кои могли вредить ихъ отступленію, и 6 числа пришли къ Черкасскому городку безъ малѣйшаго урона.

Похвальная грамота казакамъ и жалованное знамя. Съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ посланъ былъ въ Москву атаманъ Наумъ Васильевъ. Государю

(276) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1646 г. сентября 25.

„ И Божіею милостію, а нашимъ государскимъ счастіемъ татаръ многихъ вы на станахъ побили и языковъ многихъ понмали, и съ становъ царевичей сбили, и шатры и палатки царевича и постелю и карету царевичеву взяли, и у мурзъ у ближнихъ людей шатры и палатки и котлы и всякую рухлядь понмали; а чего взять было не на чемъ, и то пожгли и шатровъ взяли 71-нѣ“.

пріятны были подвиги казаковъ: атаманъ принять былъ благо-склонно и вся станица одарена щедро.—Отпуская станицу, Государь послалъ на Донъ похвальную грамоту, которою хвалилъ мужество казаковъ и обѣщалъ содержать ихъ въ царской своей милости на будущее время. Сверхъ того пожаловалъ въ награду казакамъ дорогое знамя съ изображеніемъ орла, которое и отпразднлъ на Донъ съ тою-же станицею (277).

Побѣгъ съ Дону новонабранныхъ вольныхъ людей. Выше упомянуто, что намѣреніе Государя было не только защитить казаковъ отъ утѣспеній татаръ, но еще общими силами едѣлать нападеніе на Крымъ. Изъ предшествовавшихъ обстоятельствъ видны причины, почему казаки, въ соединеніи съ войскомъ князя Пожарскаго, доселѣ непривели этого въ исполненіе. Между тѣмъ новонабранныя войска, наскучивъ на Дону переносить труды казачей службы, начали тайнымъ образомъ бѣгать изъ Черкаскаго стана большими партіями; другіе, захвативъ казачьи суда, плыли вверхъ по Донцу или по Дону, а по минованіи въ нихъ надобности, рубили оныя и удалялись въ свои мѣста; побѣги таковыя время отъ времени становились чаще, наконецъ собралось болѣе 1,000 человекъ и среди дня поднявъ знамена пошли степью въ украинные города: „мы хотя и моглибъ остановить ихъ силою оружія своего, писали казаки царю, но дабы молва о таковой измѣнѣ россійскихъ людей не достигла въ инныя государства и орды, не хотѣли ихъ трогать“. Такимъ образомъ

(277) Въ той же грамотѣ:

„И мы, Великій Государь, Царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Русіи Самодержецъ, васъ атамановъ и казаковъ и все Донское Войско и вольныхъ людей, что вы намъ, Великому Государю, служите и о нашемъ государскомъ дѣлѣ радѣете и надъ крымскими и надъ ногайскими людьми и которые намъ Великому Государю непослушны промышляете, нещади головъ своихъ, жалуемъ, милостивно похваляемъ, и станичниковъ вашихъ атамана Наума Васильева съ товарищи, пожаловавъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, велѣли отпустить къ вамъ на Донъ не задержавъ, а съ нимъ велѣли послати къ вамъ наше Царскаго Величества знамя“.

большая половина этих новонабранных людей разбѣжалась (278).

Но съ другой стороны дѣла казаковъ нѣсколько поправились: Нурадышъ, пораженный на Кагальникѣ, не могъ скоро оправиться и страшась конечнаго истребленія, предпочель не вдаваться въ опасности: онъ возвратился въ Крымъ и распустилъ войска по домамъ. Пожарскій и Мудаль Черкасскій отозваны были съ войсками ихъ къ Астрахани, гдѣ въ нихъ имѣлось болѣе нужды.

Набѣги казаковъ на приморскіе области Тавриды. Въ зиму этого года казаки отдыхали, не предпринимая никакихъ поисковъ; и враги устали ихъ тревожить. Но весной снова открылась дѣятельность съ обѣихъ сторонъ: непріатели отважно разбѣзжали по морю и приступали къ казачьимъ городкамъ. Мужество казаковъ неизмѣнилось, но число ихъ было такъ мало значуще, что нельзя было и думать о большихъ предпріятіяхъ; несмотря на это нужда требовала защищаться отъ враговъ и скрывать свое положеніе.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ казаки снарядили 33 струга и пустили оныя для разоренія крымскихъ береговъ; между Темрюкомъ и Таманью застала ихъ сильная буря и выбросила на берегъ. Въ бѣдственномъ смятеніи казаки растеряли большую часть оружія и снарядовъ, какъ вдругъ на берегу Тамани напали на нихъ татары въ превосходныхъ силахъ. Казаки думали уже не о побѣдѣ, а о спасеніи своемъ, и оставивъ въ добычу непріателю 16 струговъ, въ остальныхъ удалились въ море. Очень много казаковъ побито въ семь дѣлѣ. Неимѣя силъ, ни возможности предпріять новаго поиска противу татаръ, они поспѣшно возвращались назадъ и прежде нежели доплыли до устья Дона, лишились въ пути отъ бурь еще четыре струга.

(278) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1646 г. августа 17-го.
„ И хотѣли было съ погонщики вашими поставить бой, и вы, не хотя такіе между-усобные смуты учинять, чтобъ въ такой бездѣльной смутѣ выные земли и орды слава не прошла, за такую ихъ измѣну ничего надъ ними не учинили“.

Между тѣмъ татары тотчасъ послали извѣстіе къ азовскому бею объ отплытіи Донцовъ отъ береговъ Тамани. Бей, немедля ни минуты, засыпалъ камнями Мертвый Донецъ, по которому обыкновенно казаки ходили судами въ море, а самъ съ турками и татарами ожидать прихода казаковъ въ скрытныхъ мѣстахъ. Наконецъ казаки показались и беззаботливо плыли вверхъ по рѣчкѣ; вдругъ суда ихъ останавливаются на камняхъ; казаки, не теряя присутствія духа, пристали къ берегу и начали перетаскивать суда свои; это было ночью; азовцы напали на нихъ со всѣхъ сторонъ, но мужествомъ казаковъ были отражены. Между тѣмъ настало утро, азовцы увидѣвъ что казаковъ было весьма малое число, рѣшились истребить ихъ совершенно; и для того призвали къ себѣ на помощь изъ Азова турокъ, дрались съ упорствомъ съ обѣихъ сторонъ; невзирая однакожь на превосходство силъ, казаки успѣли перетаскать 12-ть струговъ, оставивъ одинъ въ добычу азовцамъ, и уйти на оныхъ къ Черкасскому городку; въ этомъ сраженіи казаки тяжело ранили азовскаго Бея (279).

Приступъ азовцевъ подъ Черкасскій городокъ. Пораженіе казаковъ на море и на устьяхъ

(279) Тамъ же, расписныя рѣчи есаула Василія Никитина съ товарищами ноября 15 дня 1647 года“.

„Въ прошломъ де во 155 году о Петровѣ дни ходили на море въ 33 стругахъ, а сколько человекъ того не вѣдаютъ, и тѣхъ де казаковъ на море погодою межъ Тамани и Темрюка прибило къ берегу, а темрюцкіе де черкасы ихъ побили, а иныхъ живыхъ поймали, и взяли де 16 струговъ; а вѣсть де имъ учинилась, что вышли къ нимъ съ тѣхъ 16 струговъ два человекъ казаковъ; а четыре де струга остались на море и про два де струга вѣсть что они цѣлы, а про два вѣсти нѣтъ; а ни съ какими де людьми на море бою у нихъ не бывало, и тѣхъ струговъ пришли назадъ только 12 струговъ; а стругъ де азовцы и крымскіе люди и черкасы темрюцкіе отбили на устьѣ Донца Мертваго, а дожидались де ихъ задолгое время, и сперва де казаки побили азовцевъ и черкасы, а послѣ де того на утре, какъ ихъ осмотрѣли, что ихъ немного, и они де пришли на нихъ многими людьми и ихъ побили, потому что де они въ то время таскали изъ Донца струги и многіе были наги и въ тѣ де поры сбили, а въ войско пришло 12 струговъ“.

См. крымскія дѣла, статейный списокъ бывшихъ въ Крыму посланниковъ Караулова и Грязнова, № 6-й подъ годомъ 1647.

Дона придало азовцамъ еще большую смѣлость къ нападеніямъ на нихъ даже въ жилищахъ; они дознались, что послѣ потери казаками знатнаго числа людей, осталось ихъ въ Черкасскомъ городкѣ не много и сочли случай этотъ самымъ удобнымъ на совершенное истребленіе казаковъ.

Для этого, по ихъ позыву, стеклись къ нимъ крымцы, ногайцы и черкесы; изготовили 280 судовъ. По принятому плану одна часть должна была сдѣлать нападеніе рѣкою Дономъ, а другая сухимъ путемъ и такимъ образомъ рѣшительнымъ ударомъ взять Черкасскій городокъ; но Провидѣніе спасло казаковъ: они мужественно отразили всѣ приступы непріятелей, истребили ихъ великое множество и непрестанными пораженіями заставили обратиться въ бѣгство. Видя это, казаки бросились въ свои суда, которыя во время осады находились внутри городка, настигли враговъ и множество ихъ захватили на судахъ.

Казаки посылаютъ въ Москву просить о помощи. Между тѣмъ положеніе казаковъ время отъ времени становилось хуже: набѣги азовцевъ сухимъ путемъ и водою почти съ каждымъ днемъ возобновлялись.—Въ семь крайнемъ положеніи казаки ненадѣясь на собственные силы, отправили отъ себя въ Москву станицу съ просьбою о вспомоствованіи имъ войскомъ: „мы нынѣ отъ безпрерывныхъ сраженій съ азовцами, писали они къ Государю, пришли въ совершенное изнеможеніе. Пока мы были многолюдны защищали себя отъ непріятелей собственными силами; нынѣ же до того притѣснены, что нѣтъ намъ воли нетолько ловить рыбу, но и воды почерпнуть изъ Дону. Возьми, Государь, отъ насъ свою казну пороховую и пушки, кои намъ не кѣмъ защищать; а если тебѣ, Государь, рѣка Донъ нужна, пришли намъ помощь людьми; въ противномъ случаѣ, укажи гдѣ намъ жить, ибо мы безъ помощи принуждены будемъ, оставивъ Донъ, разойтись въ разныя мѣста“. Съ таковою отпискою отправленъ былъ въ Москву въ октябрѣ мѣсяцѣ 1647 г. *затный* старшина Андрей Васильевъ и есаулъ Ва-

сильнй Нивитинъ. Имъ, по приказанію Государя, въ Посольскомъ приказѣ представляли думные дьяки, что воинскихъ людей нельзя послать на Донъ, потому что казаки ихъ притѣсняютъ, не даютъ имъ провіанта, отъ чего бѣгаютъ они въ украинные города; дьяки представляли въ примѣръ князя Пожарскаго, котораго казаки не слушались и не приглашали къ себѣ на совѣтъ; еще упрекали ихъ, что они сами виновны въ потерѣ людей своихъ, непрерывно воюя турецкія владѣнія противу запрещеній Государя.

Атаманъ и есаулъ въ оправданіе приводили доводы сильные и доказывали, что бывшіе у нихъ ратные люди всегда получали сполна провіантъ, но пропивали его и сами уходили съ Дону въ разныя мѣста; что съ княземъ Пожарскимъ у нихъ никогда никакой ссоры не было, а царскія повелѣнія они всегда исполняли и исполняютъ. Потерю людей они наиболѣе относили къ произшествію на островѣ Тамани и приписывали то волѣ Божіей. Но успѣхъ просьбы ихъ все еще оставался сомнительнымъ, почему въ генварѣ мѣсяцѣ 1648 г. отъ Донскаго войска прибыла въ Москву новая станица, при атаманѣ Иванѣ Молодовѣ, которая доносила, что казаки отъ непрерывныхъ азовскихъ приступовъ пришли въ совершенное безсиліе, и что если въ скорости не будетъ сдѣлана имъ помощь людьми, то всѣ они должны будутъ разойтись въ разныя мѣста (280).

(280) Тамъ же, докладъ Государю Царю Алексѣю Михайловичу, въ мартѣ мѣсяцѣ 1648 года.

„Да въ прошломъ же де во 155 году іюля въ 19 день да іюля въ 28 день приходили къ ихъ Черкасскому городку азовской Мустафа—бей съ азовскими и съ крымскими и ногайскими со многими людьми и съ черкасами; да азовской же Алей-Ага яныченской приходилъ съ азовскими людьми и съ янычены. Доломъ судами съ пушками и съ мѣлкимъ ружьемъ, а судовъ де всякихъ было 280 и ихъ казачій городокъ осадили и къ городку накрѣпко приступали, и битвы у нихъ съ ними были великіе, и на томъ приступѣ многихъ азовскихъ и крымскихъ и ногайскихъ людей и черкасъ побили, а иныхъ переранили и отъ того ихъ городокъ побѣжали и они де за ними гоняли. и догнавъ, многіе суды у нихъ отбили, и многіхъ побили и переранили, а съ пытки де языки сказывали: приходили де они для того, чтобъ имъ ихъ разорить, да и повся де дни ихъ бусурманскіе приходы и приступы къ ихъ казачью городку и без-

К а з а к и п о л у ч а ю т ь в с п о м о щ е с т в о в а н і е .
Російскій дворъ ясно видѣлъ, что по малолюдству казакѡвъ
непріатели легко могутъ совершенно одолѣть ихъ и открыть
себѣ безпрепятственный путь къ Російскимъ украинамъ, по-
чему рѣшилъ наконецъ дать имъ помощь: назначенъ былъ изъ

престанно у нихъ съ ними бусурманы кровопролиты, хотять ихъ съ рѣки
всѣхъ перевестъ и рѣку до Воронежа очистить; а которые де были вольные
люди, и тѣ де, нехотя съ ними служить, многіе разошлись, а которые
де остались съ ними, и тѣ де многіе съ ними на государевыхъ службахъ на
боехъ и на приступѣхъ побиты и переранены и многіе де ихъ братья и вольные
люди отъ ранъ померли, и покаместъ де ихъ мочь была, и они де служили
блаженныя памяти отцу его Государеву Великому Государю Царю и Великому
князю Михаилу Федоровичу всеи Руссіи, а нынѣ де имъ отъ бусурманскаго
безпрестаннаго приходу и кровопролитья въ часовнѣ Государева богомолья,
Юзжія милосердія иконѣ и пороховыя казны и снаряду держать мочи ихъ
нѣтъ, и жить стало не въ силу, и будетъ Государю рѣка годна и впредь прочна,
и Великій бы Государь велѣлъ имъ свой государской указъ учинить гдѣ имъ
жить, а зимою де ожидаютъ они ихъ бусурманскаго большаго собранія и
къ себѣ приходу“.

„И 156 году декабря въ 22 день дѣйки думной Назарей Чистого да Алмазь
Ивановъ допрашивали донскихъ станичниковъ и ясаула Василья Микитина съ
товарищи: бьютъ челомъ они Государю отъ всего войска Донскаго, что имъ
отъ бусурманскаго приходу стоять стало не въ мочь, и они бѣ сказали, чѣмъ
имъ помочь учинить, сами они сказывали что у нихъ хлѣбныхъ и пушечныхъ
запасовъ нескудно“.

„И ясаулъ Василій Микитинъ съ товарищи сказали: государскимъ де
жалованьемъ, хлѣбными и пушечными запасы они не скудны; а скудны де они
людьми и нынѣ де по зимѣ чають они къ себѣ бусурманскаго приходу большаго
собранія, и чѣмъ Царское величество велитъ помочь учинить втомъ де какъ
Царское величество изволитъ“.

„И дѣйки говорили, людей къ нимъ посылать немочно, потому что они госу-
дарскаго повелѣнья не слушаютъ, посланы къ нимъ вольные многіе люди и
они тѣхъ вольныхъ людей голодомъ поморили, запасовъ имъ не давали, а
иныхъ побивали, и тѣ де вольные многіе люди съ Дону разошлись отъ ихъ
тѣсноты и дорогою многіе померли, да къ нимъ же посланъ съ ратными
людьми стольникъ и воевода князь Семень Романовичъ Пожарскій, и они
атаманы и казаки его ни въ чемъ не слушали, все дѣлали самовольствомъ и
бѣглыхъ людей къ себѣ принимали и такъ вынимать ихъ у себя не дали, а
иныхъ людей подговаривали“.

„Да имъ же атаманомъ и казакомъ по Царскаго величества указу на море
подъ турскіе города ходить и воевать и разорять не велѣно, и вѣдомо Цар-

Москвы дворянинъ Андрей Лазаревъ съ 1,000 чел. солдатъ, одинъ маіоръ, 4 капитана, 5 поручиковъ. Все это войско изъ Воронежа было отправлено рѣкою Дономъ и къ великой радости казаковъ прибыло въ Черкаской городокъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Оно остановилось по близости городка въ крѣпкомъ

скому величеству учинилось, что они на море подъ турскіе города ходили воевали и разоряли, и для того нынѣ во Царѣ—городѣ Царскаго Величества пословъ задержали отъ ихъ непослуанья, и тѣмъ своимъ непослуаньемъ людей всѣхъ растеряли. И ясауль Василій Микитинъ съ товарищи говорили: въ томъ де государская воля, вольнымъ де людямъ отъ нихъ никакой тѣсноты небывало, и ихъ не побивали, и запасы имъ давали, а тѣ де вольные люди не хотятъ Государю служить, запасы пропивали и пропивъ тѣ запасы, съ Дономъ отъ нихъ пошла бѣгомъ, а упячь было ихъ нельзя, потому что они люди вольные.“

„А какъ де стольникъ и воевода князь Семень Романовичъ Пожарскій былъ у нихъ на Дону съ ратными людьми и они де во всемъ его слушали и бѣглыхъ людей къ себѣ не принимали и не подговаривали, и вынимать бѣглыхъ людей не завазвали, и во всемъ де государское повелѣнье исполняли, въ томъ де шлются они на князь Муцала Сунчалѣевича Черкаскаго, что ихъ ни въ чемъ ослушанья не было что бѣ про то Царское Величество велѣлъ сыскать“.

„А на море де пошли было они подъ крымскіе улусы и волею де Божію погодою принесло ихъ къ турецкимъ городамъ, и они де изъ судовъ на берегъ выходили для хлѣба, чтобъ имъ съ голоду не помереть, а не для войны, и въ томъ де Богъ воленъ да Государь.

„А февраля въ 5 день писали къ Государю Царю и великому князю Алексію Михайловичу всея Русси, Донскіе атаманы и казаки Иванъ Каторжной и все Донское войско и прислали отписку, а подъ отпискою челобитное; а въ отпискѣ и въ челобитной написано: Генваря въ 4 день, приходили къ ихъ казачью Черкасскому городку, собрався, крымскіе и азовскіе и ногайскіе многіе воинскіе люди и къ городку приступали накрѣпко, и въ томъ де приступѣ многихъ у нихъ побили, и переранивъ поймали, да на томъ же де приступѣ и на вылазкѣ взяли астроханскихъ стрѣльцовъ 8 человекъ, а девятаго убили, которые присланы изъ Астрахани; и имъ де отъ бусурманскаго безпрестаннаго къ нимъ приходу и приступу и кроволитья жить не въ силу, мочи ихъ нѣту и государевы казны держать не съ кѣмъ, и что бѣ Государь велѣлъ у нихъ свою государеву пороховую казну и снарядъ принять, и имъ велѣлъ бы Государь указъ учинитъ гдѣ имъ жить, а рѣки де имъ удержать не съ кѣмъ, не только рыбы изловить, и по воду имъ вытти отъ нихъ бусурмановъ нельзя, сидятъ отъ нихъ въ осадѣ; а что де къ нимъ прислано государева денежнаго жалованья 3,000 рублевъ, да хлѣбныхъ запасовъ 1,970 чети, и они де то государево жалованье хлѣбное и денежное межъ себя дуванили и кому де и недовелось государева

мѣстѣ и окопалось со всѣхъ сторонъ.—Въ грамотѣ же Царской предписано казакамъ быть въ дружбѣ, какъ съ дворяниномъ Лазаревымъ, такъ и со всѣми чиновниками; безъ общаго согласія ничего не предпринимать и дѣйствовать противу непріятелей, въ случаѣ ихъ нападенія, совокупными силами; еще строго подтверждалось казакамъ никакихъ не дѣлать нападеній на турецкіе селы и города (281).

П о л и т и к а М о с к о в с к а г о д в о р а въ переговорахъ съ Турками и Крымомъ. Выше упомянуто, какъ крымскій ханъ, разгнѣванный на казаковъ, посадилъ въ жидовскій городъ ограбленныхъ російскихъ посланниковъ Караулова и Грязнова Акишева; но чрезъ разныя предстательства они были выпущены и возвратились въ Россію 1647 г. На мѣсто ихъ отправлены снова въ Крымъ дьякъ Хотунскій и подъячій Степановъ; они встрѣчены были множествомъ новыхъ жалобъ на казаковъ: упрекали ихъ, что Государь Россійскій прислалъ къ казакамъ ратныхъ людей, хлѣбные запасы, деньги и сукна; что Донскіе казаки заперли своими судами устье Дона и не дозволяютъ пройти къ Азову кораблямъ, отправленнымъ изъ Константинополя и Кафы съ провіантомъ и разными товарами, отъ чего произошелъ въ Азовѣ голодъ и недостатокъ въ необходимыхъ вещахъ; объявляли, что если Государь Россійскій желаетъ быть въ дружбѣ съ Исламъ—Гиреемъ, то приказалъ бы послать на Донъ свое войско, а ханъ пошлетъ изъ Кры-

жалованья давать, которые въ гребцахъ къ нимъ съ Руси пришли съ государевымъ съ денежнымъ и съ хлѣбнымъ жалованьемъ, и у нихъ де въ Черкасскомъ городкѣ зазимовали, а они де тѣмъ людямъ для своей нужи и скудости и для безпрестанныхъ къ нимъ приходоу и приступоу, государево денежное и хлѣбное жалованье дали, чтобъ имъ до государева указу розно неразбрестися, и его Государева указу они къ себѣ ожидаютъ, а не будетъ де имъ его Государева указу, и они де съ рѣки всѣ разбрдутся въ рознь“. См. распроси. рѣчи станичнаго атамана Степана Молодова, пріѣхавшаго въ Москву 1648 г. мая 2 дня.

(281) Грамота на Донъ отъ 15 мая 1648 г. См. наказъ дворянину Андрею Лазареву, отправленному на Донъ съ полкомъ мая 24 дня 1648 года.

му свою рать, и такимъ образомъ общими силами разорить бы казачьи жилища и ихъ самихъ истребить.

Россійскіе посланники объявляли старыя увѣренія, что Россійскій Государь ратныхъ людей и жалованья къ Донскимъ казакамъ никогда не посылалъ и считаетъ неприличнымъ содержать въ милости бѣглецовъ, укрывающихся на Дону отъ смертной казни; что если Исламъ-Гирей велить своимъ войскамъ истребить всѣхъ казаковъ, то Государь будетъ тѣмъ доволенъ; послать же на нихъ свои войска ему невозможно, за чрезвычайною отдаленностію, а къ тому жъ живутъ они по займищамъ, малымъ рѣчкамъ и проточинамъ (282). Далѣе, старались они увѣрить Крымскій дворъ, что поиски казаковъ по берегамъ Азовскаго и Чернаго морей производятся самовольно, не по царскому, повелѣнію.

Къ турецкому султану писалъ Государь, что если со стороны Россійской открыты военныя дѣйствія противъ татаръ, то это произошло отъ озлобленія украинскихъ жителей, которые желая мстить татарамъ за ихъ непрерывныя нападенія на русскія жилища и за плѣненіе ихъ отцовъ, матерей и братьевъ, собрались сами собою и соединясь съ Донскими казаками, намъ непослушными, нападаютъ на татаръ въ томъ намѣреніи, что бы освободить плѣненныхъ или родственниковъ своихъ.

На требованіе турецкаго султана, что бы свестъ казаковъ съ Дону, Россійскій Государь отвѣчалъ: „сдѣлать сего невозможно, ибо казаки живутъ на Дону по своей волѣ ко-

(282) Крымскія дѣла 1647 года.

„ И посланники Сеферъ—Гизы—Агѣ говорили, то дѣло недостаточное, что бы Великому Государю нашему Его Царскому Величеству послать на тѣхъ воровъ на Донскихъ казаковъ своихъ государевыхъ ратныхъ людей, потому что они людшки худые и отъ государевыхъ украинскихъ городовъ удалены и живутъ въ разныхъ мѣстахъ по займищамъ и по малымъ рѣчкамъ и по проточинамъ; только Исламъ-Гирей царь изволить, и ему тѣхъ воровъ мочно съ Дону свѣсть и безъ Царскаго Величества ратныхъ людей, Великій Государь Его Царское Величество о томъ на Исламъ—Гирея царя досадовать неучнетъ“.

чевнымъ обычаемъ, съ ними же вмѣстѣ живутъ различныхъ странъ люди: литовцы, нѣмцы, горскіе и запорожскіе черкасы, крымцы, ногайцы и азовцы; а все сіи люди моего повелѣнія не слушаютъ“ (283).

На бѣги казаковъ на приморскіе берега Тавриды. Еще до прибитія на Донъ обѣщаннаго Царемъ войска, Донскіе казаки, обрадованные вѣстію объ этомъ, принялись за оружіе. Имъ извѣстно было, что крымцы, въ соединеніи съ ногайцами, громили тогда польскую украинну, они рѣшились отмстить имъ за свои обиды; съ этою цѣлію снарядили 8 струговъ, помѣщавшихъ 300 казаковъ, и отправили подъ крымскіе улусы. Татары только что воротились изъ польскаго похода съ множествомъ плѣнныхъ. Казаки нерѣшаясь малыми силами нападать на селенія, лежація по крымскимъ берегамъ, пристали къ урочищу Тонкія-воды; тамъ скоро примѣтили они татаръ, шедшихъ съ польскимъ плѣномъ, вдругъ напали на нихъ и отбили 30 человекъ поляковъ, потомъ обратились на кочевавшій вблизи татарскій улусъ, разграбили оный, убили 50 татаръ и 5 человекъ взяли въ плѣнъ.

Между тѣмъ азовскій бей, пользуясь отсутствіемъ казаковъ собралъ изъ ближнихъ улусовъ татаръ и двинулся съ ними къ Черкасскому городку рѣкою Дономъ и степью; но лишь только приблизился къ нему, встрѣченъ былъ, къ изумленію своему, солдатами и казаками; боясь неравнаго боя, онъ посибѣнно удалился назадъ. Эти нападенія азовцевъ непомѣшали казакамъ предпринять другой набѣгъ на татарскіе улусы,

(283) Турскія дѣла № 2.

„ А что въ той же вашей, брата нашего, великаго государя, грамотѣ написано, что бѣ намъ великаго государя. . . . того учинить нельзя, потому что Донскіе казаки бѣжали изъ Московскаго государства, заворовавъ, отъ смертныя казни, и живутъ въ тѣхъ мѣстахъ изстари кочевнымъ обычаемъ и съ ними живутъ разныхъ вѣрѣ люди, литва и нѣмцы, и горскіе и запорожскіе черкасы, и крымцы, и ногайцы и азовцы, а не одни они Донскіе казаки, а нашего Царскаго повелѣнія неслушаютъ“ и проч.

кочевавшіе около Тонкихъ—водъ. Морское войско ихъ въ это время состояло изъ 600 казаковъ, помѣщавшихся въ 20 стругахъ; быстрый походъ этотъ вознагражденъ былъ добычею 50 польскихъ плѣнниковъ. Въ набѣгѣ казаки убили 20 человекъ татаръ.

Ободряемые этими успѣхами, казаки съ новою бодростію предпринимали осенью того же 1648 года третій походъ моремъ въ 16 стругахъ подъ Темрюкъ; онъ былъ также удаченъ: кромѣ добычи состоявшей изъ обыкновенныхъ татарскихъ пожитковъ, они захватили 50 человекъ темрюцкихъ жителей и тамъ же отдали ихъ на окупъ.

Наступившая зима проведена была безъ всякаго дѣйствія, кромѣ того, что 100 казаковъ ходили подъ Азѡвъ, для нападенія на небольшую партію кафинскихъ турокъ, шедшихъ степью къ Азову; но неимѣли успѣха, ибо азовцы, узнавъ намѣреніе ихъ, поспѣшили на помощь кафинцамъ въ числѣ 400 человекъ; казаки вступили было съ ними въ бой, но принуждены уступить превосходной силѣ, однакожь захватили въ плѣнъ 10 человекъ кафинцовъ съ коими и возвратились къ Черкасскому городку (284).

Весною 1649 года, казаки вновь снарядили 10 струговъ и отправили моремъ къ крымскимъ берегамъ, но узнавши тамъ, что изъ Кафы поѣхали Россійскіе послы, находившіеся тогда въ Константинополѣ, они принуждены были воротиться назадъ; и на возвратномъ пути заѣзжали *для языковъ* на крымскую сторону, напали тамъ на одно селеніе, близъ самой Кафы лежащее, разграбили оное, захватили 350 плѣнныхъ взятыхъ татарами въ Польшѣ и съ этою добычею возвратились къ Дону.

Между тѣмъ азовскій бей вознамѣрился еще разъ испытать счастье подъ Черкаскимъ городкомъ, и для того рѣшилъ

(284) Распросныя рѣчи Донскихъ казаковъ Тимофѣя Иванова съ товарищи сентября 12 дня 1648 г. и станичнаго атамана Павла Федорова того же года 17-го декабря.

ся подвезти суда свои къ оному сухимъ путемъ; сколь-тайно непроизводиль онъ эти движенія, но былъ замѣченъ казаками; они выступили противъ него съ россійскимъ войскомъ, обратили въ бѣгство и завладѣли всѣми его судами.

Столь частыя нападенія казаковъ на крымскія области заставили турокъ снабжать Азовъ провіантомъ и другими вещами не моремъ, а сухимъ путемъ изъ Темрюка, лѣвымъ берегомъ азовскаго моря; по этому случаю крымскій ханъ писалъ между прочимъ въ грамотѣ своей къ Россійскому Государю: „казаки заставили все устье Дона своими стругами и недозволяютъ къ Азову подвозить моремъ провіанта и другихъ нужныхъ вещей; чрезъ что мы принуждены доставлять все сіе сухимъ путемъ съ большими издержками“ (285).

Намѣреніе Крымскаго хана идти войною на казаковъ въ соединеніи съ Запорожцами. Ханъ, видя столь быстро возрастающую силу казаковъ, придумывалъ средства нанести имъ рѣшительный ударъ. Къ царю Алексѣю Михайловичу писалъ онъ съ гордостію: „если неуймешь казаковъ, то зимою многочисленная рать моя въ соединеніи съ турками и ногайскими князьями и съ запорожскими черкасами истребитъ всѣ казачьи городки“ (286).

(285) Отписка дворянина Лазарева, полученная въ Москвѣ 1649 г. сентября 13-го, распроснія рѣчи станичнаго атамана Прокофія Иванова того же года октября 8 дня и Крымскія дѣла № 15, 1648 года.

„Крымскій ханъ писалъ въ своей грамотѣ къ Россійскому Государю..... и вы, Великій Государь, ваше царское величество посылаете къ намъ гонцовъ и казакамъ велите ходить подъ Азовъ водою, и съ хлѣбомъ и со всякимъ запасомъ по морю въ Азовъ не пропускають и морскія устья всѣми своими стругами заставили и ходять на море воевать селъ и деревень и украдкою крадутъ и многая отъ нихъ всякая гѣснота чиницца, и въ Азовъ водянымъ путемъ хлѣбу и всякому запасу проходу нѣтъ, и сухимъ путемъ ходить добре нужно и ставяются большіе убытки“.

(286) Крымскія дѣла 1648 г., № 15. Грамота Крымскаго хана къ Россійскому Государю, привез. въ Москву гонцомъ его Крымъ-Газы-Мурзы, въ которой между прочимъ сказано:

„ Да Доускихъ казаковъ вамъ брату нашему унимать и подъ Азовъ имъ

Но главную надежду полагалъ онъ на Запорожцевъ. Пользуясь тогдашнимъ несогласіемъ малороссійскихъ казаковъ съ поляками, онъ заключилъ съ первыми дружественный союзъ, взявшись помогать имъ въ войнѣ, извлечь отъ нихъ твердое обѣщаніе о взаимной помощи противу враговъ Крыма. Едва окончилась война съ польшею, ханъ потребовалъ отъ гетмана Хмѣльницкаго, чтобъ онъ приготовился воевать казаковъ Донскихъ: „пошли отъ себя сказать казакамъ, писалъ онъ къ гетману, чтобъ они унялись отъ поисковъ въ областяхъ моихъ. Пускай просятъ у меня пощады: я прощу ихъ собственно для тебя, гетманъ, и стану содержать ихъ въ пріятствѣ. Если же не послушаютъ, тогда я и ты понесемъ къ нимъ войну и смерть“ (287).

Гетманъ, сохраняя условія союза, въ мартѣ мѣсяцѣ 1650 г., прислалъ на Донъ посланцовъ своихъ съ отпискою, въ коей, между прочимъ, просилъ казаковъ, чтобъ они по случаю заключеннаго имъ вѣчнаго мира съ Крымскимъ ханомъ, для братской любви, никакихъ нападеній на его улусы не дѣлали: „если не для себя, продолжалъ онъ, то для церкви Божіихъ намъ нужна пріязнь и дружба ханская. Примите нашъ братскій совѣтъ и наше убѣжденіе: прекратите поиски ваши въ Тавридѣ и Турціи; тогда союзъ нашъ

ходить не велѣтъ и дурна никакова Азову не чинить; а будетъ вы, братъ нашъ, Донскихъ казаковъ впредь унимать не станете, какъ зима станетъ и мы съ турецкимъ княземъ и съ крымскими и съ ногайскими ратными людьми и съ Днѣпровскими казаки на то положились, что зимою на Донъ на всѣ городки пойдемъ войною.“

(287) Донскія дѣла 1647 и 1648, отписки Крымскаго хана къ гетману Богдану Хмѣльницкому.

„А къ Донскимъ казакамъ, прошу изволь послать, чтобъ они на море не ходили, а если хотятъ, чтобъ мнѣ поклонились, и я то для вашего прошенья учиню, что съ ними въ пріятствѣ жить буду; а будетъ къ нимъ не поплешь, тогда пріятство отпадетъ, а какъ они не послушаютъ, тогда зимою или лѣтомъ, о чемъ вы сами вѣдаете, съ ними надобно бой чинити, а коли нѣтъ того неучините, и я также для васъ постѣ не учиню.“

и дружба пребудуть крѣпки, иначе за нелюбовь вашу отдадимъ вамъ нелюбовью“ (288).

Посланцы именемъ гетмана говорили Донскимъ казакамъ, что если они не прекратятъ свои набѣги на крымскіе берега, то гетманъ съ крымскимъ ханомъ разоритъ до основанія ихъ городки, и что къ этому сдѣланы уже всѣ приготовленія. Донцы отвѣчали гетману чрезъ посланцевъ своихъ: „неприлично христіанину возставать на единовѣрцевъ своихъ въ защиту бусурманъ; не мѣшай намъ истреблять старинныхъ враговъ нашихъ. Мы всегда были съ вами въ братствѣ, но знай, что такъ же умѣемъ обходиться съ непріятелями нашими, какъ съ друзьями.“ Отправивъ гонцовъ казаки тотчасъ прибѣгли къ осторожности: немедленно послали во всѣ казачьи город-

(288) Отписка Богдана Хмѣльницкаго, гетмана Запорожскихъ казаковъ къ Донскимъ казакамъ 1650 г. марта 30.

„Отъ Богдана Хмѣльницкаго, гетмана Запорожскаго и отъ всего войска великаго Запорожскаго атаману и всѣмъ товарищамъ войска Донскаго добраго здоровья, яко братья нашей, отъ Господа Бога вѣрно желаемъ. Какъ есмь отъ васъ прежь сего желали и нынѣ прилежно и нарочно пославъ желаемъ, чтобъ есте вѣдаючи о томъ, что братство вѣчное съ государствомъ крымскимъ сталося, государству бы крымскаго царя отнюдь ни единымъ обиды не чинили для братской любви, то себѣ разсудите, что есмь неволю отъ наступниковъ нашихъ терпѣли; а впродъ Богъ вѣдаетъ что еще будетъ, а намъ для всего милость царя крымскаго и всѣхъ ордъ есть надобна для церквей Божіихъ, за которыя всѣмъ намъ надобно стояти, нимало обманулси и надѣмся, что Богъ милостью своею большіи умножить, только о томъ надобно промыслять, чтобъ есмь умѣли почитать пріятство царей, ихъ милостей, которой вѣчно хочеть съ нами въ братствѣ быти, и тогда мы желаемъ вашей братской любви, чтобъ есте не ходили помѣшки чинити, что есте надобно церкви Божіей, а нашимъ вольностямъ, а нечинили бѣ есте ни единыя обиды государству крымскому и турецкому, на море не ходили; а будетъ пойдете, и мы будемъ промыслять, за нелюбовь вашу, взявъ Бога на помощь, нелюбовью отдавать; такъ ли сего желаемъ. дай Богъ любовь братскую межъ нами, православными христіанами, и надѣмся, что наше желаніе исполните, яко братья наша, все учините о чемъ прилежно просимъ, пребудете въ томъ чтобъ изволенью войска Запорожскаго помѣшки не было и ордамъ ни въ чемъ зацѣпи не чинили и десятикратно любви вашей желаемъ, и о томъ п до Царскаго Величества Московскаго писалъ есмь, и мы надѣмся что для нашего прошенія учините и на море не пойдете, а посемъ любви вашей отдаемъ. Госноду Богу васъ вручаемъ. Писанъ въ стольномъ городѣ Чигиринѣ, марта въ 30 день 1650 года“.

А въ визу написано: „Всеми войску Донскому желательные пріятели и братья Богдана Хмѣльницкаго, гетманъ войскъ Запорожскихъ рукою властно.“

ки войсковыя грамоты, чтобы казаки крѣпили городки свои и чтобы двѣ части оставались для защищенія оныхъ. а по слѣдніе шли немедленно въ Черкаской городокъ, для сопротивленія грозящимъ врагамъ; обнесли Черкасскій городокъ землянымъ валомъ и поставили деревянныя башни, обвели около вала ровъ шириною въ три сажени, а глубиною въ двѣ съ половиною и провели въ него изъ Дону воду; заключили съ калмыцкими тайшами, прикочевавшими тогда съ улусами своими къ Дону, оборонительный союзъ; и оградивъ себя такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, спокойно дожидались враговъ своихъ (289).

Сынъ Хмѣльницкаго Тимофѣй съ 5 / т. челов. пришелъ къ Міусу. Между тѣмъ Донскіе казаки получили вѣсть, что сынъ гетмана Хмѣльницкаго Тимофѣй съ пятью тысячами запорожскихъ казаковъ остановился на рѣкѣ Міусѣ и дожидаетъ къ себѣ по условію крымскихъ татаръ. Для отвращенія ихъ отъ непріятельскихъ дѣйствій, Донскіе казаки послали къ нимъ знатныхъ старшинъ, которые являсь къ сыну гетмана и къ наказному атаману Дементію говорили: „Донское войско достовѣрно знаетъ, что вы пришли сюда по соглашенію съ крымцами для нападенія на насъ. Мы присланы напомнить вамъ прежнюю нашу дружбу; наши обоюдныя сношенія и общую службу противу враговъ нашихъ; мы хранили съ вами согласіе даже и тогда, когда кипѣла война у Россійскаго Государя съ поляками, такъ негодится вамъ дружитья съ бусурманами противу вашихъ братій и единовѣрцевъ (290). Тимофей и Дементій увѣряли

(289) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи Валуйскаго вожа Никиты Зарубина, донскихъ атамановъ Федота Федорова и Якова Жукова, 1650 года апрѣля и мая мѣсяцевъ.

(290) Дѣла Донскія, № 1, распросныя рѣчи донскаго атамана Андрея Евсеѣва, 1650 года сентября 6-го.

„Вѣдомо имъ Донскимъ казакамъ учинилось, что они Запорожскіе черкасы приедь стоять на Міусѣ, а ждутся крымскихъ татаръ, а сождався хотять приходитъ войною на нихъ Донскихъ казаковъ, а они Донскіе казаки съ

старшинъ, что они идутъ, по соглашенію съ крымцами, на непослушныхъ имъ горскихъ черкесъ, а не на нихъ Донскихъ казаковъ; говорили, однакожь, что если крымскій ханъ пошлетъ ихъ и на украинные города, то и въ такомъ случаѣ они обязаны исполнить требованіе хана, на основаніи заключеннаго съ нимъ оборонительнаго союза (291). Донскіе казаки не вѣрили словамъ Запорожцевъ, тѣмъ болѣе, что переходившіе отъ нихъ въ Черкасскій городокъ и самыя азовцы, бывшіе тогда въ миру съ Донскими казаками, удостовѣряли ихъ, что Запорожцы не на горскихъ черкесъ идутъ войною, а на нихъ Донскихъ казаковъ. Впрочемъ во все время расположенія войскъ запорожскихъ на Мисѣ, непріятельскихъ дѣйствій не происходило; а на противъ того они находились съ Донскими казаками въ дружескихъ сношеніяхъ. Черезъ нѣсколько времени Тимофѣй получилъ отъ крымскаго хана увѣдомленіе, что онъ по причинѣ выгорѣвшихъ степей съ войскомъ своимъ выступить не можетъ. Такимъ образомъ Запорожцы, простоявъ на Мисѣ двѣ недѣли безъ всякаго дѣйствія, возвратились назадъ. — Донскіе же казаки, недовѣряя движенію ихъ, послали отъ себя вслѣдъ за ними для наблю-

ними Запорожскими черкасы люди одной православныя христіанскія вѣры, и имъ, Запорожскимъ черкасомъ, сложася съ бусурманами, на нихъ православныхъ христіанъ войною приходитъ негодиться; а напередъ сего они, Запорожскіе черкасы, съ ними Донскими казаками, всегда бывали въ дружбѣ и въ смирѣи и зипунъ добывали соича, и какъ у государя съ польскимъ королемъ была ссора и война, и они въ то время съ ними Донскими казаками были въ миру; и имѣлъ бы они Запорожскіе черкасы потому жъ на нихъ, одновѣрныхъ православныхъ христіанъ, съ бусурманами не складывались и дурна имъ никакого нечинили.“

(291) Тамъ же.

„И Запорожскіе де черкасы говорили, что они пришли къ нимъ на Дюнь по ипсему крымскаго хана, а итти де имъ съобча на горскихъ черкасъ, а не на нихъ Донскихъ казаковъ, а будетъ де крымской царь велить имъ итти войною и на государевы ближніе города, и они де пойдутъ, а непослушать де имъ крымскаго царя нельзя, потому что у нихъ межъ себя увѣренность, что имъ другъ другу помогать, да и потому де имъ крымскаго царя неслушать нельзя, какъ у нихъ Запорожскихъ черкасъ была съ поляки война, и крымской де царь со всею ордою имъ черкасомъ помочъ чинилъ.“

денія станицу, которая и проводила ихъ до границъ земли Запорожской.

Походъ Донскихъ казаковъ на Черное море. Въ сіе время находился въ Москвѣ отъ крымскаго хана посланникъ съ настоятельнымъ требованіемъ отъ Россійскаго двора запрещенія Донскимъ казакамъ производить набѣги на турецкія и крымскія области, въ противномъ случаѣ грозилъ истребленіемъ всѣхъ жилищъ казачьихъ (292) и разореніемъ украинъ. Россійскій дворъ, въ удовлетвореніе требованій крымскаго хана, въ тожь время послалъ къ казакамъ строгое предписаніе о прекращеніи набѣговъ на крымскіе берега (293). Но казаки не унимались отъ любимыхъ своихъ занятій: они достовѣрное имѣли свѣдѣніе, что гарнизонъ азовскій состоялъ тогда только изъ 1,200 человекъ, знали также о тягостной для турокъ войнѣ, производимой ими съ Венеціанами, на которую обращены были всѣ турецкія силы, и желая воспользоваться этимъ случаемъ, съ наступленіемъ весны 1651 года, открыли они непріятельскія свои дѣйствія разореніемъ предмѣстія города Азова и улусовъ кочевавшихъ

(292) Крымскія дѣла 1650 г., № 2, грамота крымскаго хана къ Россійскому Государю, въ которой, между прочимъ, написано:

„Да посломъ вашимъ Михаилу Ларионову да подьячему Ивану Никитину ближній нашъ человекъ Саферъ-Газы о Донскихъ казакахъ говорилъ, для чего ихъ и отъ воровства не унимають, и они послы сказали ему, что Донскіе казаки воры и вашего повелѣнія ни въ чемъ не слушаютъ, и нашъ человекъ говорилъ посломъ вашимъ, коли они вашего повелѣнія не слушаютъ и только наше царво величество велимъ на нихъ послать войною, не будетъ въ томъ досады отъ васъ, брата нашего: и послы ваши говорили, что не будетъ досады, а тѣ воры Донскіе казаки приходятъ на Донъ изъ вашего государства и на морѣ выходятъ благощаснаго турскаго государя и наши земли воюють . . . и аже дастъ Богъ по времени учинимъ надъ ними отмщенье, и вамъ бы на насъ въ томъ недосадовать.“

(293). Высочайшая грамота 1650 г. октября мѣсяца.

„И вы бѣ атаманы и казаки подъ крымскіе улусы не ходили и никакого задора съ ними нечинили, что бѣ вамъ самимъ за то отъ крымскихъ людей и отъ черкасъ тѣсноты и разоренья не было, и на ваши бѣ украинъ за то отъ нихъ войны не вестъ.“

около онаго (294). Въ слѣдъ затѣмъ снарядили 12 струговъ, посадили въ оныя 900 человекъ казаковъ и отправили ихъ въ море. Проплывъ таврической проливъ, казаки вступили въ Черное море и встрѣтили тамъ три купеческія корабля, нагруженные пшеницею: безъ большихъ успій и потерь забрали на оныхъ весь багажъ, убили 70 человекъ турокъ и отпустили корабли эти безъ всякаго поврежденія съ бывшими на оныхъ греками, которыхъ казаки при всякомъ случаѣ щадили какъ своихъ единовѣрцевъ. Потомъ все эти казаки обратились къ Анатолійскимъ берегамъ, нанали тамъ тайно на городъ, называемый Каменный базаръ, отстоявшій отъ Синопа за день ѣзды, разграбили оный, взяли въ плѣнъ 600 человекъ турокъ обоюга пола, и съ этою добычею возвращались на Донъ, но бурей были занесены къ берегамъ, обитаемымъ горскими черкесами, гдѣ продали часть плѣнныхъ своихъ, а съ остальными достигли до Черкаскаго городка, безъ малѣйшей потери (295).

Разореніе турецкихъ областей и предметія Царь-града. Въ этомъ году Донскіе казаки, ограничась однимъ описаннымъ предпріятіемъ, провели все остальное время въ покоѣ; но весною 1652 г. они вознамѣрились распространить поиски свои на турецкія владѣнія со стороны Румелии. Для этого отправили они 15 струговъ и 1,000 казаковъ, подъ предводительствомъ атамана Ивана Богатаго. Быстрый флотъ этотъ миновавъ крымскіе берега, направилъ путь свой прямо къ Царегралу; приставъ въ окрестностяхъ онаго, казаки опустошали все сосѣднія селы и де-

(294). Дѣла крымскія, № 18, изъ статейнаго списка бывшихъ въ Крыму посланниковъ Ивана Елякова и подьячего Тимофѣя Кузимица.

„Тому де недѣли съ три была вѣсть изъ азова въ Кафу, что Донскіе казаки подъ Азовомъ слободы и улусы погромили и ясырь пончали многою и стада азовскіе отогнали на Донъ, а азовцы де казакамъ за то ничего неучинили, а съ того де погрому Донскіе казаки со всемъ пришли на Донъ.“

(295). Турецкія дѣла, № 2, расиросивыя рѣчи Воронежскаго жителя Тимофѣя Мухоморова, посланнаго на Донъ для вѣстей.

ревни, взяли въ плѣнь 150 человекъ и богатую добычу, навели трепеть на Константинополь и, торжествуя побѣду, плыли спокойно въ обратный путь, какъ вдругъ напали на нихъ 10 турецкихъ судовъ: Донцы неостанавливаясь вступили съ ними въ бой, и по кратковременномъ сраженіи побивъ большое число турокъ, разогнали суда ихъ; и затѣмъ, уже не встрѣчая болѣе на пути никакихъ препятствій, возвратились въ жилища безъ малѣйшей потери въ людяхъ (296).

Поощренные многими удачами, казаки и въ 1653 году предприняли сдѣлать моремъ вторженіе въ турецкія области. Флотъ, снаряженный для сего предпріятія, состоялъ изъ 19 струговъ, помѣщавшихъ 1.300 казаковъ и находился подъ начальствомъ двухъ атамановъ Федора Волошенина и Ивана Богатаго. Первоначально войско это пристало къ крымскимъ берегамъ около Судака и Балаклы, тамъ разграбило оно нѣсколько деревень и одинъ улусъ, кочевавшій по близости, и взяло въ плѣнь 50 человекъ татаръ. Несчастные жители, объятые страхомъ, искали спасенія въ горахъ. Другіе собравшіеся татары были только зрителями опустошеній, причиняемыхъ казаками и никакъ не смѣли вступить съ ними въ сраженіе; отсюда казаки направили путь свой къ Трапезону; но за противными вѣтрами не могли пристать къ берегу, вмѣстѣ того они приблизились къ Анатолійскимъ берегамъ по ниже Трапезона и бросились на деревни, въ коихъ все пожгли и истребили. захвативъ въ плѣнь 600 челов. мужескаго и

(296) Донскія дѣла 1652 г. распросилъ рѣчи Воронешца Миши Прибыткова, посланнаго на Донъ съ государевымъ жалованьемъ и возвратившагося въ Москву октября 30 1652 года.

„А до ихъ де приходу за двѣ недѣли (Миша прѣѣхалъ въ Черкасскъ 12 июля), ходили на море для добычи казаки 15 струговъ, а было съ 1,000 челов., а атаманъ у нихъ былъ Иванъ Богатой, и моремъ подошли близко къ Царю-городу, подъ рюмельскую сторону, и на рюмельской сторонѣ турецкіе многіе селы и деревни новоевали и добычу взяли большую. А какъ пошли съ добычью назадъ и на нихъ де напали 10-ть каторгъ турецкихъ, и съ тѣми каторги былъ у нихъ бой, и на бою де казаки на каторгахъ побили турецкихъ многихъ людей, а сами отошли и на Донъ пришли все 15 струговъ здорово при немъ же Мишѣ, а ясырю де турецкаго привезли на Донъ со 150 человекъ.“

женскаго пола, и нагрузивъ суда свои различнымъ имуществомъ, поплыли около береговъ къ городу Триполи (Тавроли), который хотѣли взять приступомъ, но по крѣпкому и возвышенному положенію онаго не могли того исполнить.

Между тѣмъ турки узнавъ о движеніи казаковъ на Триполи, послали изъ Трапезона и Кересу (Крессина) на помощь оному войска и одинъ военный корабль; окруженные со всѣхъ сторонъ, казаки засѣли въ предмѣстїи Триполи, гдѣ, къ счастію ихъ находились три пушки, коими они непрерывную производили пальбу по кораблю и симъ только средствомъ заставили его удалиться. Тѣже войска, которые дѣйствовали на нихъ съ сухаго пути, были отражены казаками на всѣхъ пунктахъ. Послѣ малой потери въ людяхъ, поплыли они обратно къ крымскимъ берегамъ, взявъ съ собою одну пушку; тутъ пристали къ Керчи для отдохновенія и для запаса прѣсною водою и простоявъ четыре дни поплыли на Донъ; во все время нахождения ихъ подъ Керчью, какъ со стороны татаръ, такъ и со стороны казаковъ, военныхъ дѣйствій не произошло; но при самомъ отплытіи казаковъ, когда они начали уже садиться въ суда свои, татары, въ числѣ 600 челов., вздумали сдѣлать на нихъ нападеніе. Казаки, предусмотрѣвъ это бросились на татаръ всею силою и прогнали обратно въ крѣпость, положивъ на мѣстѣ знатное число (297).

Намѣреніе турокъ и крымцевъ соединенными силами идти на казаковъ 1653 г. Раздраженные таковыми набѣгами турки непремѣнно хотѣли

(297). Донскія дѣла 1653 г., распросныя рѣчи станичнаго атамана, бывшаго въ семь походѣ. Семена Заварзина, прибывшаго въ Москву въ декабрѣ мѣсяцѣ сего года.

„А ходили де они на крымскую сторону, на деревни межъ Суга и Балакны, и взяли де улусъ кочевой и ясырю всякаго мужскаго и женскаго полу взяли челоуѣкъ съ 50, а бою де съ ними у крымскихъ людей не было, и приходили де на нихъ крымскіе люди, а на бой съ ними не пошли; и оттуда де ходили на Анатолійскую сторону, на турскіе города, хотѣли де итти на городъ Трапезонъ, только де ихъ къ берегу моремъ неприпустило и они де ни-

отмстить казакамъ. Для сего султанъ привазалъ крымскому хану вооружить всѣ подвластные ему улусы и пригласить съ войскомъ гетмана Запорожскихъ казаковъ Богдана Хмѣльницкаго. Вѣдно соединеннымъ силамъ этимъ идти сухимъ путемъ и напасть на казачьи городки. Со стороны моря турки обѣщали прислать войска свои къ Азову и заградить судамъ Таврической проливъ, дабы не допустить казаковъ въ Черное море. Сверхъ этого крымскому хану предписано было, что если ему не удастся разбить казаковъ и истребить ихъ городки, въ такомъ случаѣ обратиться на разграбленіе российскихъ пограничныхъ городовъ.

Уже крымскій ханъ вступилъ въ походъ, какъ вдругъ разнесся слухъ, что калмыки страшными силами переправились чрезъ Донъ и идутъ къ предѣламъ Крыма по повелѣнію Россійскаго Государя; вѣсть эта поразила крымскаго хана, онъ въ то же время перемѣнилъ свое намѣреніе, воротилъ войска къ Перекопи и ожидалъ калмыковъ. Молва эта оказалась ложною, калмыки не являлись.—Между тѣмъ наступило зимнее время и ханъ принужденъ былъ распустить войска свои. Предпріятіе на казаковъ было отложено до другаго года; а наконецъ вовсе перемѣнено, ибо крымскій ханъ считалъ для себя гораздо выгоднѣе разорять российскую Украину. Для этого подвига уже начали собираться войска его, какъ вдругъ получилъ онъ отъ турецкаго султана повелѣніе производить нападенія на сосѣдственныя державы, пока не истребитъ Донскихъ казаковъ (298). Отъ гетмана же Богдана Хмѣль-

же Трапезона ходили на деревни и ясырю взяли сотъ съ пять или съ шесть всякихъ людей мужескаго полу и женскаго.

„Да ходили де подъ турецкой городъ подъ Триполь и къ тому де городу приступали и промыслу надъ нимъ учинить немогли, потому, что городъ стоитъ на высококомъ мѣстѣ: да къ тому же де городу присланы изъ Трапезона и изъ Кресана на помощь ратные люди, а моремъ корабль съ ратными жъ людьми. и бой де у нихъ съ ними былъ, и турецкихъ де людей на томъ бою побилъ многихъ людей, а ихъ Богъ помиловалъ. уронъ де у нихъ былъ только небольшой“ . . .

298) Крымскія дѣла, № 2, изъ статейнаго списка посланниковъ российскихъ

ницваго прибыль посоль полковникъ Семень Санченковъ, который грозилъ хану, что если онъ выступить съ войскомъ своимъ на Россійскую украину, то этимъ не только нарушится навсегда дружба его съ гетманомъ и со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, но что онъ съ своими казаками встрѣтитъ татаръ у Перекопи, а другую часть войскъ своихъ пошлетъ рѣкою Днѣпромъ на крымскіе берега судами, и что по его же совѣту Донскіе казаки нападутъ на Крымъ всѣми своими силами (299).

Жоптева и Ушакова, бывшихъ въ Крыму 1652 года.

„Приѣхалъ чаушъ къ царю отъ турецкаго царя съ грамотою, а въ грамотѣ написано, велѣлъ де турецкой царь крымскому царю и калгѣ и нурадыну и всѣмъ крымскимъ мурзамъ и татарамъ нынѣшнія осени итти войной на Донскихъ казаковъ для того, нынѣшняго де лѣта Донскіе казаки моремъ приходили на турецкіе города и многія селы и деревни повоевали, животы поимали, а людей мужеской полъ съѣли, а женской полъ въ полонъ имали, а въ помощь де турецкой царь на казаковъ ратныхъ своихъ людей пришетъ въ Азовъ; да въ помощь же де турецкой царь велѣлъ крымскому царю на казаковъ взять ногайскихъ мурзъ и татаръ да горскихъ черкасъ, да у гетмана Богдана Хмѣльницкаго отпроситъ Запорожскихъ черкасъ, а одноконѣчно бѣ де на Донскихъ казаковъ войною итти, что бѣ казаковъ съ Дону сбить, а будетъ казаковъ съ Дону сбитъ будетъ немочно, и турецкой де царь велѣлъ крымскому царю и калгѣ и нурадыну итти войною на государевы украинныя города.“

Тамъ же, изъ распросныхъ рѣчей приѣхавшаго изъ Крыму отъ вышесказанныхъ посланниковъ съ донесеніями Ивана Остапьева.

„И царь (крымскій) на Донскихъ казаковъ въ войну не пошелъ затѣмъ, что поговаривали на самыхъ на нихъ крымскаго де походу, и вышедчи де изъ Крыму калга и нурадынъ со всѣми ратными людьми стояли за Перекопью, покаместа отиустили на размѣну, ратныхъ людей распустили всѣхъ для того, что калмыцкаго приходу чаяли они по государеву велѣнію и отъ калмыковъ живуть въ великомъ страхѣ.“

(299) Крымскія дѣла, № 17, статейный списокъ бывшихъ въ Крыму російскихъ посланниковъ Ладыженскаго и Огаркова, 1654 года.

„Видѣлся де онъ съ черкасскимъ посланцомъ съ Семеномъ Санченкомъ, и сказывалъ онъ Семень . . . что онъ присланъ въ Крымъ къ царю отъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго и говорилъ царю онъ, Семень, слухъ де до гетмана дошелъ, а ко всѣму Запорожскому войску, что онъ, царь Крымской, со всѣми своими ратными людьми и съ улусными людьми, которые у него въ послушаньи, подымается на Московское государство, говорилъ де Семень царю, будетъ де ты царь самъ пойдешь или кого пошлешь съ воинскими людьми на

Эти обстоятельства были причиною, что крымскій ханъ вознамѣрился сдѣлать вторженіе въ польскія области, и отправляясь въ походъ прислалъ въ Москву посланника Айвасъ-бега съ увѣдомленіемъ о своемъ предпріятіи и съ домогательствомъ за прещенія Донскимъ казакамъ производить набѣги на турецкія области и крымскія владѣнія (300). Но когда, по старому, отвѣчали ему, что казаки народъ своевольный и царскаго повелѣнія не слушаютъ; то Айвасъ-бекъ угрожалъ разореніемъ всѣхъ, жилищъ казачьихъ и настоятельно требовалъ строгаго имъ предписанія, хотя для опыта будутъ ли они послушны царской волѣ (301). Въ слѣдствіе чего и было послано на Донъ строжайшее повелѣніе, чтобы казаки на турецкія и крымскія владѣнія никакихъ набѣговъ не дѣлали, развѣ въ

Московское государство, и твоя царева дружба съ гетманомъ и со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ нарушится, и обѣщанія де гетманъ Богданъ Хмильничкой съ своимъ войскомъ тебя царя встрѣтитъ за Перекопью, а иныхъ своихъ ратныхъ людей хочеть онъ Богданъ отпустить судами Нѣпромъ и моремъ подъ Крымъ, а въ другую сторону по его жъ Богданову совѣту Донскіе казаки Азовскимъ моремъ пойдутъ подъ Крымъ же и тебѣ де царю врьдъ и себя оберегать.“

(300) Крымскія дѣла, № 19, грамота крымскаго хана, привезенная къ Російскому государю 1653 года, въ которой между прочимъ сказано:

„Да послѣмъ вашимъ, которые бывають въ Крыму, нѣсколькожды о воровствѣ Донскихъ казаковъ мы говаривали, и ми того не вѣдаемъ, что они тѣ наши слова до васъ доносятъ ли, или вы невнимаете ихъ, а казачьимъ воровствомъ никоторыя большыя пользы вамъ необретаются, только съ благощастнымъ великимъ съ турскимъ государемъ ссору, а недружбу чинять, а кромѣ того никоторыя прибыли нѣтъ; да и нашей дружбѣ съ вами ихъ воровствомъ, кромѣ ссоры, прибыли нѣтъ же . . . то чтобъ намъ въ своемъ государствѣ, а вамъ въ своихъ странахъ воровъ упимать; таковыми дѣлы братская дружба и любовь подрѣпляется.“

(301.) Слова крымскаго посланника Айвасъ-бека, говоренныя имъ въ Посольскомъ приказѣ.

„Да будетъ де царское величество казаковъ унять не велитъ и они де ихъ знаютъ, гдѣ онѣ живутъ, и промыслъ надъ ними учинять зимою или лѣтомъ, какъ время усмотрятъ, толькобъ де царскому величеству было не въ гнѣвъ.“

Тамъ же.

„А что бъ де царское величество хотя на одинъ годъ заказъ имъ велѣлъ учинить, а тогда объявится послушными будутъ.“

такомъ только случаѣ, когда дѣйствительно узнаютъ они о походѣ крымскихъ войскъ на російскую Украину или на Запорожскихъ черкасѣ.

Здѣсь нужно замѣтить, что въ семь 1654 году гетманъ Малороссійскихъ казаковъ Богданъ Хмѣльницкій, побуждаемый единовѣріемъ, добровольно покорился со всѣмъ войскомъ Россійской державѣ.

Посольскія сношенія Московскаго двора съ Крымомъ о казакахъ. Для удержанія крымскаго хана отъ непріятельскихъ дѣйствій, были отправлены къ нему въ томъ же году посланники: Тимофей Хутынскій и подъачій Ооминъ съ просьбою о присылкѣ войскъ, по случаю открывшейся съ поляками войны. Но дворъ російскій напередъ былъ увѣренъ, что крымскій ханъ приметъ этого предложенія, и потому въ мартѣ мѣсяцѣ было предписано Донскимъ казакамъ: коль скоро получатъ они вѣсти о выступленіи крымскихъ войскъ на Запорожскихъ казаковъ, или на російскіе придѣлы, то немедленно всѣми силами напасть съ моря на крымскія владѣнія. — Казаки начали дѣлать развѣзды малыми партіями около крымскихъ улусовъ для языковъ; на одной сшибкѣ татары схватили двухъ казаковъ, привели ихъ въ Бакчи - Сарай и въ допросахъ вынудили признаніе, что они посланы были по царскому повелѣнію для развѣдыванія о намѣреніяхъ крымскаго хана, и что имъ велѣно воевать Крымъ. Показаніе этихъ казаковъ тотчасъ объявлено было російскимъ посланникамъ съ безчисленными упреками: крымцы говорили, что Россійскій Государь никакъ не располагаетъ быть въ дружбѣ съ ханомъ, и въ то самое время, какъ проситъ помощи на польскаго короля, посылаетъ казаковъ подъ крымскіе улусы; сверхъ того объявили, что они имѣютъ уже достовѣрныя свѣдѣнія о выходѣ казаковъ въ море на 38 стругахъ.

Посланники, приведенные этимъ въ замѣшательство, все еще представляли, сколько могли, крымскимъ мурзамъ, что Донскіе казаки всегда своевольно, а не по повелѣнію цар

своему воюють крымскіе улусы и царскихъ приказаній вовсе не слушаютъ. Для изобличенія въ несправедливыхъ отговоркахъ російскихъ посланниковъ, крымцы представили къ нимъ одного изъ пойманныхъ казаковъ; но этотъ, раскаявшись въ прежней неосторожности, объявлялъ торжественно, что на Дону не было никакого повелѣнія отъ Россійскаго Государя насчетъ поисковъ надъ крымцами; а посланы они войсковымъ атаманомъ Наумомъ Васильевымъ.—Таковой переворотъ далъ силу показаніямъ російскихъ посланниковъ; они съ негодованіемъ говорили крымцамъ: „теперь сами видѣте, что великій Государь нашъ вовсе о дѣйствіяхъ казаковъ не знаетъ. Да и этотъ, котораго вы при мнѣ допрашивали, есть ногайскій татаринъ, а не казакъ; унимайте ихъ чтобъ не бѣгали на Донъ и не причиняли бы вамъ съ Донскими казаками смуты. Озлобленные татары приказали несчастнаго казака разстрѣлять (302).

Но крымцы непремѣнно хотѣли изобличить въ несправедливости російскихъ посланниковъ; съ этою цѣлію, чрезъ нѣсколько дней, привели къ нимъ новаго Донскаго казака,

(302). Дѣла крымскія, № 3, статейный списокъ посланниковъ, бывшихъ въ Крыму 1654 года, Тимофея Хотунскаго и подъячаго Ивана Фомина.

„И Саферъ-Газы-ага посланникамъ говорилъ: какъ де хану съ государемъ вашимъ быть въ братской дружбѣ, что государь васъ посланниковъ въ Крымъ къ хану прислалъ, чтобъ ханъ съ татарами на польскаго короля войною шелъ, а послѣ того повелѣнье свое прислалъ къ Донскимъ казакамъ, чтобъ они съ Дону подъ Крымъ послали казаковъ для языковъ и вѣдомости крымскихъ вѣстей.“
Тамъ же.

. . . , И казакъ сказалъ, что отъ Государя на Донъ къ донскимъ казакамъ никто не присылывалъ и государева указа о томъ не бывало, а посылалъ де ихъ казаковъ съ Дону для языковъ казачей атаманъ Наумъ.“

„И Тимофей и Иванъ Саферъ-Газы-агъ и ближнимъ людямъ говорили: всегда вы говорите, что Донскіе казаки воруютъ, а государь нашъ его царское величество про то вѣдаетъ и отъ того воровства не унимаетъ, и вы то сами видите, что казакъ говорить посылалъ ихъ съ Дону атаманъ собою, а не по указу царскаго величества, да и всегда тѣ казаки ходятъ своимъ самовольствомъ для своей добычи, а тотъ казакъ вашъ же ногайской татаринъ, и вы своихъ татаръ унимайте, чтобъ они на Донъ не ходили и съ Донскими казаками за одно не воровали.“

пойманнаго подъ Кафою, и объявили, что ханъ, желая утвердить справедливость своего неудовольствія на Россію приказалъ въ присутствіи ихъ спросить этого плѣнника, который показалъ, что казаки вышли въ море дѣйствительно по повелѣнію царскому. Но посланники, опасаясь новаго затрудненія, отклонили это, что они неимѣютъ на то повелѣнія отъ Россійскаго Государя, и что казакъ легко можетъ дать всякое показаніе по ихъ наученію, опасаясь быть разстрѣленнымъ.

Вскорѣ послѣ этого, именно 30 іюня 1654 года, постигла Исламъ-Гирея смерть. Приемникъ его Магметъ-Гирей прибылъ въ Крымъ изъ Константинополя 9 октября и желалъ показать больше твердости; тотчасъ приказалъ отправить російскихъ посланниковъ въ Москву съ такимъ объясненіемъ: „Повелитель его султанъ изъявляетъ величайшее негодованіе свое на Донскихъ казаковъ; они ежегодно производятъ набѣги на турецкія владѣнія, берутъ людей въ плѣнъ и разоряютъ селенія и города.—Если Россійскій Государь приметъ противъ казаковъ строгихъ мѣръ, въ такомъ случаѣ султанъ пошлетъ 100 /т. своего войска, которое, въ соединеніи съ крымцами и подвластными народами, нападетъ на казаковъ и разоритъ всѣ ихъ жилища; а потомъ обратитъ свое оружіе на російскую украинну (303).

(303) Тамъ же. Магметъ - Гирей приказалъ Саферъ-Газы агѣ сказать російскимъ посланникамъ слѣдующее:

„ Какъ его хана изъ Царя города турецкой салтанъ на крымской юртѣ отпустилъ и онъ ему приказалъ, Московскаго Государя вамъ посланникамъ велѣлъ говорить: воры де Донскіе казаки ежегодно приходятъ моремъ землю его воюютъ и людей побиваютъ, и въ полонъ смлютъ и разоряютъ и досады большія чинятъ, и такіе де ему обиды ни отъ которыхъ земли не бываетъ, что отъ тѣхъ Донскихъ казаковъ, что бы вамъ посланникамъ Государю извѣстить, а боярамъ и ближнимъ людямъ говорить, что тѣхъ воровъ Донскихъ казаковъ отъ той войны неуйметъ, и турецкой де салтанъ приказалъ ему Магметъ-Гирею хану велѣлъ въ Царь-городъ отписать, и къ нему хану пришлетъ своихъ ратныхъ людей 100! т. и съ тѣми его ратными людьми и съ крымцы и съ ногайцы велеть ему хану итти войною на тѣхъ Донскихъ казаковъ и ихъ всѣхъ разо-

Новый набѣгъ казакѡвъ на Тавриду и на турецкія области. Новый ханъ, желая ознаменовать вступленіе на престолъ доблестями войны и удовлетворить корыстолюбію своихъ подданныхъ, началъ собирать войска. Вѣсть объ этомъ получена въ Москвѣ въ мартѣ мѣсяцѣ 1655 г., гдѣ, по случаю тогдашней войны съ поляками, не безъ основанія опасались вторженія крымцевъ. Для отвращенія этого надлежало занять враговъ въ собственной ихъ землѣ. Въ этомъ намѣреніи приказано было главнымъ калмыцкимъ владѣльцамъ Дайчинъ и Лаузанъ тайшамъ соединить войска свои съ войскомъ князя Одоевскаго, собраннымъ въ Астрахани, на Терекѣ и въ другихъ окрестныхъ мѣстахъ, идти на Донъ, откуда уже совокупно съ Донскими казаками напасть на предѣлы Крима (304). Но за отдаленнымъ кочевьемъ и за великимъ разливомъ рѣки Волги калмыки и войска Одоевскаго не могли поспѣшить на Донъ къ назначенному времени.

Между тѣмъ Донскіе казаки получили новое повелѣніе выступить судами противу крымцевъ (305), и три тысячи чловѣкъ тотчасъ сѣли въ струги, подъ предводительствомъ атамановъ Чесночихина и Семена Варгуна, и пустились въ море, скоро достигли они до крымскихъ владѣній и тамъ распространили ужасъ, взяли приступомъ городъ Судакъ, выжгли окрестныя деревни; все что только попадалось имъ на встрѣчу, истребляли они до основанія. Потомъ обратились къ Ка-

речь, а разоря ихъ, пгти войною на Московское государство, и та вся ссора чинится отъ тѣхъ воровъ малыхъ людей Донскихъ казакѡвъ.“

(304). Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1655 года марта 15-го и того жъ года мая 5-го.

(305) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1655 года апрѣля 23-го.

„Послана къ вамъ наша грамота, а велѣно надъ крымскими улусы, буде они пойдутъ на наши украинны или на наши черкасскіе города войною, промилить, и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выѣ атаманы и казаки, на крымскіе улусы войною или и надъ ними промышляли, сколько милосердый Богъ помочи подасть, а на турецкаго города и мѣста одиночнѡвъ ѣст не ходили.“

фѣ: гарнизонъ этого города не въ силахъ былъ сопротивляться казакамъ; они взяли приступомъ земляной городъ и разорили въ немъ всѣ жилища. Но освѣдомившись, что приближаются къ Кафѣ шесть купеческихъ кораблей съ товарами, бросились въ суда свои, настигли ихъ и по кратковременномъ сопротивленіи овладѣли двумя кораблями, нагруженными пшеницею и другими вещами. Послѣ этого казаки съ добычею, безъ всякаго урона въ людяхъ, возвратились къ берегамъ Дона (306).

Казаки разоряютъ городъ Тамань и опустошаютъ многія селенія. Въ это время ханъ крымскій со всѣми войсками стоялъ у Перекопа безъ всякаго дѣйствія: съ одной стороны тревожили его казаки своими нападеніями на крымскіе берега, съ другой — опасался онъ калмыкъ, о вооруженіи коихъ имѣлъ уже свѣдѣніе (307). Ка-

(306) Тамъ же, распросныя рѣчи станичнаго атамана Казымы Дмитріева, прибывшаго въ Москву 1655 г. августа 23-го.

„ Да изъ войска де подъ Перекопъ посланы съ Дону для вѣстей конныя люди, и взяли де было языка татарина, и тотъ де языкъ въ распросѣ сказалъ, что крымскій царь въ сборѣ и стоитъ на готовѣ, а хочетъ итти на государевы украинны войною; да тотъ же де языкъ татаринъ сказалъ, что де онъ слышалъ, которое Донское войско пошло на море, и тѣ де люди взяли городъ Судачекъ, а стоитъ тотъ городъ межъ Кафы и Бульклы, и людей де многихъ побиваютъ, а тому де крымскіе люди дивятся, какъ де напередъ сего Донскіе казаки хаживали на море, и они де только полонъ имали, а нынѣ де вездѣ людей побиваютъ и села и деревни жгуть.“

Дѣла Крымскія № 3, статейный списокъ бывшихъ въ 1655 г. въ Крыму посланниковъ Тимофея Хутынскаго и Ивана Омина.

„ Юля въ 22 день къ Тимофею и Ивану пріѣзжалъ на дворъ Богатырша мурза Сулемовъ . . . и говорилъ: тому де нынѣ 4 день шли изъ Царя - города къ Кафѣ 6-ть кораблей съ хлѣбомъ и съ товары и тѣ де Донскіе казаки къ тѣмъ кораблямъ приступали и взяли два корабля, одинъ съ хлѣбомъ, а другій съ товары и послѣ де того, тому нынѣ 3-й день, тѣжъ воры Донскіе казаки приступали къ Кафѣ и вошли въ земляной городъ.“

(307) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Павла Оедорова, пріѣхавшаго въ Москву 1655 года декабря 10.

„ И тѣ де взятые языки говорили, что крымскій царь въ Крымѣ въ собраньи и ратные люди наготовѣ, а хотѣлъ итти по лѣту къ полякамъ и не-

заки знали о бездѣйствіи крымскаго хана, знали и то, что калмыки, за отдаленнымъ кочевьемъ, не могутъ въ надлежащее время прибыть къ берегамъ Дона, рѣшились въ томъ же 1655 году вторично напасть на крымскія владѣнія; для этого 2,030 казаковъ на 34 стругахъ отправились въ море, подъ главнымъ начальствомъ атамана Павла Ѳедорова. Флотъ этотъ первоначально присталъ къ городу Тамани; казаки единогласно положили взять оный приступомъ, бросились на стѣны и по маломъ сопротивленіи овладѣли онымъ; несчастные жители, не могшіе спастись бѣгствомъ, были порублены, весь городъ преданъ былъ пламени; въ этомъ общемъ смятеніи казаки захватили 400 человекъ въ плѣнъ и отбили нѣсколько сотъ російскихъ плѣнныхъ. Такимъ образомъ разрушивъ до основанія городъ и нагрузивъ суда свои добычами, обратились они къ берегамъ Крыма между Керчи и Кафы; жители по однимъ слухамъ бросали жилища свои и уходили во внутренность Крыма. Казаки безъ всякаго препятствія жгли и разоряли татарскія деревни. Бѣжавшіе жители, въ ужасѣ своемъ, распространили преувеличенную молву о безчисленномъ множествѣ казаковъ и о ихъ варварскихъ поступкахъ съ жителями. Вѣсть объ этомъ скоро достигла до столицы крымской Бакчисарая: все пришло тамъ въ смятеніе, намѣстникъ ханскій Мургаза-ага, объятый страхомъ, не находилъ средствъ къ отраженію казаковъ; онъ едва могъ собрать 300 человекъ худооруженныхъ татаръ, какъ вдругъ казаки перенесли уже свои опустошенія къ устью рѣки Алмы, гдѣ имѣли они намѣреніе заpastись пресною водою; но увидѣвъ татаръ съ намѣстникомъ въ боевомъ порядкѣ, они пригребли къ берегу и однимъ пушечнымъ залпомъ подвинули противниковъ своихъ назадъ, высадили около тысячи казаковъ на берегъ, вступили съ татарами въ сраженіе и, бу-

пошла де за тѣмъ, что вѣсти были въ Крыму, что калмыки хотять приходить на крымскіе улусы войною, да и для того, что ихъ они Донскіе казаки воевали около ихъ мѣсть.“

лучи превосходнѣе въ силахъ, тотчасъ разсѣяли ихъ. Въ этомъ сраженіи намѣстникъ ханскій Муртуза-ага получилъ двѣ раны и убита подь нимъ лошадь. На другой день казаки отплыли отъ этого мѣста къ городу Карассу и разоривъ около онаго нѣсколько деревень, поплыли къ Дону (308).

Неудачный приступъ казаковъ къ Азову. Съ донесеніемъ объ этомъ посланъ былъ отъ войска въ Москву походный атаманъ Павелъ Ѳедоровъ. Государь, похваляя службу казаковъ, велѣлъ послать къ нимъ жалованье, съ прибавкою противъ прежняго. Имъ предписано было, чтобъ до того времени, пока запорожскіе казаки не укрѣпятъ по граничныхъ городовъ своихъ со стороны Крыма, они прекратили бы набѣги на крымскія владѣнія. Казаки безпрекословно готовы были оставить Крымъ въ покоѣ; но самимъ все лѣто пробыть безъ дѣйствія было противно ихъ неугомонному духу. Ища новыхъ подвиговъ, они рѣшились покорить Азовъ и скрыть его до основанія. Для этого предпріятія собралось въ Черкасскомъ городѣ болѣе трехъ тысячъ Донскихъ и Запорожскихъ казаковъ, въ числѣ коихъ находились и промышленники, пріѣхавшіе туда изъ російскихъ украинныхъ городовъ; все это войско приступило къ Азову, подь главнымъ начальствомъ войсковаго атамана Наума Васильева и знатнаго старшины Павла Ѳедорова. Достойно сожалѣнія, что о семъ событіи нѣтъ подробныхъ свѣдѣній; извѣстно только весьма кратко, что турки на вылазкѣ побили казаковъ подто-

(308) Тамъ же, распросныя рѣчи стапичнаго атамана Павла Ѳедорова, пріѣхавшаго въ Москву 1655 г. декабря 10-го.

„ Ходилъ де онъ, Павелъ, нынѣшнимъ лѣтомъ моремъ на крымскіе улусы въ 34 сругахъ 2030 человекъ, и на Крымъ де они шли Черноморскимъ гирломъ, и взяли городъ Тамань и посадъ, и въ городѣ хоромы пожгли, и татаръ многихъ побили и живыхъ взяли татаръ мужскаго пола и женскаго и привезли въ войско человекъ съ 400.“

То же Крымскія дѣла, статейный списокъ бывшихъ въ Крыму посланниковъ Жукова и Пашина 1656 года.

ры тысячи и захватили много въ плѣнъ (309). Но этотъ несчастный приступъ казаковъ останется замѣчательнъ еще тѣмъ, что знаменитый вождь казаковъ старшина Павелъ Ѳедоровъ попался въ плѣнъ врагамъ своимъ: злобные азовцы тотчасъ умертвили его (310).

Донскіе казаки, начавшіе войну съ Азовомъ вопреки повелѣнію Государя, послали отъ войска старшину Понкрата Степанова просить прощенія и годичнаго жалованья; Государь отдавая вину ихъ, писалъ въ грамотѣ своей: „хотя за ваше непослушаніе жалованья послать бы къ вамъ и не слѣдовало, но мы руководствуясь милосердіемъ, во уваженіе вашей прежней службы и въ той увѣренности, что вы проступокъ сей заглядите, пожаловали васъ своимъ жалованьемъ (311).

Переговоры Россійскаго двора съ Крымскимъ о казакахъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1654 года былъ

(309) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи бывшаго на Дону дворянина Савостьяна Протасьева, возвратившагося въ Москву октября 9-го 1656 года.

„А при немъ де Донскіе казаки ходили подъ Азовъ, войсковою атаманъ Наумъ Васильевъ да Павелъ Ѳедоровъ съ товарищи, а съ ними запорожскихъ черкасъ и украинныхъ городовъ торговыхъ людей съ 3000 и больше и подъ Азовомъ де на вылазкѣ азовскіе люди казаковъ побили тысячи съ полторы и взяли въ полонъ Павла Ѳедорова и иныхъ Донскихъ казаковъ, а сколько де челоуѣкъ, того онъ не вѣдаетъ“.

(310) Дѣла Крымскія, № 1 распросныя рѣчи толмоча Тихона Алтобнева, присланнаго изъ Крыма въ Москву росс. посланниками, находившимися тамъ, 1656 года.

„Да имъ же сказывали въ Крымѣ татаровя, что Донскіе казаки приступали къ Азову, и на приступѣ де Донскихъ казаковъ побили многихъ азовскіе люди и взяли въ полонъ атамана Павла Ѳедорова и его казнили, а голову его въ Крымъ привезли и изъ Крыму тою голову послали въ Царь-городъ къ турецкому салтану“.

(311) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1657 г. марта мѣсяца.

„И за то, что вы безъ нашего В. Государя повелѣнья ходили подъ Азовъ и людей многихъ потеряли, нашего Вел. Государя жалованья послать было и не довелось, только мы, Вел. Государь, по нашему государскому милосердому праву, за прежнія ваши службы и чая намъ Великому Государю впредь отъ васъ службою своею заплаты, нашел Вел. Государя оцалы на васъ не положили, а пожаловали васъ и указали послать къ вамъ нашего государскаго жалованья денегъ и проч.“

присланъ въ Москву отъ крымскаго хана Магметъ-Гирея го-нецъ Шебанъ, съ извѣстіемъ о вступленіи его на крымскій престолъ: ему поручено было главнѣйше настаивать объ унятіи казаковъ отъ набѣговъ. Относительно этого предмета крымскій ханъ писалъ въ своей грамотѣ: „уѣмите своихъ Донскихъ казаковъ отъ набѣговъ на Турцію и Крымъ; какаѣ можетъ быть между нами дружба, когда и я съ своей стороны позволяю татарамъ равнымъ образомъ разорять ваши украины? Мнѣ извѣстно, что казаки вамъ повинуются; и потому если теперь хотя одно судно ихъ появится у крымскихъ береговъ, тогда нарушеніе мира и добраго согласія произойдетъ съ вашей стороны (312).

Отъ Россійскаго двора отправлены были въ Крымъ посланники Жеребцовъ и Титовъ, для увѣренія хана въ дружественныхъ расположеніяхъ Государя. Тамъ, среди сужденія о дѣлахъ государственныхъ были подобно прежнимъ переговоры и о Донскихъ казакахъ; но остались безъ всякихъ послѣдствій.

Въ слѣдующемъ году переговоры объ унятіи казаковъ отъ набѣговъ, со стороны крымцевъ возобновлены были предъ нашими послами Жуковымъ и Пашинымъ по прежнему, съ жаркимъ настоятельствомъ; но эти переговоры, подобно

(312). Дѣла Крымскія, № 11. Въ грамотѣ, присланной отъ Крымскаго хана Магметъ-Гирея къ Россійскому Государю съ гонцомъ Шебаномъ, между прочимъ сказано:

“ Да ваши люди украинцы изъ вашего государства приходятъ на Донъ и воруятъ, ежедѣтъ на Черное море стругами ходятъ, вселеннаго благосчастнаго величества подлѣ морскихъ мѣстъ воюють и шкоты чинятъ безпрестани, а мы съ вами въ братской дружбѣ и любви, а казаковъ неупимаете, межъ нами великими государими чинятъ большія ссоры, вамъ только своихъ воровъ неунятъ, а намъ потому жъ своихъ неунимать, какал жъ межъ нами братская дружба и любовь? А будетъ отъ ишпѣшняго дни на морѣ хотя одинъ стругъ объявится, а шерти нарушенье будетъ отъ вашей стороны, а только будетъ учнете казну ежегодно присылати, а съ Дону тѣхъ воровъ свестъ велите, и съ сей стороны государству вашему украинцамъ отнюдь никакова убытку и шкоты не будетъ.”

прежнимъ, тоже неимѣли рѣшительнаго послѣдствія (313).

Опустушеніе крымскихъ и анатолійскихъ береговъ. Хотя крымцы на словахъ грозили настойчиво совершеннымъ уничтоженіемъ жилищъ казачьихъ, однакожь на дѣлѣ поступали въ этомъ предпріятіи съ крайнею безрасчетливостію: они думали, что испугаютъ Донцовъ, если пошлютъ на нихъ тысячь пять войска. Число это собралось изъ Крыма, Тамани и другихъ мѣстъ, и въ февралѣ мѣсяцѣ 1657 г. приступило къ Черкасскому городку; но простоявъ подъ онымъ долгое время, воротились къ Азову безъ всякаго успѣха (314). Казаки же въ явное пренебреженіе своихъ непріятелей, лишь только открылась весна, въ виду ихъ прошли рѣкою Дономъ мимо Азова въ 33 стругахъ, подъ начальствомъ молодаго атамана Корнилія Яковлева, оставивъ въ Черкасскомъ городкѣ

(313). Дѣла Крымскія, № 14, изъ статейнаго списка, бывшихъ въ Крыму, 1655 года, російскихъ посланниковъ Жеребцова и Тиханова.

„И посланники Саферъ-Газы-агѣ говорили, что Донскіе казаки отъ Царскаго Величества отделены, и во многихъ статьяхъ ему Велик. Государю не послушны, и они крымскіе люди съ ними управились бы сами, а Царское Величество за нихъ стоять не будетъ, а Запорожскихъ черкасъ Великой Государы на Донъ не посылавать и впредь не посылать, развѣ изъ нихъ Запорожскихъ черкасъ прошли на Донъ небольшіе люди для рыбныхъ промысловъ.“

Тамъ же, № 11, статейный списокъ російскихъ посланниковъ Жукова и Пашина, бывшихъ въ Крыму 1656 г. Посланники говорили:

„Великій Государь нашъ владѣеть многими государствами и городами, а тѣ Донскіе казаки вѣдомые воры . . . а Великому Государю гдѣ за такими ворами ратныхъ людей посылатъ; живутъ что звѣри, ни градовъ, ни домовъ не имѣютъ, а живутъ по камышамъ и по озерамъ и пашни не пашутъ, живутъ такъ, что добудутъ, то и ядятъ, а Великому Государю за такими ворами посылатъ ратныхъ людей сухимъ путемъ и ихъ взять не гдѣ, слдутъ въ струги, да и уйдутъ въ морѣ.“

(314). Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1657 г. мал 17 дн.

„Въ нынѣшнѣмъ 165 году, мая въ 9 день, писали есте къ намъ Великому Государю съ станичники своими съ атаманомъ Прохоромъ Ивановымъ съ товарищи, что въ февралѣ мѣсяцѣ приходили къ вамъ на Донъ къ Черкасскому городку крымскіе мурзы со многими людьми, а съ ними томанцы, и черкасы горскіе, и кабардацы, и малаго ногаю, и темрюцкіе и азовцы и вы отъ нихъ въ осады сидѣли не малое время.“

значительный гарнизонъ. Флотилія эта, вмѣщавшая въ себѣ 2,000 казаковъ, вскорѣ достигла до крымскихъ береговъ; тамъ, около города Козлова, казаки вышли на берегъ, разграбили и выжгли 10 деревень, плѣнили 600 человѣкъ турокъ и татаръ, освободили 200 человѣкъ російскихъ плѣнниковъ и съ богатою добычею возвратились на Донъ (315).

Въ это время, на мѣсто умершаго гетмана Богдана Хмѣльницкаго, возведенъ, по общему желанію Малороссійскихъ казаковъ, Иванъ Выговскій. Честолюбецъ этотъ, нарушивъ данную имъ клятву въ вѣрности Россійскому Государю, вступилъ въ подданство со всѣмъ Малороссійскимъ и Запорожскимъ войскомъ польскому королю. Онъ просилъ помощи у крымскаго хана для отраженія російскихъ войскъ и для наказанія противящихся ему казаковъ. Россійскій государь, получивъ объ этомъ подробныя свѣдѣнія, писалъ къ Допскимъ казакамъ, чтобы они, коль скоро узнаютъ о выступленіи крымскихъ войскъ противу вѣрныхъ малороссійскихъ казаковъ или на російскія украины, въ тожъ время моремъ внесли бы въ Тавриду ужасъ и смерть. Грамота объ этомъ послана была на Донъ іюня 3 дня 1659 г., но Донскіе казаки еще до полученія оной, узнавъ о выступленіи крымскихъ войскъ въ Малороссію для соединенія съ гетманомъ Выговскимъ, отправили въ море болѣе 2,000 казаковъ на 30 стругахъ, подъ начальствомъ прежняго атамана Корнилія Яковлева. Между

(315) Изъ тѣхъ же дѣлъ, распросивъ рѣчи станичнаго атамана Михайла Лукьянова, прибывшаго въ Москву 1657 г. декабря 1 дня.

„ Да опъ же станичникъ Михайло сказываль: какъ де прошлаго лѣта ходили они съ Дону на Черноє море 33 струга, а людей было 2,000 человѣкъ, а атаманомъ былъ Карий Черкасъ и на крымской сторонѣ около Козлева погромили и выжгли деревень съ 10-ть, а полону турскаго и татарскаго взяли съ 600 человѣкъ, да русскаго полону отбили человѣкъ съ 200; и въ томъ де числѣ было государевыхъ людей челов. съ 20, а достальныє всѣ запорожскіє черкасы. И тѣ де запорожскіє черкасы пошли въ запорожскіє города, а русскіє люди въ государевы украинные города; а асырь де турской и крымской они распродали.

тѣмъ крымцы, соединясь съ Выговскимъ, производили уже опустошенія въ російскихъ границахъ: „Я приказывалъ вамъ, писалъ Россійскій Государь на Донъ, что бы вы, при первой вѣсти о походѣ татаръ, стремились на разореніе крымскихъ владѣній; нынѣ крымскій ханъ съ измѣнникомъ Выговскимъ недумаютъ о прекращеніи войны; немедленно опустошить области хана (316).

Казачи, ворвавшись въ крымскіе предѣлы, распространили ужасъ; все то, что только попадалось имъ между Керчью, Кафюю и Балаклавою, жгли и истребляли, не находя нигдѣ препятствія; несчастныхъ жителей предавали смерти безъ различія пола и возраста, взяли въ плѣнъ 2,000 человекъ турокъ и татаръ и освободили 150 человекъ російскихъ плѣнниковъ. Потомъ обратились къ Тамани, разорили кочевавшіе тамъ улусы до самаго Темрюка, разграбили и выжгли населенныя деревни; наконецъ пустились къ берегамъ Анадоліи; тамъ для грабежей выходили на берегъ около Синопа и города Кандры, и приближались къ Царь-граду за одинъ день ѣзды. Такимъ образомъ нагрузивъ суда свои различными добычами, возвратились въ Черкасскій городокъ (317). Съ этимъ извѣстіемъ былъ посланъ въ Москву атаманъ Осипъ Петровъ; Го-

(316) Тѣхъ же дѣлъ, грамота на Донъ 1659 г. отъ 24 іюля.

„И крымскій ханъ съ измѣнникомъ нашимъ съ Иваномъ Выговскимъ соединясь стоитъ въ войскѣ безотступно и потому знатно ужъ то отъ васъ надъ Крымомъ промыслу никакого нечинится.“

(317). Тамъ же, распросня рѣчи станичнаго атамана Кирила Петрова, прибывшаго въ Москву 1659 г. сентября 17.

„А ходили де они на крымскіе улусы и были подъ Кафюю и подъ Болыклею и подъ иными многими мѣстами и въ томъ де походѣ зяли ясрю гурскаго и крымскаго и женскаго полу съ 2,000 человекъ, а выходили де изъ струговъ на берегъ подъ Кафюю и подъ Болыкшею и подъ Керчью, а ходили де отъ струговъ на берегъ въ Крымъ версть съ 50 и идучи де отъ Темрюка и до Тамани улусы темрюцкихъ черкасъ и таманскихъ пожгли и многихъ людей побили и въ тѣхъ де мѣстахъ ясрю русскаго полу поимали человекъ полтораста . . . А на гурской сторонѣ были подъ городами близко Синопа, а Коп-

сударь похваляя службу казаковъ, одарилъ щедро храбраго этого атамана и велѣлъ послать на Донъ большое жалованье — 3,000 руб. денегъ, 3,000 четвертей муки, 100 поставовъ суконъ гамбургскихъ, 200 пуд. пороху и 100 пуд. свинцу.

Г Л А В А XII.

Азовцы усиливаются помощію турокъ и крымцевъ.—Казакъ испрашиваютъ отъ Государя себѣ въ помощь ратныхъ людей подъ предводительствомъ воеводъ.— Крымскій ханъ сдѣлать крѣпость на верхнемъ устьѣ Каланчи и на Дону.— Положеніе казаковъ и російскихъ войскъ послѣ построения татарами крѣпости.—Неудачный приступъ казаковъ въ Донецкой крѣпости и Каланчинскимъ башнямъ.—Союзъ съ калмыками.—Казакъ вновь проклинають ерикъ и врываются въ Азовское и Черное море.— Переговоры съ Крымомъ о мирѣ.— Набожность казаковъ.—Положеніе дѣлъ на Дону до возмущенія Разина.

Азовцы усиливаются помощію турокъ и крымцевъ. Наконецъ турки и крымцы, наскучивъ 10 лѣтъ сряду продолжавшимися нападеніями Донскихъ казаковъ, приняли рѣшительныя мѣры преградить имъ все пути въ море. Казакъ лишь только услышали о сильномъ вооруженіи на нихъ турокъ, немедленно послали 200 товарищей своихъ моремъ подъ городъ Тамань, для подробнѣйшихъ развѣдываній: тамъ узнали казакъ, что крымскій ханъ вооружаетъ на нихъ все подвластные ему народы, что изъ города Кафы уже отправлены сухимъ путемъ чрезъ Тамань въ Азовъ 3,000 яны-

стангина острова и города Копдры и до Царя-города за сутки.“

Тамъ же, грамота на Донъ отъ 11 февраля 1660 года.

„Что вы служе намъ, Великому Государю, ходили моремъ на крымскіе мѣста и милостію Божію . . . на Азовскомъ морѣ по черкесской сторонѣ, межъ Темрюка и Томани, многія селы и деревни пожгли и разорили, а въ Крыму отъ Кафы и до Буляклен города, посады и селы и деревни выжгли и запустовили и многіхъ крымскихъ людей побили и въ полонъ жонъ ихъ и дѣтей ихъ вонмали и нашихъ Царскаго Величества людей многіхъ полоняниковъ изъ Крыму вывели и отъ себя съ Дону отпустили въ наши Великаго Государя города, и мы Великій Государь васъ атамановъ и казаковъ за вашу службу жалуетъ милостиво похваляемъ.“

чарь, и что скоро въ этому же городу пойдутъ изъ Константинополя 35 кораблей съ лѣсомъ и каменьями для постройки на Дону трехъ крѣпостей (318).

Въ столь очевидной опасности казаки не теряли духа и надежды: въ тотъ же день, въ который узнали объ этомъ, они отправили въ море 30 струговъ съ отборными воинами для нападенія на Крымъ; но этимъ воинамъ было неизвѣстно, что ханскія войска уже на берегахъ Дона и подъ стѣнами Азова. Едва казаки ночью прошли устья Дона, какъ на зорѣ увидѣли въ заливѣ Азовскаго моря 35 турецкихъ кораблей, а на берегахъ многочисленную армію: ее привелъ ханъ за день предъ этимъ; не было возможности идти далѣе, надобно было думать только о спасеніи своемъ. Казаки поспѣшно пригребли къ устьямъ Дона и поплыли вверхъ Калачинскимъ протокомъ; но ихъ замѣтили азовцы съ высоты стѣнъ своихъ и тотчасъ дали вѣсть всѣмъ полчищамъ татарскимъ. Большія и малыя партіи мусульманъ засѣли во всѣхъ удобныхъ мѣстахъ вверхъ по Дону съ артиллерію и ружьями, и такимъ образомъ заградили казакамъ всѣ пути. Рѣшась пробиться сквозъ многочисленныхъ непріятелей, казаки смѣло пошли судами вверхъ и сражаясь на каждомъ шагу, едва успѣли пройти въ цѣлый день шесть верстъ съ неимоверною трудностію; но слухъ объ ихъ опасности достигъ наконецъ Черкаскаго городка, отъ котораго была выслана значительная помощь атакованнымъ и они избавились отъ гибели. Достоинно замѣчанія, что при семъ случаѣ казаки такъ искусно

(318) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Фрола Минаева, 1660 года мая 23-го.

„А ходило де ихъ изъ войска судами на крымскіе и темрюкскіе мѣста съ 200 человекъ, и въ тѣхъ мѣстахъ взяли языковъ семь человекъ татаръ“

Тамъ же.

„ А изъ Азова безпрестанно посмлаютъ азовцы къ крымскому хану о помочи И турецкой салтанъ хотѣлъ къ нимъ прислать 50 каторгъ и велѣлъ де салтанъ къ Азову вѣсти лѣсъ, а ставить де имъ на Дону на устьѣ городъ.“

умѣли отступить, что нелишились ни одного судна и даже не потеряли ни одного человѣка (319).

Казаки испрашиваютъ отъ государя себѣ въ помощь ратныхъ людей подъ предводительствомъ воеводъ. Еще до прибытія къ Азову крымскаго хана и турецкихъ войскъ, казаки, по первому извѣстію о вооруженіи мусульманъ, послали въ Москву знатныхъ старшинъ: Ѳедора Будана и Фрола Минаева, просить вспомошествованія войскомъ и скорѣйшей присылки обѣщаннаго Государемъ жалованья. Между тѣмъ отъ плѣнныхъ безпрерывно получали новыя свѣдѣнія, что гарнизонъ азовскій со дня на день увеличивается разными войсками и изъ Константинополя идутъ суда съ ратными людьми. Государь, одобряя казаковъ, писалъ къ нимъ, что какъ войска подъ начальствомъ воеводъ Семена и Ивана Хитрово, такъ и жалованье будетъ къ нимъ изъ Воронежа въ скорости. Проходятъ май и іюнь мѣсяцы, а войска російскаго не было на Дону; казаки ясно предвидѣли грозу и поймавъ подъ Азовомъ еще языка, подробно рассказавшаго имъ замыслы враговъ ихъ, отправили этого татарина въ Москву съ станичнымъ атаманомъ

(319) Тамъ же, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву августа 11-го 1660 года.

„ А ханъ крымской и салтанъ съ крымскою ратью и съ ордою и съ темрюцкими и съ томанскими черкесы подъ Азовъ пришли до 35 каторгъ и съ Царя-города пришли жъ и стоять подъ Азовомъ же на взморьѣ; и мы холопи твои, не вѣдая ихъ подъ Азовъ приходу, пошли было на море Азовское 30 стругами на крымскія мѣста и увидя мы тѣ каторги и хана крымскаго съ ратью и съ ордою и шатры ихъ, вернулись мы назадъ и пошли Коланчею, и турецкіе люди и ханъ съ ратью и съ азовцы, усмотря насъ, учинилъ въ Коланчѣ по обѣ стороны и по Дону пересѣдъ съ пушками и съ мѣльнымъ ружьемъ и съ лучнымъ боемъ, нехотя пропустить насъ назадъ; и дралися мы, холопи твои, съ ними день весь съ утра и до вечера и прошли Коланчею напроломъ съ великою нуждою и за боемъ великимъ пришли домой.“

Тамъ же, изъ распросныхъ рѣчей привезшаго ту отписку въ Москву станичнаго атамана Михайла Петрова . . . „И шли де они отъ тѣхъ турецкихъ и крымскихъ людей съ большимъ боемъ вереть шесть, а войско де выслало къ нимъ на выручку рѣкою и проходъ ихъ былъ въ войско съ моря съ великою нужею и съ жестокимъ боемъ.“

Григоріемъ Афонасьевымъ; повторяя просьбу свою о войскѣхъ и жалованьѣхъ. Царь вторично въ грамотѣ своей писалъ Донцамъ, что просимая ими помощь послана уже и вскорѣхъ придетъ на Донъ; но отправленные воеводы медлили и о походе ихъ не было никакого слуха. Въ сей крайности казаки принуждены были послать въ Москву третью станицу, съ атаманомъ Михайломъ Петровымъ, ходатайствовать о понужденіи нерадивыхъ воеводъ. Они донесли Государю, что крымскій ханъ пришелъ къ Азову въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца и расположился станомъ между рѣкою Дономъ и Донцомъ, а калга противъ него на лѣвой сторонѣ Дона; что татары имѣютъ намѣреніе строить по Дону крѣпости и разорить Черкасскій городокъ: „Если не получимъ скорой помощи твоей, писали они Государю, то не въ силахъ будемъ удержать татаръ; многіе товарищи наши и теперь уже, дожидаясь твоей рати и твоего жалованья, принуждены были отъ голоду и паготы разойтись (320).

Но между тѣмъ непріятельская сторона все усиливаясь, приступала уже къ работамъ и производила набѣги на казачьи городки. 25 сентября казаки отправили четвертую станицу въ Москву, съ атаманомъ Игнатіемъ Серебряниковымъ, съ извѣстіемъ, что татары непрерывно приходятъ къ Черкасскому городку по тысячѣмъ и больше, отгоняютъ у нихъ лошадей и рогатый скотъ; что для построения крѣпостей уже быютъ они сваи и приготавлиютъ камень (321).

(320) Тѣхъ же дѣлъ, отписка Войска Донскаго, привезенная въ Москву 1660 года августа 11 дня

„А намъ, холопѣмъ твоимъ, нишѣ противъ такового хана крымскаго и каторжнаго турскаго люду собранья, твоей государевой вотчины Черкаскова городка и рѣки всей оберегать и держать безъ твоей государевой милости и помощи не вѣмъ и не въ силу . . . а которые, государь, у насъ въ войскѣхъ были нужны люди казаки, и они ожидаючи твоей государевой службы и рати и твоего государева жалованья денежнаго и хлѣбнаго, отъ великихъ нужъ и голоду и паготы многіе разбрелися отъ насъ на Русь по твоимъ, Государь, украиннымъ городамъ.“

(321) Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станичнаго атамана Игнатія Сереб-

Государь, похваляя казаковъ за скорое доставленіе къ нему вѣстей, писалъ, что воеводы Семень и Иванъ Хитрово съ войскомъ отправлены изъ Воронежа 15 іюля; и что о скорѣйшемъ походѣ ихъ на Донъ послалъ къ нимъ указъ съ нарочнымъ; для отвлеченія же крымскаго хана отъ предпріятій на Дону, велѣно гетману Юрію Хмѣльницкому послать кошеваго атамана Запорожскихъ казаковъ съ большими силами для нападенія на крымскія области. Наконецъ, воеводы Хитрово съ 7-ю тысячами войска прибыли къ Черкасскому городку въ октябрѣ мѣсяцѣ и заняли лагерь близъ онаго.

Крымскій ханъ ставитъ крѣпости на верхнемъ устьѣ Каланчи и на Донцѣ. Но татары были дѣятельны: они окончили всѣ крѣпостныя работы еще прежде прибытія русскихъ войскъ. Ханъ самъ распоряжался работами, имѣя 40/т. татаръ и 10/т. венгровъ, волохъ и другихъ народовъ, присланныхъ къ нему отъ султана. Всѣ трудились неуспынно, такъ что въ полтора мѣсяца крѣпости уже были вооружены и готовы къ выдержанію натиска, Двѣ изъ нихъ поставлены при устьѣ протоки Каланчи по обѣимъ сторонамъ Дона, каждая имѣла въ окружности по 200 сажень, а высота стѣнъ въ 15, вмѣщала гарнизону 300 человекъ, третья гораздо обширнѣе первыхъ на Донцѣ, на 500 человекъ гарнизону (322).

ренникова, пріѣхавшаго въ Москву 3 августа 1660 года.

. . . „Да крымскіе де люди ставятъ городки на Дону выше устья Каланчи рѣки по обѣ стороны, да на устьѣ Дона, только де городовъ еще неоставили, а бьютъ подъ городовы стѣны сваи, а камень стѣнутъ за Донцомъ на крымской сторонѣ. А крымскіе де люди подъ ихъ казачьи городки приходятъ по тысячи и больше безпрестани и конскіе стада и животну отгоняютъ и дровъ имъ сѣчь и рыбу ловить недаютъ.“

(322) Тамъ же, распросима рѣчи станичнаго атамана Догина Семенова съ товарщицами, пріѣхавшихъ въ Москву 7 декабря 1660 года.

. . . „Да въ тожь де время изъ Крыму пришли крымскій ханъ и царевичъ, а съ нимъ де крымскихъ татаръ и черкасъ темрюцкихъ, и кабардинскихъ, и горскихъ и ногайскіе мурзы съ татары тысячъ съ 40, да работныхъ людей венгровъ и волоховъ и мутьянь съ 10 | т. и пришедъ де подъ Азовъ, на

Мусульмане твердо были увѣрены, что построениемъ сихъ крѣпостей заградятъ они казакамъ путь въ Азовское море; и въ самомъ дѣлѣ, мѣста для нихъ избранныя были чрезвычайно важны, такъ что ни одно судно немогло проплыть мимо ихъ не бывъ раздроблено крѣпостною артиллерію; но да бы и въ ночное время казаки немогли прокрадываться въ сихъ мѣстахъ, то проведены были чрезъ Донъ цѣпи. Казалось Азовъ сдѣлался недоступнымъ; но въ послѣдствіи времени увидимъ, что всѣ эти преграды не въ состояніи были удержать казаковъ отъ любимаго ими плаванія по Азовскому и Черному морямъ.—Сами казаки не въ состояніи были остановить работы татаръ: ихъ было въ Черкасскомъ городкѣ только 3/т., а ханъ, что бы имѣть полную свободу въ дѣлахъ своихъ, посылалъ ежедневно по нѣскольку большихъ партій къ Черкасскому и другимъ городкамъ, дабы занимать казаковъ единственно ихъ защитою. Устроивъ все какъ думалъ и снабдивъ новыя крѣпости горнизономъ и всѣми припасами, ханъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, прежде прихода на Донъ русскихъ воеводъ, возвратился въ Крымъ. Зиму російскія войска оставались въ бездѣйствіи; только 1,000 человекъ ходили для смотрѣнія новыхъ татарскихъ крѣпостей; проникнувъ до Азова, они выжили предмете онаго и захватили нѣсколько человекъ въ плѣнъ. Важнѣйшихъ дѣйствій непредпринимали они потому, что зимою ожидали прихода большой татарской рати и рассчитывали, что если до того времени открыть военныя дѣйствія противу крѣпостей, то легко можетъ произойти недостатокъ въ порохѣ, отъ чего лишатся они средствъ защищать себя отъ непріятелей (323).

Дову на перевозѣ, по выше Каланчи, гдѣ принимаютъ и отдають государевыхъ пословъ, по обѣ стороны поставили двѣ башни каменныя и межъ башень чрезъ Донъ подѣлали цѣпи . . . Дона, Дониѣ и на усть протѣзнаго противъ Азова поставили городъ каменной же, а въ городѣ 4 башни и въ тѣхъ башняхъ и въ городкѣ поставили нарядъ большой и малой, и въ башняхъ оставили человекъ по 300, а въ городкѣ съ 500 человекъ“.

(323). Тамъ же.

„А въ войскѣ де при нихъ говорили, что де нынѣ тѣхъ крѣпостей разо-

Положеніе казаковъ и россійскихъ войскъ послѣ построенія татарами крѣпостей. Но положеніе ихъ время отъ времени становилось затруднительнѣе: подвозъ провіанта и другихъ потребностей изъ Россіи промышленниками, по причинѣ открытія военныхъ дѣйствій, прекратился; присланнаго же отъ Государя въ жалованьѣ осталось весьма мало, и тотъ казаки подѣлили между собою. Въ этой крайности послали въ Москву станичнаго атамана Ивана Степанова съ просьбою о присылкѣ къ нимъ военныхъ и жизненныхъ припасовъ; атаману наказано доложить Царю, что съ самаго существованія Донскаго войска они никогда не находились въ такомъ стѣсненномъ положеніи: заграждены устья Дона и отнята у нихъ возможность выходить въ море для добычи (324).

Государь приказалъ весною послать къ казакамъ 7,000 руб. денегъ, 5,000 четвертей провіанта, 200 половниковъ гамбургскихъ суконъ, 200 пуд. пороху и 100 пуд. свинцу; и тогда же отправилъ объ этомъ къ нимъ извѣстіе. Они скучали и томились, сидя въ своемъ Черкасскомъ городкѣ, изрѣдка посылали охотниковъ для развѣдыванія о намѣреніяхъ крымцевъ и турокъ; приводимые плѣнные лишь только устрашали ихъ, рассказывая, что съ открытіемъ весны турецкій султанъ пришлетъ вновь суда свои съ войскомъ и различными припасами для построенія еще одной крѣпости на устьѣ Дона, что

рять нѣколи, и опасаясь прихода крымскаго, чтобъ въ приходѣ пушечными запасами въ войскѣ было не скудно, а тѣхъ де крѣпостей oprичъ наряда разорить печѣмъ; а чтобъ де съ весны рано до травы собравъ все войско Донецкое, и съ государевыми людьми итти на тѣ крѣпости и разорить ихъ снарядами, стругами, и сухимъ путемъ, покажется крымскому за коннымъ кормомъ нельзя будетъ на выручку итти.“

(324). Тамъ же, распрѣсленныя рѣчи станичнаго атамана Ивана Степанова, пріѣхавшаго въ Москву 20 декабря 1660 года.

„А какъ де и стало на Дону войско быть и таково де утѣшенія имъ николи небывало, что имъ нынѣ для промысловъ своихъ ходить нигуды нельзя, и многіе де безъ промысловъ съ Дону отъ нихъ разбредутся.“

крымскій ханъ съ татарами самъ будетъ къ этому времени (325), что, сверхъ того, въ ту же зиму на истребленіе жилищъ казачьихъ готовится уже на Кубани войско. Такіе слухи съ каждымъ днемъ подтверждались, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ многочисленная толпа крыцмевъ дѣйствительно явилась внезапно подъ Черкасскимъ городкомъ и сидилась напасть на станъ воеводъ Хитрово (который расположенъ былъ въ полверсты отъ Черкасаго городка и обнесенъ землянымъ валомъ); но казаки, примѣтивъ намѣренія татаръ, въ то же время сдѣлали вылазку, соединились съ войскомъ воеводъ Хитрово, напали на непріятелей и, по кратковременномъ сраженіи, обратили ихъ въ бѣгство (326).

Побѣдители радовались недолго: оказался недостатокъ въ провіантѣ и другихъ потребностяхъ, въ станѣ воеводъ Хитрово, войско начало роптать и выходить изъ повиновенія, явились возмутители, которые, съ единомышленниками своими, поднявъ знамена вышли изъ лагеря, въ намѣреніи достигнуть предѣловъ Россіи; но силою были возвращены въ лагерь. Неустройства эти прекращены были вмѣстѣ съ привозомъ весною изъ Воронежа провіанта и другихъ вещей.

Неудачный приступъ казаковъ къ Донецкой крѣпости и Баланчинскимъ башнямъ. Казаки готовились къ веснѣ воевать крѣпости, послали благовре-

(325). Тамъ же.

„А слухъ де имъ на Дону въ войскѣ отъ выходцовъ есть, что въ Азовъ турецкой салтанъ на весну хочетъ прислать воинскихъ людей по прежнему въ каторгахъ, да и крымской де ханъ тутъ же къ нимъ будетъ и хотять де, пришесть, ставить третій городъ на устьѣ верхнемъ у Дона.“

(326). Тамъ же.

„И послѣ де ихъ отпуску (то есть послѣ отпуска станичнаго атамана Логна Семенова съ товарищами) приходили подъ новой городокъ, гдѣ стоятъ государевы ратные люди, крымскіе, и погайскіе, и черкесы и азовскіе многіе люди, и они де изъ войска казацкаго на тѣхъ татаръ ходили и бой съ ними у нихъ былъ, и воеводы же къ нимъ на помощь государевыхъ ратныхъ людей на нихъ посылали жъ и тѣхъ де они татаръ отъ себя отбили.“

менно во всѣ казачьи городки грамоты о собраніи всего войска Донскаго къ Черкасскому; послали въ Москву станицу съ вѣстями и съ просьбою о присылкѣ къ нимъ пушечныхъ ядеръ. Между тѣмъ слухъ о прибытіи къ Азову крымскаго хана время отъ времени подтверждался; наступило весеннее время, а его еще небыло; казаки, пользуясь этимъ, съ общаго совѣта съ воеводами Хитрово рѣшились испытать сначала счастія надъ Донецкимъ замкомъ; въ этомъ намѣреніи, въ мартѣ мѣсяцѣ 1661 года, выступили они въ походъ, расположились станомъ около замка и начали осаду. Съ одной стороны низменное мѣстоположеніе и недостатокъ артиллеріи, а съ другой опасеніе прихода крымцевъ, заставили ихъ ускорить приступъ безъ нужныхъ приготовленій. Сначала дѣло шло у нихъ удачно; преодолевъ всѣ препятствія, они подошли къ замку, спустились въ ровъ, взошли по лѣстницамъ на стѣну и начали уже ломать крыши у башенъ, какъ вдругъ воевода Иванъ Хитрово, отъ робости ли или зависти, прислалъ изъ стана своего повелѣніе отступить отъ замка войскамъ своимъ (327).

Огорченные казаки съ прискорбіемъ должны были оставить осаду и возвратились въ Черкасскій городокъ, потерявъ убитыми 50 человекъ. Казаки приносили къ Царю жалобу на

(327) Тамъ же, отписка Донскихъ казаковъ, привезенная въ Москву 27 іюня 1661 года.

„ Ходили мы, холопи твои, съ твоимъ государевымъ стольникомъ и воеводою съ Иваномъ Хитрымъ и съ ратными людьми подъ новой Донецкой городъ, и къ тому городу приступали накрѣпко и съ лѣстницами и на стѣнѣ были и у башенъ кровли взломали и твоего Государскаго Величества стольникъ и воевода Иванъ Хитрой на приступѣ не былъ, и стоялъ отъ того Донецкаго города за Донцомъ верстахъ въ трехъ и больше, и какъ мы, холопи твои, съ твоими государевыми ратными людьми на томъ городѣ на стѣнахъ и у башенъ кровли взломали, и твоего Царскаго Величества стольникъ и воевода Иванъ Хитрой прислалъ отъ себя изъ табора начальныхъ людей и велѣлъ отъ того города прочь отступить твоимъ государевымъ ратнымъ людямъ, и тѣ твои государевы ратные люди отъ того города по его Ивановѣ Хитрова присылкѣ прочь пошли.“

воеводу Хитрово за этотъ его поступокъ. Между тѣмъ удобное для приступовъ время миновало, наступили большіе разливы воды, которые препятствовали подойти близко къ каланчинскимъ башнямъ сухимъ путемъ.

Только что возвратились казаки къ Черкаску, какъ получили новыя вѣсти о походѣ къ Азову турецкихъ и крымскихъ войскъ и о намѣреніи ихъ поставить еще двѣ крѣпости; немедленно послали они просить вновь о присылкѣ стѣнно-битныхъ орудій и прибавкѣ російскаго войска, коего на Дону оставалось способнаго носить оружіе не болѣе 3/4 человѣкъ; прочія разбѣжались отъ худаго управленія (328).

Крымскій ханъ имѣлъ въ готовности многочисленное войско противу казаковъ, но отправилъ оное, въ слѣдствіе договора, на помощь къ польскому королю, у коего въ то время продолжалась война съ Россіею. Казаки, желая воспользоваться отсутствіемъ крымцевъ, предприняли намѣреніе осадить Каланчинскія башни. Для этого были вооружены все войска, находившіеся въ Черкасскомъ городѣ, и 2 августа приступили къ башнямъ, устроили близъ оныхъ шанцы и начали изъ орудій производить пальбу; но отъ непрерывной стрѣльбы у нихъ разорвало три пушки и истраченъ весь порохъ; они рѣшились идти на приступъ, поставили къ стѣнамъ лѣстницы и уже взошли было на стѣну, но были отбиты. Низменное мѣстоположеніе, на коемъ основаны были крѣпости, препятствовало имъ вести подъ башни подкопы, сверхъ того азов-

(328) Тамъ же, отписка Донскаго войска, привезенная въ Москву 16 апрѣля 1661 года.

„А тотъ де городокъ (построенный на Донцѣ) и каланчинскіе башни стоять на самыхъ низкихъ мѣстахъ и опричь стѣннопробитныхъ пушекъ взять ихъ нельзя. Да имъ же де на Дону учинилось отъ выходцовъ подлинно вѣдомо, что нынѣшнею весною крымской ханъ . . . будетъ ставить городки выше тѣхъ прежнихъ крѣпостей по Дону на верхнемъ устьѣ Донца и на устьѣ Темсриика, и имъ де атаманамъ и казакамъ безъ государевыхъ прибавочныхъ ратныхъ конныхъ и пѣшихъ людей противъ ханова большаго собранья стоять будетъ не съ кѣмъ.“

скій гарнизонъ безпрепятственно рѣкою Дономъ снабжалъ эти крѣпости людьми и воинскимъ снарядомъ (329).

Въ замѣнъ неудачи своей походное войско, прокопавъ Казачій ерикъ, отправило на море на 20 стругахъ казаковъ для поисковъ; близъ урочища, называемаго Бѣлосарай, повстрѣчались они съ пятью турецкими кораблями, на коихъ находилось 500 человекъ турокъ, подъ начальствомъ Сеинъ-паши, посланныхъ изъ Константинополя на Донъ для усиленія гарнизона въ новыхъ крѣпостяхъ; казаки немедленно окружили корабли эти и вступили съ ними въ бой, но были отбиты безъ малѣйшей, впрочемъ, потери въ людяхъ. Не предпринимая дальнѣйшихъ покушеній противу сихъ кораблей, морское войско отправило сухимъ путемъ двухъ человекъ казаковъ въ Черкасскъ съ увѣдомленіемъ о бывшемъ сраженіи съ турками и о принятіи осторожности отъ нихъ, а между тѣмъ сами пустились въ Черное море, для опустошенія крымскихъ береговъ (330).

(329) Отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 18 сентября 1661 года.

„По твоему, В. Государя, указу пошли мы, холопы твои, подъ каланчинскіе крѣпости, что поставилъ вновь крымской ханъ, и подъ тѣ крѣпости пошли и гдѣ намъ, холопѣмъ твоимъ, быть, отъ тѣхъ крѣпостей за полверсты, учинили земляной валъ и подъ тѣми Каланчинскими земляными башнями поставили шанцы, отъ башенъ сажень за сто, а иные и меньше и подъ тѣми крѣпостями промыслъ съ твоими ратными людьми чинили вмѣстѣ, сколько намъ, холопѣмъ твоимъ, милосердый Богъ помощи подалъ и на одной башнѣ верхней большой бой изъ пушекъ сбили, а средняго, Государь, бою тѣ твои государевы пушки не взяли . . . и мы . . . съ твоими ратными людьми . . . пошли къ тѣмъ башнямъ съ лѣстницами на пристунъ и на одной башнѣ на стѣнѣ съ лѣстницами были и Божіею, Государь, волею тѣхъ башенъ не взяли.“

(330) Тѣхъ же дѣлъ, расиросныя рѣчи станичнаго атамана Терентія Павлова, прибывшаго съ Дону въ Москву октябрю 17 дня 1661 года.

„Приходилъ подъ Азовъ крымской царевичъ съ татары, а съ нимъ было татаръ 3,000 челов., да моремъ пришли подъ Азовъ же на пяти корабляхъ съ турецкимъ Сеинъ-пашою съ 500 человекъ, и пришедъ со всѣми людьми, на Бѣлосарай, встрѣтятся съ Донскимъ войскомъ, которые были на море въ судѣхъ, съ ними бились и къ кораблямъ Донское войско приступало и многихъ у нихъ турецкихъ людей побилъ, и паша съ ратными людьми пошелъ въ Азовъ,

Около Судака пристали они къ берегу, высадили войско и пошли во внутрь Крыма, гдѣ разорили и выжгли десять татарскихъ деревень; нагрузивъ свои суда добычею всякаго рода, они поплыли обратно къ Дону. Вошедъ въ Азовское море, казаки, отъ сильной бури, лишились 7 струговъ, на коихъ бывшіе люди спаслись и пришли въ Черкасскъ степью, сражаясь на каждомъ шагу съ непріятелями. Прочія же суда, прибывъ къ казачьему ерику, нашли его засыпаннымъ камнями и землею, что однакожь не помѣшало имъ перетаскать суда свои въ Донъ; при семъ случаѣ они избѣгли еще гораздо большей опасности: ихъ ожидалъ около Азова крымскій царевичъ съ 3,000 татаръ (331).

С о ю з ь с ь К а л м ы к а м и. Среди опасныхъ военныхъ приготовленій казаковъ, присланъ былъ къ нимъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, отъ главнаго калмыцкаго владѣльца тайши и отъ

а присланъ де онъ съ ратными людьми, въ прибавку, сидѣть въ новыя крѣпости. А Донское де войско, которые съ тѣми турскими людьми бились, на 20 стругахъ пошли за море, на крымскія мѣста, и съ того де бою прислали въ войско на Донъ съ моря двухъ человекъ, и тѣ де казаки въ войскѣ имъ сказали, что у нихъ на море съ турскими людьми бой былъ и турецкихъ людей многихъ побили, а ихъ де Донскихъ казаковъ, государскимъ счастьемъ, Богъ помиловалъ, отошли всѣ въ цѣлѣ и пошли за море на крымскія мѣста. А которымъ де мѣстомъ казаки пошли на море и то де мѣсто, казачій ерикъ, крымской царевичъ съ азовскими и съ новоприбывшими людьми засыпалъ и закрѣпилъ; а закрѣпя, отступилъ царевичъ для корму въ черкасскія мѣста и хотѣлъ де на то мѣсто опять притти въ то время, какъ войско придетъ стругами съ моря.“

(331) Тѣхъ же дѣлъ, распроснивъ рѣчи войсковаго атамана Корнилія Яковлева, прибывшаго въ Москву ноября 27 дня 1661 года.

„Поѣхали де они къ Великому Государю съ Дону изъ войска тому 4-я недѣля, и предъ ихъ де приѣздомъ недѣли за двѣ ихъ посыльщики, которые были посланы на море 14 струговъ, пришли къ нимъ въ войско съ моря всѣ здорово, а сказали имъ: были де тѣ ихъ товарищи стругами на тѣхъ стругахъ подъ Крымомъ ниже Кафы, межъ Судочка на берегу, и въ томъ де мѣстѣ сожгли и разгромили деревень съ 10-ть, а семъ де струговъ моремъ размѣтали подъ Аргаткомъ, и которые де казаки были на тѣхъ стругахъ, и тѣ казаки пришли въ войско берегомъ по крымской сторонѣ, и по той де сторонѣ, идучи, бились съ татарами съ недѣлю и пришли въ войско всѣ здорово.“

прочихъ владѣльцовъ посолье мурза Баатырша Янгульдѣевъ, для мирныхъ переговоровъ. Главнѣйшія статьи заключеннаго между ними мира, состояли въ томъ, чтобы всему калмыцкому народу находиться по прежнему въ вѣчномъ подданствѣ Россійскаго Государя, чтобы другъ на друга никакихъ нападѣній не дѣлать и чтобы обоюдно помогать войсками противу общихъ непріятелей. Эти мирныя статьи были утверждены со стороны калмыцкаго посла присягою, въ залогъ же вѣрнаго соблюденія оныхъ были оставлены въ Черкасскомъ городѣ два аманата. Казаки одаривъ мурзу и свиту его, отпустили въ ихъ улусы; а для удостовѣренія въ дружескомъ своемъ расположеніи съ калмыцкимъ владѣльцемъ и испрошенія отъ нихъ помощи противу азовцевъ и крымцевъ отправили отъ себя къ нимъ знатныхъ старшинъ Федора Будана и Степана Разина, которые, получивъ отъ нихъ подтвержденіе заключенныхъ съ ихъ посломъ мирныхъ условій, оставили и съ своей стороны аманатовъ и привели съ собою 500 человекъ калмыковъ подъ начальствомъ мурзы Чагула (332).

Казаки приняли ихъ ласково, одарили начальника ихъ и

(332) Тѣхъ же дѣлъ, грамота на Донъ 1661 года іюля мѣсяца.

„Въ нынѣшнемъ 169 году, апрѣля въ 16 день, писали къ намъ В. Государю вы атаманъ и казаки съ станичники своими съ атаманомъ Дмитріемъ Афонасьевымъ съ товарищи, что въ нынѣшнемъ же 169 году февраля въ 20 день, прислали на Донъ къ вамъ атаманомъ и казакомъ, калмыцкіе тайши Дайчикъ-тайша и сынъ его Жончикъ-тайша и всѣ калмыцкіе и едисанскіе мурзы объ миру посланцовъ своихъ калмыцкаго мурзу Баатыршу Янгѣева съ товарищи, и аманатовъ дву человекъ они вамъ на миръ дали и шертовали они калмыцкіе посланцы на своей правдѣ на своей калмыцкой вѣрѣ за Дайчина тайшу и сына его Манчича - тайшу и за всѣхъ калмыцкихъ и едисанскихъ мурзъ и за всѣхъ воинскихъ людей на томъ, что имъ калмыцкимъ тайшамъ служить вамъ, Великому Государю, съ вами за одно и промыслъ надъ крымскими и ногайскими людьми чинить, и никакой хитрости имъ надъ нашими В. Государя людьми нечинить, а для мирнаго подкрѣпленія и для подлинныхъ вѣдомостей послали вы атаманъ и казаки къ калмыцкимъ тайшамъ съ ихъ калмыцкими посланцы своихъ Донскихъ казаковъ Федора Будана да Степана Разина.“

прочихъ мурзъ и въ тожь время, въ соединеніи съ ратными людьми, пошли на ногайскіе улусы, кочевавшіе около Азова. Нападеніе сихъ соединенныхъ войскъ было столь удачно, что невзирая на сильную помощь, высланную турками изъ Азова, они разграбили и разорили весь ногайскій улусъ, положили на мѣстѣ болѣе 500 татаръ и турокъ, захватили въ плѣнъ 500 и отбили 100 челов. російскихъ людей, находившихся въ плѣну у ногайцевъ. Казаки, желая еще болѣе привязать къ себѣ калмыковъ, отдали имъ всѣхъ плѣнныхъ и отбитыхъ русскихъ людей, съ условіемъ, чтобы сихъ послѣднихъ тайши ихъ отправили отъ себя къ государю (333).

Съ этого времени калмыки начали приближаться кочевьями своими къ Дону и производить съ казаками торговлю. Но эта дружеская связь скоро была прервана чрезъ многія обиды и разоренія, причиненныя ими казачьимъ городкамъ.

Въ этомъ же 1661 году всѣ калмыцкіе владѣльцы и народъ, въ присутствіи Казбулата-мурзы Черкаскаго и дьяка Горохова, учинили торжественную присягу на подданство Россійскому Государю (334).

(333) Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станичнаго атамана Терентія Павлова 1661 г. октября 17 дня.

„А какъ де къ нимъ въ войско пріѣхали посыльщики ихъ, атаманъ Оезоръ Буданъ да Степанъ Разинъ, изъ калмыковъ, и въ то де время пришли къ нимъ калмыковъ съ 500 челов., и съ тѣми де калмыки ходили изъ войска, атаманъ Карнило Яковлевъ и государевы воеводы съ ратными людьми къ Азову на ногайскіе улусы, и изъ Азова де азовцы пришли къ ногайцамъ на помощь, и съ ними бой у нихъ былъ, и калмыки де на томъ бою бились радѣтельно, а бой де у нихъ лучной да копейной, и на томъ де бою ногайскихъ и азовскихъ людей побили больше 500 человекъ и взяли въ полонъ съ 500 же человекъ, да отбили русскаго полону больше 100 челов., и тотъ де азовской и ногайской полонъ весь войскомъ отдали калмыкамъ для того, что бы де имъ впредь повадно было на крымскіе улусы ходить. А русскаго де полону имъ въ войско калмыки не дали, а сказали, что тотъ русской полонъ везуть они къ тайшамъ, а тайши де тотъ полонъ отошлютъ къ Великому Государю отъ себя.“

(334) Тѣхъ же дѣлъ, грамота войску Донскому 1661 года въ іюль мѣсяцѣ.

Казаки вновь прокапывают ерикъ и врываются въ Азовское и Черное море. Между тѣмъ число людей въ станѣ воеводъ уменьшилось, не насчитывали уже и 300 человекъ, а опасность напротивъ того оставалась таже. Снова отправлена станица въ Москву бить челомъ Царю о присылкѣ провіанта, пушекъ и войскъ (335).

Дворъ Россійскій, увѣренный въ стѣсненномъ положеніи казаковъ, обнадеживалъ ихъ въ скоромъ пособіи и въ слѣдствіе того было предписано князю Черкасскому съ терскимъ и астраханскимъ войскомъ находиться въ готовности въ Царицынѣ. Гетману Малороссійскихъ и Запорожскихъ войскъ Брюховецкому и калмыцкимъ тайшамъ велѣно, для удержанія непріязненныхъ дѣйствій татаръ, врваться въ Крымъ и разорять подвластныя хану улусы; кромѣ сего было отправлено къ казакамъ 8,000 руб. денегъ, 200 половинокъ гамбургскихъ суконъ, 200 пуд. пороху, 100 пуд. свинцу и 5,000 четвертей хлѣба. Жалованье это, каковаго доселѣ казаки еще не получали, послано было имъ единственно изъ уваженія къ бѣдственному положенію ихъ. Московскій дворъ немогъ въ то время дать казакамъ непосредственной помощи войскомъ, ибо всѣ войска были заняты въ войнѣ съ Польшею, коей дѣятельно помогалъ крымскій ханъ и имѣлъ болѣе всѣхъ вліяніе на худой успѣхъ россійскаго оружія. Къ рѣшительной невыгодѣ нашей, онъ намѣревался вторгнуться въ Малороссію и въ нашу украину; надлежало отвлечь его отъ сихъ замысловъ, перенеся войну въ его собственныя владѣнія. „Соберите всѣ свои силы, писалъ къ казакамъ Государь,

(335) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 18-го сентября 1661 года.

„А если, Государь, твоего В. Государя большаго голандскаго наряду и твоей прибыльной конной и пѣшой рати къ намъ холопѣмъ твоимъ не будетъ, и намъ холопѣмъ твоимъ съ твоей государевой плесловучія Дону рѣки разбрестися будетъ всѣмъ розно, потому что держати намъ холопѣмъ твоимъ не въ мочь и кормиться не чѣмъ.“

ниспровергните твердыни вражескія, побѣдите самую природу и возжгите пламень опустошенія въ областяхъ крымскихъ; слава поведетъ васъ на брань и мои щедроты покроютъ побѣдителей.“ Казаки закипѣли мпченіемъ и въ короткое время снарядили 26 струговъ и вмѣстѣ съ воеводою Яковомъ Хитрово двинулись, 17 апрѣля, къ устью Дона, коимъ для безопаснаго прохода въ море сопутствовало все войско находившееся въ Черкасскомъ. На казачьемъ ерикѣ они были встрѣчены ружейнымъ огнемъ изъ окоповъ, сдѣланныхъ турками незадолго предъ симъ на верхнемъ устьѣ ручья; здѣсь завязалось сраженіе, кончившееся тѣмъ, что казаки вытѣснили турокъ изъ окоповъ и засѣли въ оныхъ сами. Поощренные первымъ успѣхомъ, они раскопали засыпанный турками ерикъ и провели по немъ назначенные къ походу суда. Гарнизонъ, сидѣвшій въ каланчинскихъ башняхъ, не смѣлъ воспрепятствовать ихъ дѣйствию (336).

Азовцы, не въ состояніи будучи удержать казаковъ отъ предпринятаго ими намѣренія, наскоро послали гонцовъ къ крымскому хану съ просьбою о присылкѣ войскъ къ Азову

(336). Дѣла турецкія, отписка Донскихъ казаковъ, привезенная въ Москву 12 мая 1662 года.

„Апрѣля въ 17 день, по твоему, Великаго Государя, указу отпустили мы, холопи твои, войска на твою Великаго Государя службу, стругами на море—на Крымъ и на крымскіе улусы, а твой государевъ стольникъ и воевода Яковъ Тимофѣевичъ Хитрово и съ твоими государевыми ратными людьми пошелъ съ войскомъ на Крымъ же—на крымскіе улусы, вмѣстѣ, и мы холопи твои войско и твоего государева стольника и воеводу Якова Тимофѣевича и твоихъ государевыхъ ратныхъ людей ходили провожать, и увѣдавъ, Государь, крымскіе и азовскіе люди, что войско идетъ на твою В. Государя службу на море, шанцы они сдѣлали противъ казачьяго ерика, на Каланчинскомъ острову, на устьѣ, и въ тѣхъ, Государь, шанцахъ, тѣ крымскіе и азовскіе люди съ огненнымъ боемъ и съ пушками сидѣли и у насъ холопей твоихъ съ ними бой великій былъ, и затѣмъ, Государь, великимъ боемъ, милостію Божіею и твоимъ Государевымъ Царевымъ и В. Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца счастіемъ, тѣхъ крымскихъ и азовскихъ людей изъ шанцевъ выбили и шанцы ихъ мы холопи твои взяли, а въ то, Государь, время, мы холопи твои казачій ерикъ раскопали и струги морскіе, 26 струговъ, съ войскомъ на море пропустили, далъ Богъ, здорово.“

для воспрепятствованія казакамъ при обратномъ возвращеніи ихъ на Донъ; вслѣдствіе чего былъ отправленъ къ Азову калга съ многочисленнымъ войскомъ, къ коему присоединились потомъ ногайцы, кочевавшіе по Кубани. Въ іюнѣ мѣсяцѣ на помощь казакамъ пришелъ къ Черкасскому городку съ войсками Каспулатъ князь Черкасскій и нѣсколько калмыковъ. Калга, непочитая себя довольно сильнымъ противу стать казакамъ и вновь пришедшимъ войскамъ, убѣждалъ крымскаго царя прислать къ нему новыхъ войскъ. Въ ожиданіи этого вспомошествованія, онъ немедленно приступилъ къ построенію новой крѣпости при устьѣ казачьяго ерика и къ засыпкѣ онаго камнями и землею.

Между тѣмъ казаки спокойно производили свои морскіе поиски, сначала пристали они къ Керчи, разорили этотъ городокъ и всѣ улусы, кочевавшіе около онаго, и захватили большое число плѣнныхъ россійскихъ людей (337).

Потомъ поплыли чрезъ Черное море къ Трапезону, около коего сожгли нѣсколько деревень и, нагрузивъ суда свои добычею, возвратились къ крымскимъ берегамъ; близъ деревни Игельѣ вышли на берегъ, гдѣ получили нѣкоторую добычу и поплыли къ устьямъ Дона (338).

(337) Дѣла Донскія, грамота на Донъ отъ 16 октября 1662 г.

„Сентября въ 26 день писали къ намъ, В. Государю, вы атаманы и казаки съ станичники своими съ атаманомъ съ Ѳедотомъ Прокофьевымъ съ товарищи, что посылали съ воеводою съ Яковомъ Хитрово и съ нашими Великаго Государя ратными людьми Донскихъ атамановъ и казаковъ на крымскіе улусы войною, и милостію Божіею и нашимъ В. Государя и нашихъ государскихъ чадъ благовѣрнаго Царевича и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и благовѣрнаго Царевича и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича частіемъ, крымскіе улусы Керчь съ уѣздомъ разорили и ясырь многой поимали и нашихъ В. Государя взятыхъ плѣнныхъ людей многихъ изъ плѣну свободили; да съ тѣми же своими станичники прислали къ намъ Великому Государю въ языкѣхъ дву человекъ татаръ и мы, Великій Государь, наше Царское Величество, за вашу службу жалуемъ васъ—милостивно похваляемъ.“

(338) Крымскія дѣла, статейный списокъ бывшаго въ Крыму 1662 года посланникомъ Якова Якушина.

„Іюля въ 5 день посылали посланника къ Маметше князю переводчика

Походное войско имѣло свѣдѣніе о всѣхъ препятствіяхъ, какія оно должно преодолѣть на казачьемъ ерикѣ, и потому заблаговременно дало знать о днѣ прибытія своего къ устьямъ Дона. По сему извѣщенію всѣ войска, находившіяся въ Черкасскѣ, двинулись рѣкою Дономъ и сухимъ путемъ къ каланчинскимъ башнямъ. Между тѣмъ походное войско, выступивъ въ устьѣ Дона, увидѣло, что калга противу поставилъ ему многочисленныя силы; оно оставило суда свои на морѣ, подъ охраненіемъ 300 человекъ казаковъ, а само рѣшилось проложить себѣ путь сквозь непріятелей мечемъ. При рукавѣ Дона, называемомъ Свиннымъ, завязалось сраженіе, татары, бывъ тѣсними съ тылу россійскими войсками, не въ состояніи были остановить стремительнаго нападенія казаковъ съ переди; наконецъ, послѣ кровопролитнаго боя, казаки соединились съ россійскими войсками и тѣмъ избѣгли грозившей имъ опасности (339).

Кутломамета и Маметша князь ему сказывалъ: Донскіе казаки объявились, іюля въ 3 день, подъ Игелью, выходили на берегъ для добычи, и въ то время взяли у нихъ дву человекъ Донскихъ казаковъ и тѣ казаки въ распросѣ сказали, были они за моремъ на Анадольской сторонѣ подъ Трализономъ, въ Унгѣ многіе мѣста пожгли.“

(339) Тамъ же.

„Августа 4-го пріѣзжалъ къ посланникамъ на станъ ближняго человека Сеферъ Газы аги язычей Кутлумка . . . и сказывалъ: присланъ изъ подъ Азова отъ калги царевича въ Крымъ къ царю копычей съ вѣстью, приходили съ Дону донскіе казаки большимъ собраніемъ, подъ новыя городки (каланчинскіе башни) для пропуску съ моря Донскихъ казаковъ, которые были на морѣ и у калги царевича и у азовскаго паши съ Донскими казаки былъ бой, и на томъ бою уронъ ратныхъ людей учинился большой на обѣ стороны.“

Тамъ же.

„Августа 18-го пріѣзжалъ къ посланникомъ на станъ, ѣдучи изъ подъ Азова, Батырша мурза Сулемановъ и въ разговорахъ посланникамъ сказывалъ: калга царевичъ и карага, всѣ которые были съ калгою царевичемъ подъ Азовомъ, пришли въ Крымъ вмѣстѣ съ нимъ Батыршею мурзою, а Донскіе казаки, которые на морѣ, пошли на Донъ сухимъ путемъ, и у калги царевича и у азовскаго паши съ тѣми Донскими казаки былъ бой и у Свиного протоку Донскіе казаки большимъ боемъ прошли Донъ, а которые Донскіе казаки на томъ бою взяты, и тѣ казаки въ распросѣ сказывали: оставили они въ стру-

Оставшіяся же суда на морѣ, вошли въ рѣчку Калміусъ, тамъ казаки, дождавшись товарищей изъ Черкаска, затопили суда въ оной и съ полученною добычею пошли къ Черкаску степью.—Калга, извѣщенный объ этомъ движеніи казаковъ, выступилъ со всеми войсками и нагналъ ихъ на рѣчкѣ Тузловѣ, гдѣ казаки заблаговременно успѣли окопаться. Эта предосторожность, предпринятая ими заблаговременно, избавила ихъ отъ совершенной гибели: они нѣсколько дней мужественно выдерживали все приступы татаръ, которые, наскучивъ неудачами, ушли въ Крымъ, а казаки благополучно достигли до Черкаска (340). Едва миновало два мѣсяца послѣ этого столь славно окончившагося похода, какъ 120 человекъ отважныхъ казаковъ предприняли еще разъ испытать своего счастья въ землѣ непріятельской; снарядили три струга погруженные въ рѣчкѣ Калміусѣ и поплыли моремъ къ крымскимъ берегамъ. Недалеко отъ Кафы повстрѣчались они съ двумя турецкими кораблями, нагруженными хлѣбомъ для продовольствія азовскаго гарнизона и на коихъ, сверхъ того, находилось 100 человекъ турокъ, посланныхъ въ каланчинскія башни на перемѣну тамъ находившимся янычарамъ. Казаки устрѣмились на эти суда и овладѣли ими послѣ упорнаго сраженія, 40 человекъ турокъ положили на мѣстѣ, а прочіе взяты въ плѣнъ. Затѣмъ, непредуринимая дальнѣйшихъ по-

гахъ на Азовскомъ морѣ 300 челов. и велѣли идти въ Калміусъ и дожидаться съ Дону къ себѣ выручки.“

(340) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 16 декабря 1662 года.

„Да въ прошломъ, Государь, въ 170 году, какъ мы, холопи твои, шли съ моря и сидѣли, Государь, въ оной въ осадѣ на стени, на Тузловѣ рѣчкѣ отъ крымскаго царевича калги и отъ многихъ воинскихъ людей и милостію Божією и помощію Пресвятыя нашея Богородицы Одигитріе и всехъ святыхъ молитвами и помощію и твоимъ Государевымъ счастіемъ, твоего государскаго недруга крымскаго царевича калгу и многихъ турецкихъ и всякихъ воинскихъ людей у него побили, а сами, Государь, мы, холопи твои, изъ осады отошли до своего Черкаскаго городка дакъ Богъ здорово.“

исковъ, казаки возвратились на Донъ съ богатою добычею (341).

Переговоры съ Крымомъ о мирѣ. Среди такихъ происшествій на Дону, Россійскій Государь ревностно продолжалъ войну съ польскимъ королемъ, коему помогалъ крымскій ханъ, имѣвшій большое вліяніе на худой успѣхъ російскихъ войскъ въ продолженіи 1659 и 1660 годовъ. Дабы привлечь его на свою сторону, російскій дворъ отправилъ въ Крымъ 1660 года дьяка Ивана Татаринова, съ порученіемъ, склонить перваго царедворца ханскаго Сеферъ-Газы-агу уговорить хана, калгу и нурадына отстать отъ союза съ польскимъ королемъ, обѣщая при томъ прислать къ нимъ сверхъ обыкновенныхъ посылокъ 30/т. ефимковъ; а если и на это несогласится, то обѣщать 40, 50 и 60/т. ефимковъ. Татариновъ, являсь къ Сеферъ-Газы-агѣ нашелъ его непреклоннымъ взять на себя посредство къ заключенію съ Россією мира. Газы - ага, вмѣсто благосклоннаго отвѣта, отозвался Татаринову: „Россійскій Государь въ грамотѣ своей, присланной къ хану, именуетъ себя восточныхъ и западныхъ странъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ, напротивъ того, на востокѣ и на западѣ, находится много независимыхъ государствъ.“ Потомъ сей же царедворецъ объявилъ Татаринову: „Государь вашъ ищетъ дружбы у хана нашего, а самъ послалъ на Донъ 8,000 войскъ и велѣлъ приготовить 500 струговъ, вмѣстѣ съ Донскими казаками сдѣлать напа-

(341) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Коритя Яковлева, пріѣхавшаго въ Москву 20 генваря 1663 года.

„А какъ де они пошли изъ войска и при нихъ нынѣшніе осени, послѣ отпуску станичниковъ ихъ, которые присланы передъ ними къ В. Государю, послали изъ Міуса рѣчки войскомъ на море на крымскую сторону три струга, а въ стругу по 40 человекъ казаковъ, и на море де близко Кафы сошлись съ ними два корабля съ хлѣбомъ, а шли они съ крымской стороны въ Азовъ, да на тѣхъ же корабляхъ было со 100 человекъ воинскихъ людей янычанъ, а шли они на обмѣну къ башнямъ, и милостію Божією тѣ два корабля взяли, и на тѣхъ корабляхъ турецкихъ людей янычанъ живыхъ взяли 60 человекъ, а достальныхъ побили.“

деніе на Крымъ и на турецкія области. Объяви своему Государю, что мы дали повелѣніе азовскому коменданту разорить жилища Донскихъ казаковъ, а сами идемъ съ многочисленнымъ войскомъ къ російскимъ границамъ и Москвѣ (342).

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ ханъ призывалъ къ себѣ Татарина, говорилъ съ нимъ ласково и надѣвѣ на него и переводчика его дорогіе кафтаны, отпустилъ въ Россію съ гонцомъ своимъ и съ грамотою къ Російскому Государю, въ коей требовалъ возвращенія польскому королю всѣхъ завоеванныхъ городовъ и вывести изъ Малороссіи войска, угрожая, въ случаѣ несоглашенія на сіи предложенія, напасть совокупно съ польскимъ королемъ на Россію; далѣе, въ этой же грамотѣ пишетъ: „Вы всегда отговариваетесь, что казаки Донскіе воры, повелѣнія вашего не слушаютъ и что силъ вашихъ недостаточно содержать ихъ въ границахъ повиновенія; какъ между тѣмъ по вашему же повелѣнію приготовлено на Дону 500 струговъ для завоеванія нашего государства; но мы силы твоей небоимся и велѣли противустать имъ 15/т. войскъ; ты называешь себя обладателемъ обширныхъ земель и повелителемъ многочисленнаго войска, надѣешься на множество, но мы уповаемъ на Бога и станемъ по возможности противиться“ (343).

Грамота сія была наполнена многими грубыми выраженіями, кои были слѣдствіемъ одержанныхъ ханомъ побѣдъ надъ російскимъ войскомъ подъ Конотопомъ и Чудновымъ.

Російскій Государь на сію грамоту отвѣчалъ хану въ благосклонныхъ выраженіяхъ; онъ писалъ: „что войска посланы на Донъ и струги не для нападенія на крымскія об-

(342) Дѣла крымскія, № 21, статейный списокъ дѣка Ивана Татарина, отправленнаго въ Крымъ посланникомъ.

(343) Тамъ же, № 5, грамота крымскаго хана къ російскому государю, привезенная въ Москву крымскимъ гонцомъ Магметъ-Ингельдемъ 17-го апрѣля 1661 года.

ласти, но единственно для защиты границъ своего государства; не ты ли въ прошломъ 1659 г., нарушивъ мирныя постановленія, вторгнулся въ россійскіе предѣлы и разорилъ множество городовъ и сель, и когда послѣ сихъ опустошеній возвращался съ плѣномъ въ свои предѣлы, не ты ли писалъ ко мнѣ, что не только не прекратишь своихъ набѣговъ на границы наши, но даже похвалялся достигнуть Москвы и ея овладѣть; послѣ сихъ непріязненныхъ со стороны твоей дѣйствій, неужели не защищать мнѣ своихъ границъ вооруженною рукою. Впрочемъ для соблюденія тишины на границахъ, мы повелѣли воеводамъ нашимъ и Донскимъ казакамъ не дѣлать нападеній на крымцевъ и азовцевъ, если только со стороны ихъ прекратятся набѣги. До сего времени на Дону было тихо и спокойно, но когда, по повелѣнію твоему, были поставлены на Дону крѣпости, тогда азовцы непрерывными набѣгами начали утѣснять донскихъ казаковъ и россійскія войска, которые для защиты своей принуждены были давать имъ отпоръ и преслѣдовать ихъ въ построенныхъ крѣпостяхъ, тебѣ извѣстно, что Донскіе казаки живутъ на Дону издревлѣ и на устьяхъ онаго никогда со стороны вашей крѣпостей не было, то почему же не защищать имъ свои предѣлы“ (344).

Переговоры о мирѣ продолжались въ 1662 и 1663 годахъ, но чрезъ неумѣренныя требованія крымскаго хана миръ не былъ заключенъ. Ханъ требовалъ, что бы россійскія границы со стороны Польши остались тѣ же, какія были при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, что бы отказаться отъ завоеванныхъ у Польши провинцій и не вступаться за Запорожскихъ черкасъ; что бы свести съ Дону россійскія войска и унять казаковъ отъ нападеній на турецкія и крымскія владѣнія (345).

(344) Тамъ же, отвѣтная грамота крымскому хану, посланная въ Крымъ мая мѣсяца 1661 года.

(345) Тамъ же № 3, статейный списокъ бывшихъ въ Крымъ посланниками Ивана Оухтина и подъячаго Фирса Байдакова.

Эти переговоры съ крымскимъ ханомъ замѣчательны тѣмъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ въ первый разъ рѣшился оправдывать казаковъ; до сего же времени, какъ мы уже видѣли выше сего, въ подобныхъ переговорахъ съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ называлъ ихъ дерзкими ослушниками и всегда предоставлялъ имъ за разоренія, причиняемыя казаками ихъ областямъ, поступать съ ними по ихъ собственному произволу.

Набожность казаковъ. Побуждаемые набожно-стью, казаки въ 1656 году, находясь въ царскихъ полкахъ въ Польшѣ, взяли на рѣкѣ Виліе близъ города Вильны чудотворный образъ Богородицы Одигитріи, крестъ, евангеліе и книги; все это съ великою честію привезли въ Черкасскъ, гдѣ, по прошенію ихъ и по благословенію святѣйшаго патріарха Никона, построена церковь во имя Богородицы Одигитріи. Въ 1661 и 1662 годахъ, во дни притѣсненія казаковъ крымцами и ногайцами, многимъ набожнымъ изъ казаковъ нѣсколько разъ являлся въ сновидѣніяхъ образъ Божіей Матери Одигитріи и требовалъ, что бы оный перенесенъ былъ въ Вильну и поставленъ на прежнемъ мѣстѣ; что казаки обѣщали сдѣлать, но медлили исполненіемъ. Наконецъ въ послѣдній разъ явился онъ казаку Ивану Стародубцу, вскорѣ послѣ выдержанной Донцами атаки отъ крымскаго царевича на рѣч. Тузловѣ, и приказалъ объявить всѣмъ казакамъ, что если они неисполняютъ своего обѣщанія, то во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ не будетъ успѣха. Устрашенные такимъ видѣніемъ, казаки спѣшили привести обѣщаніе свое въ исполненіе: украсили образъ Богоматери золотомъ, жемчугомъ и дорогими камнями, нарядили станицу, подъ начальствомъ атамана Осипа Галактіонова, и при оной отправили его въ Москву съ великою честію, а вмѣстѣ съ станицею послали священника и діакона съ причтомъ для отправления въ дорогѣ предъ образомъ ежедневно сдужбы Божіей. Казаки просили Государя послать образъ этотъ изъ Москвы въ Вильну. Въ то время продолжалась война съ Польшею и по-

тому онъ былъ отправленъ изъ Москвы уже по заключеніи мира съ этою державою (346).

(346) Дѣла Донскія, отписка Войска Донскаго, привезенная въ Москву 16 декабря 1662 года.

„Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, холопи твои Донскіе атаманы и казаки, Осипъ Петровъ и все войско Донское челомъ бьетъ. Въ прошломъ, Великій Государь, въ 164 (1656) году, какъ былъ подвигъ твой Государевъ на Польскаго короля войною и въ томъ, Государь, году наши Донскіе казаки взяли подъ Вильною, на рѣкѣ Виліе, образъ Пречистыя Богородицы Одигитріи и животворящій крестъ и евангеліе и книги, и тѣ, Государь, чудотворную икону образъ Пречистыя Богородицы Одигитріе и крестъ животворящій и евангеліе и книги привезли изъ подъ Вильны наши Донскіе казаки къ намъ холопѣмъ твоимъ на Донъ въ войско, и по благословенію, Государь, Великаго господина Святѣйшаго Никона Патріарха Московскаго и всея Руссіи, а по нашему, холопей твоихъ, войсковому обѣщенію и челобитью построена у насъ холопей твоихъ на Дону церковь во имя ея Пречистыя Богородицы Одигитріи, и въ прошлыхъ, Государь, въ 169 и 170 годахъ отъ тое чудотворныя иконы многимъ людямъ явленіе было, чтобъ образъ ея Пречистыя Богородицы Одигитріе намъ холопьямъ твоимъ поставить по прежнему въ Вильнѣ; а кому, Государь, та чудотворная икона многимъ людямъ явилася, и мы холопи твои тѣмъ людямъ многожды не вѣровали, да въ прошломъ, Государь, въ 170 году, какъ мы холопи твои шли съ моря и сидѣли, Государь, въ окопѣ, въ осадѣ на стени, на Туловѣ рѣкѣ отъ крымскаго царевича калги и отъ многихъ воинскихъ людей и въ то, Государь, осадное время, та чудотворная икона Пречистыя Богородицы Одигитріи многимъ же людямъ явилася, что бы намъ холопьямъ твоимъ поставить ея чудотворную икону на старомъ мѣстѣ по прежнему въ Вильнѣ, а будетъ де мы холопи твои образъ ея чудотворныя иконы по прежнему въ Вильнѣ не поставимъ и намъ де милости Божіей и помощи нигдѣ небудеть, и какъ, Государь, мы холопи твои сѣдѣли отъ крымскаго царевича калги и отъ многихъ воинскихъ людей въ осадѣ въ окопѣ, обѣщалися ея чудотворную икону образъ чудотворныя Одигитріи поставить намъ по прежнему въ Вильнѣ, и послѣ, Государь, того нашего обѣщанія, милостію Божією¹¹ помощію ея пречистыя нашея Богородицы Одигитріе и всѣхъ святыхъ молитвами и твоимъ государскимъ счастіемъ твоего государева недруга крымскаго царевича калгу и многихъ турецкихъ и всякихъ воинскихъ людей у него побили, а сами, Государь, мы холопи твои изъ осады отошли до своего Черкаскаго городка далъ Богъ здорово; а какъ, Государь, мы холопи твои пришли къ себѣ изъ осады въ Черкаскаго городокъ, и та жь, Государь, чудотворная икона, образъ Пречистыя Богородицы Одигитріе явилася жь нашему донскому казаку Ивану Стародубцу, чтобъ, Государь, намъ холопьямъ твоимъ, се чудотворную икону поставить по прежнему въ Вильнѣ, а будетъ де мы холопи твои по обѣщанію своему ея чудотворную икону не поставимъ въ Вильнѣ по прежнему и

Положеніе дѣлъ на Донѣ до возмущенія Разина. Построеніе на Донѣ и на Мертвомъ Донѣ крѣпостей, непринесло туркамъ и татарамъ тѣхъ выгодъ, коихъ они отъ этого ожидали. Казаки по прежнему врывались въ Азовское и Черное море посредствомъ рѣки Міуса и прокопаннаго ерика, грабили приморскія селенія и города и тѣмъ останавливали крымскаго хана отъ предпріятій на російскую украину; съ другой стороны калмыки, союзники казаковъ, сильными партіями безпрерывно подбѣгали подъ Перекопъ, хватали людей, жгли хлѣбъ на поляхъ и отгоняли скотъ. Крымскій ханъ самъ выходилъ съ войскомъ для отраженія этихъ непріятелей; но едва небылъ взятъ въ плѣнъ калмыками, напавшими внезапно на станъ его: кромѣ многого числа убитыхъ, калмыки получили въ этомъ дѣлѣ весь лагерь ханскій, взяли въ плѣнъ 200 человекъ татаръ и одного мурзу и захватили великое число лошадей и рогатаго скота (347).

каково де Войску было нужно въ осадѣ, и есть ли будемъ несовершать обѣщанія своего и еще де будетъ нужиѣ твою, и мы холопи твои потому, Государь, ея явленію и по нашему войсковому обѣщанію ея чудотворную икону образъ Пречистыя Богородицы Одигитріе, украся и съ великою честію отпустили мы холопи твои къ тебѣ Великому Государю къ Москвѣ, а съ нею Пречистою Богородицею послали мы изъ войска священника Матфея да дьякона Григорія для того, Государь, чтобъ во всю дорогу до Москвы по нашему обѣщанію предъ образомъ Пречистыя Богородицы Одигитріе была вседневная служба; да и съ тоюжъ Богородицею отпустили мы холопи твои войскомъ станичниковъ своихъ атамана Осипа Галактіонова, Максима Максимова“ . . .

(347) Дѣла крымскія, статейный списокъ бывшихъ въ Крыму посланниковъ Якушкина и подъячаго Михайлова въ 1663, 1665 г.

„ Іюня въ 5 день (1663) посылали посланника толмача Никона Панарина въ село Даиръ къ перекопскому карамбею для договора о полонянникѣ о князѣ Иванѣ Львовѣ да и о Микифорѣ Кологривовѣ, и ирѣхавъ на станъ посланникамъ сказалъ: сказывалъ ему Никону Карамбей Кечья Шагинъ приходили де подъ Перекопъ калмыковъ 400 человекъ, цареви и нурадыновы шатры сбили и многихъ татаръ на бою побили и взяли на бою крымскаго мурзу, а царя и нурадына царевича отстрѣляли, сваясь съ лошадей, пѣши семени, а тольковъ не семени и царя бѣ калмыки взяли, а за Перекопью взяли на жнивѣ и на сѣнокосѣ татаръ человекъ съ 200 и стада многія конскія и животныя отогнали, а у калмыковъ на бою взяли одного человекъ.“

Другая партія калмыковъ, въ соединеніи съ Донскими казаками, подъ самымъ Перекопомъ поразила перекопскаго бея, такъ что изъ 500 человѣкъ татаръ съ нимъ бывшихъ едва спаслось только 100 человѣкъ (348).

Ханъ разгнѣванный столь дерзкими поступками казаковъ и калмыковъ, грозилъ разореніемъ ихъ жилищъ и изгнаніемъ съ рѣки Дона; и дабы избавиться навсегда отъ сихъ безпокойныхъ сосѣдей, хотѣлъ было поставить двѣ крѣпости, одну на казачьемъ ерикѣ, а другую на устьѣ рѣки Міуса; но желанія своего не исполнилъ (349).

Между тѣмъ войску Донскому предписано было продолжать наступательныя дѣйствія противу крымцевъ совокупно съ воеводою Иваномъ Хвостовымъ, съ калмыками и вѣрными Россіи Запорожскими казаками, дабы симъ средствомъ отвратить хана отъ вторженія въ російскую украину, въ слѣдствіе заключеннаго имъ договора съ польскимъ королемъ (350).

(348) Тамъ же.

„Декабря въ 18 день того жъ (1663) года, ходилъ въ Бакчисарай молодой подъячій Макарь Дьяковъ для хлѣбныя покупки, и пришедъ на станъ посланикамъ сказалъ: сказывалъ ему Макару въ Бакчисараяхъ полоняники касимовской татаринъ Ишедей, ирѣхали въ Бакчисарай изъ Перекопи отъ Карамъ-бея съ вѣстью татарова, приходили къ Перекопи калмыки съ Донскими казаками, конныя и животныя стада отогнали, а перекопскій бей Карамъ ходилъ за тѣми калмыки и за Донскими казаки съ ратными людьми, а ратныхъ людей было съ ними съ 500 человѣкъ, и у Карама съ калмыки и съ казаки бой былъ, и съ того бою Карамъ прибѣжалъ въ Перекопъ не съ большими людьми, и ратныхъ людей на томъ бою пропало съ 400 человѣкъ.“

(349) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1663 года іюня 21 дня.

„Въ нынѣшнемъ во 171 году мая въ 3 день писали къ намъ, Великому Государю, въ атаманъ и казаки, съ станичники своимъ съ атаманомъ съ Яковомъ Гавриловымъ съ товарищи, что ходили съ нашими Великаго Государя съ ратными людьми къ Азову для языковъ и подлинныхъ вѣстей отъ васъ съ Дону Донскіе казаки, и тѣ ваши Донскіе казаки подъ Азовомъ взяли дву человѣкъ татаръ, а въ распросѣ вамъ тѣ языки сказали, что крымской ханъ хочетъ ити сего лѣта къ вамъ на Донъ полемъ коньми, а моремъ каторгами и на устьѣ Міуса рѣки и на казачьемъ ерикѣ ставить новыя крѣпости и васъ атамановъ и казаковъ съ рѣки съ Дону сбить, что бѣ съ рѣки съ Дону васъ на море тѣми мѣсты не пропустить.“

(350) Тамъ же, грамота на Донъ 1664 года ноября 5 дня.

Исполняя волю государя, казаки и калмыки непрерывными набѣгами подъ Азовъ и Перекопъ не давали покою врагамъ своимъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1665 г. все войско Донское съ ратными людьми ходило подъ Азовъ и имѣло сраженіе съ тамошнимъ гарнизономъ, при чемъ убитъ былъ азовскій комендантъ Мустафа-паша, зять турецкаго султана. Таковыя неумолкаемыя набѣги и разоренія, причиняемые казаками городу Азову, были поводомъ къ обнесенію предмѣстія сего города каменною стѣною (351).

Азовскій комендантъ, желая отомстить казакамъ за поражение подъ Азовомъ предмѣстника своего, послалъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1666 г. подъ Черкасскъ сильную партію турокъ и татаръ, подъ начальствомъ двухъ военачальниковъ. Войско это, состоящее изъ пѣхоты и конницы, недоходя Черкаска, расположилось станомъ, повидимому для отдохновенія. Въ ту самую ночь, когда азовцы предприняли намѣреніе сдѣлать нападеніе на Черкасскъ, казаки отправили отъ себя подъ Азовъ 300 человекъ для языковъ; на пути къ Азову примѣтили они огни и развѣдавъ, что то была непріятельская пѣхота, бросились на оную, нѣкоторыхъ изъ нихъ побили, захватили 20 человекъ въ плѣнъ, а прочихъ обратили въ бѣгство. Примѣтивъ въ превосходныхъ силахъ непріятельскую конницу, казаки въ тожь время дали знать объ этомъ происшествіи войсковому атаману, а сами отступили къ Черкаску; на устьи Черкаской рѣчки, при урочищѣ называемомъ Рыково, казаки въ знатныхъ силахъ сразились съ татарами, разбили ихъ и обратили въ бѣгство; при этомъ взяты были въ плѣнъ, начальникъ партіи Тахтамышъ ага и 6 человекъ татаръ, которые и были казнены въ Черкасскѣ, исключая одного татарина, представленнаго ими для распросовъ въ Москву (352).

(351) Тамъ же, распросныя рѣчи станичнаго атамана Родіона Осипова, бывшаго въ Москву въ декабрѣ мѣсяцѣ 1665 года.

(352) Тамъ же, распросныя рѣчи станичнаго донскаго атамана Тимофѣя

Среди таковыхъ произшествій на Дону, Россійскій государь отправилъ изъ Москвы въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1666 года въ Константинополь посланникомъ Стряпчого Василя Тяпкина для возобновленія презротившихся сношеній съ портою. Посланникъ плыль рѣкою Дономъ до Черкаска, откуда безъ замедленія отправленъ былъ въ Азовъ. Комендантъ этой крѣпости Магметъ Паша, между прочимъ, выговаривалъ Тяпкину: „Если бы Россійскій Государь желалъ находиться съ турецкимъ султаномъ въ искренней дружбѣ, то не приказывалъ бы Донскимъ казакамъ производить набѣги на пограничные приморскіе города его государства.“ Тяпкинъ отвѣчалъ папѣ: Россійскій Государь Донскимъ казакамъ повелѣнія своего, чтобъ они производили морскіе поиски, не давалъ; а если угодно будетъ турецкому султану о таковыхъ поступкахъ Донскихъ казаковъ извѣстить Россійскаго Государя чрезъ особаго посланника или гонца, то со стороны его на-

Иванова съ товарищи, марта 1-го дня 1666 года.

„Поѣхали де они съ Дону изъ войска тому нынѣ пятая недѣля, и при нихъ де на Донъ къ нимъ къ казачью черкасскому городку приходили нынѣшнія зимы послѣ Рождества Христова въ мясоѣдъ на 5 недѣлѣ изъ Азова два аги съ конными и пѣшими воинскими людьми; конные шли степью, а пѣшіе по рѣкѣ льдомъ и изъ Черкаскаго де ихъ городка ходили охочихъ ихъ казаковъ для языковъ 300 человекъ, и дошли де они внизъ Дону до Лычанскаго острова ночью и они де увидѣли на томъ островѣ огни горять, и тѣ де ихъ посильщики послали отъ себя на тотъ островъ тайно провѣдать какія люди на томъ островѣ стоятъ и многоль какихъ людей стоятъ, и они де провѣдавъ, что стоятъ азовцы воинскіе люди, и они де атаманы и казаки, проси у Бога милости, на тѣхъ азовскихъ людей ударили въ тое жъ ночь, и у нихъ де съ тѣми посильщиками на томъ мѣстѣ былъ бой, и государскимъ де счастиемъ тѣхъ азовскихъ воинскихъ пѣшихъ людей побили, а живыхъ взяли 20 человекъ, и той де ночи тѣ ихъ посильщики вѣдомо о томъ учинили на Донъ въ войско въ черкасскій городокъ атаманамъ и казакамъ и на утре де тѣ ихъ Донскіе казаки изъ черкаскаго города войскомъ вышли на усть Черкасской въ Рыково урочище и Донское де войско сошлись съ тѣми азовскими воинскими людьми въ томъ мѣстѣ, и съ ними де у нихъ былъ бой въ другорядъ съ конными людьми и на томъ де бою взяли Тахтамышъ агу и съ нимъ 5 человекъ, и они де атаманы и казаки взявъ тѣхъ языковъ къ себѣ въ войско 5 человекъ въ кругу у себя казнили, а шестаго человекъ азовца Магметка изъ войска послали къ Великому Государю къ Москвѣ.“

вѣрно будутъ приняты мѣры къ удержанію казаковъ отъ таковыхъ поступковъ.“ Магметъ паша на сіе возражалъ Тяпкину: „Прежніе посланники на подобные вопросы всегда отвѣчали тѣмъ же, чѣмъ и онъ, что будто бы Россійскій Государь о производимыхъ набѣгахъ казаками на приморскіе турецкіе города и селенія не вѣдаетъ, какъ между тѣмъ подлинно извѣстно, что войско Донское ежегодно получаетъ отъ государя жалованье, состоящее въ деньгахъ, хлѣбѣ и сукнахъ, и сверхъ того присылаетъ имъ на помощь ратныхъ людей; изъ сего и слѣдуетъ, что казаки производятъ воинскіе поиски по повелѣнію Россійскаго Государя, а не по своему произволію.“ Тяпкинъ въ опроверженіе этого отвѣчалъ: „Россійскій Государь присылаетъ казакамъ свое жалованье за ихъ службу, которую они отправляютъ въ разныхъ отдаленныхъ русскіихъ городахъ; а если они бывають на воинскихъ поискахъ безъ царскаго повелѣнія, то за сіе имъ жалованья не посылается. Ратные же люди находятся на Дону для защищенія украинскіихъ городовъ отъ набѣговъ крымскіихъ и ногайскіихъ татаръ, а не для нападений на границы турецкаго государства.“ Къ этому Тяпкинъ присовокупляетъ, что онъ Магметъ паша напрасно приписитъ ему жалобу на Донскіихъ казаковъ, потому что отъ Государя Россійскаго говорить ему съ нимъ о казакахъ неприказано (353).

(353) Дѣла турецкія, отписка Василя Тяпкина, привезенная въ Москву сентября 1-го дня 1666 года.

„Магметъ паша (азовскій комендантъ) говорилъ: недовелось де было его Василю въ ихъ государство принять, потому Царское де Величество ссылается съ Магметъ-салтановымъ величествомъ о дружбѣ и любви, а Донскіе де казаки Магметъ-салтанова величества украинскіихъ городовъ людямъ многія обиды и неправды дѣлають, и нынѣ де воюють турецкія мѣста, ходя по морю.

И Василю говорилъ Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству: про то невѣдомо, что Донскіе казаки пошли и указу его Царскаго Величества нынѣ на Донъ къ казакамъ побывало, что бы имъ Магметъ салтанова величества украинскіи воевать и на море ходить. А какъ Магметъ салтанова величества изволитъ съ нимъ Васильемъ послать въ Великому Государю нашему, къ Его Царскому Величеству посланника своего или гонца, и о казацкихъ

Послѣ отправления Тяпкина изъ Азова въ Константинополь войско Донское получило отъ него письменное увѣдомленіе, вѣроятно въ слѣдствіе настоянія крымскаго хана, коимъ онъ просилъ казаковъ прекратить набѣги на крымскіе улусы; но казаки отвѣчали азовскому коменданту, что они производятъ поиски по царскому повелѣнію, Василія же Тяпкина не слушаютъ (354).

неправдахъ велить отнискать и Великій Государь нашъ его Царское Величество, казакамъ въ украинскіе города Магметъ-салтанова величества и на море войною ходить и задоровъ и зацѣпокъ и никакихъ обидъ чинить невелить и отъ всякаго дурна велить унять.

И Магметъ наша говорилъ Василью: и прежніе де Царскаго Величества послы и посланники говаривали также, что онъ Василій говорилъ, будто его Царское Величество о казацкихъ неправдахъ и о войнѣ неведаетъ, и указу его Царскаго Величества о томъ имъ небывало.

А для чего де Его Царское Величество присылаетъ къ нимъ казакамъ свое государево денежное и хлѣбное жалованье и сукна погодно, и то де знать, что казаки всякія имъ обиды чинятъ и войну вчиняютъ по указу его Царскаго Величества, а не своимъ изволеньемъ? Да къ нимъ же де Его Царское Величество присылаетъ въ помощь своихъ государевыхъ ратныхъ людей, стрѣльцовъ и солдатовъ.

И Василій говорилъ: Великій Государь нашъ Его Царское Величество присылаетъ свое Великаго Государя жалованье казакамъ за ихъ службы, которыя они служатъ и въ послыкахъ бывають въ дальнихъ украинныхъ городахъ, гдѣ Великій Государь укажетъ, а что они казаки бывають гдѣ на войнѣ не по указу Его Царскаго Величества своею охотою, и за то имъ отъ Царскаго Величества жалованья не бываетъ. А ратные люди присылаются на Донъ, для береженья Его Царскаго Величества украинныхъ городовъ отъ крымскихъ и отъ ногайскихъ татаръ, а не для того чтобъ имъ своевольничать и Магметъ-салтанова величества украинны восвать. А на казаковъ наша ему жалуется напрасно, потому что онъ Василій отъ Царскаго Величества посланъ къ Магметъ-султанову величеству съ грамотами на скоро и о иныхъ великихъ государей общихъ великихъ дѣлахъ, которыя надлежатъ межъ ими обоими великими государи въ братской дружбѣ и любви, а о казакахъ и о иныхъ ни о какихъ дѣлахъ отъ Царскаго Величества ему Василью говорить не приказано.⁴⁴

(354) Дѣла крымскія, статейный списокъ бывшихъ въ Крыму посланниковъ Якушкина и Михайлова 1667 года.

Маія въ 28 день ѣздилъ въ Бакчисарай переводчикъ Кутло - Маметъ, и пріѣхавъ на станъ Гаврилу сказалъ (Якушкинъ же умеръ): сказывалъ ему Кутло-Маметъ въ Бакчисаралхъ полоняникъ Юрья Осиповъ, писалъ изъ Азова азовскій паша въ Крымъ къ царю и прислалъ письмо отъ Донскихъ казаковъ,

Наконецъ продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ сряду война съ Польшею прекращена была 1667 г. перемиріемъ, заключеннымъ на 13 съ половиною лѣтъ. Это обстоятельство было причиною, что крымскій ханъ началъ имѣть миролюбивыя расположенія къ Россіи. Въ началѣ сего года посланы были изъ Москвы въ Крымъ для переговоровъ о мирѣ, вмѣстѣ съ ханскимъ гонцомъ, російскіе посланники стольникъ Ладыженскій и подъячій Сиворцовъ; но посольство это вмѣстѣ съ ханскимъ гонцомъ и со всею свитою Запорожскими казаками недалеко отъ Днѣпра умерщвлено. По этому случаю назначено было съѣхаться посламъ на Дону въ Черкасскъ, куда отправлены были въ іюнѣ мѣсяцѣ Богданъ Ушаковъ и подъячій Долговъ, а вмѣстѣ съ ними отправленъ, чрезъ Азовъ въ Константинополь, стольникъ Нестеровъ и дьякъ Вахромѣевъ съ извѣстительною грамотою о послѣдовавшемъ заключеніи съ Польшею перемирія, съ изъявленіемъ готовности Россійскаго Государя продолжать дружественныя сношенія и съ жалобами на крымскаго хана за чинимые имъ набѣги на Россію.

Посланники російскіе долго дожидались на Дону крымскихъ пословъ; наконецъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1668 года они пріѣхали въ Азовъ и по размѣнѣ аманатовъ съѣхались въ Черкасскъ. При переговорахъ о мирѣ, главныя требованія со стороны крымцевъ состояли въ томъ, чтобы Россійскій Государь уступилъ Польшѣ Запорожскихъ казаковъ, чтобы одновременно прислалъ крымскому хану извѣстное количество денегъ, и чтобы запрещено было Донскимъ казакамъ производить набѣги на турецкія провинціи и крымскіе улусы. По-

а въ томъ письмѣ написано: писали съ Дону въ Азовъ къ нему, пашѣ, Донскіе казаки, противъ письма Василія Тяпкина, чтобъ имъ казакамъ Великаго Государя указу слушать, на море не ходить и съ азовцы и съ крымскими людьми задоровъ не чинить, и они, казаки, писали къ азовскому пашѣ: Василія Тяпкина письма не слушаемъ, а слушаемъ указъ Великаго Государя, прислана отъ Великаго Государя на Донъ грамота, чтобъ намъ послать подъ Крымъ для языковъ и про Василія Тяпкина провѣдать, и мы для языковъ подъ Крымъ послали.

случаю несоглашенія російскихъ посланниковъ на предложенныя условія, переговоры о мирѣ были прекращены и посланники разѣхались безъ всякаго успѣха. Подобные переговоры о мирѣ продолжались и въ 1669 году; наконецъ въ 1670 году заключенъ былъ въ Крыму на твердомъ основаніи миръ между тремя державами: Россією, Польшею и Крымскимъ ханомъ. Въ этомъ мирномъ договорѣ между прочимъ постановлено было, чтобы со стороны Россійскаго Государя запрещено было Донскимъ и Запорожскимъ казакамъ производить морскіе поиски по Азовскому и Черному морю, и не дѣлать никакихъ нападеній на улусы, подвластные Крымскому хану (355).

ГЛАВА XIII.

Разбой казаковъ по Волгѣ.—Нѣкоторыя изъ этихъ казачьихъ партій истреблены самими Донцами.—Разинъ является на Волгѣ.—Причины его побѣга съ Дону.—Разбой Разина по Волгѣ.—Разбой его по Каспійскому морю.—Разинъ приноситъ Царю повинную.—Возвращеніе Разина на Донъ.—Разинъ вновь свирѣпствуетъ на Волгѣ.—Разинъ въ Астрахани.—Жестокіе поступки Разина съ гражданами.—Походъ Разина въ Россію.—Войсковой атаманъ Корнило Яковлевъ беретъ въ плѣнъ Разина.—Казаки приносятъ Царю повинную.—Присяга казаковъ на вѣрность службы.—Произшествія въ Астрахани.—Атаманъ Шелудякъ разбитъ подъ Симбирскомъ.—Васька Усь умерщвляетъ въ Астрахани митрополита Іосифа и князя Львова.—Князь Милославскій беретъ Астрахань.—Сообщникъ Разина донской казакъ Міуской представляетъ Запорожскимъ казакамъ самозванца.

Разбой казаковъ по Волгѣ. Безпрерывныя сношенія російскихъ царей съ ногайскими князьями, кочевавшими съ улусами своими между Волгою и Ураломъ, и производимая въ то время торговля съ ними и съ персіянами, привлекали къ берегамъ этой рѣки многія партіи Донскихъ казаковъ, для нападеній и грабежей на проѣзжающихъ російскихъ и ногайскихъ посланниковъ и на купеческіе караваны, шедшіе для безопасности съ ними въ Россію.

(355) Дѣла крымскія. 1667 года, изъ книгъ № 9, 45 и 1670 г. изъ № 12 и дѣла турецкія, 1667 года, изъ книгъ № 8.

Завоеваніе царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ 1552 году царства Казанскаго, а чрезъ два года потомъ и царства Астраханскаго, весьма много способствовало къ распространению торговли россиянь съ татарами, персіянами и бухарцами. Городъ Астрахань сдѣлался главнымъ мѣстомъ складки товаровъ европейскихъ и азійскихъ. Около этого времени, и именно въ 1553 г., англичане, открывая путь чрезъ Ледовитое море въ Китай и Индію, пришли печаянно къ городу Архангельску, на мѣстѣ коего былъ тогда монастырь Св. Николая, здѣсь учредили они въ послѣдствіи времени свои конторы и производили по всей Россіи обширную торговлю, бывъ покровительствуемы Іоанномъ. Прибыточная торговля веденная россиянами съ Персіею, обратила ихъ вниманіе на эту страну; посланныя ими туда въ 1565 году разнаго рода товары, были проданы весьма выгодно. Въ 1579 году они вновь отправили изъ Астрахани свои товары съ англичанами Ефреемъ Дукатомъ и Ліопелемъ Плумтреемъ: 1578 года судно ихъ, нагруженное большимъ количествомъ шелку и другими персидскими товарами, возвращаясь изъ Персіи, было остановлено на морѣ казаками, которые подъ притворнымъ дружествомъ взошли на оное и, послѣ упорнаго со стороны англичанъ сопротивленія, овладѣли имъ и товарами на сумму отъ 30/т. до 40/т. фунтовъ стерлинговъ. Казаки оставили англичанамъ жизнь и дали стругъ, а на пропитаніе нѣсколько свиного и лошадинаго мяса, дабы можно было доплыть имъ до Астрахани. Въ этомъ городѣ англичане прибѣгли подъ защиту астраханскаго воеводы, который въ то же время, отправилъ на 70 стругахъ стрѣльцовъ для преслѣдованія казаковъ; стрѣльцы нашли казаковъ на морскомъ берегу и столь удачно сдѣлали на нихъ нападеніе, что всѣхъ порубили на мѣстѣ, заграбленные ими товары, изъ коихъ нѣкоторая часть была зарыта въ землю, привезли въ Астрахань и возвратили англичанамъ (356).

(356) Описаніе Каспійскаго моря, Г. Саймонова, помѣщенное въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1763 года.

Около этого времени разбой казаковъ умножились до того, что торговля россиянь съ бухарцами и персиянами на время прекратилась; извѣстные тогда по своему буйству и предпримчивости атаманы: Иванъ Кольцовъ, Богданъ Барбошъ, Никита Папъ и Савва Болдырь, производя великія опустошенія въ улусахъ ногайскихъ, грабили безъ всякаго различія по Волгѣ русскихъ и персидскихъ купцовъ. Россійскій Государь посылалъ на нихъ войска свои, но казаки скрывались на время и потомъ появлялись для новыхъ грабежей. Это обстоятельство было поводомъ къ учрежденію на Волгѣ, отъ того мѣста, гдѣ нынѣ Царицынъ, до Астрахани шести заставъ, на коихъ было поставлено по нѣскольку человекъ стрѣльцовъ; въ послѣдствіи времени эти заставы положили основаніе къ построенію крѣпостей Царицына и Чернаго Яра.

По разграбленіи казаками на Волгѣ въ 1587 году посланника персидскаго, ѣхавшаго изъ Россіи, разбой казаковъ прекратились до возникшаго въ Россіи междуцарствія; съ этого же времени своевольства ихъ достигли до того, что Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ не всегда имѣлъ успѣхъ въ удержаніи отъ нападеній на суда, шедшія изъ Астрахани съ товарами.

Въ то время со стороны войска Донскаго не было никакой преграды казакамъ въ подобныхъ разбояхъ.

Но когда въ 1627 году былъ ограбленъ казаками большой караванъ, плывшій рѣкою Волгою въ Астрахань, на которомъ побито весьма много русскихъ купцовъ, то войсковой атаманъ Елифанъ Родилловъ по приговору войска предписалъ явиться въ монастырской городокъ, для отвѣта, всѣмъ тѣмъ атаманамъ и казакамъ верховыхъ городковъ, которые ссужали и продавали этимъ разбойникамъ порохъ и свинець и позволяли зимовать въ своихъ городкахъ, тѣхъ же передержателей, которые находились въ то время на монастырскомъ яру, и русскихъ промышленниковъ, которые покупали у нихъ пограбленные вещи, послѣ тѣлеснаго наказанія, по войсковому праву ограбили. Притомъ подтверждено было

по всѣмъ городкамъ, чтобы никто съ Дону на Волгу не ходилъ для разбоевъ; если же кто нарушитъ это постановленіе и послѣ того окажется на Дону, тотъ неминуемо казненъ будетъ смертію (357).

Таковыя мѣры были причиною, что разбойничавшіе верховые казаки построили на Дону неподалеку отъ устья рѣки Чира особой городокъ, куда они обыкновенно сходились на зимовку и оттуда ежегодно производили разбѣзды по Волгѣ и по Каспійскому морю для нападеній на російскихъ и персидскихъ купцовъ. Эта шайка разбойниковъ, состоявшая изъ 600 человекъ, подъ начальствомъ атамана Романа Хахра, не имѣла никакого сношенія съ прочими казаками и противилась власти войска Донскаго (358).

(357) Дѣла погайскія, № 1, выписка изъ донесенія Астраханскаго воеводы Князя Юрія Буйносова Ростовскаго въ Посольскій приказъ 1627 года.

„ А какъ де, Государь, на Дону вѣдомо учинилось, что воры казаки на Волгу приходили на караванъ и атаманъ де. Епиха Родиловъ съ товарищи послали въ верхніе городки къ атаманамъ, съ которыми въ городкѣхъ тѣ казаки, что нынѣ воруютъ на Волгѣ, атаманъ Данилка съ товарищи зимовали, и велѣли тѣхъ атамановъ и казаковъ давать на поруки, чтобы имъ стать въ войскѣ на яру на урочищѣ монастырскомъ а иныхъ атамановъ и казаковъ верхнихъ городковъ, которые зимовали съ тѣми казаки, что нынѣ воруютъ, и ихъ суужали зельемъ и свинцомъ, а объявились тутъ же на урочищѣ монастырскомъ въ сѣздѣ и ихъ де, Государь, атаманъ Епиха Родиловъ съ товарищи били ословьемъ и грабили при нихъ, а торговыхъ де, Государь, людей, которые съ тѣми жъ ворами зимовали и торговали съ ними у казаковъ покупали ясырь, а казакамъ продавали зелье и свинець, и тѣхъ де, Государь, торговыхъ людей Донскіе казаки били жъ и грабили и о томъ учинили заказъ крѣпкой, чтобы отнюдь никто съ Дону на Волгу для воровства не ходили, а только де, Государь, кто съ Дону на Волгу пойдетъ, а послѣ объявится на Дону, и тому быть казнену смертію.“

(358) Погайскія дѣла. № 1, выписка изъ отписки астраханскихъ воеводъ князя Юрья Буйносова-Ростовскаго съ товарищи въ Посольскій приказъ 1628 года.

„ А Донскіе де казаки, которые воровали на Волгѣ нынѣшняго лѣта, на Дону у Чирѣ сдѣлали себѣ особой городокъ, а по смѣтѣ де тѣхъ воровъ казаковъ въ томъ городкѣ съ 600 человекъ, а съ Донскими де казаками съ нижними городки они не сѣзжаются и ни въ чемъ Донскихъ казаковъ не слушаютъ.“

Съ 1637 года разбои казаковъ по Каспійскому морю до того умножились, что не только грабили купеческія суда, но дѣлали нападенія на мезандерганскія, гилянскія и другія прибрежныя персидскія провинціи, взяли городъ Фоработъ и разорили много деревень. Посланныя войска изъ Астрахани, Терска и отъ Персидскаго шаха, разсѣвали эти шайки, но не могли истребить ихъ совершенно. Персидскій шахъ въ присланной съ посломъ своимъ въ 1640 году грамотѣ къ Россійскому Государю, упрашивая послать на Каспійское море войска, для общаго дѣйствія съ персидскими противу таковыхъ казачьихъ шаекъ, между прочимъ писалъ: „казаки люди такіе, въ какомъ бы они государствѣ ни находились, отъ нихъ нѣтъ никакого добра, кромѣ зла; у нихъ одно желаніе—убить человѣка и ограбить; о такихъ людяхъ сожалѣть нечево, вто такого человѣка щадить, тому отъ Бога ни въ чемъ добра не будетъ, а кто ихъ не жалѣетъ, тотъ получитъ отъ него милость (359).

Послѣ сильныхъ преслѣдованій произведенныхъ на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ, російскими и персидскими войсками, разбои казаковъ прекратились до 1659 года, въ продолженіи этого времени въ современныхъ актахъ упоминается объ одной только партіи (1650 г.) казаковъ, причинившей большія опустошенія персидскимъ приморскимъ селеніямъ и грабительства проѣзжающимъ въ Астрахань моремъ купеческимъ судамъ.

(359) Персидскія дѣла, № 1, 2 и 3, 1640 года, грамота персидскаго шаха Софа къ російскому царю Михаилу Федоровичу 1640 г. съ гонцомъ своимъ Алибекомъ.

„А казаки люди такіе, въ которомъ они государствѣ небудуть, и они добра никакого не дѣлають, кромѣ дурна, казачье хотѣнье человѣка убить, да ограбить и такихъ людей жалѣть нечего, кто такого человѣка жалѣетъ и тому человѣку отъ Бога добра не будетъ, а кто такихъ людей не пожалѣетъ и тому за то отъ Бога милость будетъ, и нѣчто велить Богъ, гдѣ будетъ намъ сручно, и мы рати свои на нихъ послать и ихъ побивать учнемъ, а вамъ бы, брату нашему, похотя съ нами въ дружбѣ и въ любви быти, также съ своей стороны гдѣ кому будетъ ближе, на нихъ рати свои велѣть же послати и ихъ побивати и дружбѣ то дѣло пригодится“

Нѣкоторыя изъ этихъ казачьихъ партій истреблены самими Донцами. Съ 1650 года разбои казаковъ по Волгѣ и Каспійскому морю увеличились съ большимъ ожесточеніемъ. Для содержанія себя въ безопасности отъ преслѣдованія, они основали въ скрытномъ мѣстѣ, между Паншинскою и Иловлинскою станицами, укрѣпленный городокъ и назвали его Рыгою. Отсюда они, въ маѣ мѣсяцѣ тогожь года, перетасили суда въ рѣчку Камышенку и ограбили близъ теперешняго Дубовскаго посада нѣсколько российскихъ купцовъ и возвратились съ добычею въ свой городокъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ эта самая партія, состоящая изъ 80 человекъ, подъ начальствомъ атамана своего Василья Прокофьева, сдѣлала другое нападеніе неподалеку отъ Царицына на суда, плывшія Волгою, умертвила нѣсколько узденей, везшихъ разныя вещи, принадлежащія Каспулату князю Черкасскому, и потомъ ограбивъ всѣ суда ушла на рѣч. Иловлю. Тутъ, нагрузивъ суда свои добычею, поплыла было эта шайка внизъ по рѣчкѣ въ свой городокъ, но на пути настигла ее партія стрѣльцовъ, посланная по извѣщенію отъ Саратовскаго воеводы, которая, впрочемъ, немогла причинить казакамъ никакого вреда, и послѣ многихъ нападеній, успѣла схватить только двухъ казаковъ, съ коими и возвратилась въ Саратовъ (360).

Государь предписалъ казакамъ разорить этотъ городокъ до основанія, разбойниковъ же съ ихъ атаманомъ и есауломъ по войсковому праву казнить смертію. По этому случаю наряжена была сильная партія, состоящая изъ конныхъ и пѣшихъ казаковъ, даны были ей изъ войска пушки и другіе припасы потребные къ осажденію городка; казаки осадили оный въ зимнее время, били по землянымъ стѣнамъ изъ пушекъ, вели подкопы и наконецъ послѣ нѣсколькихъ приступовъ овладѣли городкомъ, захватили атамана Василья Прокофьева и всѣхъ его сообщниковъ, оставшихся въ живыхъ;

(360) Дѣла Донскія, грамота войску Донскому 1659 года ноября 11 дня.

привезли ихъ въ главное войско гдѣ съ общаго приговора, повѣсили атамана, есаула и десять человекъ главнѣйшихъ изъ бунтовщиковъ; городокъ же сожгли и истребили до основанія (361).

Столь строгія мѣры, принятыя со стороны войска на истребленіе разбойничества по Волгѣ, не произвели никакихъ полезныхъ послѣдствій. Въ слѣдующемъ 1660 году сильныя партіи казаковъ, подъ начальствомъ атамана Парфена Иванова, раздѣляясь на многіе отряды, грабили купеческія суда по Волгѣ, около Царицына, Чернаго Яра и Астрахани, разоряли учуги и забирали силою рабочихъ людей для увеличиванія своихъ партій; производили разѣзды по Каспійскому морю до персидскихъ границъ и до устья рѣки Урала, и такимъ образомъ остановили торговныя сношенія съ Астраханью и Персією.

Вѣсть о такихъ грабительствахъ скоро достигла до Государя; войску Донскому предписано было унять этихъ разбойниковъ или силою, или послать къ нимъ лучшихъ старшинъ уговорить къ возвращенію на Донъ. Изъ современныхъ актовъ невидно какой имѣли успѣхъ посланные изъ войска въ Астрахань и на Каспійское море атаманы Василій Гладкой и Фролъ Минаевъ, извѣстно только то, что съ 1661 года до 1667 года грабительства по Волгѣ и Каспійскому морю совершенно прекратились (362).

(361) Тамъ же, грамота Войску Донскому 1660 года мая 29 дня.

„Да въ нынѣшнемъ же въ 1660 году Апрѣля въ 14 день писали вы къ намъ, Великому Государю, съ станичники своими съ атаманомъ съ Леонтіемъ Фроловымъ сътоварищи, что посылали вы атаманы и казаки, для поиска за волжскими ворами, которые, воровавъ на Волгѣ, и перешли съ Волги на Донъ и городокъ было они себѣ воровской, межъ верховыхъ городковъ, поставили въ пустомъ юртѣ, своихъ низовыхъ казаковъ многихъ людей конныхъ и пѣшихъ съ пушками, и тѣ ваши посмльщики тотъ городокъ взяли за большимъ боемъ и подкопами и многихъ людей у нихъ воровъ въ приступѣ побили, а иныхъ живыхъ поймали и городокъ ихъ воровской сожгли и раззорили со всѣмъ, и старшинъ ихъ воровскихъ заводчиковъ сожгли, атамана и есаула съ товарищи 10 человекъ привезли для вершенія къ вамъ живыхъ и, распрося тѣхъ воровъ, повѣсили.“

(362) Тамъ же, грамота на Донъ 1660 года декабря 5 дня.

„И нынѣ били челомъ намъ, Великому Государю, гости изъ разныхъ горо-

Разинъ является на Волгѣ. Доселѣ являлись на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ одни немногочисленные разбойничавшія партіи казаковъ, которыхъ существованіе тамъ было недолговременно: успѣшное нападеніе на караванъ или на судно заставляло ихъ немедленно возвращаться съ добычею въ свои жилища, опасаясь преслѣдованія россійскихъ войскъ. Поселенные въ Саратовѣ, Царицинѣ, Черномъ Ярѣ и Астрахани стрѣльцы преграждали этимъ разбойническимъ шайкамъ всѣ пути къ дальнѣйшимъ грабежамъ и нерѣдко истребляли ихъ совершенно. Теперь слѣдуетъ описаніе разбоевъ казака Степана Разина, которые отъ предыдущихъ имѣютъ ту разность, что они болѣе сопровождались убійствами, грабежами и наконецъ возмущеніемъ противъ отечества. Партія его при первоначальномъ появленіи на Волгѣ состояла изъ 1,500 человекъ и по мѣрѣ успѣховъ его въ разбояхъ увеличивалась приходившими съ Дона отважными казаками. Будучи извѣстенъ въ войскѣ по своей храбрости и опытности въ гражданскихъ того времени дѣ-

довъ торговые люди, у которыхъ промыслы въ Астрахани и Казылбаши и за которыми на откупъ наши В. Государя учуги и рыбные ловли, что де тѣ воровскіе казаки на море персидскаго шаха купчинъ и всякихъ торговыхъ людей разбиваютъ и грабятъ и съ персидскимъ шахомъ ссорятъ и путь на море въ Казылбаши огняли и ихъ гостей нашихъ и торговыхъ людей около Астрахани и учугъ на Волгѣ громятъ и разоряютъ, и впредь всякимъ зломъ хвалятся и многихъ къ себѣ воровъ вновь прозываютъ и иныхъ работныхъ людей у промысловъ съ собою въ воровствѣ насилу емлютъ и отъ того своего воровства непереставаютъ, чинятъ всякія злости хуже прежняго и какъ къ вамъ ся паша В. Государя грамота придетъ и вы бѣ атаманы и казаки по прекнему и по сему Великаго Государя указу на Волгѣ и на море къ тѣмъ воровскимъ казакамъ послали отъ себя изъ войска кого пригожь, и велѣли ихъ отъ того ихъ воровства уговорить, что бы они отъ того своего воровства оставили и нашимъ Великаго Государя людямъ, также и персидскаго шаха торговымъ людямъ, злости чинить перестали и межъ насъ Великаго Государя и Казылбашскаго шаха тѣмъ своимъ воровствомъ ссоры не чинили: а буде они отъ того своего воровства не отстанутъ и въ томъ васъ непослушаютъ, и вы бѣ атаманы и казаки послали на нихъ отъ себя ратныхъ людей, и велѣли надъ ними чинить промыслъ, что бѣ ихъ тѣмъ отъ воровства усмирить.“

лахъ и имѣя хитрый умъ, ему нестоило большихъ трудовъ набрать приверженцевъ изъ верховыхъ городковъ и изъ Черкаска, тѣмъ болѣе, что Россія въ то время находилась въ миру со всѣми сосѣдними державами и казаки скучали бездѣйствіемъ: все это въ совокупности способствовало преступному Разину привести въ исполненіе замышляемое имъ предпріятіе.

Голландецъ Янъ-Янсень Стрейсъ, видѣвшій Разина нѣсколько разъ въ Астрахани, пишетъ о немъ, что онъ былъ 40 лѣтъ, высокій и дородный мужчина, крѣпкаго сложенія, имѣлъ гордую поступь и лице нѣсколько попорченное отъ оспы. Всегда молчаливъ, строгъ къ подчиненнымъ; онъ умѣлъ привязать ихъ къ себѣ и заставить безропотно ему повиноваться. Одевался точно также, какъ и прочіе казаки и узнать его можно было только по уваженію, какое показывали ему мятежники. Встрѣчаясь съ нимъ, они кланялись ему до земли и называли его не иначе, какъ батюшкою (363).

До появленія Разина на Дону было спокойно; но вдругъ это общее спокойствіе было прервано возстаніемъ казаковъ, подъ управленіемъ Степана Разина, для разбоевъ по Волгѣ. Весною 1667 года, изъ верхнихъ и нижнихъ казачьихъ городковъ, сходились партіи казаковъ къ Паншинскому и Качалинскому городкамъ, какъ къ мѣстамъ назначеннымъ для ихъ собранія. Страхъ отъ этого вооруженія распространился въ окрестныхъ мѣстахъ, молва увеличивала число казаковъ; полагали, что вся разбойническая шайка пойдетъ на Царицынъ, возметъ силою суда и на нихъ двинется къ Астрахани; но казаки пошли вверхъ рѣкою Иловлюю, и потомъ, перетащивъ суда свои въ рѣчку Камышенку, выплыли въ первыхъ числахъ мая на Волгу.

Объ этомъ замыслѣ казаковъ, россійскому двору предварительно было извѣстно во всей подробности. Когда въ февраля

(363) Путешествіе по Россіи голландца Янъ-Янсена Стрейса, служившаго на караблѣ Орлѣ, построенномъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

лѣ мѣсяцѣ сего года одна небольшая партія казаковъ, разграбивъ царское судно съ рыбою и икрою, а другое купеческое съ разными товарами, похвалялась придти весною для грабежей въ большомъ собраніи, то по этому случаю предписано было войску Донскому, въ мартѣ мѣсяцѣ, выбрать атамана, есаула и послать ихъ съ лучшими казаками въ Паншинскій и Качалинскій городки, разогнать это скопище, съ тѣми же кои не послушаютъ увѣщаній поступить по войсковому праву (364). Но со стороны войска Донскаго, видимо, не было принято никакихъ мѣръ къ удержанію Разина отъ замышляемаго имъ предпріятія; это время онъ былъ столь силенъ и страшенъ для всего войска, что атаманъ Корнилій Яковлевъ съ старшинами не могли остановить его.

Причины его побѣга съ Дону. Какія дѣйствительно причины заставили бѣжать Степана Разина съ Дону на Волгу, неизвѣстно. Все, что можно только объ этомъ сказать, заключается въ томъ, что онъ въ войскѣ имѣлъ уваженіе и былъ изъ числа лучшихъ того времени старшинъ. Въ 1661 году, когда присланный въ Черкасскъ отъ главнѣйшихъ калмыцкихъ тайшей Дайчина и сына его Мончака посоль мурза Баатыръ Янгѣевъ, заключилъ съ казаками оборонительный и наступательный союзъ противу крымскихъ татаръ и азов-

(364) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1667 года, марта 22 дня.

„Вѣдомо намъ Великому Государю учинилось, что на Дону въ Паншинѣ и въ Качалинскомъ городкахъ собираются на Волгу многіе воровскіе казаки, а чаятъ что будетъ ихъ съ 2000 челов., а хотятъ взять подъ Царицыномъ струги и лодки за боемъ и итти для воровства и какъ къ вамъ ся наша Великаго Государя грамота придетъ, и выѣ послали отъ себя въ Паншинской и Качалинской городокъ, выбравъ изъ войска атамана и ясаула и съ ними казаковъ добрыхъ сколько человекъ пригоже и велѣли имъ заказъ учинить крѣпкой, чтобъ они подъ Царицынъ и въ иные мѣста не ходили и задоровъ никакихъ съ царицынскими стрѣльцы не чинили и струговъ не уймали и отъ всякаго дурна и воровства велѣли ихъ унять, а буде изъ тѣхъ казаковъ которые учинятся не послушны и выѣ тѣмъ за ихъ не послушанье велѣли учинить наказанье по нашему Великога Государя указу до войсковому праву кто чего доведется.“

цевъ, тогда, для подлиннаго удостовѣренія и личныхъ переговоровъ съ тѣми тайшами, были посланы изъ войска казаки Ѳедоръ Буданъ и Степанъ Разинъ; съ того времени до 1667 года о немъ въ современныхъ актахъ не упоминается. Голландецъ Стрейсъ полагаетъ слѣдующую причину его побѣга: „Во время войны Россіи съ Польшею предводительствовали царскими войсками полковой воевода князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, братъ Степана Разина привелъ ему на службу казаковъ. По наступленіи осени, когда войско готовилось разойтись, казаки требовали, чрезъ своего начальника, чтобъ ихъ отпустили на Донъ, и получивъ отказъ, ушли самовольно.—Князь Долгорукій, негодуя на такое неповиновеніе, велѣлъ схватить предводительствовавшего ими Разина и приказалъ его повѣсить.—Поступокъ этотъ послужилъ будто бы предлогомъ къ бунту (365).

Разбой Разина по Волгѣ. Появленіе Разина на Волгѣ сопровождалось грабежами и убійствами. Всѣ суда, какія только плыли внизъ Волгою съ разными товарами, онъ остановилъ, въ числѣ коихъ и судно, принадлежавшее Святѣйшему патриарху Іосифу; дворянъ находящихся на этомъ послѣднемъ суднѣ Алексѣя Золотарева и прочихъ велѣлъ повѣсить на мачтѣ, а съ ними прикащика гостя Василя Шорина Федора Черемиченова; потомъ всему этому каравану съ находящимися на ономъ людьми приказалъ слѣдовать за собою внизъ по Волгѣ. Остановясь на Сарпинскомъ острову, Разинъ раздѣлилъ добычу между вѣрными своими сподвижниками. Комендантъ царицынскій Унковскій, въ виду коего производимы были разбой Разинымъ, не смѣлъ остановить буйную толпу его отъ грабительства и былъ весьма доволенъ, когда неистовое это скопище на другой день отправилось Волгою къ Астрахани; при этомъ слѣдованіи своемъ Разинъ устроилъ такъ, что ни одно судно, плывшее

(365) Путешествіе Голландца Янъ Янсена Стрейса.

вверхъ или внизъ Волгою, немогло скрыться отъ него, и тѣмъ подать вѣсть о его поступкахъ на Волгѣ. Между Чернымъ Яромъ и Астраханью встрѣтился онъ съ воеводою Беклемишевымъ, разбилъ его, забралъ все его имущество и самого повѣсилъ на мачтѣ.—Послѣ этого поплылъ онъ внизъ Волгою и рукавомъ Бузаномъ, мимо Краснаго Яра, вступилъ въ Каспійское море и потомъ направилъ путь свой къ устью Урала. Астраханскій воевода князь Хилковъ послалъ вслѣдъ за Разинымъ на судахъ изъ Астрахани нѣсколько стрѣлцкихъ полковъ, подъ предводительствомъ воеводы Безобразова, который нагналъ его близъ Яицкаго городка и желая склонить къ обратному возвращенію на Донъ, послалъ къ нему для увѣщанія стрѣлцкихъ головъ Янова и Нелюбова. Разинъ, не вступая съ ними въ переговоры, приказалъ ихъ повѣсить. Послѣ таковаго злодѣянія, Разинъ напалъ на стрѣльцовъ и въ кровопролитномъ сраженіи истребилъ ихъ совершенно, завладѣлъ лагеремъ, пушками, воинскими и продовольственными припасами; взятые же въ плѣнъ присоединены къ его скопищу. За тѣмъ ему нестоило большихъ усилій овладѣть Яицкимъ городкомъ, защищаемымъ достаточнымъ гарнизономъ, всѣхъ противившихся ему умерщвлялъ и оставлялъ живыхъ только тѣхъ, кои присоединились къ его скопищу. Успѣвшіе спастись бѣгствомъ отъ пораженія, одни перехватываемы были на пути калмыками и татарами и отводимы въ неволю, другіе должны были умирать въ безплодныхъ степяхъ голодною смертію. Такимъ образомъ весь посланный противу Разина отрядъ истребленъ совершенно, яицкій городокъ взятъ и разграбленъ, изъ коего одинъ только стрѣлцкій голова по имени Богданъ Сѣверовъ успѣлъ уйти въ Астрахань на стругѣ съ нѣсколькими стрѣльцами и принести эту печальную вѣсть тамошнему воеводѣ (366).

(366) Сказаніе лѣтоисное о градѣ Астрахани и списокъ съ приговора читаннаго предъ казнью Степана Разина въ Москвѣ.

Столь быстрые успѣхи Разина привели въ опасеніе весь южный край Россіи; въ огражденіе отъ злодѣяній и на совершенное уничтоженіе бродящей шайки Разина Россійскій дворъ послалъ знатное число войскъ въ Астрахань, подъ начальствомъ князя Прозоровскаго, съ назначеніемъ его военнымъ губернаторомъ Астрахани и всего южнаго края; въ то же время придписано терскому воеводѣ и калмыцкимъ тайшамъ стараться всѣми средствами истреблять бунтовщиковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дано знать персидскому шаху о принятіи осторожности отъ Разина, на случай если бы онъ позусился сдѣлать нападеніе на персидскія провинціи. Войску же Донскому, которое непоказывало успѣховъ въ удержаніи Разина отъ разбоевъ и неупотребляло рѣшительныхъ мѣръ къ прегражденію казакамъ пути къ побѣгу съ Дону, вновь подтверждено, поступать съ таковыми великою войсковою грозой по ихъ праву „доселѣ,—писалъ Государь къ казакамъ въ грамотѣ своей,—вы служили мнѣ и всему Россійскому Государству вѣрно и радѣтельно, многочисленные непріатели, окружавшіе васъ, страшились силы вашей; вынѣ, къ великому удивленію всей Россіи, небреженіе ваше къ спокойствію государства оказывается во всемъ своемъ видѣ; неужели вы немыслите, что таковое послабленіе къ пролитію невинной крови, не можетъ со временемъ обратиться на самыхъ васъ, я непрерывно получаю донесенія отъ воеводъ о умноженіи разбойническихъ партій на Волгѣ, и вы взираете на все сіе равнодушно, и нетолько не стараетесь истреблять сіи скопища, но не пишете даже ни о чемъ въ Москву и не увѣдомляете воеводъ о произшествіяхъ на Дону; вы забыли и нестрашитесь уже ни суда Божія, вы вручены мнѣ Богомъ и учинясь толико преслушны воли моея, гдѣ найдете себѣ прибѣжище, на кого полагаете надежду свою и кто вамъ будетъ обороною. Разсудите здраво о вашихъ поступкахъ въ настоящее время; пошлите рать свою на истребленіе возмутителей, или богобоязливыхъ людей для увѣщанія заблудшихъ своихъ собратій къ возвращенію на Донъ, покажите свою службу предъ всѣмъ

Государствомъ и тѣмъ содѣлайте себя причастными прежней милости моеи къ вамъ.“ (367).

Разбой его по Каспійскому морю. Перезимовавъ въ Яицкомъ городкѣ и укрѣпивъ оный Степанъ Разинъ повеснѣ 1668 года со всѣмъ своимъ войскомъ отправился на судахъ къ устью Волги, взявъ съ собою пушки, военные и продовольственные припасы; тутъ разорилъ онъ всѣ учуги рыбныхъ промышленниковъ, ограбивъ и истребивъ огнемъ татарскіе юрты, расположенныя около Астрахани, и потомъ направилъ путь свой къ Теркамъ; разоривъ окрестности этого городка, поплылъ далѣе моремъ къ персидскимъ провинціямъ, захватывая на пути суда съ товарами російскихъ и персидскихъ купцовъ.

Между тѣмъ Донской казакъ Сергій Кривой, прельстясь успѣхами Разина, собравъ на Дону значительную партію казаковъ, поплылъ въ низъ Волгою къ Астрахани, производя на пути грабительства и убійства; Астраханскій воевода князь Хилковъ послалъ противу ихъ четыре роты стрѣльцовъ въ намѣреніи не пропустить ихъ въ море. Казаки видя, что имъ преградили путь, заняли выгодное мѣстоположеніе въ протокѣ Карабузани и равнодушно ожидали приближеніе стрѣльцовъ; но лишь только они показались, казаки напали на нихъ, недавъ имъ построиться, многихъ побилъ, остальные же сдались плѣнными и присоединились къ ихъ шайкѣ, всѣ суда, пушки, военные и прочіе припасы достались въ руки казаковъ, и съ этою добычею Сергій Кривой явился въ Персію къ своему предводителю Стевану Разину. Шайка его еще болѣе увеличилась, когда стрѣльцы, посланные для занятія Яицкаго городка, по наущенію Разина, убивъ начальника своего Богдана Сакмышева, присоединились къ нему (368).

О походѣ Разина въ Персію Царь Алексѣй Михайловичъ извѣстилъ персидскаго шаха Аббаса чрезъ особое посольство.

(367). Дѣла Донскіе, грамота воевкѣ донскому 1667 года безъ означенія мѣсяца и числа.

(368). Сказаніе лѣтописное о градѣ Астрахани.

отправленное съ Томасомъ Брейномъ. Шахъ дѣйствительно велѣлъ во всѣхъ приморскихъ городахъ имѣть сильную предосторожность противу казачьихъ набѣговъ. Разинъ первоначально приступилъ къ городу Низабату, потомъ ограбилъ Баку, Шабранъ, Рязцу, Ферабать Астрабатъ и многіе другіе города, истребляя на пути села, деревни и дѣлая пощаду тѣмъ только, кои соглашались присоединиться къ его шайкѣ. Въ Рязцѣ, какъ богатѣйшемъ городѣ гиланской провинціи, Степанъ Разинъ жилъ очень долго и вывезъ оттуда несмѣтное богатство. При появленіи его несчастные жители оставляли дома и скрывались въ горахъ; но Разинъ увѣрялъ ихъ, что онъ идетъ безъ всякаго злаго намѣренія и что остановится у нихъ только для закушки нѣкоторыхъ вещей. Когда, положась на его обѣщаніе, они возвратились, вдругъ Разинъ подалъ знакъ къ грабительству, тогда необузданная толпа его, бросилась на беззащитныхъ гражданъ, предала ихъ смерти, обогатясь имуществомъ. Въ Баку Разинъ претерпѣлъ поражение отъ Персіянъ, которые нечаянно напали на него въ то время, когда казаки, напившись вина, предались сну; за эту безпечность Разинъ заплатилъ жизнію многихъ изъ своей шайки, и самъ едва могъ съ остальными казаками спастись бѣгствомъ (369).

Грабительства и варварское обращеніе казаковъ съ жителями распространили страхъ въ приморскихъ провинціяхъ Персіи, всѣ сгнѣшили вооружиться противу нихъ и прогнать изъ Персіи. Движимый такими чувствами опальный сановникъ персидскій Магмедъ Халбекъ, желая заслужить прежнюю къ себѣ милость шаха, собралъ Персіянъ, посадилъ ихъ на суда и поплыть къ острову Сары, на коемъ находился Степанъ Разинъ съ своими казаками; эти столь храбро приняли Персіянъ что по кратковременномъ сраженіи смѣшали суда ихъ и обратили въ бѣгство, причѣмъ многіе изъ Персіянъ лишились жизни, другіе взяты въ плѣнъ, въ

(369.) Путешествіе Стрейса (вышеприведенное.)

числѣ коихъ и сынъ ихъ предводителя, который послѣ въ Астрахани былъ умерщвленъ Разинымъ (370).

Отъ частыхъ сраженій, которыя долженъ былъ выдерживать Разинъ, число казаковъ значительно уменьшилось. Это обстоятельство заставило его притворно смириться предъ шахомъ и послать къ нему казаковъ съ испрошеніемъ дозволенія поселиться имъ на рѣкѣ Курѣ, обѣщаясь служить ему вѣрно со всѣми при немъ находящимися казаками. Шахъ, почитая это посольство недостойнымъ себя, приказалъ оковать оное и содержать подъ крѣпкою стражею; одинъ же изъ этихъ казаковъ, по повелѣнію его, затравленъ собаками въ присутствіи подьячаго Наума Колесникова, который въ то время находился въ Испаніи и исправлялъ посольскія дѣла, по смерти посланника Томаса Брейна (371).

(370) Дѣла Персидскія, изъ книги № 15, листъ 94, письмо, персидскаго посланника Юсупа Ханбека, поданное имъ въ посольскій приказъ.

„ Еще бью челомъ и объявляю, что шахова величества былъ сотникъ въ опалѣ и изъ чину своего отставленъ именемъ Магмедита Ханбекъ собравъ къ себѣ подлѣ, хотѣли шахову величеству послужить и вину свою покрыть, ходилъ на того вора Стеньку, и онъ, Стенька, слышавъ съ казылбашскія стороны, побѣжалъ на русскую сторону и поворотись съ той стороны, пришелъ на шахану жь сторону на островъ Сари, тутъ вмѣстился, и тотъ опальный сотникъ собрався, ходилъ на него стругами, съ боемъ и хотѣлъ ихъ побить и переимать, и Богъ ему не помогъ, грѣхомъ на стругу запалился порохъ и Стенька ихъ побилъ и разогнавъ и сына его сотникова взявъ, привезъ въ Астрахань и до астраханскаго взятъ, тотъ сотниковъ сынъ былъ въ Астрахани, а какъ Стенька воръ Астрахань взялъ и его убилъ.“

(371) Тамъ же № 3-й, распросные рѣчи подьячаго Наума Колесникова, бывшаго въ Персіи при посланникѣ Томасѣ Бренѣ, умершемъ въ Испаніи.

„ Послалъ по него ближній человекъ Ихтомо Дивлетъ, чтобъ онъ къ нему былъ для государственнаго дѣла, и онъ де Наумъ къ нему ѣздилъ, и какъ у него былъ, и въ то де время при немъ, Наумъ, привели къ нему Ихтому Дивлетю на дворъ 18 человекъ казаковъ перекованныхъ. И Ихтомо Дивлетъ спрашивалъ тѣхъ казаковъ приметъ Наумъ порознь, для чего они въ государствѣ шахова величества? и казаки де ему сказали, что царскому величеству измѣнили и городъ Яикъ взяли и ратныхъ людей многихъ побили и шахова величества въ государства войною ходили соборъ и распрося де тѣхъ казаковъ послалъ ихъ Ихтома Дивлетъ въ тюрьму. Да въ тѣхъ же де казакѣхъ

Степанъ, не видѣвъ возвращенія пословъ своихъ, побѣжалъ къ городу Теркамъ, откуда поплылъ къ Астрахани и остановился на островахъ „Четыре Бугра.“

Разинъ приноситъ Царю повинную. Воевода астраханскій князь Прозоровскій, узнавъ о приходѣ Разина, немедленно послалъ противъ него на 37 стругахъ 400 стрѣльцовъ, подъ предводительствомъ князя Львова. Разинъ, въ то время, претерпѣвалъ большой недостатокъ въ продовольственныхъ припасахъ; казаки, которыхъ было въ то время не болѣе 600 человекъ, перехвативъ караванъ съ лошадьми, посланными персидскимъ шахомъ въ даръ Русскому царю, питались ихъ мясомъ. Разинъ смирился, видя неравенство силъ и совершенный недостатокъ въ продовольствіи: послалъ къ князю Львову двухъ казаковъ просить отъ имени его и всѣхъ казаковъ прощенія въ убійственныхъ поступкахъ, обѣщая служить Государю вѣрно и возвратиться на Донъ; посланные дали присягу за всѣхъ своихъ товарищей въ вѣрномъ выполненіи своихъ обѣщаній, Разинъ требовалъ, чтобы при вступленіи его въ Астрахань, князь Прозоровскій встрѣтилъ его какъ знатнаго сановника, но въ томъ ему было отказано; послѣ этого онъ со всею шайкою своею прибылъ къ Астрахани и остановился на острову, на полчаса ѣзды отъ города. Отсюда послалъ онъ въ Москву семь человекъ казаковъ съ повинною къ Государю (372).

6 человекъ присланы были отъ вора Стенька къ шахову величеству въ послѣдхъ, съ тѣмъ, чтобъ шахова величество велѣло ему жить въ своемъ государствѣ на рѣкѣ Курѣ и онъ учнетъ его шахову величеству служить. И тѣмъ же казакамъ отказано и перекованы они съ тѣми же казаками, и на завтра же де того дни одного казака изъ нихъ выбрали при немъ, Наумѣ, затравили собаками.“

(372) Списокъ съ приговора, читаннаго предъ казнью Степана Разина.

„А въ 177 году по посылкѣ изъ Астрахани боярина и воеводы князя Ивана Семеновича Прозоровскаго, стольникъ и воевода князь Семень Львовъ и съ нимъ Великаго Государя ратные люди навзморье васъ сошли и обступили и хотѣли побить и ты воръ, Стенька, съ товарищи, видя надъ собою промысль Великаго Государя ратныхъ людей, прислалъ къ нему князь Семену двухъ человекъ выборныхъ казаковъ и тѣ казаки били челомъ Великому Госу-

Голландецъ Стрейсъ, какъ очевидный свидѣтель, описываетъ пребываніе Степана Разина въ Астрахани такимъ образомъ: „казаки, остановясь на острову близъ Астрахани, ежедневно приходили въ городъ одѣтые въ кафтаны бархатные, шелковые или изъ золотой парчи и продавали на рынкахъ за треть цѣны шелкъ, золотыя вещи и разные драгоценности, награбленныя ими во время поисковъ. Нѣкоторые носили на шапкахъ жемчугъ и драгоценныя каменья. Однажды капитанъ Бутлеръ приказалъ намъ приготовить шлюбку, чтобъ ѣхать навѣстить Степана Разина. Онъ взялъ съ собою два штофа водки, для поднесенія одного предводителю казаковъ, а другаго главному его совѣтнику, котораго Русскіе называли Чертовымъ Усомъ. Когда мы подошли къ его шатру, онъ велѣлъ спросить насъ, что мы за люди? мы отвѣчали: „нѣмцы изъ Голландской земли, находимся въ службѣ Его Царскаго Величества на кораблѣ Орлѣ, и пришли поклониться ему двумя штофами водки.“ Степанъ сидѣлъ въ шатрѣ своемъ съ Чертовымъ Усомъ и еще нѣсколькими казаками. Онъ принялъ милостиво нашъ подарокъ и посадивъ насъ, пилъ за здоровье Его Величества. Мы ему отблагодарили тѣмъ же, и какъ онъ не вступалъ въ дальнѣйшіе разговоры, то и мы откланялись. Онъ велѣлъ однакожь сказать намъ, что будетъ намъ радъ во всякое время. Въ другой разъ мы выдѣли его на шлюбкѣ раскрашенной и отчасти покрытой позолотою, ширющаго съ нѣкоторыми изъ своихъ подчиненныхъ. Подлѣ него была дочь одного персидскаго хана, которую онъ съ братомъ похитилъ изъ родительскаго дома во время своихъ набѣговъ на Кавказъ. Распаленный

дарю ото всего войска, чтобъ Великій Государь пожаловалъ велѣлъ тѣ ваши вины отдать, а вы за тѣ свои вины обѣщались ему Великому Государю служить безъ всякія измѣны, и межъ Великимъ Государемъ и шаховымъ величествомъ ссоры и заводовъ воровскихъ никакихъ нигдѣ нечинить и впредь для воровства на Волгу и на море не ходить и тѣ казаки на томъ на всемъ за все войско крестъ цѣловали. А къ Великому Государю къ Москвѣ прислали о томъ бить челомъ Великому Государю казакъ Лазарку и Мишку съ товарищи семь человекъ, званно обманомъ.“

виномъ, онъ сѣлъ на край шлюпки, и задумчиво поглядывая на рѣку, вдругъ вскрикнулъ: „о Волга славная! ты доставила мнѣ золото, серебро и разныя драгоценности, ты меня взлѣляла и вскормила, ты начало моего счастья и славы; а я неблагодарный ни чѣмъ еще не воздалъ тебѣ; прими же теперь достойную тебѣ жертву!“ Съ этимъ словомъ схватилъ онъ несчастную персіянку и бросилъ ее въ волны. Впрочемъ Степанъ приходилъ въ подобное изступленіе только послѣ пировъ, когда вино затемняло въ немъ разсудокъ и воспламеняло страсти (373).

Добровольное смиреніе Разина предъ Государемъ было неискреннее, — находясь въ Астрахани онъ замышлялъ уже о новыхъ предпріятіяхъ, преклоняя стрѣльцовъ на свою сторону обѣщаніями и золотомъ, что производилъ онъ явно, ходя по улицамъ, и бросая народу золотыя деньги. Это обстоятельство имѣло столь сильное вліяніе на умы астраханскихъ стрѣльцовъ, что нѣкоторые изъ нихъ въ то же время предались Разину и перешли въ его станъ. Астраханскій воевода князь Прозоровскій, желая освободиться отъ Разина и отъ дальнѣйшихъ послѣдствій, употреблялъ всѣ средства склонить его къ скорѣйшему отправленію на Донъ, и для того послалъ къ нему въ станъ капитана Видироса требовать перебѣжавшихъ стрѣльцовъ, угрожая его, въ противномъ случаѣ, царскимъ гнѣвомъ. Разинъ, приведенный въ запальчивость таковымъ предложеніемъ, отвѣчалъ капитану: „какъ смѣешь ты входить ко мнѣ съ такимъ недостойнымъ прошеніемъ, чтобъ я товарищей моихъ, пришедшихъ подъ мое покровительство, добровольно могъ выдать и меня грозить царскимъ гнѣвомъ; скажи господину своему Прозоровскому, что я скоро приду къ нему, и тогда онъ увидитъ, можетъ ли онъ повелѣвать мною.“ При этомъ случаѣ капитанъ Види-

(373) Путешествіе Голландца Янъ Янсена Стрейса, напечатанное въ журналѣ „Сѣверный Архивъ“ 1824 года № 5.

рось едва не былъ изрубленъ отъ казаковъ саблями (374).

Возвращеніе Разина на Донъ. Въ исходѣ сентября мѣсяца 1669 года, Разинъ со всею шайкою потянулся рѣкою Волгою до Царицына, производя на пути грабительства, какъ и прежде. Царицынскій воевода, хотѣвшій обуздать ихъ, былъ Разинымъ обезчестенъ и публично прибитъ до полусмерти; подчиненные же его грабили несчастныхъ жителей и производили различныя неистовства (375).

Отсюда Разинъ пришелъ на Донъ и остановился въ Кагальницкомъ городкѣ, укрѣпленномъ природою. Тутъ онъ остановилъ всѣ суда русскихъ промышленниковъ, плывшія въ Черкасскъ съ продовольственными припасами и другими товарами, для произведенія торговли и не позволялъ проходить въ Черкасскъ изъ верховыхъ городковъ казакамъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что если бы, какъ онъ говорилъ произведено было на Черкасскъ со стороны азовцевъ или татаръ нападеніе, тогда онъ самъ со всѣмъ своимъ войскомъ пойдетъ для отраженія.

Всю зиму въ Кагальницкомъ городкѣ провелъ онъ спокойно, не имѣя впрочемъ никакого сношенія съ Черкасскомъ; только одинъ разъ посылалъ онъ тайно казаковъ своихъ,

(374) Путешествіе Стрейса, рукопись хранящаяся въ библиотекѣ Графа Толстого.

„Въ Астрахани чрезъ улицу ходя, (Стенько) золотыхъ бросалъ, тѣмъ же онъ многихъ государевыхъ служилыхъ людей къ себѣ привлекъ; воевода бояринъ князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій о томъ вѣдя, капитана Видеровска къ Стенькѣ послалъ и ему сказать велѣлъ, что бѣ онъ государевыхъ людей тотъ часъ отдалъ, и то отрицаячи снова быть въ государственой опалѣ и гнѣвѣ. Капитанъ повелѣніе сіе управляя, немного что саблями начисто не срубилъ. Стенько ему такой отвѣтъ далъ, какъ ты мнѣ смѣешь такое недостойное прошеніе предложить, чтобъ изъ пріятелей моихъ, которые добровольно со мною ходятъ, избѣнилъ и сверхъ того грозить мнѣ государевою немилостію, скажи господину своему Прозоровскому, что я скоро къ нему приду, и тогда увидимъ, кто мнѣ укажетъ, онъ мнѣ яко холоду своему повелѣваетъ.“

(375) Дѣла Донскія; списокъ съ приговора, читаннаго предъ казнью Разина.

чтобы увести изъ онаго жену свою. На войсковыхъ атамановъ: Корнило Яковлева, Михайлу Самаринина и на нѣкоторыхъ старшинъ имѣлъ онъ сильную злобу за то, что они удерживали его отъ разбоевъ и преграждали пути своевольнымъ казакамъ къ уходу къ нему на Волгу и на Каспійское море (376).

Проведя такимъ образомъ въ бездѣйствіи всю зиму, Разинъ отправился въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1670 года съ сильною партіею своихъ приверженцевъ въ Черкасскъ и прибылъ въ оный въ то самое время, когда войсковою атаманъ Корнило Яковлевъ отправлялъ въ Москву съ отпискою жильца Герасима Евдокимова, присланнаго не задолго предъ этимъ съ государевою грамотою къ войску Донскому. — Разинъ, войдя съ своими приверженцами въ кругъ, спрашивалъ казаковъ, куда они выбираютъ станицу и по какому случаю. Ему отвѣчали, что станица выбирается для препровожденія въ Москву съ войсковою отпискою, жильца Евдокимова. Разинъ потребовалъ предъ собой Евдокимова и спросилъ его, отъ кого ты присланъ на Донъ—отъ великаго государя, или отъ бояръ? Евдокимовъ отвѣчалъ ему, что онъ присланъ отъ Государя съ милостивою грамотою къ войску Донскому. Разинъ, не говоря съ нимъ болѣе ничего, началъ его бранить и бить, называя лазутчикомъ, и полуживаго посадилъ въ воду. Корнило Яковлевъ, который хотѣлъ было отвратить это смертоубійство, едва не лишился жизни; Разинъ въ пылу гнѣва сказалъ ему при семъ случаѣ: „ты управляй своимъ войскомъ, а я буду владѣть своимъ“ (377).

Одинадцатидневное нахождение Разина въ Черкасскѣ сопровождалось убійствами и разнаго рода непростотами: онъ выгналъ изъ Черкасска всѣхъ священниковъ, богохульство-

(376) Тамъ же, распросныя рѣчи станичнаго атамана Ивана Аверкіева съ товарищами, декабря 14 дня 1669 года.

(377) Тамъ же, распросныя рѣчи Валуйскаго станичнаго головы, Карна Бугуслова, провожавшаго жильца Герасима Евдокимова, посланнаго на Донъ съ государевымъ жалованьемъ Іюня 9 дня 1670 года.

валъ, приказалъ на Дону не строить церквей и велѣлъ вѣнчаться около вербы, запретилъ строить вновь сгорѣвшую церковь, умертвилъ многихъ старшинъ и тѣла ихъ побросалъ въ Донъ, ограбилъ дома убитыхъ и другихъ старшинъ, которые хотѣли было остановить его неистовства, прибилъ и ограбилъ воеводу Ивана Хвостова, находившагося въ Черкасскѣ съ войскомъ, отчего онъ вскорѣ умеръ, и наконецъ, преклонивъ на свою сторону многихъ казаковъ подарками и угрозами, вышелъ изъ Черкаска въ Кагальницкій городокъ (378).

Разинъ вновь свирѣпствуетъ на Волгѣ. Въ началѣ апрѣля мѣсяца 1670 года, Разинъ выступилъ съ своими единомышленниками изъ Кагальницкаго городка и пошелъ прямо къ Царицыну. Взятіе этой крѣпости Разинъ считалъ для себя весьма важнымъ: во первыхъ потому, что могъ онъ имѣть свободное сообщеніе съ Дономъ, откуда во всякое время могли безпрепятственно подходить къ нему прельщенные его успѣхами казаки; во вторыхъ—овладѣть судами, порохомъ, продовольственными припасами и деньгами; и въ третьихъ—принудить силою или ласками стрѣльцовъ, составлявшихъ гарнизонъ этихъ крѣпостей, присоединиться къ его шайкѣ. Въ этомъ намѣреніи послалъ онъ напередъ

(378) Тамъ же, списокъ съ приговора, читаннаго предъ казнью Разина.

А въ 178 году ты жъ воръ Стенька Разинъ съ товарищи, забывъ страхъ Божій, отступя отъ святыхъ соборныхъ и Апостольскихъ церкви, будучи на Дону говорилъ про Спасителя нашего Иисуса Христа всякія хульныя слова и на Дону церковей Божіихъ ставить и никакого плѣнія плѣть не велѣлъ и священниковъ съ Дону сбиль и велѣлъ вѣнчаться около вербы. Да тыжъ воръ дабилъ Великаго Государя милостивую пощаду, какъ тебѣ и товарищемъ твоимъ вмѣсто смерти животь данъ, измѣнилъ ему Великому Государю и всему московскому государству, пошелъ на Волгу для своего воровства и старыхъ Донскихъ казаковъ, самыхъ добрыхъ людей, переграбилъ и многихъ побилъ до смерти и въ воду посажалъ, да и жильца Герасима Овдокимова, который посланъ былъ на Донъ съ Его Великаго Государя милостивою грамотою къ атаману къ Корнею Яковлеву и къ казакамъ, убилъ же и въ воду посадилъ, да и воеводу, который былъ на Дону, Ивана Хвостова билъ и изувѣчилъ и ограбилъ и отъ тѣхъ побой онъ умеръ.“

подъ Царицынъ находящихся при немъ стрѣльцовъ, которые, подъ предлогомъ вспомогательнаго войска, были впущены воеводою въ городъ, но съ наступленіемъ ночи эти самые стрѣльцы отворили городскія ворота и впустили Разина съ его единомышленниками въ крѣпость. Воевода, обманутый такимъ образомъ, храбро защищался съ вѣрными стрѣльцами, но чрезъ измѣну большей части гарнизона, былъ опрокинутъ многочисленнымъ бунтовщикомъ, которые до такой степени были озлоблены, что не только порубили всѣхъ вѣрныхъ Государю стрѣльцовъ, но безжалостно умерщвляли гражданъ, кои не захотѣли пристать къ возмутителямъ. Воеводу Тургенева убили и тѣло его бросили въ Волгу; стоявшія на Волгѣ суда съ казеннымъ провіантомъ и съ разными купеческими товарами разграбили. Въ это время Разинъ получилъ свѣдѣніе, что для вспомошествованія Царицыну идутъ стрѣльцы съ головою Лопатинымъ, выступилъ противу нихъ и разбилъ совершенно; Лопатинъ съ прочими чинами, послѣ многоразличныхъ истязаній, былъ брошенъ въ Волгу; тѣ же, кои остались въ живыхъ, присоединены къ его скопищу (379).

Астраханскій воевода князь Проѣоровскій, извѣщенный о походѣ Разина къ Царицыну, выслалъ для защиты онаго изъ Астрахани 400 человекъ стрѣльцовъ и 400—татарской конницы, подъ начальствомъ Леонтія Плахова, но онъ прибылъ

(379) Тамъ же.

„Ты жъ воръ Стенька пришедъ подъ Царицынъ, говорилъ царичинскимъ жителямъ и вмѣстилъ воровскую лесть и будто ихъ царичинскихъ жителей ратные люди по Государеву указу посланы были на Царицынъ имъ же на оборону и царичинскіе жители по твоей прелести своровали и городъ тебѣ сдали и ты воръ воеводу Тимофія Тургенева и царичинскихъ жителей, которые къ твоему воровству не пристали побивъ и посажавъ въ воду и ходилъ противу ратныхъ людей, которые шли на службу Великаго Государя на Царицынъ съ головою стрѣлецкимъ съ Иваномъ Лопатинимъ и съ полуголою съ Федоромъ Якишинымъ и съ ними бился и обманомъ ихъ побилъ и голову стрѣлецкаго Ивана Лопатина и сотниковъ и десятниковъ муча разными мучками, посажалъ въ воду; и съ посадовъ Великаго Государя хлѣбные запасы и промышленныхъ людей всякіе товары поималъ.“

подъ Царицынъ въ то время, когда Разинъ овладѣлъ уже городомъ и производилъ тамъ неистовства, и потому Плаховъ принужденъ былъ съ поспѣшностію возвратиться къ Черному Яру, увѣдомивъ въ тоже время князя Прозоровскаго, какъ о взятіи Царицына, такъ и о намѣреніи Разина идти къ Черному Яру; по этому случаю былъ составленъ въ домѣ астраханскаго митрополита Іосифа совѣтъ, на коемъ опредѣлено послать съ возможною поспѣшностію къ Черному Яру войска подъ начальствомъ князя Львова. 2000 стрѣльцовъ, дѣйствительно, 25 мая выступили изъ Астрахани, управляемые россійскими и нѣмецкими полковниками и ротмистрами, на 40 судахъ, имѣя на каждомъ суднѣ по одной пушкѣ и потребное число продовольственныхъ запасовъ. Войско это прибыло къ Черному Яру въ то время, когда Разинъ свирѣпствовалъ въ ономъ: умертвилъ воеводу Ивана Сергѣевского, головъ, стрѣльцовъ, и грабилъ имущества несчастныхъ жителей. Стрѣльцы, пришедшіе къ Астрахани съ княземъ Львовымъ, прельщенные успѣхами и лестными обѣщаніями Разина, перешли всѣ на его сторону, умертвивъ своихъ начальниковъ, кромѣ князя Львова, котораго предали въ руки Разина живаго. (380).

(380). См. сказаніе лѣтописное о градѣ Астрахани. Путешествіе Стрейса. „Марта мѣсяца вѣсти пришли, что казаки опять возволновалися. Апрѣля мѣсяца въ 10 день по приказу воеводскому посланъ Леонтій Плаховъ къ Царицыну городу и съ нимъ 400 русскихъ рейтаръ и 400 погайскихъ татаръ. Апрѣля мѣсяца въ 28 день вѣсти пришли отъ Леонтія Плахова, чрезъ языкъ казаки, что бунтовщики казаки городъ Царицынъ взяли и въ томъ мѣстѣ 1,200 московскихъ стрѣльцовъ убили и въ Волгу бросили, и иные вѣсти пришли, что степные татары между собою войну имѣютъ; по тѣмъ вѣстямъ именованный Леонтій къ городу Черному Яру поворотился, и тогоже времени въ Астрахани всѣ суда уготовляются чтобъ скоро Леонтію помощь учинить; изъ Астрахани посланъ былъ полкъ стрѣльцовъ, полковникомъ былъ Иванъ Русинскій подполковникомъ Яковъ Виндрангъ и иные начальники иноземцы капитанъ Павелъ Рудольфъ съ сыномъ своимъ Людовикомъ Фабриціусомъ, капитанъ Робертъ Бейнъ, капитанъ Николай Шакъ, тѣ капитаны мѣсяца мая въ 25 день изъ Астрахани со князь Семеномъ Ивановичемъ Львовымъ въ 40 стругахъ пошли и на всякомъ суднѣ мѣдныя пушки и воинскіе запасы и 2,600 человекомъ.

Эта печальная вѣсть, привезенная въ Астрахань сотникомъ Тарлыкинымъ, имѣла сильное вліяніе на умы стрѣльцовъ, составлявшихъ гарнизонъ крѣпости; приближенные Разина, разглашая о его подвигахъ, хвалили его дружеское обращеніе съ подчиненными, щедрость, и ставили его въ противоположность съ строгостію воеводы астраханскаго и надмѣнностію подвластныхъ ему бояръ. Неудовольствіе противъ князя Прозоровскаго, раздуваемое наушниками, часъ—отъ часу болѣе возрастало: мятежническія восклицанія ежеминутно ждали новаго бунта внутри города; наконецъ стрѣльцы, приступивъ къ дому, требовали отъ него заслуженнаго ими жалованья. Князь Прозоровскій, неимѣя въ то время суммы потребной на удовлетвореніе ихъ, позаимствовалъ у митрополита Іосифа изъ монастырскихъ доходовъ 2,600 руб., и всѣ оныя раздалъ возмутителямъ; но этимъ средствомъ не могъ привлечь ихъ къ вѣрному выполненію обязанностей.

Положеніе Астрахани день ото дня становилось опаснѣе. Движеніе Разина со всѣмъ его скопищемъ къ этому городу, еще болѣе волновало умы гарнизона астраханскаго, тайно преданнаго ему. Но невзирая на всѣ эти опасности, князь Прозоровскій не терялъ присутствія духа и дѣятельно занимался приуготовленіемъ къ отраженію непріятелей, и въ то же время о положеніи своемъ донесъ Государю съ посланнымъ въ Москву сотникомъ Тарлыкинымъ, который, къ несчастію, во время проѣзда чрезъ Терекъ на Дону, утонулъ въ первой изъ этихъ рѣкъ (381).

„Іюня мѣсяца въ 4 день дворянинъ съ Чернаго Яру пришелъ и возвѣстилъ, что въ той же день какъ князь Семень съ своимъ войскомъ къ Черному Яру пришелъ, казаконъ много объявилось и его войско зачало бунтовать и къ казацкой сторонѣ здатися и всѣхъ начальниковъ своихъ побил.“

(381). См. лѣтописное сказаніе о градѣ Астрахани.

„Того же году іюня въ 5-й день пріѣзжалъ въ Астрахань конными съ Чернаго Яру астраханскій сотникъ Данила Тарлыковъ съ черноярскимъ стрѣльцомъ и возвѣстили боярину, что астраханскіе стрѣльцы и всякіе конные служивые на Черномъ Яру измѣнили предалися къ вору Стенькѣ и головъ стрѣleckихъ и сотниковъ и всякихъ чиновъ людей, кои

Разинъ въ Астрахани. Воевода астраханскій, не надѣясь болѣе на стрѣльцовъ, поручилъ всю артиллерію въ распоряженіе голландцевъ, которые служили на кораблѣ Орлѣ, персіянь и черкасъ, на капитана корабля Орла Бутлера возложено было, сверхъ того, приведеніе въ надлежащую исправность всей артиллеріи, разставленной по стѣнамъ, а англичанину полковнику Билли исправленіе крѣпостныхъ валовъ. Персидскій посланникъ, который за нѣсколько дней до сего прибылъ изъ Персіи въ Астрахань, имѣлъ въ своемъ распоряженіи особую часть городской стѣны, а братъ астраханскаго воеводы князь Михаилъ Прозоровскій поставленъ былъ съ вѣрными стрѣльцами у Вознесенскихъ воротъ. Прочіе стрѣльцы и граждане равнымъ образомъ разставлены были

не предались, побили, токмо жива оставили князя Семена Ивановича Львова и того покинули на Черномъ Яру, а сами хотятъ итти на Астрахань. Бояринъ же и воевода князь Іоаннъ Семеновичъ Прозоровскій приходитъ къ преосвященному Іосифу митрополиту, что бы послать въ Москву къ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Росіи съ отписками на скоро чрезъ Терекъ, того ради что въ то время на степи у черныхъ калмыковъ съ волжскими калмыками и у Едиганскихъ мурзъ Большаго и Малаго Ногаю съ Енбулаками междуусобіе-великое и стѣна была, и степью никоемъ дѣлы пробхать немочно, и посылають съ отписками въ Москву сотника стрѣлцакаго Данила Тарлыкова, да съ нимъ двухъ человекъ стрѣльцовъ Іоанна Караулова съ товарищемъ, да татаръ юртовскихъ пять человекъ на Терекъ, а съ Терека на Донъ въ Москву, и оной Данило Тарлыковъ въ Теркѣ потонулъ, а Іоанна Караулова казаки убиша отъ Стеньки Разина. Астраханскіе же стрѣльцы приходятъ къ боярину и воеводамъ просить денежнаго жалованія за прошлой годъ. Бояринъ же имъ рѣче: казны де велик. государя къ нему съ Москвы въ Астрахань небывало, токмо де нѣчто дастъ отъ себя взаимн преосвященный митрополитъ, или изъ Троицкаго монастыря, и азъ вамъ дамъ почему доведется, чтобы вамъ такого богоотступника и измѣнника Стеньку Разина не слушать и радѣть бы Великому государю и градъ Астрахань остерегать, а на его измѣнничью прелесть неполагаться И пакы приходитъ бояринъ къ преосвященному митрополиту и совѣтують о томъ имъ жалованье, преосвященный же видя ихъ таковую злобу, что они прельстилися къ нему богоотступнику и хотя утвердити ихъ на охраненіе града даде отъ себя кедейныхъ своихъ денегъ 600 рублей да изъ Троицкаго астраханскаго монастыря взято 2. т. рублей и всѣ тѣ деньги розданы астраханскимъ стрѣльцамъ въ жалованье за четыре дни до взятія Астрахани отъ Стеньки Разина съ товарищи.“

въ надлежащихъ мѣстахъ, и такимъ образомъ день и ночь имѣли крѣпкую предосторожность отъ внезапнаго нападенія. Наконецъ 22 числа іюня мѣсяца астраханцы увидѣли со стѣнъ городскихъ толпы Разина, остановившіяся у Жаренаго бугра. Разинъ въ то же время послалъ въ Астрахань слугу князя Львова и попа по имени Василия, съ грамотами, одну къ астраханскимъ жителямъ и стрѣльцамъ, дабы они безъ сопротивленія впустили его въ городъ, а другую къ капитану Бутлеру, увѣщевая его и всѣхъ ему подчиненныхъ голландцевъ не воевать противу него, если они хотятъ остаться въ живыхъ. Князь Прозоровскій, распрося ихъ, приказалъ слугѣ князя Львова распороть ротъ и потомъ отсѣчь голову, въ виду вазачьихъ струговъ, а пону заклепать ротъ и бросить въ тюрьму (382).

23 числа Степанъ Разинъ, по указанію астраханскихъ стрѣльцовъ Лебедева и Курятникова, со всѣмъ своимъ скопищемъ поплылъ въ проливъ волжскій Богду, оттуда въ Черепашу, Кутумъ и Кривушу и остановился лагеремъ съ противоположной стороны города у виноградныхъ садовъ. Въ

(382) Тамъ же.

„Онъ же богоотступникъ Стенька Разинъ, воръ и измѣнникъ, съ товарищи пришелъ подъ Астрахань и сталъ у Жаренаго бугра и прислалъ два струга съ воинскими людьми къ Астрахани и велѣлъ стать за рѣкою у Зеленаго городка, а къ Астрахани въ лодкѣ прислали воздвиженскаго попа Василья да князь Семенова челоуѣка Львова, а какъ его звали и что съ нимъ Стенька съ казаками говорилъ, про то увѣдать немогли, и бояринъ Прозоровскій съ товарищами спрашивали ихъ на крѣпко и повелѣлъ пытать Львова челоуѣка, но онъ ничего не связалъ, и велѣлъ ему голову отсѣчь за городомъ противъ ихъ поровскихъ струговъ, и пону Василью велѣлъ кличь въ ротъ вложить и посадить въ тюрьму до указа Государева.“

Путешестіе Стрейса.

„Въ 22 день іюля казаки близко къ городу пришли что мы ихъ увидѣли, и казакъ одинъ посланъ былъ въ городъ съ русскимъ попомъ, дабы поддался, тотъ же посольщикъ ко мнѣ (капитану Бутлеру) имѣлъ нѣмецкую грамотку, со вѣтуя мнѣ и людямъ моимъ какъ намъ живымъ быть и не воевати противъ ихъ. Грамота та отъ воеводы раздрана и посольщику ротъ распоротъ, а голову отсѣкли.“

такоемъ опасномъ положеніи, митрополитъ Іосифъ приказалъ раскопать плотину у прудовъ своихъ и пустить воду, которая затопила всю окрестность города на большое пространство. Въ этотъ же день ушли изъ города въ станъ къ бунтовщикамъ двое нищихъ; посылая ихъ обратно въ городъ, Разинъ приказалъ имъ зажечь Бѣлый городъ въ то время, когда войско его пойдетъ на приступъ; но эти нищіе были за городомъ пойманы и приведены къ князю Прозоровскому, коиъ, по распросѣ, приказалъ онъ казнить смертію (383).

Между тѣмъ какъ Разинъ въ виду города строилъ лѣстницы, ставилъ пушки и другія производилъ пріуготовленія для приступа, митрополитъ Іосифъ созвалъ къ себѣ на дворъ сотниковъ и пятидесятниковъ и лучшихъ стрѣльцовъ, увѣщевалъ ихъ мужественно защищать городъ, обѣщавъ имъ милость царскую и вѣчное блаженство падшимъ за вѣру, царя и отечество; стрѣльцы, выслушавъ это, дали честное слово не щадить жизни своей за Государя и разошлись въ назначенныя имъ мѣста. По исходѣ этого дня князь Прозоровскій съ братомъ своимъ Михаиломъ Семеновичемъ и сыномъ Боририсомъ съ дьяками и головами стрѣлецкими, принявъ отъ митрополита Іосифа благословеніе, пошли со всѣмъ войскомъ и гражданами въ Бѣлый городъ къ Вознесенскимъ воротамъ,

(383). Тамъ же.

„Іюня въ 19 день богоотступникъ Стенька Разинъ съ товарищи, забывъ страхъ Божій, по наученію астраханскихъ измѣнниковъ Андрюшки Лебедева, да Сеньки Курятникова съ товарищи, проѣхавъ въ Болду, а изъ Болды въ протокъ Черепяху, а Черепяхою въ протокъ Кривушъ, созади града Астрахани отъ поля и отъ протоку готовляху лѣстницы. Преосвященный же митрополитъ съ бояриномъ переговоряся, изъ своего огорода прокопати повелѣлъ и съ прудовъ воду испустить на солончикъ кругомъ Бѣлаго города и бѣ вода около града велика. Того же дни изъ Астрахани убѣжали къ вору Стеньки Разину двое нищихъ Тимошка Бизногой съ товарищемъ, Стенька же увѣщавъ чтобъ они въ приступное время Бѣлой городъ зажгли, и они нищіе наки отъ Стеньки ко граду Астрахани полемъ идяху; ихъ же поймали казылбашскіе люди и привели въ Астрахань въ приказную палату, бояринъ же повелѣ ихъ пытать и они повинились, сказалъ что похвалялися вору Бѣлой городъ ночью зажечь. Бояринъ же вида ихъ воровство повелѣ обоихъ казнить смертію.“

откуда ожидали приступа непріятельскаго. Князь Іоаннъ Семеновичъ, обозрѣвая въ это время всѣ мѣста крѣпостнаго вала и бойницъ, увѣщевалъ всѣхъ и cadaго стоять мужественно противъ бунтовщиковъ, представляя имъ всю низость мятежниковъ, поднявшихъ оружіе на свое отечество (384).

Подъ 24 число іюня мѣсяца во второмъ часу ночи Разинъ повелъ войска свои на приступъ къ городу, къ Вознесенскимъ воротамъ, и началъ по низкимъ мѣстамъ городскихъ стѣнъ ставить лѣстницы и всходить на оныя; производимая въ это время сильная стрѣльба изъ орудій иностранцами и вѣрными своему отечеству стрѣльцами немогла остановить бунтовщиковъ, вспомошествоваемыхъ стрѣльцами измѣнниками, которые, къ довершенію своихъ преступныхъ дѣйствій, бросились на своихъ начальниковъ и иностранцевъ управлявшихъ артиллерією и всѣхъ ихъ умертвили. Потомъ толпа эта, пользуясь темнотою ночи, устремила съ казаками на поражение своихъ собратій и гражданъ, стоявшихъ на стѣнахъ. Въ этомъ общемъ замѣшательствѣ англійскій полковникъ Билли, командовавшій отрядомъ стрѣльцовъ, непремѣнно палъ бы подъ ударами своихъ подчиненныхъ, если бы не былъ защищенъ латами, и, пораженный копьями въ лицо и ноги, едва могъ дойти до батареи, изъ которой капитанъ Бутлеръ производилъ сильную стрѣльбу; тутъ онъ извѣстилъ его о измѣнѣ стрѣльцовъ и о умерщвленіи ими всѣхъ начальниковъ своихъ. Бутлеръ былъ изумленъ этимъ произшествіемъ и пораженный еще болѣе убійствомъ капитана Видироса, произведеннымъ слугою его, въ глазахъ ихъ, бросилъ батарею и ушелъ за городъ съ лекаремъ голландцемъ, служившимъ на кораблѣ Орлѣ (385).

(384) Тамъ же.

(385) Путешествіе Голландца Стрейса.

„Во вторникъ ночью (говоритъ Бутлеръ) я и иные начальники на караулѣ стояли у вознесенскихъ и братъ воеводскій тутъ же. Три часа послѣ полуночи казаки пришли первой приступъ учинить и мы зачали изъ пушекъ крѣпко

Князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій, пораженный измѣнниками копьемъ въ животъ, былъ отнесенъ на коврѣ въ кремль и положенъ въ соборной церкви; братъ же его Михаилъ Семеновичъ, убитый изъ самопала, остался на мѣстѣ. Услышавъ что князь Иванъ Семеновичъ тяжело раненъ, митрополитъ Іосифъ, бывши искреинимъ другомъ его, немедленно пришелъ въ церковь и тамъ долго со слезами и рыданіями утѣшалъ страдальца надеждою вѣчныхъ благъ, говоря словами священнаго писанія, а наконецъ, послѣ исповѣди, приобщилъ его святыхъ Христовыхъ таинъ. Послѣ этого дьяки: Табунщиковъ и Фроловъ, головы стрѣлецкіе и прочіе чины, а равно и граждане, которые остались въ живыхъ, спасая жизнь свою, пришли въ эту же соборную церковь и затворились въ ней отъ измѣнниковъ. Между тѣмъ Разинъ, раскопавъ городскія ворота вошелъ въ городъ со всѣми своими возмутителями и началъ вламываться въ церковныя двери, а другіе сквозь оныя стрѣлять изъ ружей; при этомъ случайъ убитъ пулею младенецъ полутора года, котораго мать держала на рукахъ своихъ, и кровію его обогрился помостъ церковный. Наконецъ измѣнники вошли въ церковь, извлекли изъ оной князя Прозоровскаго и бросили съ городской стѣны; дьяковъ же, головъ стрѣлецкихъ и про-

на нихъ стрѣлять; мало послѣ сего пришелъ къ намъ полковникъ англичанинъ Фома Балле и сказалъ, что весь городъ измѣненъ и стрѣльцы его полку лице и ноги ему конемъ прокололи, потому что онъ весь былъ въ латахъ и для того невозможно было его до смерти убитъ, и то того ради, что онъ сказалъ имъ, чтобъ вѣрно служили и не яко казаки бунтовали на крѣпко городъ обороняли, а стрѣльцы ему молчать велѣли. И скоро послѣ того всѣ начальники отъ своихъ людей прирублены, какъ я своими очами видѣлъ и при мнѣ капитанъ Иванъ Видеросъ отъ своего слуги связанъ и убитъ. Лекаръ подаѣ меня стоящій то вида, съ стѣны броситься хотѣлъ, дабы онъ изъ руки такихъ воровъ ушелъ, а я отказалъ ему и мнѣ припоминаюта, что подъ башнею бойница бывала, что намъ можно чрезъ ту уйти, дабы наши стрѣльцы насъ всѣхъ не порубили, я велѣлъ лекарю и слугѣ его да двумъ матросамъ за собою итти, и какъ бойницѣ мы пришли, велѣлъ я караульщикамъ насъ пропустить и лекаръ чрезъ бойницу напередъ и я за нимъ опустился, слуги и двухъ матросовъ не видѣли и припались такъ во рву градскомъ, гдѣ намъ въ водѣ бросить случилось съ городу изъ мушкетовъ крѣпко на насъ стрѣляли, и насъ не понали, и то уже въ третій часъ дня.“

чихъ гражданъ, тутъ находившихся, приведа къ раскату и связавъ имъ руки и ноги, порубили саблями и бердышами на мелкія части. Послѣ этого Разинъ приказалъ Троицкаго монастыря братіи выкопать яму и всѣ тѣла свозить въ оную. Въ этотъ день погребено было убіенныхъ отъ рукъ варваровъ 441 человекъ (386).

(386) Лѣтописное сказаніе о градѣ Астраханя.

„Въ ту же ночь той воръ и богоотступникъ Стенька Разинъ съ товарищи казаками и съ астраханскими измѣнники придоша отъ Вознесенскаго монастыря ко вратамъ и по низкимъ мѣстамъ по стѣнѣмъ начаша приставляти лѣстницы. Астраханскіе же жители проклятыя измѣнники начаша тѣхъ воровъ на стѣну пріимати, только изъ башенъ и подошевныхъ боевъ пушкари Томило съ товарищи бѣяху по нихъ изъ пушекъ. Астраханскіе же измѣнники, которые къ нему вору приложиса, кричаху во градѣ казачьимъ языкомъ и градскихъ людей начаша сѣщи во градѣ прежде ихъ воровъ и боярина и воеводу князя Ивана Семеновича Прозоровскаго у Вознесенскихъ вратъ въ ноцѣ той раниша, прокололи ему чрево, люди его едва унесоша его въ кремль и принесоша на коврѣ въ соборную церковь, за нимъ же приде пятидесятникъ стрѣлецкій Фролъ прозваніемъ Дура, той Фролъ прооборалъ поистинѣ, а не съ ними ворами сообщася. Про брата же его князя глаголютъ, яко тамо у Вознесенскихъ вратъ они воры и измѣнники убили изъ самонала поставя къ городской стѣлѣ, что де онъ былъ гораздо раненъ. Преосвященный же Іосифъ митрополитъ видя добляго Христова воина Прозоровскаго вельми ранена, притече къ нему и принаде со слезами захлинаяся плакаша на долгъ часъ и глаголаша ему страдальцу отъ святаго писанія словеса утѣшительныя о надеждѣ вѣчныхъ благъ, бѣ бо между ими была любовь во Христе нелицемѣрна, и причастивъ его святыхъ пречистыхъ страшныхъ Христовыхъ таинъ со исповѣданіемъ якоже обычай. Послѣ даже того въ соборную церковь прибѣгаша дѣяки и подьячіе и головы стрѣлецкіе и соборныя церкви двери затвориша чтобъ ихъ воровъ и измѣнниковъ не пустять.

„Бѣ же свѣтающу дню они же воры у Пречистинскихъ воротъ вырубилъ калитку въ городъ вошли, а иные воры чрезъ житной дворъ вошли и начаша въ соборную церковь ломитися. Прежде рѣченныи же пятидесятникъ Фролъ прозваніемъ Дура многихъ тѣхъ воровъ рѣзаше пожемъ. Они же воры сквозъ желѣзныя двери въ соборную церковь стрѣляша изъ пищали и за стольскимъ мѣстомъ у нѣкоей жены на рукахъ убили младенца полутора года и помость церковной младенческою кровію обагриса, также пищаль прѣбила кіотъ Пресвятныя владычницы казанскія съ чудеса, и нишѣ та икона стоитъ за стольскимъ мѣстомъ, того же пятидесятника Фрола изъ соборныя церкви похлативше и близъ церкви всего изѣткоша на части. Добляго же страдальца Христова воина онъ злой воръ и богоотступникъ Стенька Разинъ съ товарищи своими измѣнники боярина и воеводу князя Іоанна Семеновича Прозоровскаго велѣлъ вести на раскатъ и съ раскату ринутъ его на землю. И тако ринуша его на землю Іулія

Между тѣмъ засѣвшіе въ двухъ башняхъ иностранцы и русскіе храбро отражали приступы бунтовщиковъ; въ одной изъ нихъ заперся персидскій посланникъ Юсуфъ Ханбекъ со всею свитою, но принужденъ былъ добровольно сдаться казакамъ, кои сняли съ него саблю, пограбили все бывшія при немъ вещи; тѣхъ же изъ персіанъ, кои оборонялись, побили; въ другой изъ этихъ башенъ находилось 7 человекъ татаръ улуса князя Каспулата Черкаскаго и два русскихъ пушкаря; эти люди сопротивлялись дотолѣ, пока неразстрѣляли порохъ, тогда бросились они съ башни въ намѣреніи уйти, но были за городомъ казаками порублены (387).

Жестокіе поступки Разина съ гражданами. Овладевъ Астраханью, Разинъ поступилъ весьма жестоко съ гражданами онаго, первоначально разграбилъ онъ приказную палату, въ которой хранились казенныя деньги; потомъ приказалъ ограбить дома князя Прозоровскаго, дяковъ, головъ стрѣлецкихъ, прочихъ чиновъ и зажиточныхъ гражданъ, наконецъ буйные обратились въ гостинный дворъ, гдѣ лежали товары купцовъ: россійскихъ, персидскихъ, индейскихъ и бухарскихъ, забрали все то, что только тамъ находилось, и потомъ раздѣлили оныя между собою. Разинъ самъ распорядился грабежомъ, развѣзжалъ по городу верхомъ на лошади изъ одной улицы въ другую, и всехъ тѣхъ

мѣсяца въ 22 день въ третій часъ дне въ среду. Дяковъ же Романа Табунцова и Елистратія Фролова и голову стрѣleckаго Алексѣя Соловцева и другихъ сотниковъ и пятидесятниковъ и подъячихъ и всякихъ астраханскихъ жителей всехъ посаждахъ подъ раскатъ, связавше яко злодѣевъ руки крѣпко всехъ постыкоша саблями и бердыши и земля обагрилася кровію и течеша кровь челоѣка аки рѣка. Тѣло же новаго страдальца и мученика боярина князя Иоанна Семеновича и брата его роднаго князя Михаила Семеновича Прозоровскихъ и многихъ убійныхъ, онъ злой песь и измѣнникъ отдалъ въ Троицкой монастырь и велѣлъ ископать великую яму и безъ разбору бросать въ ню, бѣ же числомъ и съ бояриномъ положенныхъ 441 человекъ, намъ же повѣдахъ сіе монахъ, который приставленъ былъ къ той могилѣ.“

(387) Тамъ же, смотри персидскія дѣла, въ столбцахъ № 5, распросныя рѣчи Помѣснаго приказу подъячаго Наума Колесникова, бывшаго въ Персіи съ посланникомъ Томасомъ Брейномъ.“

изъ гражданъ, кои только попадались на встрѣчу, какого бы пола и возраста нибыли, приказывалъ инаго колоть, другаго бросать въ воду, или отрубивъ руки и ноги, оставлять въ такомъ положеніи среди улицы (388). Ненасытись такимъ звѣрствомъ, Разинъ, распаленный виномъ, приказалъ привести предъ себя старшаго сына воеводы астраханскаго, Бориса Прозоровскаго, и спрашивалъ его, гдѣ находятся деньги собираемыя таможеню; юный князь отвѣчалъ ему, что отецъ его деньги эти всегда отдавалъ казначею Алексѣю Алексѣевичу, отъ коего выданы были предъ этимъ на жалованье стрѣльцамъ. Разинъ, желая удостовѣриться въ истинѣ, приказалъ привести казначея, который подтвердилъ слова князя. Послѣ этого Разинъ спросилъ князя, гдѣ находится имущество отца его, который отвѣчалъ ему, что имѣніе отца забрато все безъ остатка есауломъ Хохлачемъ. Разинъ, приведенный эти-

(388) Лѣтописное сказаніе о градѣ Астрахани.

„ Но убіеніи же боярина и другихъ поиде онъ воръ Стенька Разинъ съ единомышленниками своими въ приказную палату и которая нибыла казна государева, и что взята у астраханскаго воротника Михайла Лаузина, золотые червонныя ефимки, соболи и котлы и всякой товаръ послѣ его смерти и которая деньги по приводнымъ дѣламъ и ихъ боярскіе дворы и животы и годовъ стрѣлецкихъ, и дворянъ, и подъячихъ, и посадскихъ людей дворы ихъ и жиноты и въ рядѣхъ въ лавкахъ и гостинные дворы: русской, гиланской и индейской, бухарской, все безъ остатку пограбили и возили въ Янч-Гурченевъ городокъ ради раздѣла своего.

„ Въ тоже время, какъ они бори взошли въ городъ Астрахань въ постъ святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, Іунія въ 22 день, и въ тотъ постъ начаша мясо ясти и сыръ и яйца горши бусурмановъ, а кто по истинѣ обратится и что какое доброе слово промолвить, и они воры того тотъ часъ смерти предающе. Той де воръ и богоотступникъ Стенька Разинъ ѣзда на конѣ по граду за малое нѣчто людей всякаго званія кто бы нибылъ закалая, поѣскал, а и ныхъ въ водѣ потопляя и инымъ же ноги и руки отрубивъ оставляя . . . на снѣденіе. На то же смотря астраханскіе измѣнники и дѣла тому же ревнующіе збирая круги и кто у нихъ непослушаетъ, бьютъ палками и вѣшаютъ за ноги и одинаго повѣсили за шею и той умре. Жены же ихъ казачи дворянскихъ женъ и годовъ стрѣлецкихъ и подъяческихъ, которые побиты въ Астрахани отъ воровъ казаковъ, браняще называюще ихъ измѣнничьими женами и мѣста нигдѣ никому недающе. Въ церковь же Божію мужья ихъ измѣнники и ихъ измѣнничьи жены и дѣти не ходили, отлучишася въ конецъ отъ Бога и Великаго Государя.“

ми словами въ изступленіе, приказалъ этого юнаго князя, имѣвшаго отъ роду 16 только лѣтъ, повѣсить чрезъ городскую стѣну за ноги; послѣ въ то же время повѣшенъ былъ близъ него и меньшій 6-ти лѣтній братъ его. Казначей Алексѣевъ долженъ былъ понести лютейшую смерть: его повѣсили на вислицѣ за ребра; въ такомъ положеніи они находились цѣлые сутки. На другой день Разинъ приказалъ старшаго Прозоровскаго бросить съ раската, а меньшаго отдать матери, предполагая что онъ мертвъ (389).

Разинъ въ особенности излилъ всю злость свою на приказныхъ служителей, которыхъ онъ, извлекая изъ домовъ ихъ, вѣшалъ за ребра. Женъ ихъ, а равно и прочихъ гражданъ, предавалъ на поругательство своимъ сподвижникамъ; иныхъ же приказывалъ вѣнчать насильно съ этими извергами; священниковъ, кои осмѣливались противурѣчить ему, бросалъ живыхъ въ воду.

(389) Тамъ же. Послѣ де же того Іулія въ 13 день, онъ же злый воръ и богоотступникъ и измѣнникъ Стенька Разинъ съ товарищи, напився пьянъ у кабака стоя, прислалъ ясаула своего къ митрополиту Іосифу и велѣлъ взять и передъ себя привести князя Бориса Ивановича большаго; приведену же ему бывшу предъ него, нача вопрошати его о таможенныхъ пошлинныхъ деньгахъ, что де отецъ твой такими деньгами завладѣлъ и князь же ему отвѣща, тѣ пошлинныя деньги отнесены въ приказную палату служивымъ людямъ на жалованье а отданы въ денежномъ столѣ подъячюму Алексѣю Алексѣеву, а отецъ мой тѣми деньгами некорыстовался, и повелѣлъ привести подъячюго и вопросы его о деньгахъ и онъ отвѣща, тѣми деньгами бояринъ некорыстовался, понеже розданы на жалованье служилымъ людямъ, а сколько ихъ роздано и кому именно, о томъ явствуютъ расходныя книги. Злый же богоотступникъ Стенька рѣче князю Борису гдѣ ваши животы? И князь дерзновенно рече животы де огда моего вы пограбили и отдавалъ тѣ животы казначей нашъ, а возилъ ихъ твой ясаулъ Ивашко Андреевъ Хохлачь. Стенька же тому невнимая, повелѣ его на градовой стѣнѣ за ногу повѣсить. А подъячюго Алексѣя Прокофьева и захвати за ребро повѣсить на вислицѣ. Другаго же меньшаго князя Бориса также повелѣ за ногу жъ повѣсить на градовой стѣнѣ подля брата его; висѣли же они новыя страдальцы отъ сегдаго часа дни и до ноци и всю ношь до свѣта, на утріе же проклятый еретикъ и богоотступникъ Стенька Разинъ пріѣхалъ о сегдамомъ часу дни и повелѣ князя Бориса большаго снять и бросить съ раскату, противъ Троицкаго монастыря, меньшаго же князя Бориса повелѣ отдать клягинѣ его (матери) Параскевѣ Федоровнѣ. А подъячюго Алексѣя повелѣ отдать матери его погребсти въ Троицкомъ монастырѣ. “

Монастыри и церкви, какъ и дома священнослужителей, равнымъ образомъ были ограблены. Среди расхищеній, онъ дѣлалъ священникамъ, инокамъ и инокинямъ разныя истязанія (390).

Капитанъ Бутлеръ, который во время приступа Разина къ городу бѣжалъ изъ онаго съ лекаремъ, былъ пойманъ стрѣльцами на Каспійскомъ морѣ, недалеко отъ устья Волги и приведенъ въ Астрахань къ Разину, который въ это время, сидя на улицѣ у воротъ дома митрополита Юсифа, пилъ съ приближенными своими водку. Разинъ распросивъ ихъ, велѣлъ лекарю лечить раненыхъ казаковъ, а капитана Бутлера приказалъ держать за карауломъ близъ своего шатра. Бутлеръ, находясь въ такомъ положеніи, былъ очевиднымъ свидѣтелемъ смерти многихъ изъ гражданъ, которыхъ Разинъ приказывалъ бросать живыхъ въ воду, другихъ вѣшать за ноги или отсѣкать руки и ноги. По прошествіи нѣсколькихъ дней, Бутлеру связали руки и ноги и въ такомъ положеніи оставили его подъ башнею. Послѣ онъ былъ освобожденъ по ходатайству лекаря и голландца Людовика Фабера, которые успѣли снискать отъ Разина нѣкоторое уваженіе, а по выходѣ Разина съ войсками на Саратовъ, отпущенъ съ персидскими и индейскими купцами въ Персію (391).

П о х о д ъ Р а з и н а в ъ Р о с с і ю. Проведя такимъ образомъ среди варварства, опустошеній и разграбленій Астрахани, около пяти недѣль, Разинъ съ большею частію своихъ сообщниковъ отправился 20 іюля сухимъ путемъ и рѣкою Волгою къ Царицыну, оставивъ въ Астрахани главными начальниками Ваську Уса, котораго обыкновенно называли Чертовымъ Усомъ и Федьку Шелудяка, давъ имъ полную власть надъ городомъ, войскомъ и жизнію беззащитныхъ гражданъ. Предъ выступленіемъ своимъ изъ Астрахани, Разинъ вызывалъ всѣхъ гражданъ за городъ, гдѣ и привелъ ихъ къ присягѣ служить единодушно Государю, ему Разину и войску

(390) Списокъ съ приговора читаннаго предъ казнью Разина.

(391) Письмо приложенное къ путешествію Стрейса, хранящееся въ библіотекѣ Графа Толстаго.

имъ предводительствомоу; измѣнниковъ же истреблять и тутъ же умертвилъ двухъ священниковъ, которые осмѣлились изоблпчать его въ государственной измѣнѣ (392).

Увеличивъ въ Царицынѣ число своихъ единомышленниковъ стрѣльцами и казаками пришедшими съ Дону, Разинъ отправился въ верхъ Волгою болѣе нежели на 200 судахъ къ Саратову. Городъ этотъ чрезъ измѣну стрѣльцовъ, составлявшихъ гарнизонъ онаго и нѣкоторыхъ гражданъ, сдался безъ сопротивленія; тутъ забралъ онъ всѣ казенныя деньги, провіантъ и прочія вещи, умертвивъ воеводу Казьму Лутохина и многихъ изъ дѣтей боярскихъ (393).

Отсюда войско Разина усиленное стрѣльцами и другаго званія людьми, двинулось: одна часть судами къ городу Самарѣ, а другая половина къ Тамбову и Ломову, производя на пути многоразличныя неистовства. Разинъ разослалъ по всѣмъ окрестнымъ городамъ и селеніямъ воззванія, коими увѣрялъ

(392) Дѣла персидскія, распросныя рѣчи Помѣстнаго приказа подьячаго Наума Колесникова 1670 года сентября 26 дня.

„ А какъ де онъ воръ Стенька взялъ Астрахань и жилъ въ Астрахани полчетверти недѣли, и астраханскіе жители, которые великому Государю измѣнили, приходя говорили ему Стенькѣ, многіе де дворяне и приказные люди переходились и чтобъ онъ повелѣлъ имъ сыскавъ ихъ побить для того, что де отъ великаго государя будетъ въ Астрахань какая присылка, и они де имъ будутъ первые непріатели, и Стенька де имъ сказалъ, какъ де онъ изъ Астрахани пойдетъ и они бѣ чинили такъ, какъ хотять: а для де расправы оставлять онъ имъ казака въ атаманъ Ваську Уса Да онъ же де Стенька астраханскихъ жителей всѣхъ приводилъ за городомъ въ войску ко кресту въ томъ, что имъ за великаго государя стоять и ему вору Стенькѣ и всему войску служить, а измѣнниковъ выводить. А какъ де онъ ко кресту астраханцевъ приводилъ, и въ то де время были у него въ войску попы со кресты; а которые де священники его вора Стеньку обличали и тѣхъ онъ одного посадилъ въ воду, а другому руку да ногу велѣлъ отсѣчь.“

(393) Списокъ съ приговора читаннаго предъ казнью Стеньки Разина.

„ А учия таковое кровопролитіе, изъ Астрахани пришелъ къ Царицыну, а съ Царицына къ Саратову и саратовскіе жители тебѣ городъ сдали по твоей воровской присылкѣ. А какъ ты воръ пришелъ на Саратовъ и ты государеву денежную казну и хлѣбъ и золотыя, которые были на Саратовѣ, и дворцоваго промыслу все пограбилъ и воеводу Козьму Лутохина и дѣтей боярскихъ побилъ.“

всѣхъ гражданъ, что онъ по повелѣнію Великаго Государя идетъ изъ Астрахани въ Москву, для истребленія бояръ, думныхъ и приказныхъ людей, стрѣльцовъ, солдатъ и купцовъ за ихъ измѣну; что съ нимъ находится царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ (который 17 генваря 1770 года въ Москвѣ умеръ) и бывшій патріархъ Никонъ, и потому приглашалъ всѣхъ и каждаго вооружиться на защиту государя и отечества. Этому призванію послѣдовала вся чернь. Народъ и вообще всѣ воинскіе чины возстали противъ своихъ помѣщиковъ и начальниковъ и спѣшили присоединиться къ возмутителямъ, которыя безъ малѣйшаго сопротивленія грабили и жгли села и города, умерщвляли въ оныхъ начальниковъ и вѣрныхъ гражданъ. Слуги наперерывъ другъ предъ другомъ убивали своихъ господъ и въ ихъ платьяхъ являлись къ Разину; другіе приносили въ удостовѣреніе своей преданности ихъ головы, за что получали отъ него награжденія; нѣкоторые, умертвивъ въ семействѣ всѣхъ мужчинъ, вѣнчались насильно на госпожахъ своихъ и безчестили дочерей (394). Смятеніе и неустройство возрастало до величайшей степени

(394) Журналъ 1763 года, ноябрь, подъ названіемъ ежемѣсячныхъ сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ, въ статьѣ извѣстіе о бунтѣ и злодѣйствіяхъ Донскаго казака Стеньки Разина, взятое изъ Россійскаго хронографа того же времени.

„ И писалъ въ воровскихъ письмахъ будто съ нимъ воромъ сынъ великаго государя, благовѣрный государь царевичъ и великій князь Алексѣй Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи и будто по указу великаго государя онъ идетъ съ нимъ Волгою отъ Астрахани и подъ Москву, для того, чтобъ побить на Москвѣ и во градѣхъ бояръ и думныхъ ближнихъ и приказныхъ людей и дворянъ и дѣтей боярскихъ, и стрѣльцовъ, и солдатъ и всякого чину служилыхъ людей и торговыхъ, и людей боярскихъ будто за измѣну Да онъ же воръ вѣбнилъ всякимъ людямъ на прелесть, будто съ нимъ Никонъ монахъ, бывшій патріархъ, и тѣмъ прельщаль всякихъ людей и собравшись вору, называющіся воровскими посланниками, отъ него крестопреступника Стеньки многихъ простыхъ людей чернь возмутили, и многіе жи и прелесть ихъ послушали, и во многихъ городѣхъ воеводъ и всякихъ приказныхъ людей и дворянъ и дѣтей боярскихъ и торговыхъ людей побивали, и города пожигали и дома грабили и разоряли, и честныя жены и дѣвы обезчещены, и раба госпожей своихъ имали за себя не подостойнству неволею и проч.“

къ главному предводителю всеобщаго возмущенія. „Братья! говорилъ онъ имъ, я пришелъ избавить васъ, какъ дѣтей своихъ, отъ ига господъ вашихъ, которые мучили васъ и содержали въ неволѣ подобно иновѣрнымъ, мужайтесь на истребленіе ихъ.“ Прельщенные таковымъ приемомъ, толпы въ восторгѣ восклицали: „Отецъ нашъ! живи долго и будь побѣдителемъ всѣхъ бояръ и князей“ (395).

Вооружась таковыми средствами на преувеличеніе своего войска, Разинъ безбоязненно подвигался впередъ, оставляя по себѣ одно опустошеніе и истребленіе селъ и городовъ. Городъ Самара, къ коему онъ подступилъ съ большею частію войскъ своихъ, сдался безъ сопротивленія. Воевода этого города Иванъ Алфимовъ и многіе изъ гражданъ были жертвою свирѣпаго его варварства. Умноживъ войска свои стрѣльцами и гражданами, и не встрѣчая на пути никакого препятствія, Разинъ поплылъ въ верхъ по Волгѣ къ г. Симбирску, который въ это время былъ защищаемъ храбрымъ воеводою Иваномъ Богдановичемъ Милославскимъ.— Между тѣмъ, какъ Разинъ занимался осадю этого города, сообщники его, братъ его Фролка и астраханецъ Максимъ Осиповъ съ многочисленными шайками заняли Тамбовъ, Шацкъ, Темниковъ, Ломовъ, Алаторъ и многіе другіе города, даже до Нижняго Новгорода и ограбили монастырь Макарія Желтоводскаго. Молва о необыкновенныхъ успѣхахъ Разина распространилась по всѣмъ окрѣстнымъ странамъ, даже татары, мордва и чуваша толпами стекались съ оружіемъ къ измѣннику. Стрѣльцы, составлявшіе гарнизонъ нѣкоторыхъ городовъ, бывъ подстрекаемы возмутителями, предавали смерти своихъ начальни-

(395) Путешествіе Стрейса.

„Людыя всѣмъ на два мѣсяца жалованья подавал, и имъ же вольно вездѣ грабить и убить, и ихъ же тако жъ возбудивъ, говоря: братья отнесися надъ вашими мучители и неприятели, которые васъ горше бусурмановъ и поганыхъ въ холопствѣ держали, азъ пришелъ васъ всѣхъ свободить, вы мои братья и дѣти дерзайте мужественно и вѣрно; по такимъ словамъ всякъ за нимъ въ смерть идти хотѣлъ и единогласно воскликнули: Бачька нашъ! да живетъ долго и да будетъ побѣдитель всѣмъ боярамъ и княземъ.“

ковъ и съ радостію принимали ихъ, какъ своихъ избавителей.

Среди такового опустошенія южныхъ и провинцій, войска подъ начальствомъ князей: Юрія Алексѣевича Долгорукова, Борятинскаго и Щербатова, сближались на отраженіе многочисленной толпы Разина. Князь Щербатовъ, выступивъ изъ Арзамаса съ значною частію російскихъ войскъ, разбилъ атамана Осипова при селѣ Мурашкинѣ и выгналъ его изъ села Лыскова и Макарьевского монастыря; Борятинскій выгналъ и истребилъ многочисленныя скопища возмутителей, разбѣянныхъ по лѣвой сторонѣ Волги, князь же Долгорукой, преслѣдуя ихъ вездѣ въ нижнихъ губерніяхъ: Симбирской, Пензенской и Тамбовской, водворялъ спокойствіе. Между тѣмъ Разинъ съ многочисленнымъ войскомъ осаждалъ Симбирскъ, валилъ земляной валъ къ городу и дѣлалъ нѣсколько приступовъ. Мужественный воевода Милославскій, стѣсненный со всѣхъ сторонъ измѣнниками, защищался съ вѣрными стрѣльцами и дѣтьми боярскими: положеніе осажденныхъ было самое отчаянное, если бы не подоспѣлъ къ нему на помощь князь Борятинскій; тутъ они успѣли соединиться, напали всѣми силами на бунтовщиковъ и обратили ихъ въ бѣгство. Разинъ израненный бросился на суда съ частію преданныхъ ему казаковъ и стрѣльцовъ, бѣжалъ внизъ Волгою, прочее же его скопище разошлось по своимъ мѣстамъ. Такимъ образомъ, рушились всѣ замыслы Разина, брата его Фрола и ихъ сообщниковъ (396).

Войсковою атаманъ Корнило Яковлевъ беретъ въ плѣнъ Разина. Преслѣдуемые страхомъ, Разинъ и братъ его прибѣжали на Донъ и заперлись въ Кагальницкомъ городкѣ, укрѣпивъ оный для своей безопасности. Тутъ Разинъ всю зиму проводилъ съ вѣрными ему сподвижниками спокойно, непосагая ни на какія преступныя дѣйствія. Былъ на короткое время въ Черкасскѣ, бесѣдовалъ съ войско-

(396) Смотри списокъ съ приговора читаннаго предъ смертію Разина и журналъ подъ названіемъ ежемѣсячныя сочиненія 1763 года.

вымъ атаманомъ Корнилиемъ Яковлевымъ, знатнѣйшимъ старшиною Родіономъ Осиповымъ и прочими старшинами, дарилъ ихъ вещами и наконецъ отпущенъ ими въ Кагальникъ съ честію. Хитрый Яковлевъ умѣлъ оболстить его своимъ ласковымъ обращеніемъ, притворствовалъ предъ нимъ, какъ будто бы не зналъ всѣхъ его дѣяній, и наконецъ до того вкрался къ нему въ довѣріе, что Разинъ нималѣйше не подозрѣвалъ его въ предпріятомъ имъ намѣреніи (397).

Между тѣмъ войсковою атаманъ съ Родіономъ Осиповымъ и лучшими старшинами неусыпно дѣйствовали на истребленіе вора, собственнаго ихъ и всего отечества; готовили тайно пушки и суда, и собрали войско подъ другимъ предлогомъ. Устроивъ все нужное къ осадѣ Кагальника, онъ объявилъ наконецъ о своемъ намѣреніи; войско приняло его предложеніе съ радостію и выступило изъ Черкаска подъ предводительствомъ его. Кагальницкій городокъ, который они должны были брать приступомъ, основанъ на островѣ рѣки Дона (не въ дальнемъ разстояніи отъ нынѣшней Кагальницкой станицы), обнесенъ землянымъ валомъ, на коемъ разставлены были пушки. Разинъ, находясь съ своими единомыш-

(397) Дѣла турецкія, распросня рѣчи жильца Петра Быкова, посланнаго къ азовскому пашѣ съ грамотою.

„ Да онъ же, ага, сказывалъ ему, Петру: въ нынѣшнемъ де въ недавнемъ времени послали къ Великому Государю всего войска Донскаго казаки станичнаго атамана Родіона Осипова, и онъ де Петръ того атамана въ которыхъ мѣстахъ встрѣтилъ; а онъ де ага вѣдаетъ про то, что онъ ѣдетъ къ Великому Государю бить челомъ съ неправдою, чтобъ Великій Государь пожаловалъ ихъ сукнами и хлѣбными запасы по прежнему и они де—онъ Родіонъ и атаманъ Корнило Яковлевъ первые великому Государю измѣнники, и его вора измѣнника Стеньку Разина отпускали на воровство они. А какъ де его вора Великаго Государя ратные люди подъ Слѣбскимъ побили, и онъ де видя свое безсиліе побѣжалъ на Донъ, въ Кагальникъ, и изъ Кагальника де въ Черкасской, къ атаману къ Корнилу Яковлеву и напився пьянъ ваялся въ шубѣ собольѣ, а ихъ де Корнило и Родіонъ въ то время дарилъ: Корнилу далъ шубу рысью, а Родіону котель серебрянный, и они де, подчивавъ его вора, отпустили изъ Черкаскаго въ Кагальникъ на своей лошади, а еслибъ де они Государю были вѣрныя слуги, и они бъ вора его въ то время у себя задержали и къ Великому Государю о томъ писали и его вора къ Москвѣ послали.“

ленниками въ городкѣ, безопасно пировалъ, какъ вдругъ приблизился къ Кагальницкому городку войсковою атаманъ съ войскомъ рѣкою Дономъ и сухимъ путемъ; тутъ Разинъ припаялся за оружіе, билъ изъ пушекъ по осаждающимъ; но набонецъ, перевозогаемый превосходною силою, принужденъ былъ 14 апрѣля 1670 года сдаться съ братомъ своимъ Фроломъ. Вся шайка его была истреблена, городокъ разорень, а стѣны онаго срыты до основанія. Разина и брата его привезли въ Черкасскъ, откуда подъ охраненіемъ сильнаго конвоя, подъ начальствомъ войсковаго атамана Корнилія Яковлева, отправленъ былъ тогда же въ Москву, гдѣ за всѣ свои злодѣянія получилъ онъ достойную казнь: былъ распятъ на колья и четвертованъ, а брату его Фролу отрублена голова (398).

К а з а к и приносятъ Царю повинную. Выше упомянуто о бездѣйствіи войска Донскаго на усмиреніе возмутителей; но была ли это измѣна войсковою управы или безсиліе ея противъ скопищъ Разина, изъ современныхъ актовъ опредѣлѣть съ точностію трудно. Впрочемъ возмущеніе Разина возникло тогда, когда своеволіе казаковъ взяло верхъ надъ благоразумными совѣтами старшинъ; и это легко могло быть тамъ, гдѣ всякій, какого бы онъ состоянія нибылъ, имѣлъ право говорить и дѣйствовать безотчетно. Находясь въ такомъ положеніи, войсковою атаманъ и старшины не могли принять рѣшительной мѣры и вооружить умы казаковъ

(398) Выписка изъ старыхъ приказныхъ дѣлъ 1671 года, изъ отписки тотемскаго воеводы Андрея Непейцына въ приказъ Устюжскій четверти.

„Донскіе казаки атаманъ Корней Яковлевъ и все донское войско подъ Кагальникомъ воровъ многихъ побили, и вора измѣнника Стеньку Разина и его единомышленниковъ, которые съ ними прошли въ Кагальникъ съ Царицына и на Дону къ его воровству пристали, взяли и его Стеньку привезли въ Черкаской, заковали въ кандалы, а товарищевъ его единомышленниковъ воровъ же въ Кагальнику и въ Черкаскомъ всѣхъ побили и перевѣшали, а его вора Стеньку послали къ тебѣ великому Государю съ нимъ атаманомъ Корниліемъ Яковлевымъ съ товарищи апрѣля въ 24 день нынѣшняго 179 года.“

Смотри списокъ съ приговора, читаннаго предъ казнью Разина и грамота войску Донскому 1671 г. Іюля мѣсяца.

противу возмутителей, въ особенности тогда, когда и въ самомъ Черкасскомъ, среди ихъ, приверженцы Разина превозносили его мужество и щедрость, хвалились богатствомъ, добытымъ ими на поискахъ, и неограниченною свободою въ своихъ дѣйствіяхъ. И такъ войсковою атаманъ и старшины молчали, ничего не предпринимая, и ожидали развязки преступнымъ дѣйствіямъ Разина. Посылка легкихъ станицъ въ Москву прекратилась и при дворѣ ничего не знали, что дѣлается на Дону; наконецъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1670 года войско Донское отправляло въ Москву зимовую станицу, состоящую изъ 26 человекъ, съ атаманомъ Иваномъ Аверкіевымъ, просить Государя о денежномъ и хлѣбномъ жалованьѣ на будущій 1671 годъ. Атаманъ этотъ и вся станица была взята въ Москвѣ по повелѣнію Государя и отослана по подозрѣнію во всеобщей измѣнѣ войска Донскаго въ Архангельскъ.

Это событіе служило яснымъ доказательствомъ немилости царской къ войску Донскому. Казаки рѣшили наконецъ отправить къ Государю умнаго старшину Осипова и есаула Львова, съ нѣсколькими лучшими казаками, бить челомъ отъ всего войска Донскаго о всепрощеніи въ винахъ ихъ. Въ это время Разинъ былъ разбитъ уже російскимъ войскомъ подъ Симбирскомъ. Старшину Осипова позвали въ Казанскій дворецъ, спросили въ присутствіи бояръ о всѣхъ дѣйствіяхъ войска Донскаго, и потомъ отъ имени Государя объявили: „Изъ показаній вашихъ усматривается, что многіе изъ Донскаго войска казаки, забывъ присягу къ Государю и милость его, присоединились къ бунтовщику Стенькѣ Разину; иные же хотя и не пристали къ нему, но не употребили никакихъ средствъ къ прекращенію бунта и не доносили Государю о походѣ Разина съ Дону на Волгу и о другихъ произшествіяхъ; изъ всѣхъ сихъ дѣйствій вашихъ хотя и не открывается измѣны войска Донскаго, но по вѣрноподданической присягѣ къ Государю должны вы были употребить всѣ зависящія отъ васъ средства на истребленіе сихъ скопищъ, чрезъ каковое небреженіе ваше произошло кровопролитіе; и

потому Великій Государь приказалъ сказать вамъ, что въ семь возмущеніи Стеньки Разина открываются многія вины ваши, за что хотя и должны вы быть чужды царской милости и жалованья, но Государь, по врожденному своему милосердію, всѣ сія дѣла предаетъ на волю Всемогущаго Бога, снисходя на ваше прошеніе, если только оно искреннее и непритворное, и для того повелѣлъ вины ваши простить въ полномъ увѣреніи, что войско Донское заслужитъ такую царскую милость своимъ раченіемъ и пошлетъ казаковъ на истребленіе Стеньки Разина и его сообщниковъ, стараясь всѣми средствами его и брата его Фролку поймать и представить въ Москву, съ прочими же злѣйшими его сообщниками поступить по войсковому праву (399).

(399) Дѣла донскія, списокъ съ сказки, какова сказана въ Казанскомъ дворцѣ станичному атаману Родіону Колуженину.

„ Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ велѣлъ вамъ, станичному атаману Родіону Колуженину, да есаулу Марку Львову съ товарищи сказать: въ нынѣшнемъ въ 179 году пріѣхали вы къ Великому Государю бить челомъ ему великому Государю Донскаго войска отъ всѣхъ старшинъ въ винахъ своихъ, что Донскаго войска многіе люди пристали къ воровству вора и измѣнника Стеньки Разина и многое кровопролитіе учинили. И великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ васъ распросить про то про все въ Казанскомъ дворцѣ, и по распроснымъ вашимъ рѣчамъ и по войсковому челобитью великому Государю донесено и въ распросныхъ вашихъ рѣчахъ объявилось ваше многое неисправленіе, что забывъ Бога и его государское крестное цѣлованіе и его государскую къ себѣ милость многіе люди къ вору пристали, а которые и не пристали и тѣ надъ воровъ поиску не чинили и отъ воровства его не унимали и никакыхъ вѣстей къ великому Государю не писывали и станицъ не присылали. А и Михайла Самарина прислали въ то время, какъ еще воръ съ Дону не пошелъ, а какъ воръ съ воровскими людьми собрався и пошелъ на воровство, и о томъ ни о чемъ вы не писали и станицъ не присылали, и самы бѣ вы, памятуя его государево крестное цѣлованіе и его государскую милость, про то Стенькино воровство, и по его бѣ великаго государя указу посланы бѣ были на Царицынъ его государевы ратные люди, и тому вору пройти въ низъ не дали, и воровство бѣ неможилось, и то все учинилось вашимъ нерадѣніемъ, хотя вашей измѣны и небыло въ томъ дѣлѣ, однако жъ было вамъ всѣмъ о томъ мыслить и вора Стеньку къ воровству недопускать и воровству бѣ множиться не давать, а въ то было время можно вамъ всячески тѣ его воровскіе замыслы разорить, а

Слѣдствіемъ этого всепрощенія было возвращеніе сосланнаго въ Архангельскъ станичнаго атамана Ивана Аверкіева и всѣхъ станицы его казаковъ (400).

Присяга казаковъ на вѣрность службы. Въ отвращеніе же подобныхъ на Дону возмущеній посланъ былъ изъ Москвы стольникъ и полковникъ Григорій Касаговъ и

напередъ сего того у васъ въ войскѣ небывало, а служли вѣрно и воровъ унимали и всегда на Дону и въ полкахъ у бояръ и воеводъ служба ваша и радѣнье бывало, и такихъ воровъ по войсковому праву указъ имъ чинить; а нынѣшнее кровопролитіе учинилось все вашимъ нерадѣніемъ. И великій Государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ указалъ вамъ сказать, что въ томъ во всемъ многія ваши вины объяснились и за такія свои вины достойны быть во всемъ чужи его государской милости и жалованья, однакожъ онъ великій государь, по своему государскому милосердію, возложъ тѣ всѣ дѣла на волю Всемогущаго Бога, видя ваше нынѣшнее челобитье и отпушеніе вашихъ вины и нынѣшнее ваше начатое дѣло къ доброму на разореніе Стенькина воровства и его совѣтниковъ, буде вы всѣмъ войскомъ истинно ему великому Государю бѣте челомъ и безо всякаго лукавства вины свои принесите, пожаловавъ васъ, вины ваши велѣлъ отдать; и вамъ бы видя къ себѣ такую его государскую милость служить вѣрно, такъ какъ до нынѣшняго лукаваго Стенькина воровства служили, и пріѣхавъ въ войско, то е его государскую милость всему войску сказать, и учиня войскомъ совѣтъ, чинить промыслъ надъ воровъ Стенькою и братомъ его Фролкою и надъ иными зачинателями воровству, и поймавъ тѣхъ воровъ Стеньку и Фролку привести къ Москвѣ, а инымъ бы нущимъ заводчикамъ учинить указъ по войсковому праву, а съ Дону о всемъ писать вамъ къ великому Государю почисту и станицы присылать противъ прежняго, а великаго Государя милость къ вамъ и ко всему войску будетъ смотря по вашей службѣ.“

(400) Тамъ же, грамота на Донъ 1671 г. Іюля дня.

„ Въ прошломъ во 178 году къ намъ Великому Государю, къ нашему Царскому Величеству прислали вы, атаманы и казаки и все донское войско, станичнаго атамана Ивана Аверкіева съ товарищи 26 человекъ бить челомъ намъ великому Государю что бы мы, великій государь, васъ атамановъ и казаковъ пожаловали, велѣли къ вамъ послать нашего великаго Государя денежное жалованье и хлѣбныхъ и пушечныхъ запасовъ, и въ то время за измѣною вора и богоотступника Стеньки Разина, недоверивая той вашей станицѣ, по нашему великаго Государя указу были въ ссылкѣ у Архангельскаго города. И въ нынѣшнемъ во 179 году Іюля въ 10 числѣ, по нашему жъ великаго Государя милостивому указу, тѣ станичный атаманъ Иванъ Аверкіевъ и казаки взятые отъ Архангельскаго города изъ ссылки къ Москвѣ, и пожаловавъ нашимъ великаго Государя жалованьемъ, отпушены къ вамъ атаманамъ и казакѣмъ въ войско.“

дьякъ Андрей Богдановъ, вмѣстѣ съ войсковымъ атаманомъ Корниліемъ Яковлевымъ и старшиною Родіономъ Осиповымъ, находившимися въ то время въ Москвѣ, для приведенія всѣхъ атамановъ, есауловъ и казаковъ на вѣрность службы къ присягѣ; имъ поручено было сверхъ того объявить царскую милость всему войску Донскому за доставленіе въ Москву Стеньки Разина и за истребленіе его сообщниковъ, увѣрить ихъ во всеобщемъ прощеніи и настаивать о скорѣйшей высылкѣ изъ войска казаковъ противу астраханскихъ возмутителей. Стольникъ Касаговъ и дьякъ Богдановъ прибыли въ Черкасскъ 24 августа 1671 года, вмѣстѣ съ зимовою станицею и съ государевымъ жалованьемъ. Когда Касаговъ объявилъ по наказу причину своего посольства, казаки были обрадованы столь милостивому ко всему войску вниманію, но лишь только началъ онъ настаивать о присягѣ, то встрѣтилъ нѣкоторое затрудненіе. „Мы ради служить Государю безъ крестнаго цѣлованія, говорили многіе изъ нихъ, и намъ присягать не для чего.“ Споръ продолжался четыре дня, наконецъ положено было присягнуть Государю на вѣрность службы; если же кто неучинитъ присяги, того казнить смертію, а имущество грабить (401).

Присяга произведена была на площади, близъ соборной церкви, въ присутствіи стольника Касагова и дьяка Богданова, и всѣ присягнувшіе казаки вписывались въ книгу, присланную изъ Посольскаго приказа; другая книга оставлена была ими въ войскѣ, для вписыванія въ оную именъ тѣхъ казаковъ, кои впредъ придутъ служить въ войско, и всѣмъ тѣмъ, кои родятся на Дону и достигнутъ совершеннаго возраста.

Главныя статьи присяги заключались въ томъ, чтобы старшинамъ и казакамъ, всѣ открывшіяся на Дону возмущенія и тайныя заговоры противу Государя и отечества, въ тожъ

(401) Тамъ же, распросныя рѣчи стольника Григорія Касагова и дьяка Андрея Богданова, ноября 8 дня 1671 года.“

время украшать, главныхъ заговорщиковъ присылать въ Москву, а ихъ послѣдователей по войсковому праву казнить смертію, если же кто изъ нихъ въ нарушеніи этой присяги, измѣни Государю и отечеству, начнетъ ссылаться съ непріятелями своего отечества, или съ поляками, нѣмцами или татарами, съ таковыми предателями, нещадя жизни своей, сражаться, самимъ къ таковымъ злоумышленникамъ не приставать и даже не помышлять о томъ, съ калмыками дальнѣйшихъ сношеній не имѣть, кромѣ увѣщаній служить Государю съ казаками вмѣстѣ; скопомъ и заговоромъ ни на кого не приходитъ, никого не грабить и не убивать и во всѣхъ дѣлахъ ни на кого ложно не показывать. На здравіе Государя и всей его царской фамиліи не посягать, и кромѣ Его Величества Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и всея Россіи Самодержца, другаго государя, польскаго, литовскаго, нѣмецкаго и изъ другихъ земель царей и королей или принцовъ иноземныхъ и россійскихъ, на царство всероссійское никого не призывать и не желать, а ежели услышатъ или узнають на Государя и всю его царскую фамилію скопъ или заговоръ или другой какой умыслъ, возникшій у россіянъ или у иноземцевъ, и съ такими злоумышленниками, не щадя жизни своея, биться (402).

Произшествіе въ Астрахани. По выступленіи Разина изъ Астрахани съ большею частію возмутителей, 3-го августа произошло въ этомъ городѣ неизвѣстно отъ какихъ причинъ волненіе; разъяренные измѣнники съ оружіемъ въ рукахъ бѣгали по улицамъ, вламывались въ дома чиновниковъ, оставшихся еще въ живыхъ, извлекали ихъ изъ оныхъ на площадь и предавали смерти; другіе бросились въ домъ митрополита Іосифа искать скрывшагося тамъ главнаго смот-

(402) Дѣла Донскія, наказъ отправленному на Донъ стольнику и полковнику Григорію Косагову и дьяку Андрею Богданову, въ Іюні мѣсцѣ 1671 года. Запись, по которой атаманы и казаки приведены къ присягѣ въ Москвѣ и на Дону.“

рителя государевыхъ рыбныхъ промысловъ Ивана Турчанинова, съ намѣреніемъ убить его и всѣхъ служителей митрополита, которому грозили смертію и котораго поносили дерзкими словами, за то, какъ они говорили, что онъ угождаетъ боярѣмъ, а не имъ; и потомъ разошлись безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, сказавъ напоследокъ митрополиту: „только тебѣ у насъ не уцѣлѣть“ (403).

Послѣ этого происшествія до 6 ноября въ Астрахани все было спокойно, хотя и имѣли вѣрное свѣдѣніе о разбитіи подъ Симбирскомъ главнаго своего предводителя Разина. Въ этотъ день принесъ къ митрополиту мурза Енмаметъ, государеву грамоту, полученную имъ на доставленіе отъ Каспулата князя Черкаскаго; грамота эта писана 27 сентября къ возмутителямъ: донскимъ казакамъ и астраханскимъ, о томъ, чтобъ они принесли государю новинную во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ. Митрополитъ приказалъ съ этой грамоты списать три списка и положить одинъ въ олтарѣ соборной церкви, другой въ домово́й церкви, а третій оставилъ въ своей кельѣ. Послѣ этого приказалъ онъ ключарю, своему, призвавъ къ себѣ Донскихъ есауловъ: Андрея Лебедева, Сергѣя Чупкина и другихъ казаковъ, объявить имъ милостивую государеву грамоту и уговорить принести ему повинную во всѣхъ своихъ измѣнническихъ дѣлахъ. Казаки, выслушавъ грамоту, не только не пришли въ раскаяніе, но еще болѣе озлобились на митрополита, объявляя всѣмъ товарищамъ своимъ, что онъ составляетъ подложныя грамоты, имѣя намѣреніе предать ихъ въ руки боярѣ. На другой день возмутители пришли въ движеніе и собрались на дворѣ къ атаману Василью Усу. Митрополитъ приказалъ звонить въ большой колоколъ соборной церкви для собранія народа; ключарь, вышедъ изъ церкви, прочелъ собравшемуся народу и нѣкоторымъ бунтовщикамъ, находившимся тутъ же въ присутствіи митрополита, подлинную Государеву грамоту, и по-

(403) Лѣтописное сказаніе о градѣ Астрахани.

томъ вручилъ оную преосвященному. Бунтовщики въ ту же минуту бросились на митрополита, вырвали насильно изъ рукъ грамоту и понесли къ своему атаману Василью Усу, отвѣчая на увѣщанія архипастыря грубостями. На другой день атаманъ приказалъ привести предъ себя ключара, билъ его жестоко палками, исторгая у него признаніе, точно ли писалъ ту грамоту митрополитъ съ своимъ духовенствомъ, и не осталось ли у него копій съ оной; ключарь не въ силахъ будучи перенести тяжкаго наказанія, признался, что у преосвященнаго есть списокъ съ государевой грамоты, которую послѣ того онъ отдалъ присланнымъ отъ атамана казакамъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1671 года въ день великія пятницы митрополитъ Іосифъ получилъ свѣдѣніе отъ астраханскаго стрѣльца, что у юртовыхъ татаръ, кочевавшихъ за Волгою, есть грамоты государевы, присланныя къ нему митрополиту и астраханскимъ стрѣльцамъ. Желая отвлечь отъ себя всякое подозрѣніе возмутителей, митрополитъ приказалъ позвать къ себѣ старшинъ астраханскихъ стрѣльцовъ Василія Красаулю, Евдокима Андреева и другихъ, чтобъ они сами лично получили тѣ грамоты отъ татаръ и когда стрѣльцы не послушали приказанія архипастыря, тогда онъ самъ вышелъ къ нимъ на площадь, гдѣ увѣщевалъ ихъ для отвращенія подозрѣнія на счетъ составленія грамотъ, взять оныя отъ татаръ, обнадеживая при томъ милостію царскою въ прощеніи всѣхъ злодѣяній. Красаули выслушавъ слова митрополита, отвѣчалъ ему, что онъ безъ дозволенія атамана Уса не смѣетъ получить тѣхъ грамотъ отъ татаръ. Усь, извѣстясь отъ Красаули о присланныхъ грамотахъ, въ тожь время пошелъ съ есауломъ своимъ Топоркомъ къ церкви, гдѣ находился митрополитъ Іосифъ, и не уважая ни сану его, ни мѣсту, поносилъ словами и укорялъ въ составленіи тѣхъ грамотъ. Архипастырь, не слушая угрозъ, избличалъ ихъ въ измѣнѣ противу Государя и отечества и увѣщевалъ пришесть къ Государю повинную въ злодѣяніяхъ, обнадеживая ихъ въ этомъ случаѣ царскою милостію. Мятежники, отвергая эти

увѣщанія, удалились съ угрозами и бранью. На другой день, т. е. въ великую субботу, стрѣльцы принесли сами государевы грамоты къ митрополиту въ церковь; онъ, распечатавъ, на чаль было ихъ читать собравшимся стрѣльцамъ и казакамъ, между коими находился атаманъ Васька Усъ; но стрѣльцы, не выслушавъ, удалились на площадь, гдѣ находились въ собраніи всѣ возмутители. Ревностный архипастырь, нещадя жизни своей для спокойствія отечества, рѣшился самъ пойти со всѣмъ духовенствомъ въ разбойническій кругъ, и велѣлъ въ присутствіи всѣхъ ихъ протоіерею Іоанну читать государевы грамоты громогласно. Содержаніе этихъ грамотъ заключалось въ томъ, что бы астраханскіе стрѣльцы схватили всѣхъ Донскихъ казаковъ и содержали бы ихъ подъ стражею впредъ до повелѣнія, за что имъ обѣщано прощеніе въ измѣнѣ противу Государя и отечества. Возмутители выслушавъ грамоты пришли въ сильное волненіе: кричали, что грамоты эти присланы отъ бояръ, а не отъ Государя, инако они были бы за красною печатью; что можетъ быть эти грамоты составилъ самъ митрополитъ съ своимъ духовенствомъ. Послѣ этого кричали и угрожали митрополиту: „если бы не такіе дни наступили, ты бы узналъ, какъ возмущать наше спокойствіе;—тужить по тебѣ раскатъ! ты причиною нашего несогласія съ Донскими и Терскими казаками, и ищешь нашего несчастія, переписываясь съ Москвою и боярами“.

Неустршимый архипастырь съ твердымъ духомъ говорилъ имъ: для чего вы, не выполняете воли своего Государя, для чего не берете подъ стражу возмутителей Донскихъ казаковъ, какъ виновниковъ вашихъ несчастій, для чего отвергаете отъ себя милость царя вашего, который, по врожденному своему сердоболію, проститъ всѣ ваши злодѣянія, если только вы исполните сго волю и принесете ему повинную; я за васъ ходатай у престола, положитесь на меня и тѣмъ спасете себя, семейсва свои и имущества. Но бунтовщики невнимали призыванію архипастыря и кричали; „кого мы возьмемъ подъ стра-

жу, мы всё измѣнники.“ За тѣмъ разошлись, оставивъ у себя царскую грамоту.

Въ продолженіи святой недѣли, въ Астрахани все было тихо и спокойно. Въ Омино воскресенье, буйное скопище собралось на площадь, послало въ соборную церковь за ключаромъ Ѳедоромъ, который въ это время совершалъ литургію. Оттуда привели его въ толпу и спрашивали кто составлялъ грамоты, читанныя имъ митрополитомъ. Ѳедоръ увѣрялъ ихъ, что эти грамоты неподложныя, а дѣйствительно присланныя къ нимъ отъ Государя и увѣщевалъ ихъ исполнить волю его и принести повинную. Разъяренные этими словами бунтовщики отвели Ѳедора за городъ и тамъ отрубили ему голову.

Высочайшая грамота къ астраханцамъ привела атамановъ Васплья Уса и Ѳедора Шелудяка въ осторожность, заставившую ихъ для безопасности вызвать изъ Царицына въ Астрахань 500 челоѣкъ казаковъ (404).

Атаманъ Шелудякъ разбитъ подъ Симбирскомъ. Между тѣмъ главнѣйшіе мятежники Василій Усъ и Ѳедоръ Шелудякъ, извѣщенные о взятіи Донскими казаками главнаго ихъ предводителя Степана Разина и объ отправленіи его за карауломъ въ Москву, приняли мѣры на освобожденіе его вооруженною рукою, писали во всё города, преданные Разину, о его несчастномъ положеніи и требовали всеобщаго вооруженія на истребленіе бояръ, думныхъ людей, солдатъ и купцовъ за ихъ измѣну противу Государя и недоброжелательство къ нимъ. Мятежники нашли всёхъ гражданъ и стрѣльцовъ поволгскихъ городовъ готовыми на защиту, по ихъ мнѣнію, праваго дѣла. Въ этой увѣренности астраханскіе возмутители, подъ предводительствомъ атамана Ѳедора Шелудяка, двинулись изъ Астрахани на 170 стругахъ рѣкою Волгою къ Царицыну, отсюда къ Саратову, а потомъ отплыли къ Самарѣ. Возмутители, по мѣрѣ приближенія ихъ къ Симбирску, непрерывно увеличивались при-

(404) Тамъ же.

ходившими изъ разныхъ мѣстъ Донскими и Уральскими казаками, стрѣльцами и крестьянами. Въ городѣ Самарѣ вся шайка эта раздѣлилась на три части: конница и часть пѣхоты, состоявшія изъ 1,000 человѣкъ, отправлена была къ Симбирску сухимъ путемъ, подъ начальствомъ атамана Ивана Константинова, и передовые 3,000 человѣкъ, подъ начальствомъ особаго атамана, на 70 стругахъ рѣкою Волгою; предводитель же ихъ Ѳедоръ Шелудякъ слѣдовалъ за ними на 370 судахъ со всемъ своимъ скопищемъ. Мая 29 дня возмутители обложили со всѣхъ сторонъ Симбирскъ, въ коемъ заперся съ малымъ числомъ войскъ бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметьевъ. 9-го числа іюня въ 1-мъ часу ночи, возмутители всѣми силами приступили къ городу и пошли на приступъ; осажденные мужественно приняли своихъ непріятелей на всѣхъ пунктахъ, сраженіе было жаркое и упорное; осаждающіе гибли подъ ударами осажденныхъ и неотступали. Наконецъ, на разсвѣтѣ дня возмутители, утомленные неудачнымъ приступомъ и кровопролитнымъ боемъ, отступили отъ города. Осажденные сдѣлали вылазку, бросились на бѣгущихъ враговъ своихъ и отняли у нихъ пушки, порохъ и ружья. Главный предводитель ихъ Ѳедоръ Шелудякъ съ большими силами бѣжалъ съ великою поспѣшностію въ Астрахань; прочіе же мятежники, преслѣдуемые страхомъ, разбѣжались въ свои мѣста (405).

(405) Грамота войску Донскому 1671 года іюня 21 дня.

„ Въ нынѣшнемъ во 179 году, іюня въ 23 день, писали къ намъ Великому Государю изъ Симбирска бояринъ нашъ и воеводы Петръ Васильевичъ Шереметьевъ съ товарищи, а въ отпискахъ его написано: мая въ 29 день воровскіе казаки собрався съ Бѣлаго яру приходили подъ Симбирскъ въ 70 стругахъ полгредыи тысячи человѣкъ, да того же числа приходили съ Самары конные и пѣшіе съ 1,000 человѣкъ съ атаманомъ съ Ивашкомъ Константиновымъ, да снизу приходили воровскіе казаки астраханскіе, красноярскіе, черноярскіе, царичинскіе, саратовскіе жители въ 370 стругахъ, и боярина нашего и воеводъ и ратныхъ людей и города Симбирска жителей въ старомъ въ Симбирскѣ городкѣ осадили самою крѣпкою осадомъ и іюня въ 9 числѣ въ ночи приступили жестокимъ приступомъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, съ 1 часа ночи, до отдачи

Атаманъ Усѣ умерщвляетъ въ Астрахани митрополита Іосифа и князя Львова. Атаманъ Ѳеодоръ Шелудякъ, по выступленіи съ мятежниками изъ Астрахани подъ Симбирскъ, извѣстился на пути о всѣхъ подробностяхъ несчастія случившагося на Дону съ Разинымъ и его сообщниками; что все и относилъ онъ къ дѣйствіямъ тайнаго внушенія со стороны астраханскаго митрополита Іосифа, князя Львова и чиновниковъ, кои остались еще въ живыхъ; почему, дабы освободиться навсегда отъ нихъ, послалъ отъ себя въ Астрахань къ Василью Усу и ко всѣмъ астраханскимъ мятежникамъ стрѣльца Алексѣя Качановскаго сказать, что Разинъ схваченъ на Дону и отправленъ въ Москву по наущенію митрополита Іосифа, князя Львова и приказныхъ людей; что безопасность на будущее время требуетъ того, чтобы умертвить всѣхъ ихъ; и что дотолѣ не пойдетъ въ походъ, пока не получитъ отъ нихъ свѣдѣніе о ихъ умерщвленіи (406).

часовъ ночныхъ, и милостію Божіею и заступленіемъ Пречистыя Богородицы надежды христіанскіи и нашимъ великаго государя и нашихъ государскихъ дѣтей счастьемъ тѣхъ воровскихъ казаковъ, которые послѣ вора и измѣнника Стеньки Разина остались и его злому воровству послѣдовали, и которые забывъ страхъ Божій къ нимъ въ таковое жъ воровство уклонились, и имъ ворами и богоотступниками, за ихъ къ намъ Великому Государю въ винахъ своихъ не обращеніе, милостивый Господь Богъ не потерпѣлъ, тѣхъ казаковъ, которые собрався съ Бѣлаго яра и съ Самары съ атаманомъ съ Ивашкомъ съ Константиновымъ приходили подъ Симбирскъ, также и тѣхъ, которые приходили въ 370 стругахъ, на приступахъ боляринъ нашъ и воевода Петръ Васильевичъ Шереметьевъ съ товарищи, съ нашими Великаго Государя ратными людьми, многихъ побили.“

(406) Грамота Вологодскому и Бѣлозерскому Архіепископу Симону.

„ По нашему Великаго Государя указу къ тебѣ Богомъ нашему Симону архіепископу писано о ворѣ и измѣнникѣ и клятвопреступникѣ о Стенькѣ Разинѣ и о его воровствѣ, и что онъ за то воровство четвертованъ, и послѣ того оставшіе воры въ Астрахани увѣдая, что заводчикъ ихъ, всякому злу тотъ воръ и измѣнникъ и клятвопреступникъ, Стенька Разинъ привезенъ къ Москвѣ, собрались тѣ воры вновь Донецкой казакъ Ѳедька Шелудякъ и пошли изъ Астрахани къ Симбирску и отшедъ отъ Астрахани учиня себѣ кругъ и приговорили астраханскаго Іосифа митрополита и воеводу князя Семена Львова убить, что бѣ въ Астрахани впродъ имѣть надежное пристанище“

Качановскій, явсь въ Астрахани къ Василию Усу, объявилъ объ этомъ какъ ему, такъ и сподвижникамъ его и не нашель ни въ комъ противорѣчія. Послали въ соборную церковь есаула Василия Кабанова съ казаками взять митрополита Иосифа и привести въ кругъ. Архипастырь въ святительской одеждѣ пошелъ къ мятежникамъ, въ сопровожденіи духовенства, и среди скопища сказалъ Василию Усу: „для чего вы измѣнники и креступреступники призывали меня?“ Качановскій, по приказанію Уса, приблизясь къ митрополиту, отвѣчалъ: „походное войско въ пути слѣдованія своего получило достовѣрное свѣдѣніе, что ты, митрополитъ, на погубленіе наше имѣешь тайное сношеніе съ Донскими казаками и Терскими жителями; что по твоему наущенію они изъ друзей сдѣлались нашими непріятелями.“ Митрополитъ, выслушавъ эти ложныя слова, говоритъ: „съ Терскимъ войскомъ и Донскими казаками я никакихъ сношеній не имѣлъ, и какъ прежде, такъ и нынѣ увѣщаваю и прошу васъ принести Государю повинную во всѣхъ вашихъ законопротивныхъ поступкахъ, Государь милостивъ, забудетъ всѣ ваши злодѣянія, если признаніе ваше будетъ искреннѣ.“ По произнесеніи митрополитомъ этихъ словъ, все сонмище бунтовщиковъ пришло въ волненіе и въ неистовствѣ своемъ кричало на архипастыря, укоряя сго въ заирательствѣ; нѣкоторые изъ нихъ кричали: „если бы ты былъ правъ, то для чего пришелъ къ

писали съ дороги въ Астрахань къ вору Васкѣ Усу съ товарищи, будто того митрополитъ и князь Семень ссылается съ Донскими казаками и по тому ихъ письму воръ Стенька Разинъ пойманъ, а надъ ними де промышляютъ всякое зло, и астраханскіе жители, не познавъ ихъ лукавства, по тому ихъ письму, того архіерея взяли дерзновенно безо-всякаго страха и отъ сана архіерейскаго обнажа и всячески мучили и по многихъ мукахъ то мученическое архіерейское тѣло съ раскату бросили, а князю Семену Львову, по многихъ мукахъ, голову отрѣзали, также и дворянъ и дѣтей боярскихъ и приказныхъ и всякихъ чиновъ людей, которые, будучи въ Астрахани, намъ Великому Государю служили, всѣхъ побили и о томъ о всемъ они изъ Астрахани къ тому вору къ Федей Шелудяку писали и онъ, Федейка, угодникъ дьяволъ обрадовался тому убіенію пошелъ надежно подъ Симбирскъ, чтобъ имъ безъ остатку разорить.

намъ со крестомъ, какъ будто бы къ иновѣрнымъ, мы та-
кіе же христіане, какъ и ты.“ Другіе же, приступивъ къ
нему, начали толкать и срывать съ него святительскую одеж-
ду. Въ самое это время донской казакъ по имени Миронъ,
ставъ посреди злодѣевъ, сказалъ имъ: „для чего вы возла-
гаете руки на такой высокій санъ, когда и прикоснуться
намъ къ нему невозможно, Богъ не проститъ за сей грѣхъ
ни кому изъ насъ.“ За это состраданіе казакъ заплатилъ
жизнью: былъ изрубленъ саблями въ присутствіи митрополи-
та. Послѣ этого бунтовщики принуждали священниковъ, ок-
ружавшихъ митрополита, снимать съ него одежду, говоря:
„снимайте съ него санъ, онъ самъ лишалъ достоинства пат-
ріарха Никона.“ Митрополитъ видя неизбежную смерть свою,
приказалъ стоявшему близъ него духовенству разоблачать се-
бя, оставшись въ одной черной бархатной ряскѣ; тогда бо-
гоотступники выгнали изъ своей толпы всѣхъ священниковъ,
сняли съ архипастыря и остальную ряску, надѣли на него
суконную черную свитку, и связавъ руки и ноги положили
его на огонь. Когда свитка загорѣлась, то палачъ изорвалъ
ее на мелкія части и началъ жечь святителя на огнѣ нага-
го, наступя на животъ его ногою, исторгая между тѣмъ у
него признаніе, какимъ образомъ онъ имѣлъ письменныя сно-
шенія съ Москвою, Дономъ и Теркомъ. Митрополитъ, не
отвѣчая ничего злодѣю, возсылалъ ко Всевышнему молитвы
о принятіи души его. Послѣ этой пытки подняли мученика
и повели къ раскату; проходя мимо убиеннаго казака Миро-
на, архипастырь осѣнилъ трупъ его рукою и поклонился
оному, потомъ остановился предъ соборною церковью и въ
последній разъ помолился Богу. По приходѣ на раскатъ,
сопровождавшій архипастыря донской казакъ Алешка Гру-
зинецъ связалъ его и бросилъ съ онаго. Отъ паденія тѣла
многострадальнаго архипастыря, говоритъ лѣтопись, произо-
шелъ такой стукъ, что пенстовое сонмище устрашилось и за-
молкло на долгое время; всѣ стояли въ изумленіи потупя
взоры. Черезъ часъ мятежники дозволили предать тѣло мит-

рополита погребенію, которое и положено въ соборной церкви. Послѣ этого убійства злодѣи привели въ свою толпу князя Семена Ивановича Львова, дѣлали ему многоразличныя истязанія и отрѣзали ему голову; а вмѣстѣ съ нимъ лишили жизни стрѣleckаго голову Ивана Протопопова, подьячаго Ивана Перьякова, многихъ дворянъ и нѣкоторыхъ лучшихъ посадскихъ людей (407).

(407) Лѣтописное сказаніе о градѣ Астрахани.

„ Лѣта 7170, мая въ 21 день, приидоша въ соборную церковь посланникъ атамана Васьки Уса, ясаулъ Васька Кабановъ съ товарищи, Ивашка Севрина и Ивашка Горшокъ и иныхъ воровъ и измѣнниковъ немало по великаго господина преосвященнаго митрополита астраханскаго и терскаго во время божественныя литургіи, и призывали съ великимъ невѣжествомъ въ свое богомерзское сонмище или кругъ. Преосвященный же отвѣща имъ добре: приидосте чада ко мнѣ, пождите мало, да облачыся въ святительскую одежду и шедъ начать облачатися И облачиси онъ великій господинъ повелѣ благовѣстити въ большой колоколъ и въ другія переборомъ, что бы сходилися священники идти съ нимъ къ казакамъ въ кругъ И какъ онъ великій господинъ преосвященный Иосифъ митрополитъ астраханскій и терскій пришелъ въ кругъ и сталъ говорить атаману Васькѣ Усу, почто, рѣче, вы воры и крестопреступники мени презываете, и атаманъ Васька рѣче Коченовскому что ты сталъ, выступай, съ чѣмъ ты пріѣхалъ отъ войска, говори теперь. А Коченовскій началъ глаголати великому святителю, приславъ рѣче, отъ что ты воровски переносываешься съ Теркомъ и съ Дономъ и по твоему писему Терекъ и Донъ отъ насъ отложились. Преосвященный же рѣче, азъ съ ними не переписывался И они воры многіе съ круга закричали, таить же онъ воровство свое, яко бы не переписывался, какой де онъ правой человѣкъ, что пришелъ въ кругъ со крестомъ, да мы и сами христіане, а то яко бы пришелъ ко иноувѣрнымъ, и начаша тѣ воры изъ круга выступать, что бы съ него святительскую одежду снять. Тогда изъ ихъ же воровскаго сонмища выступилъ казакъ донской именемъ Миронъ и началъ имъ глаголати, почто вы братія на такой великой санъ хотите руки возложить, намъ бы къ тому великому сану и прикоснуться невозможно. А казакъ Алешка Грузинецъ кинулся на Мирона и ухватилъ его за власы и съ нимъ многіе казаки и начаша его колоть и рубить предъ нимъ, святителемъ, и изыкоша его Мирона за кругъ до смерти убиша. И потомъ приступиша они воры къ протопопу и къ священникамъ и начаша ихъ толкать и бранить скаредною бранью и глаголюще снимайте съ митрополита санъ Палачъ же Ларька снялъ съ него святителя двѣ рясы и связавъ ему руки и ноги и поваливъ его на огонь въ единой черной свиткѣ суконной, и та свитка на немъ загорѣлась, и онъ спекуляторъ на немъ святителя ту свитку въ доскутѣ изорвалъ и началъ

Князь Милославскій беретъ Астрахань. Накопецъ наступилъ часъ возмездія за всѣ злодѣянія, произведенныя мятежниками въ продолженіи пяти лѣтъ сряду.

Толпы ихъ, разбитыя подъ Симбирскомъ, устрашась правосудія, спѣшили принести повинную Государю чрезъ своихъ депутатовъ; другіе, въ страхѣ и отчаяніи, не зная чѣмъ все это кончится, бродили по деревнямъ и пустынямъ; нѣкоторые изъ нихъ бѣжали на Донъ, въ надеждѣ найти тутъ безопасное пристанище, но были изловлены и казнены въ Черкасскѣ; злѣйшіе же изъ нихъ отосланы въ Москву, гдѣ получили достойное своимъ преступленіямъ наказаніе. Для искорененія разбойническаго гнѣзда въ Астрахани, Государь отправилъ сильное войско, подъ начальствомъ князя Ивана Богдановича Милославскаго, который, плывя Волгою, водворялъ по всѣмъ городамъ спокойствіе. Между тѣмъ предписано было и войску Донскому вооружиться на астраханскихъ бунтовщиковъ; но движеніе произведенное крымскимъ ханомъ съ измѣнникомъ Дорошенкомъ на калмыцкихъ владѣльцевъ Бока и Дувара, кочевавшихъ съ улусами своими между Дономъ и Волгою, остановило отправленіе съ Дона войскъ на помощь Милославскому (408).

его жеши. нагаго на огнѣ, наступя на чрево его ногою, глаголюще, скажи ты митрополитъ свое воровство, како ты переишываеся къ Москвѣ и съ Дономъ и съ Теркомъ. Онъ же великій святитель ничего ему отвѣту не даде, точію молитву творяше леже на огнѣ и его Ларьку проклинаше; съ нимъ же палачемъ на огнѣ жегъ святителя солдатъ прозваніемъ Ветчина, а имя его невѣдомо. Таже поведоша его святителя на раскатъ и идучи онъ хромалъ, понеже, пытаячи, ногу ему помали. Едва же великій святитель преосвященный Юсифъ митрополитъ астраханскій и терскій идяше мимо убиеннаго казака Мирона и обозрѣся на тѣло его, осынилъ рукою и поклонилсѣ. А вель его, святителя на раскатъ воровской ихъ казакъ Алешка Грузинкинъ, и мимо идучи на соборную церковь, о великій господине, взирая, помолился, и возведши на раскатъ его, святителя, на край раската положиша, связавше, ринуша его; и упалъ онъ великій святитель къ востоку къ собору правою щекою и тою щеку сбиль до крови, да изъ носа вышло крови немало. А какъ онъ великій господинъ на землю ринуше, и въ то время великъ стукъ и страхъ бысть; они же воры въ кругу все устрашишася и замолчаша на долгое время, стояще повѣся головы и ничего другъ другу непромолвиша и изумишася.“

(408) Грамота на Донъ 1671 года Іюля 28 дня.

По приближеніи російскихъ войскъ къ Астрахани, возмутители вышли противъ оныхъ въ судахъ въ намѣреніи недопустить къ городу, но были опрокинуты обратно въ городъ. Князь Милославскій 1 сентября остановился со всѣмъ своимъ

„ Въ нынѣшнемъ 181 году іюля въ 12 день писалъ къ намъ Великому Государю изъ Симбирска бояринъ нашъ и воевода Петръ Васильевичъ Шереметьевъ съ товарищи: Іюня де въ 27 день, писали они память на Самару къ самарскимъ и Самарскаго уѣзду всякихъ чиновъ къ жителямъ, и къ воровскимъ казакамъ, которые подъ Симбирскомъ и остановились на Самарѣ, чтобъ они, помня страхъ Божій и наше Великаго Государя крестное цѣлованіе и милость, намъ Великому Государю въ винахъ своихъ да били челомъ вскорѣ, и іюля де въ 1 день объявился предъ ними въ приказной палатѣ воровской казакъ Луконька Сергѣевъ, а въ распросѣ тотъ казакъ сказалъ, пришелъ де онъ въ Симбирскъ нарочно, намъ Великому Государю въ винѣ своей добить челомъ и отъ своей братьи 2,000 человекъ, которые хотѣли остаться въ Надеинскомъ усолѣ, и изъ Надеинскаго усолы хотѣли придти въ Симбирскъ, добить челомъ намъ Великому Государю, только де итти въ Симбирскъ опасались и остановились на Самарѣ и ожидаютъ къ себѣ нашу Великаго Государя милость, и усолскія жители всѣ идутъ въ Симбирскъ въ винахъ своихъ намъ Великому Государю добить челомъ, а какъ де собрався всѣхъ низовыхъ городовъ жители и онъ Луконька ходили подъ Симбирскъ и къ городу приступали, хотя его взять вскорѣ, а итти въ нынѣшныя верховныя города, и какъ де ихъ на приступѣ у города и въ посылкѣ, которые ходили противъ нашихъ Великаго Государя ратныхъ людей, и они воры побиты многіе, а ихъ осталось только тысячи съ три, и какъ изъ города выходили на вылазки на ихъ воровскіе шанцы и ихъ многіхъ же побили, и они служався изъ цодъ Симбирска побѣжали и приплыли на Самару А астраханцы де и красноярцы, и черноярцы, и царицынцы, и саратовцы, съ Самары пошли всѣ по домамъ своимъ; а оставили де отъ себя астраханцовъ дву человекъ лучшихъ людей намъ Великому Государю въ винахъ своихъ добить челомъ, а самаряне де остались всѣ въ домахъ своихъ, а яицкихъ казаковъ пошло на Янкъ съ полтора ста человекъ. Изъ цодъ Симбирска де тѣ воровскіе люди бѣжали съ великимъ страхомъ нигдѣ не пристава, потому что цодъ Симбирскомъ всѣ разбиты, и пушки и ружье, и порохъ всѣ отбиты.“

„ Распросныя рѣчи Донскаго станичнаго атамана Анфиногена Иванова, прибывшаго въ Москву 26 августа 1671 года.

„ Приходить къ намъ на Донъ царицынскіе жители на житье, а сказываютъ, что у нихъ еще на Царицынѣ несмирно, и они де атаманы и казаки тѣхъ людей къ себѣ не принимаютъ, да и въ верховныя де городки писано, чтобъ ихъ безъ указа Великаго Государя не принимали жъ; а подлинно де они атаманы и казаки тѣхъ царицынскихъ жителей, которые къ нимъ приходятъ, спрашивали, что у нихъ на Царицынѣ дѣлается, и всѣ ль они въ винахъ сво-

войскомъ въ трехъ верстахъ отъ Астрахани, при устьѣ протоки Болды и въ тожь время окопался. 10 числа казакъ Алексѣй Карташной, сдѣлавъ вылазку, схватилъ гонца везшаго къ князю Милославскому государевы грамоты. 12 числа по повелѣнію главнокомандующаго построили въ одну ночь земляную крѣпость на другой сторонѣ Волги на усть-соляной протоки и посадили въ оную сильный гарнизонъ. Съ разсвѣтомъ дня возмутители, увидѣвъ вновь выстроенную крѣпость, сдѣлали сильную вылазку, подѣ начальствомъ того же казака Алексѣя Карташнаго, въ намѣреніи уничтожить оную, но были съ урономъ отбиты; при этомъ случаѣ нѣкоторые изъ нихъ были взяты въ плѣнъ. Послѣ таковыхъ попытокъ измѣнники не дѣлали уже болѣе вылазокъ.

Въ это время главный ихъ предводитель Василій Чертовъ Усь умеръ, а на мѣсто его избранъ былъ атаманъ Фодоръ Шелудякъ. Князь Милославскій употреблялъ всѣ мѣры уговорить возмутителей смириться предѣ Государемъ, обѣщая имъ прощеніе въ ихъ злодѣйскихъ поступкахъ, но всѣ старанія его были тщетны. Возмутители терпѣли величайшій недостатокъ въ хлѣбѣ, гибли отъ голоду и не сдавались; нѣкоторые изъ нихъ, побуждаемые болѣе голодомъ, нежели чистосердечнымъ раскаяніемъ, приходили въ станъ князя Милославскаго просить помилованія; Милославскій принималъ ихъ ласково и снабжалъ пищею. Разъяренные мятежники въ лютомъ злѣствѣ своемъ хотѣли было умертвить женъ, дѣтей и родственниковъ перебѣжавшихъ; но не исполнили своего намѣренія. Среди этого отчаяннаго положенія князь Каспулатъ Муцаловичъ Черкасскій, приведшій татаръ своихъ на помощь Милославскому, успѣлъ заманить въ свой станъ подѣ

ихъ Великому Государю добили челомъ? и они де въ допросѣ сказали, что многіе царицынскіе жители Великому Государю въ винахъ своихъ добити челомъ ради, а иные де еще многіе жъ и донынѣ въ прежней шатости живутъ и межъ де собою у нихъ великос несогласіе и другъ друга побиваютъ, и они де отъ того съ Царицына уходятъ, чтобъ имъ гдѣ свои головы въ то время спасти.“

видомъ переговоровъ Ѳедора Шелудяка, схватили его, оклаивали въ желѣза и доставили князю Милославскому. Мятежники, узнавъ объ участи своего предводителя, пришли въ отчаяніе и раздѣлились на партіи. Милославскій, щадя жизнь своихъ воиновъ, не дѣлалъ приступа къ городу, но употреблялъ при семъ случаѣ всѣ средства склонить возмутителей смириться предъ Государемъ и принести повинную, въ чемъ онъ послѣ того и успѣлъ. Возмутители доведенные до отчаянія недостаткомъ жизненныхъ припасовъ и лишеніемъ предприимчиваго и отважнаго своего атамана Ѳедора Шелудяка, послѣ многихъ споровъ, рѣшились наконецъ сдать городъ и присягнуть на вѣрность службы Государю, предоставляя жребій свой его милосердію. Милославскій принялъ депутатовъ городскихъ съ радостію и обнадеживалъ ихъ въ царской милости. 27 ноября, по отпѣвнн бдагодарственнаго Господу Богу молебствія, все войско въ стройномъ порядкѣ, вступило въ Астрахань, неся предъ собою образъ Божія Матери. Возмутители со всѣми гражданами и со всѣмъ духовенствомъ встрѣтили войско за стѣнами города, и, увидѣвъ образъ Пресвятыя Богородицы, пали на колѣни предъ онымъ, со слезами славы Бога; даровавшаго имъ миръ и спокойствіе послѣ толикихъ бѣдствій. По вступленіи князя Милославскаго съ войсками въ Астрахань, разставлены были по стѣнамъ, башнямъ и у воротъ городскихъ сильныя караулы, а самъ Милославскій, принеся Господу Богу въ соборной церкви благодарность, приступилъ къ водворенію порядка; главнѣйшихъ возмутителей, какъ изъ Донскихъ казаковъ, такъ и астраханскихъ жителей иныхъ приказалъ повѣсить, а другимъ отрубить головы; прочихъ же менѣе виновныхъ велѣно было, по указу Государеву, разослать на поселеніе въ отдаленные россійскіе города (409).

Такъ кончилось возмущеніе Разина и его сообщниковъ,

(409) Лѣтописное сказаніе о градѣ Астрахани.

См. журналъ подъ названіемъ „ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ, 1763 года, мѣсяць ноябрь.“

стойшее жизни нѣсколькихъ тысячъ гражданъ, вовлеченныхъ безразсудными его поступками.

Сообщникъ Разина Донской казакъ Мѣускій представляетъ Запорожскимъ казакамъ самозванца. Послѣ пораженія Степана Разина и Федора Шелудяка подъ Симбирскомъ всѣ толпы ихъ были или побиты или разсѣяны. Въ числѣ бѣжавшихъ былъ сообщникъ Разина Донской казакъ по прозванію Мѣускій; онъ, собравъ болѣе 200 человекъ единомышленниковъ, пришелъ на рѣку Донецъ, тутъ грабилъ проезжающихъ купцовъ съ товарами, разбивалъ партіи ратныхъ людей и тѣмъ прекратилъ всякое сообщеніе съ войскомъ Донскимъ (410).

Грабительства эти вскорѣ сдѣлались извѣстны Государю.

(410) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1673 года октября 8 дня.

„ Въ нынѣшнемъ во 182 году октября въ 4 день вѣдомо намъ Великому Государю учинилось, что въ степи, на рѣкѣ Донцѣ, объявилось великое воровство, а воруютъ прежнихъ воровъ Стенькина собранія Разина казакъ Мѣуской, да съ нимъ тогожъ воровскаго собранія многіе люди, человекъ съ 200 и больше, и проездъ отъ нихъ нашимъ, Великаго Государя, ратнымъ и всякихъ чиновъ людямъ становится труденъ, да и впредъ отъ нихъ по рѣкамъ по Дону и по Волгѣ и въ степи чаютъ многого воровства, потому что многіе вору Стенькина собранія Разина, которые ушли изъ Астрахани и изъ Чернова Яру, живутъ нынѣ по Дону въ верхнихъ казачьихъ городкахъ. И какъ къ вамъ ся наша Великаго Государя грамота придетъ, и вы-бъ, атаманы и казаки и все войско Донское, служба намъ Великому Государю и посовѣтовавъ съ думнымъ нашимъ дворяниномъ и воеводами съ Иваномъ большимъ Савостьяновичемъ Хитрово съ товарищи, учинили о тѣхъ ворѣхъ всякой промысль сопча, чтобъ въ тѣхъ мѣстахъ вашей службою и промысломъ и радѣніемъ на Донцѣ и въ иныхъ мѣстахъ по Дону и въ степи воровства не было и чтобъ тѣхъ воровъ переимать и пристанища ихъ разорить.“

Распросныя рѣчи Володимірской чети подъячего Кирилла Федотова и Посольскаго приказа Толмача Леонтія Тороманова, прибывшихъ съ Дону въ Москву октября 14 дня 1673 года.

„ На Сѣверскомъ Донцѣ объявилось воровство и всякихъ прѣзжихъ людей грабятъ и побиваютъ, а слышали они отъ Донскихъ казаковъ, что воруютъ на Донцѣ хохлачи, и казаки де стенью и Дономъ въ судахъ брать имъ не велѣли. А грабятъ де тѣ вору на Донцѣ торговыхъ людей, которые ходятъ на Донъ съ товарами, съ Вѣлогорода, съ Оскола, съ Маяка и изъ иныхъ украинныхъ городовъ.“

Войску Донскому велѣно истребить бродящую шайку; это было дѣйствительно исполнено, но Міускій скрылся и, не надѣясь найти на Донцѣ болѣе приверженцевъ, рѣшился сдѣлать новую смуту въ другомъ мѣстѣ. Въ этомъ намѣреніи подговорилъ онъ одного изъ своихъ сообщниковъ, человѣка молодаго, по имени Матвѣя наименовать себя царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ, сыномъ Царя Алексѣя Михайловича. Съ этимъ то самозванцемъ и съ восемью человѣками приверженныхъ къ нему казаковъ явился онъ 1673 года въ Запорожскую Сѣчь къ наказному кошевому атаману, управлявшему Сѣчью за отсутствіемъ кошеваго атамана Сѣрка, и представилъ ему самозванца, убѣждая принять несчастнаго царевича подъ свое покровительство, гонимаго будто бы матерью своею Царицею Марьею Ильиничною и боярами. Міускій рассказалъ со всею подробностію вымышленную имъ исторію, между прочимъ объявилъ за тайну кошевому атаману, что у царевича на правомъ плечѣ и рукѣ есть знакъ, изображающій царскій вѣнецъ, двуглаваго орла и мѣсяць со звѣздою.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Кошевой атаманъ Запорожскихъ казаковъ Иванъ Сѣрко, находившійся въ походѣ, возвратился съ войскомъ въ Сѣчь; самозванецъ съ распущенными знаменами почтилъ его встрѣчею. Сѣрко, желая услышать лично отъ самозванца несчастное его приключеніе и удостовѣриться болѣе въ истинѣ, призвалъ его къ себѣ и въ присутствіи знатнѣйшихъ казаковъ спросилъ, дѣйствительно ли онъ есть сынъ Царя Алексѣя Михайловича; самозванецъ вставъ съ мѣста и снявъ шапку отвѣчалъ со слезами: „Богъ мнѣ свидѣтель, что я есмь истинный сынъ Царя вашего Алексѣя Михайловича.“ Сѣрко и прочіе казаки, услышавъ изъ устъ самозванца столь искреннее признаніе, сняли предъ нимъ шапки и повлонились ему до земли (411).

(411) Дѣла Малороссійскія, въ столбцахъ изъ № 40. Донесеніе Гетмана Малороссійскихъ казаковъ Ивана Самойловича Царю Алексѣю Михайловичу, декабря 10 дня 1673 года.

Тутъ самозванецъ расказалъ имъ вымышленную исторію своего изнанія: „находясь однажды, говорилъ онъ, въ домѣ дѣда своего Ильи Даниловича Милославскаго, я по неосторожности помѣшалъ ему вести переговоры съ нѣмецкимъ посланникомъ о дѣлахъ государственныхъ, за что онъ невѣжливо отвелъ меня въ сторону. Возвратясь во дворецъ къ матери своей Царицѣ Марьѣ Ильиничнѣ, я въ пылу гнѣва сказалъ ей: „если бы я хотя три дня былъ на царствѣ, то перевелъ бы всѣхъ недоброжелательныхъ бояръ.“ Царица мать моя спросила кого бы я перевелъ? во первыхъ Илью Даниловича, сказалъ я, а потомъ и другихъ. Царица мать моя разсердясь, бросила по мнѣ ножомъ и поранила мнѣ ногу, отъ чего я занемогъ; а потомъ приказала стряпчему Михаилу Савостьянову отравить меня ядомъ; но Савостьяновъ изъ состраданія ко мнѣ отравилъ вмѣсто меня пѣвчаго весьма похожаго на меня. По истеченіи трехъ дней пребыванія въ его домѣ онъ, нанявъ двухъ нищихъ за 100 червонцевъ, велѣлъ вывести меня изъ Москвы. Потомъ нищіе эти передали меня неизвѣстному человѣку, который отвезъ меня въ Ар-

„А когда вѣдомо учинилось, что Сѣрко на Запорожьѣ, и онъ царевичъ, распустивъ знамена, почтилъ Сѣрка встрѣчею, котораго Сѣрко тако жъ призналъ, какъ и иныхъ товарищевъ а когда пришелъ, посадилъ междь себя и Пелеха, и спрашивалъ его: слышалъ де я отъ наказнаго своего, что ты называешься какова будеть царя сыномъ, сважи Бога боюсь, потому что злое злодѣе, истинную правду, нашего ль Великаго Государя и великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца ты сынъ, или инаго, которые подъ его Царскаго Величества высокочервонною рукою пребываютъ, что бы мы и тобою обманны не были, какъ иными будучими въ войскѣ плутами? И онъ вставъ, что видѣли Дзубъ Гнилица, Кваша, Червесь и шапку снявъ и яко бы черезо плачь говорилъ: ненадѣлся я того, что бы ты меня страшити сталъ, а вижу, что надо мною чинится, Богъ мнѣ свидѣтель, правдивый сынъ вашего Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, а не инаго. И то услышавъ Сѣрко, снявъ шапку съ иными товарищи до земли поклонились, и учали подчивать его питьемъ, тогда и онъ, царевичъ, питья рядоваго не упустилъ, а потомъ опусти руки къ землѣ и смотрѣлъ; а послѣ того коликко кратно къ Сѣрку приѣзжалъ.“

хангельсь. Переходя изъ одного мѣста на другое, я наконецъ пришелъ на Донъ и находился съ Разинымъ во всѣхъ его походахъ подъ именемъ Матвѣя, отправляя при немъ должность кашевара. Послѣ отправленія Разина въ Москву, находился на Дону съ царскимъ жалованьемъ чиновникъ, по имени и прозванію мнѣ неизвѣстный, коему я открылъ настоящее свое происхожденіе, чиновникъ этотъ дарилъ меня деньгами, и я послалъ съ нимъ къ отцу своему Великому Государю письмо, но бояре письма этого до него недопустили. Будетъ время, когда я найду вѣрнаго человѣка, который отдастъ письмо мое отцу моему Великому Государю въ собственныя руки; до того же времени содержите меня тайно и необъявляйте обо мнѣ ни кому (412).

Самозванецъ увѣривъ такимъ образомъ кошеваго атамана и старшинъ въ бѣдственномъ своемъ положеніи, обѣщалъ имъ, по возвращеніи въ родительскій домъ, исходатайство-

(412) Статейный списокъ посланныхъ въ томъ же году въ Запороги сотника московскихъ стрѣльцовъ Василя Чадуева и приказа малыя Россіи подьячего Семена Щоголева.

„ А сказываетъ де онъ, самозванецъ, что онъ съ Москвы изогнанъ такимъ подобіемъ: нѣкоторое время будто онъ, самозванецъ, былъ по плоти дѣда своего Ильи Даниловича Милославскаго въ палатахъ, при немъ Ильѣ Даниловичѣ, а въ тожь де время былъ у него, боярина, нѣмецкій посоль и говорилъ о дѣлахъ, а онъ де, самозванецъ, будто ту ихъ рѣчь помѣшалъ и Ильѣ де Даниловичъ невѣжливо отвелъ ево рукою, и онъ де, самозванецъ, будто въ царскія палаты пришелъ блаженныя памяти къ государинѣ царицѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ Ильиничнѣ и говорилъ; еслибъ ему на царствѣ хотя три дни побыть, и онъ бы бояръ нежелательныхъ всѣхъ перевелъ, и будто государыня царица и великая княгиня Марья Ильинишна спрашивала его, ковобъ онъ бояръ перевелъ, и онъ де сказалъ, первѣе всѣхъ боярина Илью Даниловича, потомъ и иныхъ, и государыня де царица и Великая Княгиня Марья Ильинишна, будто кинула, но немъ ножемъ, а тотъ ножъ воткнулся въ ногу и онъ де будто отъ того занемогъ, а государыня де царица бодго велѣла сряпчему Михаилу Савостьянову сыну его окормить, и тотъ де сряпчій окормилъ вмѣсто его пѣвчего такимъ же подобіемъ въ лицѣ и возрастѣ, снявъ съ него платье, положилъ на столъ, а иное на того мертваго, и его самозванца будто хранилъ въ тайнѣ три дни, и нанявъ дву человѣкъ нищихъ старцовъ: одинъ безъ руки, другой кривъ, а далъ имъ сто золотыхъ червонныхъ, и тѣ де старцы изъ города вы-

вать у Государя ежегоднаго жалованья: на три тысячи человекъ кармазинныхъ суконъ, по 10 аршинъ на человека, значительное прибавленіе пороха, свинцу и ежегодно присылать большія пушки, ядра и струги, и сверхъ того мастера умѣющаго стрѣлять изъ тѣхъ пушекъ; „Государь милостивъ къ вамъ и къ войску Донскому,—присовокупилъ самозванецъ, ежегодно приказываетъ посылать къ вамъ свое большое жалованье, но бояре оное удерживаютъ (413).

Гетманъ малороссійскихъ казаковъ Иванъ Самойловичъ, узнавъ о нахожденіи самозванца въ Запорогахъ и о покровительствѣ оказываемомъ ему казаками, донесъ о семъ происшествіи Государю, по этому извѣщенію посланы были къ Запорожскимъ казакамъ два чиновника, сотникъ московскихъ стрѣльцовъ Василій Чадуевъ и подъячій Семень Щеголевъ съ тѣмъ, чтобы самозванца привезли въ Москву. Чиновники эти, прибывъ въ Запороги, нашли сильное сопротивленіе отъ кошеваго атамана Сѣрка и отъ куренныхъ атамановъ, собравшихся по этому случаю въ Сѣчь. Сѣрко, увѣренный въ дѣйствительномъ происхожденіи самозванца отъ царской крови, въ пылу гнѣва сказалъ однажды посланнымъ: „вы достойны казни за намѣреніе ваше поднять руки на сына Царя нашего, намъ Богъ послалъ съ неба многоцѣнное сокровище и самоцѣтный камень, какого не бывало у насъ

везли его на малой тележкѣ подъ рогожею и отданъ посадскому мужику, а тотъ мужикъ свезъ его къ Архангельской пристави, и онъ скитался тамъ долгое время, пришелъ на Донъ и былъ съ Стенькою Разиннымъ на морѣ не сказывалъ про себя и былъ у него Стеньки кашеваромъ, а имя себѣ сказывалъ Матюшка, а передъ взятіемъ его Стенькинымъ къ Москвѣ, онъ, самозванецъ, ему Стенькѣ про себя сказывалъ за присягою. А послѣ де Стеньки былъ на Дону отъ Царскаго Величества съ казнокъ, а хто имянемъ не сказалъ, и онъ де самозванецъ тому посланному такожь за присягою сказался, и тотъ де посланный его самозванца дарилъ и онъ де съ тѣмъ посланнымъ послалъ отъ себя, написавъ своею рукою письмо, а того де его самозванца письмо бояре до Царскаго Величества не допустили. И какъ де время дойдетъ, пошлетъ онъ къ Царскому Величеству о себѣ письмо съ такимъ человекомъ, который самъ до его Царскаго Величества донесетъ.

(413) Тамъ же.

со времени существованія Запорожскихъ казаковъ (414).

Между тѣмъ самозванецъ постился въ великій постъ, Сѣрко приказалъ священнику подь клятвою спросить у самозванца о его происхожденіи, самозванецъ притворяся клялся на исповѣди священнику, что онъ есть истинный сынъ Царя Алексѣя Михайловича, и былъ допущенъ къ причастию. Сѣрко услышавъ отъ священника слова эти перекрестился и сказалъ: „дѣйствительно онъ есть сынъ царскій и я не зарекаюсь защищать его.“ Послѣ этого Сѣрко приказалъ одиннадцати куреннымъ атаманамъ и священнику осмотрѣть на тѣлѣ самозванца знаки; по осмотрѣ оказалось, что у него на груди и на обѣихъ плечахъ вмѣсто царскаго вѣнца, двуглаваго орла и мѣсяца со звѣздою, какъ удостовѣрялъ Мусскій, находилось восемь бѣлыхъ пятенъ и одно большое бѣлое пятно, произшедшее отъ бывшей раны (415).

Такое несправедливое показаніе Мусскаго нимало ни от-

(414) Тамъ же.

„И марта въ 13 день 1673 г. такожъ и до самаго отпуща кошевой атаманъ Иванъ Сѣрко созвавъ къ себѣ въ курень куренныхъ атамановъ и знатныхъ казаковъ радцовъ и призывая Василья и Семена Чадуева и Щеголева, при генеральномъ ясаулѣ Алексѣѣ Черлячинѣ, говорилъ: много вы пріѣхавъ на Запорожь наворовали на великаго челоуѣка, хотѣли руки поднять государича убить, достойны де они Васидій и Семень смерти. А имъ де Богъ далъ съ неба многоцѣнное сокровище жемчужное зерно и самоцвѣтныи камень, никогда искони вѣковъ у нихъ на Запорожь не бывало.“

(415) Тамъ же.

„А въ нийѣшней де великій постъ онъ, самозванецъ, постился и онъ Сѣрко велѣлъ священнику ево, самозванца, на исповѣди чрезъ клятву свидѣтельствовать, подлинно ль такъ сказываетъ, и онъ чрезъ клятву сказалъ, что правда истинная и признался. И нийѣ де кто что ни говори ни пиши, всё они въ томъ ему вѣрять, и перекрестясь онъ Сѣрко говорилъ, что истинный Царевичъ, не зарекаемса де мы за его промысломъ.“

„И марта въ 17-й день, 1674 г., предъ обѣднею кошевой атаманъ Иванъ Сѣрко послалъ священника да 11 челоуѣкъ куренныхъ атамановъ того самозванца осматривать что на немъ за признаки; и на немъ де на плечахъ . . на подобіе царскаго вѣнца и двоуглаваго орла и мѣсяца съ звѣздою нѣтъ, только на груди отъ плеча до другова плеча восемь пятень бѣлыхъ какъ перстомъ ткнутыя, а на правомъ плечѣ подобіемъ какъ лишій бываетъ широко и бѣло.“

клонило кошеваго атамана и прочихъ старшинъ отъ приверженности къ самозванцу, покрайней мѣрѣ дало поводъ царскимъ посланникамъ Чадуеву и Щеголеву съ большею смѣлостію утверждать, что выдающій себя за царевича дѣйстви-тельно есть обманщикъ, и послѣ многихъ споровъ, наконецъ успѣли склонить Сѣрка и старшинъ запорожскихъ послать самозванца въ Москву. По этому случаю была собрана рада, на коей съ общаго согласія опредѣлено было отправить самозванца въ Москву въ сопровожденіи знатныхъ старшинъ: Процына, Золоторя, Трофима Троицкаго и войсковаго писаря Пеленелицы.

По прибытіи этихъ посланцовъ въ Москву, самозванецъ представленъ былъ въ Посольскій приказъ, гдѣ въ присутствіи боярѣ, думныхъ людей и запорожскихъ старшинъ, самозванецъ съ пытки начально показаль, что онъ родомъ полякъ, звать его Сенькою, 20 лѣтъ, родился въ городѣ Лохвицѣ, отколь пришедъ въ Варшаву, былъ силою взятъ нѣмцами и проданъ глуховскому купцу, у коего проживши недѣль пять, бѣжалъ въ Чугуевъ, тамъ познакомился онъ съ донскимъ казакомъ Міускимъ, и былъ съ нимъ на Дону подъ именемъ Матвѣя; потомъ показаль, что онъ сынъ подданнаго князя Вишневецкаго, а имя ему Иванъ Андреевъ Воробьевъ; наконецъ сознался, что онъ находясь на Дону, куда онъ бѣжалъ изъ подъ Лохвицы, познакомился тамъ съ казакомъ Міускимъ, который подговоря еще семь человекъ казаковъ, пошли въ Запорожьѣ; на рѣкѣ Самарѣ принялъ онъ имя царевича Симеона по наущенію Міускаго, который руководилъ имъ и во время нахождения его въ Запорогахъ; въ Москвѣ онъ никогда не бываль; имя же его Матвѣй (416).

(416) Дѣла Малороссійскія, грамота запорожскаго войска кошевому атаману Ивану Сѣрку и всему запорожскому войску 18 сентября 1674 года.

„А воръ и обманщикъ и самозванецъ по нашему Царскаго Величества указу спрашиванъ при нашихъ Царскаго Величества боярахъ и думныхъ людяхъ и мучень и онъ воръ и явный обманщикъ и самозванецъ, какъ плуталь и то сказанья ваши подлинно видѣли и слышали, въ началѣ сказаль породе польской

Послѣ допросовъ самозванецъ этотъ былъ въ Москвѣ четвертованъ; Міускій же и семь человекъ его товарищей бѣжали, и за всѣми розысканіями производимыми послѣ того нѣсколько лѣтъ сряду, на Дону и въ Запорогахъ, отыскать его нигдѣ не могли.

ГЛАВА XIV.

Взглядъ на политическія отношенія Россіи къ Портѣ, Тавридѣ и Польшѣ.—Отправленіе на Донъ ратныхъ людей, для совокупнаго дѣйствія съ казаками противъ Азова.—Воззваніе о собраніи всѣхъ казаковъ въ Черкасскъ и ссылка съ калмыками.—Военныя дѣйствія казаковъ совокупно съ ратными людьми противъ азовцевъ и на морѣ.—Приготовленіе къ построению на устьѣ Міуса крѣпости для воспрепятствованія прохода туркамъ и крымцамъ въ Азовъ.—Побѣги ратныхъ людей изъ подъ Черкасскаго городка.—Переѣзна въ прежнемъ планѣ и исполненіе новыхъ мѣръ.—Военныя поиски казаковъ.—Повелѣніе строить крѣпость на казачьемъ еркѣ и углубить оный протокъ.—Препятствія встрѣченныя при исполненіи сего дѣла.—Поиски казаковъ противъ Азова и Крыма.—Присяга казаковъ Царю Ѳедору Алексѣевичу.—Разбой казаковъ по Волгѣ.—Приступъ казаковъ къ Темрюку и къ Азову.—Походъ казаковъ въ соединеніи съ російскою арміею и дѣйствія въ оной.—Новое вооруженіе казаковъ въ составъ дѣйствующей російской арміи.—Набѣги азовцевъ.—Грамота крымскаго хана къ донскимъ казакамъ и отвѣтъ на оную.—Разбой казаковъ.—Походъ казаковъ противъ калмыковъ.—Второй походъ казаковъ на калмыковъ.—Поиски атамана Максима Скалозуба противъ калмыковъ.

Взглядъ на политическія отношенія Россіи къ Портѣ, Тавридѣ и Польшѣ. Долговременная война Россіи съ поляками окончена была 1670 года перемиріемъ на 13 лѣтъ съ половиною, по которому Малороссія и другіе отнятыя у Польши города остались за Россіею, до заключенія на прочномъ основаніи мира; учрежденъ такъ

и вѣры лядкой, зовуть Сенькою князей Вышневецкихъ, жилъ въ Лохвицѣ вблизи по Днѣпру, а отца его звали Еремѣемъ, и сшелъ въ Варшаву, а гѣта себѣ сказалъ двадцать, и въ Варшавѣ взяли его нѣмцы и подъ Вислою продали купцу глуховскому жителю, и въ Глуховѣ жилъ недѣль съ пять и бѣжалъ на Чугуевъ, и на Донѣ спознался съ Міускимъ, а Міуско де съ Дону пократчи лошади бѣжалъ давно и былъ онъ самозванецъ на Дону, а звался Матюшкою.

же союзъ противъ крымскаго хана и турокъ. Но приоб-
рѣтая выгоды съ сей стороны, Россія теряла съ дру-
гой: гетманъ малороссійскихъ казаковъ (по ту сторо-
ну Днѣпра) Дорошенко, со всѣмъ войскомъ своимъ до-
бровольно призналъ надъ собою власть турецкаго султана
и неотступно склонялъ Константинопольскій дворъ къ объ-
яленію войны Польшѣ. Турецкій султанъ, употребивъ безу-
спѣшно всѣ поиски, чтобы разрушить союзъ поляковъ съ Рос-
сією, радъ былъ открывшемуся случаю, онъ охотно поднялъ
оружіе противъ поляковъ и въ томъ же году самъ съ мно-
гочисленнымъ войскомъ выступилъ въ походъ. Взятіе важной
крѣпости Каменецъ-Подольска и нѣкоторыхъ городовъ, съ
другой стороны разоренія, причиненныя крымскимъ ханомъ
польскимъ провинціямъ, заставило поляковъ заключить съ
турками униженный миръ, по которому Польша обязалась
платить ежегодно большую дань Портѣ, отреклась отъ горо-
довъ: Каменецъ - Подольска, Меджабожа и другихъ и отъ
всѣхъ требованій на Украинну, Подолію и Россію. Этимъ по-
слѣднимъ условіемъ Порты надѣялась успокоить Россію и
тѣмъ разрушить поставленный съ Польшею миръ (417).

Но Россійскій Государь мыслилъ иначе: какъ вѣрный союз-

А послѣ того сказалъ мужичій сынъ подданнаго Вышневецкаго князя Еремѣ-
ва мѣщанина Варшавскаго, а звали его Ивашка Андреевъ по прозвищу Во-
робьевъ; въ третій сказалъ, что отецъ его жилъ подъ Лохвицею въ селѣ, а
съ Дону де случась онъ съ Міюскою и съ нѣкими товарищи семь человекъ
пошли на Запорожье, а на Москвѣ де онъ никогда не бывалъ и ничего мо-
сковскаго не знаетъ, а имя де царевичево наложилъ онъ на себя по наговору
и наущенію Міюскову на рѣкѣ Самарѣ и всякія непристойныя слова про бо-
яръ и о своихъ воровскихъ замыслахъ говорилъ онъ все по наученію Міюско-
ву, да и всѣ де товарищи ево про то вѣдали, что ему имя Матюшка, и тому
вору и явному обманщику и самозванцу за ево вину и плутовство учинена
смертная казнь такова жъ, какова богоотступнику и клятвопреступнику Стень-
кѣ Разину. И вамъ бы кошевому атаману и всему войску Запорожскому, Мію-
ску и инымъ товарищей ево конечно сыскивать всячески, а сыскавъ пото-
му жъ притлать къ намъ Великому Государю къ нашему Царскому Величеству:“

(417) Дополн. къ дѣян. Петра Великаго, часть 3, листъ 142, и древн. Азов-
скія и Крымскія извѣстія листъ 104 и слѣд.“

ний Польши, онъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отправилъ чрезъ Азовъ чиновника Даудова съ грамотою къ турецкому султану, убѣждая его оставить свои предпріятія на Польшу и угрожая въ противномъ случаѣ отправленіемъ на помощь полякамъ войскъ своихъ и позволеніемъ донскимъ казакамъ громить Крымъ и турецкія владѣнія; съ такимъ же предложеніемъ былъ посланъ чиновникъ въ августѣ мѣсяцѣ къ крымскому хану (418).

Независимо отъ этого предписано было казакамъ, проводивъ Даудова въ Азовъ, тотчасъ открыть военныя дѣйствія противъ этого города и готовиться судами въ море, гдѣ соединясь съ запорожскими казаками, употреблять всѣ средства на разореніе турецкихъ и крымскихъ владѣній (419).

Но всѣ эти предпріятія, родившія только временный страхъ, не произвели особенныхъ дѣйствій на дѣла Порты. Донскіе казаки, удерживаемые Россійскимъ Государемъ съ 1668 г. отъ плаванія по Азовскому и Черному морямъ, были столь обрадованы царскимъ повелѣніемъ, что чрезъ пять дней по

(418) Крымскія дѣла № 2, Турецк. дѣла листъ 284, грамота на Донъ 1672. „И мы Великій Государь о сдержаніи того турецкаго салтана отъ войны послали къ нему салтану съ напею Великаго Государя грамотою, Василю Даудова, а въ грамотѣ съ нимъ писано, что бы онъ салтанъ съ братомъ нашимъ съ Михайломъ королемъ польскимъ съ его королевскимъ величествомъ отъ войны престалъ и войны не вчиналъ; а если онъ салтанъ отъ того своего намѣренія не престанетъ и учнетъ войну вестъ, и мы, Вел. Государь, наше царское Величество съ братомъ нашимъ его королевскимъ величествомъ учиненную братскую дружбу и любовь, освидѣльствовався Господомъ Богомъ и сослався со всѣми окрестными великими государи, учнемъ противъ его промыслъ чинить, и наше Царское Величество повелѣніе къ вамъ атаманамъ и казакамъ пошлетъ и уважемъ всякой воинской промыслъ чинить на Черномъ морѣ.“

(419) Тамъ же.

„А о слученіи съ вами атаманы и казаки Запорожскому атаману и всему при немъ посольству нашъ Великаго Государя указъ посланъ, велѣно ему атаману и всему при немъ посольству для отвращенія той турецкой войны, случась съ вами атаманы и казаки, чайками на Черное море выходить и всякой воинской промыслъ вопячъ съ вами турскаго салтана и крымскаго хана надѣ жителн чинить велѣно.“

отправленіи изъ Черкаскаго городка въ Азовъ російскаго чиновника, явились подъ стѣнами Каланчинскихъ башенъ и столь удачное сдѣлали на оныя нападеніе, что одну изъ нихъ сбили до подошвы и непремѣнно овладѣли бы этимъ мѣстомъ, если бъ случившійся въ то время разливъ воды отъ морскаго вѣтра не принудилъ казаковъ отступить, впрочемъ они вознаградили потерю разореніемъ всѣхъ окрестностей Азова, гдѣ однихъ турокъ взяли они въ плѣнъ 400 человекъ, въ числѣ коихъ брата азовскаго паши, и отогнали девять стадъ разнаго рода скота (420).

Послѣ этого казаки отправили въ море 34 струга; слухъ о походѣ ихъ вскорѣ достигъ до Константинополя, молва увеличила число казачьихъ судовъ до 700, вездѣ распространился ужасъ и никто не хотѣлъ записываться во флотъ, снаряжаемый для вспомоцествованія Азова и отраженія казачьихъ судовъ, разбѣжавшихъ по Черному морю (421).

Съ другой стороны Запорожцы пришедъ ночью къ Перекопи, засыпали ровъ и размѣтавъ каменную стѣну у Перекোпа, ворвались во внутрь Крыма, но были татарами прогнаны (422).

(420) Статейный списокъ Даудова, отправленнаго въ Константинополь въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1672 года.

„Послѣ того (послѣ пріѣзда его на Донъ 27 іюня), спустя дней съ пять, донскіе казаки съ азовцы размирились и подходили подъ Каланчинскія башни, и одну каланчу, по правой сторонѣ Дону, сбили до подошвы и только было турки хотѣли покинуть каланчи бѣжать въ Азовъ, и въ то время отъ тѣхъ каланчей отогнала донскихъ казаковъ морская вода, а послѣ того казаки жъ подходили подъ Азовъ и съ калмыками побрали въ полонъ турокъ съ 400 человекъ, да девять стадъ отогнали всякаго скота.“

(421) Тамъ же.

„И при немъ турки были въ великомъ страху . . . а турскимъ учинилось вѣдомо, что казаковъ на морѣ съ 700 струговъ и для того охочіе люди никто не нанимались, и многіе хлѣбомъ и всякимъ запасомъ готовились впредь!“

(422) Дѣла Крымскія № 2, дневныя записки задержаннаго въ Крыму подъячяго Гаврилы Михайлова 1672 года.

„Сентября де въ 5 день приходили къ Перекопи нижнихъ кошей казаки 10 т. человекъ Демко съ товарищи и пришедъ подъ Перекопъ ночью ровъ за-

Эти дѣйствія, хотя съ великою ревностію производимыя казаками, были слабы чтобы остановить турокъ и крымцевъ отъ похода на Польшу и Украину.

Отправленіе на Донъ ратныхъ людей для совокупнаго дѣйствія, съ казаками противъ Азова. Россійскій дворъ, желая усилить военныя дѣйствія подъ Азовомъ для отвлеченія крымскихъ войскъ отъ похода противъ Польши, вызвалъ съ Дона для совѣщанія знатнаго старшину Фрола Минаева съ нѣсколькими лучшими и умными казаками, а какъ въ то же время предполагалось сдѣлать нападеніе и на самый Крымъ, то равнымъ образомъ призваны были въ Москву нѣсколько человекъ запорожскихъ казаковъ для выслушанія ихъ мнѣнія, какимъ образомъ удобнѣе сдѣлать нападеніе на крымцевъ и на турецкія владѣнія (423).

Фролъ Минаевъ объявилъ боярамъ, что на Дону можетъ собраться самыхъ отважныхъ казаковъ 5,000 человекъ, и что если къ нимъ присоединить 8/т. россійскаго войска, то не только можно будетъ привести въ страхъ Азовъ но и самый Константинополь, и что турецкій султанъ, оставивъ Польшу, обратится на защищеніе своихъ владѣній. Запорожцы объявили, что если имъ приказано будетъ дѣлать нападеніе судами, то могутъ они выйти на Черное море, гдѣ соединясь съ донскими казаками на островѣ Кенорѣ, съ общаго согласія могутъ рѣшить о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ: если же походъ назначится и сухимъ путемъ, то всего удоб-

нѣтали и загороду каменную размѣтали, и съ ними въ то время былъ бой и на томъ бою на обѣ стороны побито много:"

(423) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1672 г. ноября 5 дня.

„А о походѣ на Крымскіе улусы, также и на Черное море какимъ обычаемъ идти и о присылкѣ знающихъ людей въ тѣ походы къ вамъ атаманамъ и казакамъ въ нашей Великаго Государя грамотѣ написано съ толмачемъ же съ Иваномъ Кучюмовымъ, а велѣно прислать двухъ или трехъ человекъ, а именно: Михайла Самаринна, Фрола Минаева, Родіона Осипова или изъ нихъ котораго одного человекъ, а съ нимъ двухъ человекъ казаковъ такихъ же знающихъ людей:"

нѣе прислать къ нимъ донскихъ казаковъ, калмыковъ и полкъ малороссійскихъ казаковъ: тогда они раздѣлясь на три части, одною съ моря, а двумя съ сухаго пути, могутъ ворваться въ Крымъ и причинить въ ономъ великое разореніе. Главное же начальство надъ всѣми этими дѣйствіями поручить ихъ кошевому атаману Сѣрку, который изъ всѣхъ атамановъ счастливѣе противъ татаръ и столько для нихъ страшенъ, что во всѣхъ мечетяхъ молятъ Бога о изловленіи его (424).

Мнѣнія этихъ воиновъ были приняты и въ то же время предписано думному дворянину Ивану Хитрову и стольнику Касагову съ 8,000 Россійскаго войска двинуться на Донъ къ Черкасскому городку. Все было сдѣлано съ хорошею предусмотрительностію; войско снабжено провіантомъ на два года, достаточнымъ количествомъ воннскихъ снарядовъ и всѣми нужными вещами для взятій и построенія крѣпостей. Все это отправлено съ Воронежа на 338 судахъ, собственно для казаковъ послано было 30 морскихъ струговъ оснащенныхъ и готовыхъ для похода и 50 судовъ трубокъ (*) съ принадлежащими къ нимъ вещами.

Планъ дѣйствій воеводѣ и стольнику предписанъ былъ слѣдующій: по приходѣ съ войскомъ на Донъ, съ общаго согласія съ донскими казаками взять Каланчинскія башни и на мѣстѣ томъ поставить новую крѣпость, снабдивъ ее артиллеріею и достаточнымъ гарнизономъ. Когда построена будетъ крѣпость, велѣно воеводѣ по данной формѣ писать къ азовскому пашѣ письмо, въ которомъ по объясненіи всѣхъ несправедливыхъ поступковъ турецкаго султана и крымскаго хана противъ Россіи и Польши, между прочимъ, требовать, чтобы паша азовскій допесъ турецкому султану о пре-

(424) Тамъ же.

Отвѣтъ Фрола Минаева и старшинъ Запорожскихъ казаковъ 30 декабря 1672 года.

(*) Маленькіе челноки, которые дѣлаются изъ одного куска дерева.

кращеніи военныхъ дѣйствій противу Польши и возвращеніи ей Каменецъ-Подольска и всѣхъ городовъ, забранныхъ турками въ прошломъ году, угрожая въ противномъ случаѣ тотчасъ вступить всѣми войсками своими сухимъ путемъ и моремъ въ предѣлы Порты и Тавриды. Сверхъ того предписано было Хитрово употреблять всѣ средства на склоненіе калмыцкихъ тайшей и въ особенности сильнѣйшаго изъ нихъ Аюку къ совокупному дѣйствию противъ азовцевъ и крымцевъ (425).

Воеводѣ особенно подтверждалось, что бы онъ ни въ какомъ случаѣ ничего не предпринималъ безъ свѣдѣнія и согласія войсковаго атамана Корнилія Яковлева и старшинъ (426).

Войска російскія прибыли на Донъ 13 іюля и укрѣпились близъ Черкаскаго городка на мѣстѣ водою не затопляемомъ.

Воззваніе о собраніи всѣхъ казаковъ въ Черкасскѣ и ссылка съ калмыками. Между тѣмъ донскіе казаки, извѣщенные грамотою о походѣ къ Черкаску ратныхъ людей съ воеводою, въ то же время писали изъ войска во всѣ казачьи городки войсковыя грамоты, чтобы казаки шли въ Черкасскъ изъ каждаго городка по три части, оставляя четвертую для храненія жилищъ (427).

Обрадованные этою вѣстію Донцы по первому воззванію стеклись въ Черкасскъ и 12 іюня находилось уже ихъ въ

(425) Турецкія дѣла, наказъ данный думному дворянину Ивану Хитрово въ генварѣ мѣсяцѣ 1673 г.

„И буде за помощію Божіею и В. Государя счастіемъ тѣ Казанчинскія башни будутъ взяты и имъ думному дворянину и воеводамъ на тѣхъ Казанчинскихъ башняхъ сдѣлать городъ, какъ пристойно и укрѣпить накрѣпко, и войсковыми людьми осадить, чтобы во время непріятельскаго приходу сидѣть въ нихъ было безстрашно, а какими обычаемъ укрѣпить и сколькими людьми осадить и о томъ имъ думному дворянину и воеводамъ посовѣтовать съ войсковыми атаманомъ и старшинами.“

(426) Тамъ же.

(427) Войсковая грамота, изъ Донскихъ дѣлъ 1673 года.

главномъ войскѣ около 10/т. человекъ, за исключеніемъ обитавшихъ по Хопру и Медвѣдицѣ (428).

Итакъ со стороны казаковъ все было готово къ открытію военныхъ дѣйствій, но въ планъ этого предпріятія входили также и калмыки, которые нужны были и на Дону подѣ Азовъ и запорожцамъ для вторженія въ Крымъ. Надежда на ихъ помощь была тщетная.

Для отклоненія калмыковъ еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года былъ посланъ на Донъ чиновникъ съ грамотою къ калмыцкимъ тайшамъ, которую велѣно было отправить къ нимъ съ казаками; чиновнику предписано было, если тайши пожелаютъ съ нимъ лично говорить, то не иначе рѣшиться на сіе, какъ по совѣту съ казаками и взявъ аманатовъ, да и самыя переговоры вести для безопасности въ близкомъ мѣстѣ къ Черкаску.

Въ это время знатнѣйшій и сильнѣйшій изъ калмыцкихъ тайшъ Аюка кочевалъ съ своимъ улусомъ между рѣкъ Сала и Маныча, съ нимъ-то царскій чиновникъ началъ переписку и употреблялъ всѣ средства къ соглашенію его противъ крымцовъ. Сначала переговоры шли удачно: Аюка тайша чрезъ посланцевъ своихъ завѣрялъ царскаго чиновника, что онъ по повелѣнію Государя неумедлитъ выслать войска свои къ воеводѣ Хитрово, а къ Донскимъ казакамъ писалъ чтобъ они готовились къ походу и кормили своихъ лошадей. Во время этихъ переговоровъ казаки, недовѣрляшіе никогда калмыкамъ, нарочно сблизили себя съ ними: ѣздили другъ къ другу повеселиться, мѣняли и продавали имъ ясырь, возили на продажу различные товары; въ городѣ Черкасскѣ калмычи слыша про посылку царскихъ войскъ на Донъ радова-

(428) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи стаичнаго атамана Алексія Ереѣева, прибывшаго въ Москву 12 іюня 1671 г.

„И по тѣмъ де ихъ посылкамъ изъ многихъ городковъ и изъ куреней казаки по вся дни въ войско собираются многіе и съ запольной съ Донца рѣки собрались всѣ и нынѣ де въ войскѣ казаковъ близко 10/т., а какъ де будутъ съ Хопра и съ Медвѣдицы и въ то де время будетъ больша и десяти тысячъ.“

лись, поднимали руки на небо и говорили: „мы теперь всегда будем кочевать близъ вашихъ жилищъ безопасно, вы наши друзья и намъ нечего васъ бояться, пойдемъ противъ враговъ нашихъ, куда велитъ намъ Царь Русскій (429).

Такъ думалъ народъ калмыцкій, но хитрый Аюка тайша, обнадеживая своими обѣщаніями царскаго чиновника и казаковъ, не заботился о приготовленіи къ походу, и наконецъ, когда думный дворянинъ Иванъ Хитрово прибылъ съ войсками на Донъ, Аюка тайша со всѣми своими улусами покочевалъ къ Тереку, подъ предлогомъ вспомошествованія князю Каспулату Черкасскому противъ его враговъ; Государю же Россійскому, жалуюсь на Донскихъ казаковъ, писалъ, что онъ не выслалъ войскъ своихъ подъ Азовъ изъ опасенія Донскихъ казаковъ, которые въ прошломъ году возвращавшихся изъ Крыму подданныхъ его убили на Дону 67 чел. и трехъ взяли въ плѣнъ (430).

Но не взирая на эти обоюдныя неудовольствія, казаки, выполняя волю Государя своего, посылали къ Аюкѣ тайшѣ на Терекъ двухъ человекъ казаковъ, которыхъ онъ, продержавъ у себя два мѣсяца, отпустилъ на Донъ и съ ними 400 человекъ калмыковъ подъ начальствомъ Мазана-Батыря, который, когда потребовали отъ него аманатовъ, для вѣрнаго служенія подъ знаменами россійскими, огорчившись тѣмъ,

(429) Тамъ же.

„ И Аюкай де тайша къ нимъ въ войско и къ Леонтію Копнику присылаетъ улусныхъ своихъ людей почасту, человекъ по 8 и по 10, а съ ними приказываетъ, что онъ Царскому Величеству служить съ ними за одно радъ, и чтобы они казаки къ службѣ съ нимъ готовились и кормили коней А которые де улусные Аюкаевы люди къ нимъ въ войско пріѣзжаютъ и они де, слыша про посылку Царскаго Величества войскъ на Донъ, радуются, поднявъ руки на небо; а говорятъ, что они ихъ казаковъ ни въ чемъ не опасны, и надѣясь на государскую милость, кочуютъ безстрашно и ни отъ кого не опасаются. А какъ де Царск. Велич. будутъ войска, и они съ ними, гдѣ повелѣнье государское будетъ, служить готовы.“

Достойно замѣчанія, что въ сіе время, по повелѣнію Государя, начали отъ правлять въ войско, для пріема калмыкъ, по 200 и по 300 вед. вина горячаго.

(430) Донскія дѣла, грамота на Донъ 1673 года сентября 19 дня.

черезъ пять дней возвратился въ свои улусы, ограбивъ казаковъ стоявшихъ на караулѣ. И такъ, не дожидая помощи калмыковъ, надлежало приступить къ дѣлу.

Военныя дѣйствія казаковъ совокупно съ ратными людьми противъ азовцевъ и на морѣ. Прежде нежели русскія войска, находившіяся на Дону, вообще съ Донскими казаками открыли подъ Азовомъ военныя дѣйствія, Государь послалъ къ крымскому хану грамоту, въ которой упрекая его за нарушеніе мирныхъ постановленій и за причисляемыя разоренія украиннымъ городамъ, грозилъ соединиться съ королемъ польскимъ на уничтоженіе его замысловъ. „Вспомни, писалъ онъ въ этой грамотѣ къ хану, что одна гореть Донскихъ казаковъ покорила русской державѣ городъ Азовъ, и что только по неотступной просьбѣ и дружескому расположенію отца моего къ турецкому султану былъ оный возвращенъ ему обратно, съ условіемъ, впрочемъ, воспретить навсегда крымскимъ ханамъ вступать для грабежей въ російскіе предѣлы; ни одинъ изъ хановъ не выполнилъ приказанія турецкаго султана и кровь лилась безпрестанно; неужели ты не знаешь силы и могущества Донскихъ казаковъ, которые не только брали города: Трапизонъ, Мисервію, Ахейло, Сизополи и другіе, но и подъ самый Константинополь неоднократно подступали (431).

(431) Крымскія дѣла, грамота Россійскаго Государя къ крымскому хану, лист. 174.

„ При отцѣ нашемъ блаженныя памяти Великому Государѣ Царѣ Михаилѣ Федоровичѣ всея Россіи Самодержцѣ, государя вашего муратъ салтанова величества, преславной городъ Азовъ отъ малыхъ людей отъ донскихъ казаковъ взять, и какъ Азовъ былъ за наши Государя и въ то время намъ, Великимъ Государемъ, государя вашего муратъ салтанова величества многое прошеніе объ отдачѣ Азова было и по многому его прошенію Азовъ ему отдавъ, а за то обѣщаль заказъ крѣпкой учинить вамъ крымскимъ ханомъ, чтобъ на наши Царскаго величества украинные города войною не ходили и разоренья не чинили, и тотъ его заказъ и повелѣнье предки ваши крымскіе ханы ни во что ставили, ни единъ правды и шerti недержалъ, всѣ на наши Цар. Вел. украинные города войною ходили и разоренье чинили, за которую неправду и разоренье и возмездіе воспріямали: тѣмъ донскіе казаки преславной городъ

Но эти угрозы и уворизны нимало не перемѣнили расположеніе хана. Между тѣмъ Порта получила извѣстіе о предпріятіяхъ російскаго двора, готовилась противустать сильно и предпринимала къ тому возможныя мѣры: уже въ маѣ мѣсяцѣ азовцы получили значительное подкрѣпленіе войскомъ и для предосторожности выжгли на десять верстъ въ окрестностяхъ камыши, изъ коихъ казаки обыкновенно хватали людей. Очевидно было, что Порта нимало нерасполагалась склониться къ исполненію требованій російскаго двора и потому надлежало взять оружіе.

5 августа російское войско въ числѣ 4,912 человекъ, подъ начальствомъ думнаго дворянина Хитрово и 5,000 казаковъ, подъ предводительствомъ войсковаго атамана Корнилія Яковлева и старшинъ Михаила Самарянина и Родіона Осипова выступило изъ Черкаска къ Каланчинскимъ башнямъ, оставивъ значительные гарнизоны въ Черкасскѣ и во вновь состроенной воеводою Хитрово крѣпости. Въ 300 саженьяхъ отъ башенъ устроили они редутъ, поставили вблизи шанцы, размѣстили на оныхъ 22 пушки и начали бомбардировку, которая непрерывно продолжалась три недѣли; этою стрѣльбою сбили съ башенъ верхнія и среднія батареи по самый валъ, но не имѣли возможности идти на приступъ потому что башни окружены были глубокимъ ровомъ, наполненнымъ водою. Во все время осады была сдѣлана одна только вылазка изъ Азова, въ числѣ 100 человекъ; но когда стрѣльцы и казаки выступили противъ нихъ изъ шанцевъ, то турки въ тоже время побѣжали обратно въ городъ. Воевода Хитрово по дѣйствительной невозможности или по неопытности своей не находя никакихъ средствъ овладѣть башнями, отступилъ къ Черкасскому городку, а казаки бывшіе въ этомъ походѣ раскопавъ засыпанный азовцами казачій ерикъ, отпустили на море 11 струговъ подъ начальствомъ атамана

Трапизонъ, Мисервію, Ахеню, Сазополю и иные поймали, и подъ самый царствующій градъ Константинополь многожды прихаживали.“

Михайла Самарянина, которому приказано было, по возвращеніи изъ поисковъ, остановиться при устьѣ рѣчки Міуса, поставить тамъ крѣпость и остаться въ ней на всю зиму. Намѣреніе казаковъ состояло въ томъ, чтобы изъ той крѣпости производить набѣги на Крымъ и не пропускать въ Азовъ транспортовъ, посылаемыхъ изъ Константинополя моремъ съ войскомъ, провіантомъ и деньгами. Прочіе казаки возвратились также въ Черкасскъ.

Такимъ образомъ намѣреніе Царя уничтожить Каланчинскія башни не имѣло успѣха. Бывшій при этомъ приступѣ инженеръ Альбрехтъ Шневенцъ, присланный съ воеводою для устройства крѣпостей, въ случаѣ если бы взяты были Каланчинскія башни, доносилъ Государю, что между Азовомъ и башнями нѣтъ возможности строить крѣпость черезъ низменное и песчаное мѣстоположеніе и непрерывныя наводненія, бываемыя въ сутки до два раза, такъ что вода выступаетъ изъ береговъ и покрываетъ землю человѣку въ поясъ и больше (*) (432).

Приготовленія къ построенію на устьѣ Міуса крѣпости для воспрепятствованія прохода Туркамъ и Крымцамъ въ Азовъ. Одна неудача сопровождалась другою: отправленный отъ Каланчинскихъ башенъ на море атаманъ Самарянинъ также не имѣлъ значительнаго успѣха. Только что вышелъ онъ въ море, какъ увидѣлъ 18 турецкихъ судовъ проходившихъ изъ Константинополя въ Азовъ съ войскомъ и рѣшился въ удобномъ мѣстѣ на берегу мор-

(*) Здѣсь надобно замѣтить, что донсеніе инженера Шневенца несовсѣмъ справедливо, мѣсто, гдѣ прежде находились Каланчинскія башни до самаго Азова, хотя и низменное, но не песчаное; разливъ воды дѣйствительно бываетъ и теперь, но только тогда, когда сильный вѣтеръ дуетъ со стороны моря, что случается не болѣе двухъ или трехъ разъ въ годъ: доказательствомъ тому служить то, что находящаяся нынѣ между казачьимъ срыкомъ и каланчинскими башнями Елисаветовскія станица не претерпѣваетъ значительнаго разоренія отъ наводненій, хотя и часто бываетъ окружаема разливами воды.

(432) Дѣла Донскія, распросня рѣчи ставичнаго атамана Ивана Харитова и инженера Альбрехта Шневенца.

скомъ выждать пока они уйдутъ назадъ, дабы свободнѣе дѣйствовать по преднамѣренному плану. Когда корабли турецкіе проплыли въ Черное море, казаки направили путь свой къ крымскимъ берегамъ и пристали къ урочищу Казань-Рогъ; но жители уже были извѣщены объ нихъ азовцами и прошедшими обратно въ Константинополь судами, и всѣ удалились отъ береговъ со всѣмъ имуществомъ, такъ что казаки находили однѣ только пустыя села. они захватили нѣсколько татаръ, сожгли нѣсколько селъ и обратились на лѣвую сторону Азовскаго моря, но и тамъ не получили ни какой добычи, кромѣ что убили нѣсколькихъ человекъ и захватили 6-тъ азовскихъ татаръ въ плѣнъ. Испытавъ на обѣихъ сторонахъ моря неудачи, казаки поплыли къ устью рѣчки Міуса, стояли тамъ шесть недѣль, дожидаясь турецкихъ судовъ, кои обыкновенно каждый годъ приходили къ Азову съ амунициею и воинскими припасами, но увидѣвъ что ожиданія ихъ тщетны, приступили къ исполненію главнаго дѣла, т. е. къ учрежденію крѣпости. Для этого поплыли вверхъ по рѣкѣ Міусу до рѣчки Некленовки, тамъ избравъ удобное мѣсто для построенія крѣпости, дали знать о томъ думному дворянину Хитрово и войску Донскому, отъ коихъ немедленно отправлено было къ нимъ на помощь 300 стрѣльцовъ и 300 же казаковъ съ полуголовою Засѣцкимъ и атаманомъ Родіономъ Осиповымъ, они совокупными силами поставили тамъ кѣрпосу, оставили въ ней 150 человекъ казаковъ, двѣ пушки и возвратились въ Черкасскъ (433).

О всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ думный дворянинъ писалъ въ Государю, а стольникъ Касаговъ къ Артемену Сергѣевичу и оба увѣряли ихъ, что построенная на Міусѣ крѣпость совершенно заградитъ путь въ Азовъ какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ (434). Россійскій дворъ предполагалъ найти

(433) Донскія дѣла, распросныя рѣчи атамана Михайлы Самаринна бывшаго въ Москвѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1673 года.

(434) Тамъ же, донесеніе Матвѣву полковника Касагова.

„А въ Міусѣ и городу быть пристойно и на море ходить оттуда свободно, и

въ этомъ дѣлѣ существенную пользу для государства, вызвавъ въ Москву атамана Самарянина и нѣсколько челоуѣкъ казаконъ знающихъ основательно устья рѣки Мюса и окрестности оной. Эти совѣтники представляли боярамъ, что для стѣпсепія азовцевъ гораздо выгоднѣе будетъ построить крѣпость на устьѣ рѣки Мюса, откуда и свободнѣе выходить въ море и удобнѣе преграждать путь судамъ идущимъ въ Азовъ; впрочемъ, говорили они, вся невыгода этого мѣста заключается въ томъ, что въ ономъ нѣтъ лѣсовъ и гарнизонъ будетъ нуждаться въ дровахъ; сверхъ того весьма затруднительно будетъ доставлять туда изъ Черкаска провіантъ и другія вещи и не иначе какъ только съ большими партіями; что же относится до выстроенной на устьѣ рѣчки Некленовой крѣпости, то въ случаѣ непріятельскаго на оную нападенія, а особливо въ осеннѣе время, весьма затруднительно будетъ дѣлать оной вспомошествованіе и доставлять пушки, по той причинѣ, что рѣка Мюсъ за десять верстъ до построенной крѣпости не судоходна (435).

Набѣги ратныхъ людей изъ подъ Черкаскаго городка. И такъ первый планъ нашего двора и первыя предпріятія російскихъ войскъ съ казаками не имѣли желаемыхъ послѣдствій. Государь не доволенъ былъ воеводоу Хитрово, хотя ему и не давалъ замѣтить своего огорченія; а воевода, въ самомъ дѣлѣ слабо дѣйствовавшій, старался оправдывать не удачу свои, то дурными мѣстоположеніями, то свосольствомъ ратныхъ людей, то потворствомъ казаконъ. Онъ даже не удержалъ въ полкахъ своихъ должное повиненіе: едва открылись первыя трудности походовъ, начались побѣги ратныхъ людей. Весною сдѣлалось въ Черкаскѣ большое наводненіе, такъ что російское войско принуждено было болѣе 2-хъ мѣсяцевъ жить на стѣнахъ крѣпости своей и

Крымъ отъ того города будетъ великая напасть, и къ Азову крымскимъ малыми людьми приходитъ будетъ не мочно, мѣста крѣпкія и лѣсовъ много.

(435) Тамъ же, расироснѣя рѣчи вышеписаннаго атамана Самарянина.

на кровляхъ домовъ, эти непріятности еще болѣе умножили побѣги изъ стана Хитрово, такъ что съ апрѣля мѣсяца по 4 октября 1673 г. разновременно бѣжало 1,402 человѣка; смертность также была довольно значительная: умерло 221 человѣкъ (436).

Воевода при самыхъ первыхъ побѣгахъ писалъ къ двору, что оныя происходятъ съ повода казаковъ, кои принимаютъ бѣглецовъ въ свое сословіе или укрываютъ въ верховыхъ казачьихъ городкахъ. Поэтому предписано было казакамъ, чтобы они уходившихъ къ нимъ ратныхъ людей немедленно возвращали воеводамъ и всѣхъ бѣглецовъ, кои найдутся теперь по всѣмъ казачьимъ городкамъ, тотчасъ высылали бы въ станъ Хитрово. Казаки исполнили это безпрекословно. Но побѣги еще болѣе усилились, и казаки нѣкоторыхъ верховыхъ городковъ непереставали снабжать бѣглецовъ провіантомъ, оружіемъ и судами для отплытія въ Украину; поэтому воевода снова приносилъ къ двору жалобу, слагая всю вину на казаковъ, и снова казакамъ прислана была царская грамота о употребленіи всѣхъ средствъ къ изловленію бѣглецовъ. Вслѣдствіе этого казаки написали во всѣ свои верховые городки строгую грамоту слѣдующаго содержания: „вамъ предписано было отъ всего Великаго войска Донскаго, чтобы бѣжавшихъ со службы царской ратныхъ людей ловили и присылали въ войско, но вы не только не стараетесь преграждать имъ пути, но даже дѣлаете всякое вспомоствованіе, снабжаете ихъ провіантомъ, судами и такимъ образомъ отпускаете ихъ въ украинные города, а иныхъ держите по городкамъ вашимъ для своихъ работъ; неужели вы забыли Бога, царскую милость и данную ему присягу? Подтверждаемъ въ послѣдній разъ: если явятся въ станицахъ вашихъ бѣжавшіе отъ воеводъ люди, то непременно ловите ихъ и представляйте въ войско съ станицами безъ малѣйшаго замедленія; кто не послушаетъ нашей войсковой грамоты и на той

(436) Донскія дѣла, выписки, сочиненныя въ посольскомъ приказѣ, для доклада Царю Алексѣю Михайловичу.

станлицѣ наша войсковая пеня: вѣкъ битъ и грабить и суда имъ не будетъ и впредѣ въ такой нашей войсковой пени милости не просить“ (437).

Но русскій дворъ для одолѣнія турокъ и крымцевъ располагалъ привести въ исполненіе новыя мѣры, начертанныя по тѣмъ свѣдѣніямъ, кои доставили воевода Хитрово, стольникъ Касаговъ и донской атаманъ Самарянинъ съ товарищами.

Перемѣна въ прежнемъ планѣ и исполненіе новыхъ мѣръ. Полагаясь на увѣренія воеводъ и донскаго атамана, дворъ рѣшился построить на устьѣ Міуса крѣпость. Исполненіе этого предпріятія возложено было на стольника князя Хованскаго, коему поручено и главное начальство надъ всѣми войсками, бывшими тогда на Дону; сверхъ того, для усиленія его корпуса, отправлено было съ нимъ 3,180 человекъ, оны снабженъ былъ всѣми пужными матеріалами для крѣпостной работы; съ нимъ же посланъ инженеръ Лимъ.

Новому военачальнику предписано было убѣдить казаковъ къ построенію крѣпости, представляя имъ, что отъ того произойдетъ двоякая польза: во первыхъ, имъ удобно будетъ выходить въ море для опустошенія крымскихъ береговъ, и во вторыхъ, этимъ преградится путь судамъ, приходящимъ изъ Константинополя въ Азовъ съ провіантомъ, амунициею и деньгами; въ особенности же подтверждалось князю Хованскому, чтобы оны съ казаками ни какихъ ссоръ не заводилъ и все то, что только нужно предпринимать на пользу службы, приводилъ въ исполненіе не иначе, какъ съ согласія казаковъ; какъ объ этомъ обстоятельствѣ, такъ и о вспоможеніи при построеніи крѣпости, предписано было казакамъ особою грамотою (438).

(437) Тамъ же, войсковая грамота въ верхніе казачьи городки.

(438) Донскія дѣла, наказъ князю Петру Хованскому.

„А для лучшаго и скорого промыслу указалъ Его Царское Величество на Миюсъ рѣкъ сдѣлать городъ для того, извѣстно В. Госуд. Его Царскому

Но только что князь Хованскій хотѣлъ приступить къ дѣлу, встрѣтилъ на первомъ шагу затрудненіе: казаки зная основательно устье рѣки Міуса представляли ему, что почти нѣтъ возможности строить въ томъ мѣстѣ крѣпость по причинѣ песчанаго грунта; да если бы при чрезмѣрныхъ усиліяхъ и удалось поставить укрѣпленіе, то отдаленность отъ Черкаскаго городка, трудность въ снабженіи гарнизона провіантомъ и воинскими снарядами, неимѣніе по близости лѣсовъ и прѣсной воды, сдѣлали бы оное совершенно бесполезными. Въ подкрѣпленіе доводовъ своихъ казаки говорили, что если бы тамошнія мѣста удобны были для устроенія крѣпости, то они при тогдашнемъ стѣсненіи устьевъ Дона, давно бы утруждали Государя своею просьбою о дозволеніи имъ тамъ укрѣпиться (439).

Князь Хованскій, не довѣряя казакамъ, требовалъ настоятельно помощи ихъ для работъ, и въ то же время, желая

Величеству учинилось, что прежь сего которыми мѣсты они атаманы и казаки для промыслу надъ непріятелѣ хаживали на море, и тѣ всѣ мѣста укрѣплены, и на морѣ ходить имъ нынѣ не возможно, и чтобъ имъ атаманомъ и казаккомъ построй на Міусѣ рѣкѣ города, для промыслу надъ непріятелѣ ходить было на море свободнѣе и пристойнѣе и безопасно . . . а около де тое Міуса рѣки пришли мѣста крѣпкіе съ лѣсами и озапасить тотъ городъ всякими запасами изъ иныхъ украинскихъ городовъ податно и въ проѣздѣ безопасно.

„А розни бы и несогласія между ими (между княземъ Хованскимъ и думнымъ дворяниномъ Яковомъ Хитрово) ни въ чемъ не было, такъ же и съ донскими атаманы и казаки, обо всякихъ дѣлахъ совѣтывать и ихъ къ себѣ призывать, и мысль свою, что пристойно надъ непріятелѣ къ промыслу, имъ объявлять, и у нихъ что покажется годно принимать.“

(439) Тамъ же, грамота на Донъ отъ 20 октября 1674 г.

„И атаманъ де Корнило Яковлевъ съ войскомъ своимъ противъ того говорили, что на Міусѣ города дѣлать и въ немъ ратнымъ людемъ быть не для чего, потому что де Азову и Лютину и калачинскимъ башнямъ и кораблемъ и каторгамъ, которые ходятъ изъ Азова и въ Азовъ моремъ тѣсности туркамъ никакой отъ того не будетъ, да и былъ де тому городу на Міусѣ не пристойно, лѣсу и воды близко нѣтъ; да хотя де на Міусѣ и городъ будетъ сдѣланъ, и они въ немъ сидѣть не стануть и на Міусѣ они Донскіе казаки съ вами столыникомъ нашимъ (княземъ Хованскимъ) и воеводы не пошлѣ, а послали только для указанія пути и на Міусѣ мѣста атамана Михайла Самарина да съ нимъ казаковъ только 150 человекъ.“

самъ осмотрѣть устья Мiуса, выступилъ въ походъ со всѣми войсками, находившимися тогда въ Черкасскѣ съ артиллерією, назначенною для новой крѣпости и провіантомъ; казаки же отправили отъ себя только для указанія мѣста знатныхъ старшинъ: Махайлу Самарянина и Орола Минасва съ 150 человѣками казаковъ.

Казаки негодовали на Самарянина за совѣтъ о построеніи крѣпости, но онъ увѣрялъ, что хотя бояре и спрашивали его, объ этомъ предметѣ, однако жъ онъ рѣшительно говорилъ имъ, что на Мiусѣ крѣпости нельзя строить (440).

Князь Хованскій осмотрѣвъ мѣста, нашелъ представленія казаковъ справедливыми и возвратясь въ Черкасскъ, отправилъ въ Москву инженера Лима, съ подробнымъ описаніемъ найденныхъ имъ неудобствъ и съ планомъ устья рѣчки Мiуса (441).

Такимъ образомъ и второй планъ двора къ утѣшенію турокъ и татаръ не приведенъ въ исполненіе. Къ довершенію же неудачъ и та крѣпость, которую казаки построили въ прошедшую осень при устьѣ Некленовой рѣчки и въ которой оставили они достаточный гарнизонъ, весною была вся затоплена водою, такъ что въ ней никакимъ образомъ нельзя было держаться людямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ открылся здѣсь и недостатокъ въ провіантѣ.

Военные поиски казаковъ. Казаки, оставивъ укрѣпленіе это, пустились въ море для добычи, взяли турецкій купеческій корабль, раздѣлили богатства онаго и возвратились

(440) Тамъ же, распроснилъ рѣчи ставничаго атамана Родіона Калуженина 24 декабря 1674 года.

„ И они въ войско къ себѣ атамана Михайла Самаренина призывали и спрашивали, онъ ли такіе слова о строеніи на Мiусѣ города, будучи на Москвѣ, говорилъ, и въ томъ В. Госуд. чинилъ убытки, и онъ де Михайло въ томъ во всемъ заирадся, что о строеніи Мiускаго городка, будучи на Москвѣ, не говорилъ, а говорилъ, что де въ тѣхъ мѣстахъ городу быть не мочно, для того, что въ тѣхъ мѣстахъ мѣста песчаные и лѣсовы нѣтъ.“

(441) Тамъ же, донесеніе князя Хованскаго въ посольской приказъ отъ 4 ноября 1674 года.

въ Черкасскъ, а турки какъ бы въ заплату за это сожгли срыли до основанія Некленовское укрѣпленіе (442).

Тогда какъ князь Хаванскій находился съ войскомъ своимъ на Міусѣ, казаки пошли подъ Азовъ двумя партіями: Минаевъ съ 250 казаками пошелъ сухимъ путемъ, Родіонъ Осиповъ почти съ такимъ же числомъ людей—въ стругахъ рѣкою Дономъ. Но они скоро возвратились назадъ безъ всякаго успѣха, встрѣтивъ готовыхъ къ оборонѣ и сильныхъ непріятелей; въ командѣ Орела Минаева убито 15 человекъ казаковъ.

Казаки не имѣя почти возможности проходить въ море по той причинѣ, что главные рукава Дона были заняты турецкими крѣпостями, получили вѣсти о новыхъ для нихъ затрудненіяхъ по замысламъ Константинопольскаго двора. Когда князь Хованскій отправленъ былъ съ войскомъ изъ Москвы на Донъ, о походѣ его скоро распространился слухъ по всему Крыму; заключали, что Россійскій Государь имѣеть намѣреніе взять Азовъ и для того послалъ на Донъ 40/т. войска. Встревоженный ханъ, послѣшилъ увѣдомить о томъ турецкаго султана, который немедленно отправилъ 33 судна съ войскомъ для поправленія Азовской крѣпости, крымскій же ханъ придалъ въ помощь къ тому значительный корпусъ татаръ (443).

(442) Тамъ же, распросныя рѣчи посольскаго толмача Кучумова, прибывшаго въ Москву съ Дона іюня 18 дня 1674 года.

„ Міюскою де новой городокъ потопила вода и которые Донскіе казаки въ томъ городкѣ были, и тѣ для воднаго потопленія и хлѣбные скудости, оставя тотъ городокъ, для промыслу надъ непріятели ходили на море и будучи на морѣ разгромили бусу и многихъ турчанъ побили да живьемъ 25 человекъ взяли, и тѣхъ языковъ въ Черкасской привезли они при немъ Полухтѣ (Кучумовъ).“

(443) Крымскія дѣла, дневная записка бывшаго въ Крыму подъячаго Гаврилы Михайлова.

„ Мая во 5 день пріѣзжалъ на станъ приставъ Арсланъ-газы и въ разговорехъ сказывалъ Гаврилу, пригнавъ въ Крымъ къ Бакчи—сарай къ хану изъ Азова татарова сухимъ путемъ семьюъ днемъ и писалъ съ нимъ къ Селимъ-Гирею хану азовской наша-мулла Гиней ага пришли на Донъ В. Государя.

Приводимые плѣнные говорили въ Черкасскѣ, что турки имѣють твердое намѣреніе укрѣпить Азовъ, поставить новую крѣпость на устьѣ казачьяго ерика, дабы этимъ совершенно отнять у казаковъ и послѣдній путь въ море по малому числу казаковъ; вѣсти эти крайне ихъ безпокоили, одинъ разъ они даже попытались было соединенными силами разогнать пришедшія суда непріятельскія, но бывъ встрѣчены превосходнымъ числомъ враговъ, принуждены были отступить. Князь же Хованскій съ своимъ войскомъ въ то время тотько что тронулся въ походъ отъ Міуса къ Черкаску, турки не имѣя ни малѣйшаго препятствія, начали укрѣплять Азовскую крѣпость, а казаки въ крайности своей послали гонцовъ къ князю Хованскому съ просьбою о скорѣйшемъ приходѣ къ Черкаску; но онъ не успѣлъ въ свое время подать помощи, и турки укрѣпивъ Азовъ, спокойно возвратились на пришедшихъ судахъ обратно, къ великому удовольствію казаковъ (444).

Кромѣ многочисленныхъ войскъ, бывшихъ при укрѣпленіи Азова, крымскій ханъ велѣлъ еще прикочевать, какъ къ сему городу, такъ и къ устью Міуса, нѣсколькимъ татар-

ратныхъ людей и казаковъ 40 т. и хотять итти войною на Азовъ и чтобъ ханъ прислалъ къ нему наше на помощь крымскихъ ратныхъ людей; и тогожь де дни ханъ послалъ изъ Крыму сухимъ путемъ въ Царь-городъ къ турецкому салтану гонцовъ своихъ и писалъ о томъ къ турецкому салтану и по тѣмъ де вѣстемъ посылаетъ ханъ изъ Крыму къ азовскому наше на помощь калгу Селеметъ-Гирей салтана и съ нимъ крымскихъ ратныхъ людей мурзь и татаръ.“

(444) Донскія дѣла, отписка войска Донскаго къ воеводамъ князю Хованскому и Якову Хитрову.

„ Пришли къ Азову изъ моря многіе каторги и комаги съ воинскими людьми для береженія Азова и стоять въ гирлахъ, а хотять де худые мѣста починивать и по проточнымъ мѣстамъ вновь многія крѣпости ставить, и казаки наши пошли было на море стругами, и Азовскіе люди собрався всѣмъ городомъ и съ каторгами на море строгою не пропустили, а нашихъ малоллюдно стоять противъ нихъ не въ мочь, и мы ожидаемъ вашего здоровья безпрестанно, а кон казаки были въ сѣздѣ и они поразѣхались, а нынѣ де азовцы съ прибыльными людьми принасаютъ къ городской подѣлкѣ и къ инымъ крѣпостямъ всякіе принасы и каменья возять.

скимъ улусамъ. Это было поводомъ, къ непрерывнымъ обоюднымъ набѣгамъ, продолжавшимся до самой зимы, въ теченіе котораго времени казаки успѣли разновременно взять у татаръ 300 человекъ плѣнныхъ.

Къ числу происшествій, случившихся въ семь году на Дону, должно отнести еще разбитіе знатной партіи татаръ на рѣкѣ Крынкѣ, впадающей съ правой стороны въ Міусъ: татары сіи въ числѣ 250 человекъ были отправлены азовскимъ комендантомъ для добычи подъ Торъ и Валуйку: князь Хованскій узнавъ о нихъ отъ плѣнныхъ, послалъ отборныхъ стрѣльцовъ и казаковъ подъ начальствомъ полковника Касагова, который встрѣтясь въ сказанномъ мѣстѣ, разбилъ ихъ совершенно, многихъ убилъ, 10 человекъ взял въ плѣнъ и отбилъ 20 человекъ російскихъ плѣнныхъ и нѣсколько взятаго татарами скота (445).

Князь Хованскій съ корпусомъ своимъ зимовалъ на Дону, ожидая дальнѣйшихъ приказаній.

Повелѣніе строить крѣпость на казачьемъ ерикѣ и углубить оный протокъ. Неудачное предпріятіе на Міусѣ, російскій дворъ вознамѣрился исправить построеніемъ крѣпостей близъ самого Азова и Каланчинскихъ башней. Къ этому подалъ мысль пріѣхавшей осенью изъ войска въ Москву знатный въ то время старшина Родіонъ Калуженинъ: онъ представлялъ боярамъ, что для совершеннаго утѣсенія азовцевъ необходимо нужно построить двѣ крѣпости на двухъ устьяхъ Казачьяго ерика (*) и третью на Каланчинскомъ протокѣ. Старшина ручался, что крѣпости эти, снабженныя артиллерією и достаточнымъ гарнизономъ, уничтожатъ такъ сказать существованіе Азова и Каланчинскихъ башней, откроютъ казакамъ свободное плаваніе по морю до самого Константинополя, заградить входъ въ Азов-

(445) Тамъ же, распросныя рѣчи рейтарскаго строя ротмистра Швана, прибывшаго съ Дона 18 декабря 1674 года.

(*) Верхнемъ и нижнемъ устьѣ.

ское море турецкимъ судамъ, не будутъ позволять выходить азовцамъ и ногайцамъ партіями для добычи подъ украинскіе города, ибо они обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ переходятъ Донъ. Относительно гарнизона Калуженинъ полагалъ, чтобы въ ту крѣпость, которая поставлена будетъ на верхнемъ устьѣ Казачьяго Ерика, помѣстить 5,000 человекъ, а которая будетъ на нижнемъ устьѣ 6,000, для третьей крѣпости онъ находилъ достаточнымъ гораздо меньшее число людей. Сверхъ того для поощренія войскъ къ ревностной службѣ, онъ за необходимое почиталъ обложить весь гарнизонъ достаточнымъ жалованьемъ: каждому воину въ годъ по 10 руб. и по 5 или по 6 четвертей хлѣба. Калуженинъ совѣтывалъ боярамъ предпріятіе это приводить въ исполненіе скрытно, дабы турки не могли проникнуть ихъ намѣренія и не предупредили бы сами построеніемъ на тѣхъ мѣстахъ своихъ крѣпостей: для этого предлагалъ онъ дать секретное повелѣніе князю Хованскому, который напередъ долженъ призвать къ себѣ войсковаго атамана Корнилія Яковлева и лучшихъ старшинъ для совѣщанія объ этомъ дѣлѣ, и когда уже условится съ ними о всѣхъ мѣрахъ исполненія, тогда объявить всѣмъ казакамъ царскую о томъ грамоту. Пользуясь этимъ случаемъ, Калуженинъ, для пользы государства, наставлялъ у бояръ: дать позволеніе свободнымъ людямъ безвозвратно приходивъ на Донъ для поступленія въ казачью службу, дабы казаки могли тѣмъ пополнить происходившую у нихъ ежегодно убыль на войнѣ, а калмыкамъ позволить кочевать около Азова, они, говорилъ старшина, могутъ преградить татарамъ всѣ пути къ Азову (446).

Россійскій дворъ находилъ предположеніе Родіона Калуженина во всѣхъ частяхъ основательнымъ и приказалъ дѣлать распоряженія о приведеніи плана этого въ дѣйствіе. Какъ скоро открылась весна, послали на Донъ вдобавокъ

(446) Тамъ же, извѣтъ донскаго станичнаго атамана Родіона Калуженина въ посольскомъ приказѣ въ февралѣ мѣсяцѣ 1675 года.

къ находившимся тамъ войскамъ еще нѣсколько полковъ подъ начальствомъ князя Кольцова - Масальскаго, дали секретно знать о всемъ князю Хованскому, который призвалъ къ себѣ войсковаго атамана Корнилія Яковлева и лучшихъ старшинъ, нашелъ ихъ готовыми содѣйствовать этому предпріятію. Казаки немедленно послали во все свои городки грамоты о собраніи всего войска въ Черкасскій городокъ. Между тѣмъ 12 іюня получена войскомъ царская грамота, въ которой объяснялся весь планъ; когда войсковою атаманъ объявилъ казакамъ немедленно исполнить царскую волю, они, нимало не противясь тому, просили атамана дожидаться всѣхъ казаковъ изъ станицъ, за коими въ то же время послали нарочныхъ; и атаманъ извѣстилъ князя Хованскаго, что казаки по указу Царскому пойдутъ на Казачій Ерикъ строить крѣпости коль скоро дождутся верховыхъ казаковъ, а теперь идти имъ невозможно, потому что въ Черкасскѣ весьма мало людей (447). Но атаманъ ошибся, какъ ниже увидимъ.

Препятствія встрѣченныя при исполненіи сего дѣла. Наконецъ собрались въ Черкасскъ все казаки. Войсковою атаманъ нѣсколько разъ объявлялъ имъ волю царскую, требовалъ согласія и исполненія, но казаки отвѣчали:

(447) Тамъ же, грамота на Донъ 23 сентября 1671 года.

„ И послали вы атаманы и старшины въ верхъ по всему Дону для высылки казаковъ въ войско къ тому промыслу, избравъ добрыхъ молодцовъ на скоро. И іюня въ 12 день посланы наши В. Государя грамоты къ стольнику нашему и воеводамъ и къ вамъ атаманамъ и казакамъ, а велѣно вамъ атаманамъ и казакамъ, посовѣтовавъ съ нашими В. Государя воеводы, идти для промыслу на Казачій ерикъ и для стросенія городковъ, съ тѣми казаки, которые въ Черкасскомъ и въ Скородумѣ и въ Прибыломъ городкахъ, безо всякія мѣшкоты со всякимъ радѣньемъ исполшно; а въ верхіе городки велѣно послать другихъ высельщиковъ, чтобъ по тому же къ вамъ шли не мѣшкая; и стольникъ нашъ и воеводы о томъ скоромъ на Казачій ерикъ походѣ и строеніи городковъ вамъ говорили жъ, были въ то время они стольникъ нашъ и воеводы къ тому походу со всѣмъ въ готовности: и вы атаманы и казаки имъ стольнику и воеводамъ говорили, что въ тотъ промыслъ итти вы готовы и служить намъ В. Государю ради, только у васъ казаки не въ сборѣ, и какъ сберутся и вы въ тотъ промыслъ пойдете вскорѣ,“

„при теперешнемъ малолюдствѣ нашемъ строить и защищать крѣпости мы не въ силахъ.“ И за тѣмъ съ неудовольствіемъ расходились изъ собранія, не рѣшивъ ни чѣмъ дѣла. На конецъ Корнилій Яковлевъ, созвавъ ихъ въ послѣдній разъ, настоятельно требовалъ, чтобы всѣ они, не расходясь изъ собранія, рѣшительно сказали: строить или нѣтъ крѣпости, дабы объ этомъ рѣшеніи донести Государю. Казаки, не окончивши дѣла, стали снова расходиться, Корнилій разсердясь укорялъ, бранилъ непослушныхъ и трехъ человѣкъ зашибъ палкою. Тутъ все собраніе пришло въ волненіе, буйные изъ казаковъ начали бить атамана, смѣнили съ должности и на мѣсто его избрали Михайлу Самарянина. Въ ярости толпа обратила мщеніе свое на Родіона Калуженина, какъ на главнаго виновника въ этомъ дѣлѣ, хотѣла убить его; но онъ, обороняясь находящимся при немъ ножемъ, успѣлъ уйти въ свой домъ; откуда, по повелѣнію князя Хованскаго, перезезенъ былъ головою Скрябинымъ въ Ратный городокъ. По прошествіи трехъ дней князь Хованскій, желая помирить казаковъ съ старшиною, ѣздилъ въ Черкасскъ, взявъ съ собою Родіона Калуженина; онъ успѣлъ уговорить казаковъ дать позволеніе жить ему по прежнему въ своемъ домѣ (448).

Неповиновеніе казаковъ не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій; скоро все утихло, и новый атаманъ Самарянинъ чрезъ нѣсколько дней созвалъ вновь собраніе, на которомъ положено было: идти всѣмъ войскомъ на Казачій Ерикъ для осмотра тамошнихъ мѣстъ; въ этомъ походѣ находился и князь Хованскій. Осмотрѣвъ мѣста, нашли, что двѣ крѣпости на Казачьемъ Ерикѣ построить удобно, но третью на Каланчинскомъ протокѣ нельзя, по причинѣ низменнаго мѣстоположенія. Затѣмъ князь Хованскій убѣждалъ казаковъ приступить къ построенію крѣпостей, но ни какимъ образомъ не могъ склонить ихъ къ тому; они между прочимъ въ

(448) Вышеписанная грамота и распросныя рѣчи сотника Стрѣлецкаго Василья Ярцова, пріѣхавшаго съ Дону въ Москву 13 сентября 1675 года.

оправданіе свое представляли, что для охраненія этихъ вѣ-
постей необходимо нужно будетъ 13,000 воиновъ, а ихъ ка-
заковъ всѣхъ на Дону находится не болѣе 3,000. „Ради
мы, говорили они князю Хованскому, за Царя своего уме-
реть и безъ городковъ“ (449). Послѣ этого всѣ войска возвра-
тились въ свои городки.

Государь такимъ поведеніемъ казаковъ былъ весьма не до-
воленъ, укоряя ихъ въ ослушности: онъ грозилъ имъ, что
если будутъ упорствовать далѣе, то на всегда откажетъ имъ
въ денежномъ и хлѣбномъ жалованьѣ и подь смертною каз-
нью запретить привозить къ нимъ изъ Россіи провіантъ и
другія необходимыя вещи. Но казаки остались непреклонны
и такимъ образомъ предпріятіе это было оставлено (450).

Поиски казаковъ противъ Азова и Крыма.
Казаки какъ бы желая загладить свое ослушаніе предъ
Царемъ, отправили нѣсколько судовъ на море, ихъ про-
вожало все войско, находившееся съ княземъ Хован-
скимъ и казаки бывшіе тогда въ Черкасскѣ; но лишь только
войска эти приблизились къ Казачьему Ерику, какъ были
встрѣчены сильнымъ огнемъ съ батареей, поставленныхъ на
лѣвой сторонѣ Каланчинскаго протока.

(449) Тамъ же, отписка князи Хованскаго, привезенная въ Москву
13 сентября.

„И какъ мы холопи твои пришли на Казачій ерикъ и мѣсто осмотра, въ
которыхъ мѣстахъ пристойно быть городкамъ, и мы стали имъ казакамъ
говорить, что мы станемъ тѣ городки строить, а имъ бы въ тѣхъ городкахъ
сидѣть и твое Велик. Государя денежное и хлѣбное жалованье имати. И они
намъ холопамъ твоимъ, въ томъ во всемъ отказали, строить городки и сидѣть
въ нихъ не похотѣли. хотя бы де В. Государя жалованья намъ было и по
100 и мы де въ городкахъ сидѣть не хотимъ; ради де мы за В. Государя такъ
помереть и безъ городковъ, а въ тѣ городки надобно людей 13,000. а ихъ де
казаковъ тысячи съ три.“

(450) Дѣла Донскія, грамота на Довъ отъ 23 сентября 1675 года.

„И къ вамъ нашей государской милости и присылки нашего В. Государя
денежнаго жалованья, какъ посылавано къ вамъ на предъ сего, никогда не
будетъ и изъ нашихъ В. Государя верховныхъ городовъ о непроездѣ къ вамъ
на Довъ всякихъ запасовъ нашъ В. Государя . . . учиненъ будетъ крѣпко подь
смертною казнью.“

Князь Хованскій силился сбить ихъ поставленными на противуположномъ берегу своими батареями; но бесполезно производя стрѣльбу по онымъ пять дней сряду, не могъ заставить молчать непріятельскую артиллерію. Въ то же время получивъ свѣдѣніе, что къ Азову пришли турецкія суда съ войскомъ, наши войска принуждены были оставить свои усилія и возвратиться въ Черкасскъ (451).

Дѣйствуя со стороны Азова, Россійскій дворъ въ то же время вооружалъ на Крымъ всѣхъ подвластныхъ ему татаръ и калмыковъ; князь Каспулатъ Черкасскій первый выступилъ съ улусниками своими въ походъ и, остановясь близъ Дона, ожидалъ главнаго калмыцкаго владѣльца Аюку тайшу; но этотъ вмѣсто того, чтобы идти самому въ походъ, послалъ брата своего Замсу, который выступилъ съ значительнымъ корпусомъ калмыковъ, съ дороги возвратился въ свои улусы, оставя только 1,000 человекъ калмыковъ съ мурзою Мазанъ-Батыремъ. Донскіе казаки, узнавши о поступкахъ калмыковъ и о томъ, что съ княземъ Черкасскимъ находится небольшое число татаръ, послали къ нему на помощь изъ войска старшину Өрола Минаева съ 300 человекъ лучшихъ

(451) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи сотника стрѣлецкаго Василья Ярцова, пріѣхавшаго съ Дону въ Москву 13 сентября 1675 года.

„ И собрався казаки 3,000 человекъ прислали къ стольнику и воеводамъ, чтобы имъ дали въ помощь В. Государя ратныхъ людей, и стольникъ де и воеводы, по той ихъ посылкѣ, выходили изъ Черкаскаго къ ернку сами, а съ ними Великаго Государя ратныхъ людей было съ 4,000. И какъ де пришли на срикъ въ тѣ мѣста, гдѣ прежь того осматривали, и тутъ нашли по другую сторону Каланчи отъ Азова построены шанцы, и въ нихъ сидятъ азовцы съ пушки и со многими иными воинскими наряды и учили азовцы изъ тѣхъ своихъ шанцовъ В. Государя по ратнымъ людямъ стрѣлять изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья, чтобы ихъ не пропустить въ Каланчу, и стольникъ и воеводы В. Государя съ ратными людьми и съ Донск. казаки на своей сторонѣ построили жъ шанцы жъ, и изъ тѣхъ шанцовъ стрѣляли съ ними черезъ рѣку пяттеры сутви, и милостію Божіею, а В. Государя и его государскихъ наследниковъ счастиемъ многихъ азовцевъ побили, да живыхъ взяли двухъ человекъ, и стоявъ въ шанцахъ провѣдали, что на море есть близъ Азова каторги и казаки на море тѣхъ итти поопасались и возвратились по прежнему въ Черкасскъ.“

казаковъ, соединясь съ княземъ, они пошли прямо къ Запорожскимъ казакамъ, гдѣ ожидалъ уже ихъ славный атаманъ Иванъ Сѣрко съ отважною дружиною, отсюда общими силами двинулись на Крымъ: перешедъ Перекопъ, который засыпали землею и камнями, они вторгнулись во внутрь Тавриды, разграбили 37 селъ и деревень, плѣнили множество татаръ и захватили большія стада. Ханъ выслалъ противъ російскихъ войскъ значительный корпусъ подъ начальствомъ трехъ султановъ, но ихъ разбили на голову; побѣдителямъ досталось: бунчугъ, нѣсколько шатровъ, знатный мурза Батырша-Минсуровъ, взятый въ плѣнъ казаками. Отсюда всѣ наши войска возвратились въ свои жилища съ добычами.

Россійскій Государь, похваляя ревность казаковъ, писалъ къ нимъ: „хотя за непостроение на Міусѣ и на Казачьемъ Ерикѣ крѣпостей, вы заслужили всю нашу немилость и опалу, но за вышеписанную службу опалы на васъ не налагаемъ и впредь вамъ тѣ вины ваши вспомянованы не будутъ“ (452).

Въ то самое время, когда Ороль Минаевъ съ 300 казаковъ былъ въ Крыму, на Дону одинъ отважный старшина Беркулатъ съ малою дружиною не давалъ покою азовцамъ. Однажды съ 500 казаковъ напалъ онъ на 20 судовъ турецкихъ, производившихъ на Дону рыбную ловлю, всѣхъ людей побилъ, кромѣ четырехъ человѣкъ взятыхъ въ плѣнъ, забралъ сѣти, а самыя лодки привелъ въ Черкасскъ. Въ другой разъ ночью, приплывъ къ Каланчинскимъ башнямъ, засѣлъ въ

(452) Дѣла Донск. Грамота на Донъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1675 года. •

„И что вы атаманы и казаки, по нашему В. Государя указу и по указнымъ грамотамъ и по твоему Михайлову (Михайлы Самаренина В. атамана.) и атамана жъ Родіона Калуженина объявленію, на Міусѣ рѣкѣ и на Казачьѣ еркѣ на страхъ неприятелемъ турскимъ и крымскимъ людемъ городковъ не построили и промыслу ни какого не учинили и учинились въ томъ намъ В. Государю непослушны, за что вы были достойны всякой нашей государственной немилости и опалы И тѣ ваши вины, за тоежь вашу вышеписанную службу, (что ходили съ княземъ Черкасскимъ на Крымъ) жалуюемъ отпущаемъ, а впредь тѣ ваши вины вспомянованы не будутъ.“

шанцахъ, которые построены были напередъ сего русскими войсками; привелъ въ тренеть гарнизонъ, схватилъ двухъ языковъ и, не надѣясь на дальнѣйшій успѣхъ, отошелъ назадъ. Этотъ неутомимый старшина, перетаскивъ ночью суда свои чрезъ Казачій Ерикъ, залегъ по Каланчинскому протоку и по Дону въ камышахъ и, выбравъ удобный случай, разбилъ партію турокъ, нѣсколько человекъ положилъ на мѣстѣ, другихъ взялъ въ плѣнъ и съ торжествомъ пришелъ въ Черкасскъ. Наконецъ, пришедъ къ самимъ стѣнамъ Азова, произвелъ въ ономъ страшную тревогу и захватилъ стада лошадей и рогатаго скота, съ этою добычею возвратился въ Черкасскъ (453).

Присяга казаковъ Царю Ѳедору Алексѣевичу. Въ описанныхъ происшествіяхъ минули лѣто и осень 1675 года. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ явилась въ Москву зимовая станица, при войсковомъ атаманѣ Корниліѣ Яковлевѣ, дать отчетъ въ дѣлахъ и бить челомъ о жалованьѣ. Но первый мѣсяцъ новаго года былъ послѣднимъ въ жизни мудраго и кроткаго Государя Алексѣя Михайловича. Россія, оплакавъ смерть его, присягнула новому Царю Ѳедору Алексѣевичу.

До этого времени, при возшествіи царей російскихъ на престолъ, донскіе казаки не давали присяги: имъ обыкновенно присылалась грамота отъ новаго вѣнценосца, коею требовали отъ нихъ усердія и радѣнья, какое оказывали они прежнимъ Государямъ. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ первый изъ російскихъ монарховъ повелѣлъ всѣхъ казаковъ привести на вѣрность службы къ присягѣ и видѣлъ безмолвное исполненіе; войсковою атаманъ Корнилія Яковлевъ, съ станичнымъ атаманомъ Иваномъ Семеновымъ и находившимися при нихъ есаулами и казаками, первые въ Москвѣ дали присягу. На Донъ былъ посланъ стольникъ Семенъ Колтовскій, который, въ присутствіи князя Хованскаго, приведя къ при-

(453) Распросныя рѣчи станичнаго атамана Ивана Семенова января 17 дня 1676 года.

сѣгѣ всѣхъ казаковъ въ городѣ Черкасскѣ, отправился во всѣ казачьи городки съ головою московскихъ стрѣльцовъ и съ тремя выборными казаками, гдѣ равнымъ образомъ всѣ казаки послѣдовали примѣру Черкасскихъ казаковъ и старшинъ своихъ (454).

Государь похваливъ вѣрность казаковъ, приказалъ отплатить въ ознаменованіе своей милости къ нимъ большое жалованье: 4,500 руб. денегъ, 6/т. четвертей хлѣба, 400 половинокъ суконъ, 400 ведръ вина, пороху и свинцу противу прежнихъ дачъ.

Разбой казаковъ по Волгѣ. Послѣ неудачныхъ покушеній для удержанія Порты и Тавриды отъ вторженія въ Польскіе предѣлы и послѣ тщетныхъ приступовъ къ Калансинскимъ башнямъ, Россійскій дворъ не предпринималъ болѣе никакихъ дѣйствій на Дону; вызвалъ князя Хованскаго съ большею частию войскъ россійскихъ, оставивъ въ Черкасскѣ стольника Волинскаго съ нѣсколькими полками для подкрѣпленія казаковъ и повелѣвъ симъ послѣднимъ тревожить непрерывными набѣгами Крымъ и Азовъ. Верховые казаки, скучая бездѣйствіемъ, изрѣдка стали нападать на калмыковъ, тревожившихъ набѣгами на ихъ городки. Но буйные удалцы, стекаясь со всего Дона въ городки Панышинъ и Качалинъ, составляли партіи малыя и большія и оттуда подъ начальствомъ отважнѣйшихъ атамановъ переходили на Волгу для грабежей. Скоро буйство ихъ содѣлалось извѣстнымъ Государю и войсковой атаманъ Самарянинъ получилъ строгое повелѣніе унять этихъ нарушителей общей тишины; казаки точно не потворствовали разбойникамъ, преслѣдовали ихъ, и отвѣтствовали Государю: что злодѣи разсѣяны и водворенъ прежній порядокъ, что по всѣмъ казачьимъ жилищамъ разсланы строгія войсковыя грамоты, дабы присылать въ Черкасскій городокъ всѣхъ тѣхъ, кто только похвалится воровствомъ или станеть подговаривать кого на подобныя

(454) Донскія дѣла, грамота на Донъ 1676 г. февраль 3-го.

преступленія и что на страхъ другимъ одинъ изъ буйныхъ, имѣвшихъ намѣреніе идти на Волгу грабить персидскій караванъ, казнень въ войсковомъ кругу (455).

Но эти строгости не могли удержать казаковъ отъ разбоевъ: шайка, состоящая изъ 30 человѣкъ, вновь явилась на Волгѣ, подѣ начальствомъ отважнаго казака Василя Гладкова, напала на судно, плывшее Волгою съ государевымъ жалованьемъ Терскому войску, связала стрѣльцовъ, провожавшихъ оно, и захватила 1,000 руб. денегъ, 827 золотыхъ 41 золотой двойныхъ и 70 половинокъ суконъ (456).

Царицынскій воевода послалъ на казаковъ войско, но ихъ не настигли: одни побѣжали на Украину, другіе разошлись по казачьимъ городкамъ, но были пойманы вѣрными казаками и привезены въ Черкасскъ вмѣстѣ съ начальникомъ ихъ Гладковымъ, гдѣ по войсковому приговору казнены смертію. Государь похваляя усердіе войска, писалъ чтобъ оно и впредь съ таковыми злодѣями поступало по своему войсковому праву, и чтобъ чрезъ послабленіе „имъ не наводило стыда и безчестія на все войско.“

Отъ таковыхъ преслѣдованій, казаки мало помалу совершенно прекратили грабежи по Волгѣ; но своевольство ихъ скоро избрѣло другой родъ разбоевъ, прикрываемый благовидными причинами: сосѣди казаковъ калмыки беспокоили ихъ городки своими набѣгами, рѣзали казаковъ и отгоняли стада ихъ, хотя и взаимно были разоряемы; ссоры эти, время

(455) Тамъ же, память изъ Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ 1677 г. майя 25-го.

„А нынѣшней де весны въ Качалинѣ городкѣ казакъ, Сенькою его зовуть, молящъ, что онъ пойдетъ съ Дону на Волгу разбивать казылбашскихъ купчинъ, а другой де казакъ въ томъ словѣ на него доводилъ, и по письму де изъ Черкаскаго городка атамана и всего войска взяты тѣ казаки оба скованы въ Черкасской, а въ войску де, въ Черкасскомъ городкѣ, никакое воровство не потакають и во всѣ городки ищуть, будетъ кто какимъ воровствомъ похвалится и промолытся, и такихъ де велѣно имать и присылать въ Черкасской городокъ.“

(456) Тамъ же, память изъ Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ 1677 года іюня 23-го.

отъ времени увеличиваясь, достигли наконецъ до того, что они другъ въ другѣ видѣли однихъ враговъ своихъ. 300 казаковъ безъ вѣдома войсковаго атамана и старшинъ, подъ начальствомъ Голубинскаго городка атамана Зота Иванова, двинулись къ Царицыну, везя съ собою на колесахъ 14 легкихъ судовъ, остановились въ семи верстахъ отъ города и требовали чрезъ посланныхъ своихъ отъ царицынскаго воеводы Пущина свободнаго пропуска себѣ на Волгу, представляя что они посланы отъ войска разорять калмыцкіе улусы по указу Государеву. Пущинъ не вѣря расказамъ, уговаривалъ казаковъ воротиться въ свои городки, угрожалъ имъ гнѣвомъ царскимъ, но ограничась словами, не употребилъ силы и допустилъ, что казаки ниже Царицына спустили суда свои на Волгу и поплыли къ Астрахани (457). Тамъ кочевалъ мирный аулъ Едисанскаго мурзы Ислама; казаки ночью подкрались къ аулу, бросились на ставки самаго мурзы, схвати-

(457) Тамъ же, память изъ Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ 1677 года іюня 28.

„ Писалъ къ В. Государю съ Царицына воевода Кирило Пущинъ, маія де въ 1 день прїѣжали на Царицынъ два челоѣка донскихъ казаковъ, одинъ Черкаскаго городка Петрушка Осиповъ, а другой Голубинскаго—Онисямка Шубинъ и говорили ему тѣ казаки: прислали де ихъ на Царицынъ съ урочища съ Ключа, отъ Царицына за 7 версть, бить челоѣ Великому Государю Донскіе казаки атаманъ Голубинскаго городка казакъ Зотко Ивановъ съ товарищи, чтобъ В. Государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ имъ чрезъ рѣку Волгу перевестись на луговую сторону и идти на калмыковъ войною, а всѣхъ де ихъ казаковъ изъ разныхъ городковъ въ сборѣ съ 300 челоѣкъ, и сборъ де у нихъ былъ въ Голубинскомъ городкѣ. И по указу де В. Государя тѣмъ Донскимъ казакамъ присылщикомъ онъ Кирило говорилъ съ великимъ подерѣплениемъ, чтобъ они на калмыковъ не ходили и ссоръ и задоровъ ни въ чемъ съ ними не чинили и В. Государя указу ослушны не были, и тѣ казаки присланныи ему сказали: по указу де В. Государя на калмыковъ войною имъ ходить велѣно. Да маія въ 3 день сказывалъ ему Кирилу ниже де Царицына на маломъ острову въ полночь съ нагорной стороны отъ Яишанки рѣки погребли внизъ рѣкою Волгою мимо ихъ стану въ 14 лодкахъ челоѣкъ по 15 и по 20 въ лодкѣ да въ тужь де пору на нагорной сторонѣ тележныя колеса скрипѣли, а чають де тѣ люди Донскіе казаки, потомужъ, что на нагорной сторонѣ выше верхней Яишанки рѣки о урочище у Красной горнѣ въ степи къ рѣкѣ Волгѣ ташены лодки.“

ли жену его и дочь, взяли въ плѣнъ 45 душъ, забрали Исламова имущества на 600 руб. и съ сею добычею пошли на Донъ. Съ дороги отпустили плѣннаго татарина сказать Исламу, что отдадутъ ему жену и дочь, если онъ пришлетъ къ нимъ къ Черному Яру или къ Царицыну 250 лошадей, обѣщаясь также договориться и о прочемъ захваченномъ имуществѣ. Князь Щербатовъ, воевода Астраханскій, узнавъ о семъ насильственномъ поступкѣ казаковъ, выслалъ противъ нихъ 200 человекъ стрѣльцовъ, которые однакожь не могли остановить казаковъ, спокойно шедшихъ съ добычею на Донъ. Огорченный Государь, запрещая казакамъ въ грамотѣ своей нападать на подвластныхъ калмыковъ, велѣлъ: „своевольникамъ учинить по своему войсковому праву, кто до чего доведется,“ возвративъ при томъ все пограбленное въ аулѣ Ислама (458).

Приступъ казаковъ къ Темрюку и къ Азову. Казаки, бывшіе въ городѣ Черкасскѣ, по обычаю пускались въ наѣзды: храбрый старшина Родіонъ Калуженинъ съ 700 казаковъ поплылъ моремъ въ Таврической проливъ, подступилъ подъ г. Темрюкъ, выжегъ предмѣстіе онаго и взялъ въ плѣнъ 150 человекъ, заплатя за то собственною жизнію: онъ былъ убитъ подъ стѣнами города вмѣстѣ съ есауломъ Федоромъ Мурзинымъ и 20 храбрыми казаками (459). Прочіе оставшіеся въ Черкасскѣ казаки также не были въ бездѣйствіи:

(458) Тамъ же, грамота на Донъ 1677 г. іюля 31 дня

(459) Тамъ же, грамота на Донъ 1677 г. сентября 6 дня.

„Явился въ Посольскомъ приказѣ станичный вашъ атаманъ Потапъ Понкратевъ да есаулъ Назаръ Захаревъ съ товарищи 14 человекъ, а съ собою привезли въ языкахъ дву человекъ татаръ, а въ расиросѣ они атаманъ и казаки сказали: въ прошломъ де 186 году до Свѣтлова Христова Воскресенія ходили изъ войска въ промыслъ на морѣ, съ атаманомъ съ Родіономъ Калуженинымъ, казаковъ съ 700 человекъ на Ногайскую сторону на турецкой городъ Темрюкъ моремъ на судахъ, и приступали того города къ посаду и взяли тутошнихъ жителей мужеска и женска полу члов. со 150 и иныхъ многихъ побили, а бою было у нихъ два дни и на томъ бою убитъ атаманъ Родіонъ Калуженинъ да есаулъ Федоръ Мурзинъ да казаковъ 20 человекъ.“

они всѣмъ войскомъ приступили къ Каланчинскимъ башнямъ, и, оставивъ тамъ бывшіе съ ними російскіе полки для осады, сами бросились на Азовъ. Гарнизонъ этой крѣпости думалъ противустать имъ подъ стѣнами, но былъ прогнанъ въ крѣпость; кромѣ убитыхъ казаки успѣли схватить 7 чловѣкъ азовцевъ въ плѣнъ (460). Предпріятіе это невлекло за собою никакихъ дальнихъ слѣдствій; по большой осторожности азовцевъ, казаки даже безъ добычи возвратились въ Черкасскъ.

Походъ казаковъ въ соединеніи съ Россійскою арміею и дѣйствія въ оной. Тревожа сосѣдей своихъ, казаки уже нѣсколько десятковъ лѣтъ не участвовали совокупно съ Россійскою арміею въ отдаленныхъ предѣлахъ Россіи; но въ 1678 году, когда турецкій султанъ и крымскій ханъ вооружили народы свои на отечество наше, собралась грозная рать московская въ украинскихъ городахъ подъ главнымъ предводительствомъ князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго; туда стеклись воины изъ области Россіи. Царь требовалъ на защиту отечества донскихъ казаковъ, калмыковъ и князя Каспулата Черкаскаго съ подвластными ему татарами. Россійскій дворъ, имѣя основательныя свѣдѣнія о ненависти казаковъ къ калмыкамъ, и находя нужнымъ, чтобы въ это время прекращены были между ними ссоры, невыгодныя для обѣихъ сторонъ, послалъ на Донъ къ казакамъ въ генварѣ мѣсяцѣ бѣлогородскаго жителя Ивана Маслова съ увѣщательною грамотою о примиреніи ихъ съ калмыками;

(460) Тамъ же.

„А послѣ того спустя недѣли съ двѣ ходили въ атаманъ и казаки Михайла Самаренинъ всѣмъ войскомъ подъ Азовъ; да съ вамижь посылалъ стольникъ нашъ и воевода Иванъ Волинскій съ товарищи для береженья нашихъ В. Государя ратныхъ людей на шести стругахъ съ пушками и стояди на Казацкѣмъ Ерыкѣ для обереганія въ Каланчинскихъ башняхъ, и выходили подъ Азовъ за каланчинскія башни и учиня бой подъ Азовомъ, были у самыхъ городовыхъ воротъ азовскихъ и взяли 7 члов. татаръ азовскихъ жителей, а взявъ тѣхъ азовцевъ съ нашими В. Государя ратными людьми, возвратились на Донъ въ цѣлости.“

а на этихъ послѣднихъ дѣйствовалъ князь Каспулатъ Черкасскій и стольникъ Козловъ, находившійся тогда при немъ. Послѣ многихъ затрудненій наконецъ согласили калмыковъ и казаковъ выслать на назначенное мѣсто депутатовъ, гдѣ они утвердили примиреніе свое клятвою (461).

Начались приготовленія къ походу; со стороны войска Донскаго послано было 1,000 человекъ пѣхоты, подъ начальствомъ атамана Конона Кирилова и столько же конницы подъ предводительствомъ атамана Михаила Самарянина и полковника Фрола Минаева; войско сіе достигло дѣйствующей арміи и участвовало въ Чигиринскомъ дѣлѣ (462).

Въ слѣдующемъ 1679 г. Государь, собирая вновь ополченіе на отраженіе турокъ и татаръ, хотѣвшихъ ворваться въ Малороссію, требовалъ отъ войска Донскаго большаго числа конницы для защиты отечества. Съ открытіемъ весны казаки начали собираться: низовые въ Черкасскѣ, верховые же въ одномъ изъ верховыхъ городковъ, по удобности оттуда похода. Но въ то самое время три тысячи ногайцевъ, черкесовъ и азовцевъ, подъ начальствомъ азовскаго паши, перешли Донъ, остановились въ виду Черкасска при нижнемъ устьѣ рѣчки Аксая и послали оттуда двухъ мурзъ Урака и Дивлета съ 1,000 человеками татаръ подъ Черкасскъ. Казаки, выждавъ удобный случай, сдѣлали на непріятеля столь стремительное нападеніе, что на мѣстѣ положили 100 человекъ, убили мурзу Урака и взяли въ плѣнъ Дивлета мурзу

(461) Наказъ бѣлогородцу Ивану Маслову, отправленному на Донъ генваря 9 го 1678 г. и грамота на Донъ 1679 года декабря 14 го.

(462) Распросныя рѣчи станичнаго атамана Петра Евдокимова и есаула Ивана Федорова 1678 г. іюля 17 дня.

„ А съ Дону пошли они, В. Государь, на службу, къ бояромъ и воеводамъ ко князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи, заговѣвъ Петрова посту на первой недѣли пѣшимъ строемъ; атаманъ у нихъ Кононъ Кириловъ, а казаковъ съ ними 1,000 человекъ А конною ратью пошли съ Дону атаманъ Михайла Самаринъ да полковникъ Фроль Минаевъ, а съ ними казаковъ съ 1,000 жъ человекъ, прежде ихъ походу за недѣлю.“

съ 16 человекѣми татарь. Встрѣтивъ здѣсь неудачу, азовскій паша, спустя болѣе недѣли, обратился на украинскіе города и билъ на Чугуевъ и Печенѣгу, гдѣ истребилъ и въ плѣнъ взялъ многихъ жителей, но близъ Валукѣ былъ настигнуть и разбить харьковскимъ полковникомъ Донцомъ, который многихъ татарь положилъ на мѣстѣ и отнялъ 150 человекъ русскихъ плѣнныхъ, а прочихъ татары въ бѣгствѣ своемъ порубили (463).

Отразивъ непріятелей войско Донское, состоявшее изъ 3,000 человекъ, подъ начальствомъ войсковаго атамана Корнилія Яковлева и старшины Григорія Петрова, двинулось къ украинскимъ городамъ и остановилось подъ Царевымъ Борисовымъ городомъ, гдѣ поступа подъ главное начальство князя Каспулата Черкаскаго обязано было по распоряженію начальства оберегать Украину эту отъ непріятельскихъ набѣговъ. Здѣсь казаки получили свѣдѣніе, что многочисленная толпа татарь опустошаетъ окрестности Чугуева и Печенѣгъ, дали знать объ этомъ князю Каспулату Черкасскому, стоявшему съ войсками въ окрестностяхъ Валуйки, и общими силами спѣшили на отраженіе враговъ. Но узнавъ,

(463) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Ларіона Федорова 1679 г. августа мѣсяца.

„Послѣ де Петрова дни приходили къ намъ подъ Черкаскъ ногайцы черкесы и азовцы съ 31 т. челов., а начальнѣй надъ ними азовскій паша да съ нимъ 15 человекъ мурзъ, и стояли за Оксаемъ у верхняго перевоза и переходили къ нимъ на островъ человекъ съ тысячу, а съ ними два мурзы Уракъ да Дивлетъ, и милостію де Божією и В. Государя щастіемъ изъ тѣхъ людей побили оиъ человекъ со ста, да Урака мурзу убили же, да живьемъ взяла Дивлета мурзу Асланбекова сына, да татаръ 16 человекъ и стоятъ де тѣ татаровя послѣ бою съ полдня или больше пошли назадъ къ Азову. и стоявъ подъ Азовомъ съ недѣлю, пошли подъ государевы украинные города и были подъ Чугуевъ, подъ Печенѣгу, и слышали де они, что тѣ татаровя подъ тѣми городами многихъ людей побили и въ полонъ поимали, и какъ де они прѣѣхали на Вайлукъ, и на Вайлукѣ слышали, что ходилъ за тѣми татары собрався харьковскій полковникъ Григорій Донецъ и какъ ихъ догналъ и учинилъ съ ними бой, многихъ побралъ и русскаго полону человекъ съ полтораста отбилъ и языковъ побралъ, и какъ де тѣ татаровя видя свою немочь побѣждали и русскою полоню, который у нихъ остался, многихъ порубили.“

что непріятель свирѣпствуетъ уже около Зміева и Соколова, поспѣшно устремились туда и настigli враговъ въ степи, возвращавшихся съ добычею и плѣномъ; нападеніе казаковъ и войскъ князя Черкаскаго столь было удачно, что кромѣ убитыхъ взято было нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ, отбито множество лошадей и взяты весь обозъ (464). Въ этомъ году со стороны турокъ и татаръ не было предпринимаемо противъ Россіи никакихъ важныхъ дѣйствій, и потому войска собранныя подъ Кіевомъ находились чрезъ все лѣто безъ всякаго дѣйствія; съ наступленіемъ осени корпусъ князя Каспулата Черкаскаго былъ весь распущенъ, и донскіе казаки возвратились въ свои жилища.

Въ концѣ 1679 г. явились въ Москвѣ отъ крымскаго хана Муратъ Гирея послы съ мирными предложеніями; Государь Россійскій, желая съ своей стороны прекратить тягостую для обѣихъ сторонъ войну, отправилъ въ Крымъ для дальнѣйшихъ переговоровъ, какъ съ Муратъ Гиреемъ, такъ и съ турецкимъ султаномъ, чиновника Ивана Сухотина и дьяка Василія Михайлова вмѣстѣ съ крымскими послами (465).

(464) Тамъ же, похвальная грамота на Донъ 1679 года въ августѣ мѣсяцѣ.
„ По нашему В. Государя указу вышли вы на нашу В. Государя службу на Царевъ Борисовъ и вѣдомо вамъ учинилось, что многіе азовскіе воинскіе люди съ ногайцы пошли подъ наши В. Государя украинскіе города, подъ Харьковъ, подъ Чугуевъ, подъ Печенѣгу войною и вы по тѣмъ вѣстямъ писали съ Царева Борисова на Валуйку къ подданному нашему ко князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому и къ стольнику нашему и воеводѣ къ Кузьмѣ Козлову, чтобъ за помощію Божіею соединясь онъ съ вами учинилъ надъ тѣми непріятельскими людьми промыселъ, и пошли вы подъ Чугуевъ наскоро, чтобъ тѣхъ непріятельскихъ людей въ тѣхъ мѣстѣхъ застать, и сошлись вы съ княземъ К. М. Черкасскимъ августа въ 11 день, а непріятельскихъ людей въ нашихъ В. Государя украинскихъ городѣхъ до приходу своего подъ Чугуевъ за многіе дни не застан, и въ нынѣшнемъ же году въ августѣ мѣсяцѣ тѣхъ азовцы и ногайцы приходили войною подъ украинскіе города подъ Зміевъ, подъ Соколовъ большимъ собраніемъ, и соединясь вы съ княземъ Каспулатомъ Муц. Черкасскимъ и съ стольникомъ нашимъ и воеводою съ Казьмою Козловымъ и съ яцккими казаками, за тѣми непріятельскими людьми ходили и догнали ихъ въ степѣ на рѣчкѣ Берекѣ августа въ день и многихъ ихъ побили и переранили и языкъ . . . и людей побрали.“

(465) Тамъ же, грамота на Донъ 1679 года сентября 16 го.

Между тѣмъ, какъ переговоры о мирѣ продолжались въ Крыму, подъ Кіевомъ вновь собиралась армія російская, подъ главнымъ начальствомъ князя Голицына, и потому вновь требовались въ составъ оной: князь Каспулатъ Черкасскій и донскіе казаки. Уже было прислано къ этимъ послѣднимъ 10,000 руб. на жалованье, полагая атаманамъ по 7 руб., есауламъ по 6 и рядовымъ казакамъ по 5 руб., уже казаки начали стекаться въ Черкасскій и другія сборныя мѣста, какъ вдругъ чрезъ плѣнныхъ, взятыхъ подъ Азовомъ, казаки узнали, что главный калмыцкій владѣлецъ Аюка тайша имѣетъ тайныя сношенія съ азовцами и послалъ къ крымскому хану пословъ просить о принятіи его въ свое подданство и о позволеніи кочевать между Азовомъ и Кубанью, или между Крымомъ, Азовомъ и Донцомъ; что къ Азову пришло уже 500 человекъ ногайцовъ и черкесовъ и столько же калмыковъ, что войска около Азова время отъ времени увеличиваются и собралось уже болѣе двухъ тысячъ, и что вскорѣ ожидаютъ Капланъ пашу съ войскомъ на 70 судахъ неизвѣстно для какихъ намѣреній. Въ сіе же самое время и Російскій дворъ получилъ вѣрнѣйшія свѣдѣнія о замышляемой измѣнѣ тайшою Аюкою, а потому предписано было казакамъ остаться на Дону и наблюдать за движеніемъ непріятелей (466). Но прежде нежели повелѣніе это было получено Дон-

„ Въ нынѣшнемъ 188 году къ намъ В. Государю прислалъ Крымскій Муратъ Гирей ханъ и калга и нурадинъ султаны гонцовъ своихъ Азимъ агу съ товарищи и съ ними писали, чтобъ намъ В. Г. быть съ салтаномъ турскимъ и съ нимъ ханомъ въ дружбѣ и любви, и для того указали мы В. Государь послать въ Крымъ посланниковъ, и мы В. Государь по той хана крымскаго присылкѣ указали, для обновленія съ салтаномъ турскимъ и съ нимъ ханомъ дружбы и для разныи плѣнныхъ людей послать въ Крымъ нашихъ Ц. Величества посланниковъ Ивана Иванова сына Сухотина да дьяка Василья Михайлова и съ ними отпустить и крымскихъ гонцовъ и велѣно мнѣ съ Москвы ѣхать къ вамъ въ Черкасской, а съ Черкаска въ Азовъ.“

(466) Тамъ же, грамота на Донъ 1680 г. іюня 16 дня.

„ И въ нынѣшнемъ же 189 году къ намъ В. Государю писали вы съ станичнымъ своимъ атаманомъ съ Алексѣемъ Наумовымъ съ товарищи, что вы на

цами, передовой полкъ подъ начальствомъ атамана Самойлы Лаврентьева находился уже подъ городомъ Волуйкою, прочіе полки были войсковымъ атаманомъ возвращены на Довъ. Но сіи собранныя подъ Азовомъ войска непріятельскія не показывали никакихъ движеній; заключенный же тогда міръ съ крымскимъ ханомъ и турецкимъ султаномъ на время удалилъ эти толпы хищныхъ непріятелей; вмѣстѣ съ тѣмъ утвердилось дружеское согласіе между казаками и азовцами.

Н а б ѣ г и а з о в ц е в ь. Въ это время находился въ Азовѣ комендантъ Сеинъ-Бей, человекъ корыстолюбивый и жалный къ добычамъ; вскорѣ послѣ замиренія азовцевъ съ казаками, при размѣнѣ плѣнныхъ, отнялъ у Донцовъ 36 человекъ татаръ, переранилъ казаковъ, бывшихъ при семъ случаѣ, и отнялъ у нихъ ружья, посылалъ азовцевъ подъ городки хватать казаковъ, другихъ грабилъ на звѣриныхъ ловляхъ и наругался надъ ними, инымъ обстригалъ бороды и

нашу В. Государя службу въ полки подъ Кіевъ итти готовы. Да въ той же вашей отпискѣ написано, что пришедъ въ Азовъ Магмедъ-паша, а съ нимъ ногайцовъ и черкесъ 500 челов., да и Капланъ паша со многими воинскими людьми будетъ же; а мая въ 22 день къ намъ В. Г. вышъ атаманы и казаки писали и нарочныхъ своихъ посмльщиковъ на Волуйку съ тою отпискою прислали, что пришло подъ Азовъ изъ калмыцкихъ улусовъ, отъ Аюка тайши, съ азовскимъ Сеинкаемъ агюу 500 челов. калмыковъ, да съ ними юртовскіе астраханскіе татарова, а котораго улуса мурзы и сколько челов., того вамъ невѣдомо, и собираются подъ Азовомъ ногайцовъ, черкесовъ и азовцевъ тысячи съ двѣ и больше и идутъ подъ ваши В. Государя украинные города войною вскорѣ, и нимѣшнимъ же лѣтомъ ждуть въ Азовъ Каплана пашу съ большимъ собраніемъ на 70 каторгахъ.“

„ Крымскія дѣла, статейный списокъ бывшаго въ Крыму посланника подъячяго Гаврилы Михайлова и распросныя рѣчи узденей Илимъ-Аги и Ишехай Сейдалова, присланныхъ княземъ Каспулагомъ Черкасскимъ въ Казанскій приказъ.

„ Да въ нихъ уздени сказали: какъ де они были въ Крыму и при нихъ де зимою прїѣзжали въ Крымъ изъ Азова съ азовскими татары калмыцкаго Аюбая тайши присмльщики чтобъ крымскій ханъ былъ съ нимъ Аюкаемъ въ соединеніи, а у крымскаго хана просали, чтобъ Аюкаю тайшѣ дали кочевать мѣсто межъ Азова и Кубани рѣки.“ По показанію же посла Михайлова Аюбая тайша просилъ подъ кочевья земли, лежащія между Крымомъ, Азовомъ и Донцомъ.

усы (467). Казаки кипѣли мщеніемъ, но скрѣпясь сносили обиды, исполняя строгое повелѣніе Царя Россійскаго не дѣлать никакихъ нападеній на азовцевъ и крымцевъ. Сеинъ-Бей простеръ свою дерзость еще далѣе: онъ собралъ погайцевъ, черкесь и азовцевъ, послалъ ихъ для грабежей подъ Торъ, Изюмъ и другіе города и самъ выступилъ съ артиллеріею для подкрѣпленія ихъ. Несчастные жители, приведенные въ безпечность миромъ, не могли предвидѣть вѣроломства хищныхъ татаръ, которые напавъ на нихъ нечаянно захватили большой плѣнъ и отогнали стада ихъ въ Азовъ.

Войсковою атаманъ, свѣдавъ гнусный поступокъ азовскаго бея, послалъ къ нему знатныхъ старшинъ съ выговоромъ и требованіемъ, чтобы онъ прекратилъ набѣги на Россійскіе пограничные города и освободилъ плѣнныхъ; бей отвѣтствовалъ: „хотя турецкій султанъ съ Россійскимъ Государемъ заключили миръ; но онъ и впредь будетъ посылать азовцевъ на украинные города, для того, что имъ прокормиться будетъ не чѣмъ.“ Старшины говорили, что если азовцы не уймутся, то войско Донское станетъ отражать силу силою. Бей отвѣчалъ, вмѣсто удовлетворенія: „дѣлайте надъ нами все, что вамъ угодно, мы васъ винить не станемъ; но не имѣйте и вы на насъ гнѣва, если намъ удастся взять у васъ что силою“ (468). Послѣ этого старшины требовали отъ него оку-

(467) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Ѳедора Егорова.

„А азовцы де имъ донскимъ казакамъ за миромъ многіе неправды начинали и нынѣ чинять непрестанно, а у нихъ Донскихъ казаковъ, какъ привозили къ Азову для размѣны и на окупу, старыхъ взятыхъ татаръ отбили безъ окупу 36 челов. и многіхъ казаковъ переранили и ружья отобрали, а которые де казаки ходятъ на звѣриной промыслъ и тѣхъ де казаковъ грабятъ и, наругаясь, бороды и усы остригаютъ.“

(468) Тамъ же.

„Бей старшинамъ говорилъ: хоти де у В. Государя съ салтаномъ ихъ и миръ, а ему де азовцовъ подъ государевы украинные города для полоу и впредь посылать, для того, что де азовцамъ, кромѣ того кормитесь нечѣмъ, и отъ войска де посылщники тому бею говорили, что и они каздки войскомъ станутъ надъ ними промыслъ чипитъ, и бей войсковымъ посылщникомъ сказалъ, что де они надъ нами учинять, того де они спрашивать надъ ними не стануть, а на нихъ бы де такъ же не спрашивали.“

па деньгами или плѣнными россіянами за отнятыхъ у казаковъ на размѣнномъ мѣстѣ татаръ; бей отговаривался немѣнѣемъ денегъ, потомъ сказалъ имъ, что заплатить въ то время, когда возможность будетъ, въ противномъ случаѣ предоставлялъ казакамъ взять станицу татаръ, гдѣ имъ она попадется въ руки (469).

Старшины по возвращеніи въ Черкасскъ, рассказавъ о поступкахъ бея, присовокупили, что Азовъ наполненъ плѣнными россійскими людьми, что эти несчастные терпятъ поруганіе, бывъ водимы по улицамъ Азова связанные человѣкъ по десяти, что они непрерывно вывозятся покупателями въ Крымъ, Тамань и къ черкесамъ. Тронутые положеніемъ ихъ казаки единодушно положили отмстить азовцамъ и требовали отъ войсковаго атамана вести ихъ на враговъ, предлагая, чтобы часть казаковъ, перетасивъ суда изъ Донца на Міусъ, бросилась на посадки азовскіе моремъ, а другая сухимъ путемъ; но предпріятіе сіе остановлено было твердостью атамана Фрола Минаева, который убѣждалъ ихъ не нарушать царскаго повелѣнія и тѣмъ не наводитъ гнѣва его на все войско Донское, впрочемъ положили казаки о враждебныхъ поступкахъ азовскаго бея, донести Государю и ожидать царскаго повелѣнія (470).

Непріятельскіе набѣги азовцевъ, ногайцевъ и черкесовъ не только не прекратились, но еще увеличились; одна изъ партій ихъ схватила въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1682 г. чиновника Мезен-

(469) Тамъ же, распросныя рѣчи станичнаго атамана Нахома Сергѣева 1682 г. апрѣля 10 дня.

„ И бей де Сеимъ тѣмъ ихъ мировщикомъ сказалъ, что онъ за тѣхъ татаръ окупу нынѣ платить не станетъ, а заплатитъ онъ послѣ какъ время будетъ, а будетъ де онъ имъ окупу не заплатитъ, и они бъ сами противъ того взяли станицу гдѣ имъ попадется; да и для де того окупу и размѣны за нихъ не дасть, что они казаки не продаютъ имъ, по прежнему, дровъ и уголья.—А войскомъ де приговорили и постановили накрѣпко, что имъ отнюдь никому явно и тайно дворовъ и уголья не продавать и не возить.“

(470) Тамъ же, распросныя рѣчи атамана Федора Егорова.

цова, ѣхавшаго въ Торскую крѣпость воеводою съ 170 человекъми, отправленными съ нимъ же для увеличенія тамошняго гарнизона. Другая партія татаръ, состоящая изъ 500 человекъ, ворвалась было въ Торской уѣздъ, но узнавъ, что изъ Черкаска выступили противъ нихъ казаки, возвратилась въ Азовъ. Не одна украина была опустошена азовцами; въ іюлѣ мѣсяцѣ 1683 года многочисленная партія ихъ, разграбивъ окрестности Чернаго Яра и Царицына, подходила подъ казачьи городки Паншинъ и Качалинъ, гдѣ убила нѣсколько человекъ казаковъ и отогнала весь скотъ, но посланными изъ Черкаска казаками была совершенно разбита (471).

Грамота крымскаго хана къ донскимъ казакамъ и отвѣтъ на оную. Обиды азовцевъ казаки сносили съ удивительнымъ терпѣніемъ. Желая вполнѣ сохранить покой, они послали изъ войска во всѣ свои городки войсковыя грамоты съ предписаніемъ, чтобы никто изъ казаковъ на подданныхъ крымскаго хана и на самой Крымъ не дѣлалъ нападенія, въ которомъ же городкѣ окажутся ослушники, тотъ городокъ будетъ сожженъ, жители его согнаны съ Дону, а защитники будутъ казнены смертію (472).

(471) Грамота царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича крымскому хану Муратъ-Гирею, 1683 года августа 11-го.

„Писали къ намъ В. Государемъ къ нашему Ц. В. съ Дону донскіе казаки, что іюня мѣсяца въ разныхъ числѣхъ приходили войною азовскіе татарова, совокупясь съ горскими черкесами, подъ ихъ казачьи верховые городки подъ Паншинъ и подъ Качалинъ и многихъ казаковъ побили и скотъ весь отогнали, и они казаки увидя такое отъ тѣхъ татаръ разореніе и многіе досады, послали казаковъ за тѣми татарами въ погоню, и тѣ казаки дошли ихъ въ степи у рѣки Дона на рѣчкѣ Лискѣ, и былъ у тѣхъ казаковъ съ тѣми ворами съ азовскими татарами и горскими черкесами, которые подъ ихъ казачьи городки приходили и погромили, бой, и на томъ бою казаки взятой русской полонѣ и скотъ у нихъ отбили и въ полонъ ихъ самыхъ взяли нѣсколько человекъ.“

(472) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Пахома Сергѣева.

„По его государеву указу разосламы изъ войска во всѣ въ нижніе и въ верхніе казачьи городки подъ смертною казнию приговоры, чтобъ никто съ азовцами и съ калмыками не ссорился и на морѣ и на Волгу для воровства и добычи не ходилъ, а

Но маловажный случай подалъ поводъ къ нѣкоторымъ неудовольствіямъ между ханомъ и Донцами, кои однакожъ окончились одною письменною размолвкою: одна партія, посланная войсковымъ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ для обыкновенныхъ наблюдательныхъ разъѣздовъ, по правую сторону Донца, состоящая изъ 60 человѣкъ казаковъ и 50 калмыковъ, рѣшилась испытать своего счастья подъ Перекопомъ и пустилась во внутрь Крыма.—Около Торскихъ озеръ встрѣтивъ малороссійскихъ и запорожскихъ казаковъ, возвращавшихся съ солью, удалцы взяли отъ нихъ проводниковъ, достигли окрестностей Перекопа, захватили тамъ 800 лошадей и спокойно пригнали ихъ на Донъ (473). Успѣхъ сей возжегъ другихъ храбрецовъ; ходило еще нѣсколько малыхъ партій въ Крымъ и возвратились съ добычами и плѣномъ; по одинъ отрядъ, изъ 70 человѣкъ состоявшій, былъ подъ Перекопомъ разбитъ татарами. Раздраженный Муратъ Гирей прислалъ къ войсковому атаману Фролу Минаеву грозную грамоту: „тебѣ извѣстно, писалъ онъ, что у меня съ Россійскимъ Государемъ миръ и условіе другъ другу обидъ и разореній не дѣлать. Ты не желаешь покоя, непрестанно посылая казаковъ и калмыковъ подъ Перекопъ для грабежей. Я же ни одному изъ подданныхъ моихъ не вѣлю нападать на границы Русскаго царства. Если скажешь, что татары приходятъ подъ ваши городки и хватаютъ казаковъ, то вѣдай, что тѣ люди посылаются азовскимъ беемъ, а не мною; изъ моихъ подданныхъ ни одинъ человѣкъ не осмѣлится на то, ибо смертію казненъ будетъ. Достойное письмо сіе посылаю къ тебѣ съ однимъ изъ великихъ аговъ моихъ; съ нимъ возврати мнѣ весь пограбленный казаками скоть и взятый плѣнъ; если же не исполнишь сего, то повелю моимъ подданнымъ

буде изъ котораго городка такое злое дѣло учинится, и за то того городка казаковъ выбить вонъ и съ рѣки Дону сослать, чтобы имъ нигдѣ пристанища не было, а городокъ сжечь, а заводчиковъ вѣшать и рубить.“

(473) Крымскія дѣла № 71; распроснія рѣчи малороссійскаго старшины Ивана Мазепы.

дѣлать непрерывныя нападенія на казачьи жилища, а зимою по льду самъ приду на Донъ съ несмѣтными силами татаръ и ногайцевъ, нападу на ваши тридцать два городка, и если всѣхъ ихъ истреблю, то и тогда дружба моя съ Россійскимъ Государемъ прервана не будетъ. Ежели хочешь исполнить мое требованіе, то все взятое пришли ко мнѣ съ знатнымъ человѣкомъ.“ На такія угрозы казаки отвѣчали хану: „скотъ угнали отъ Перекопа не мы, а калмыки; ты упрекаешь насъ нарушеніемъ мира, но вспомни сколько разъ жаловались мы тебѣ на азовскаго Сеинъ-бея, который, вопреки мирнымъ договорамъ, разоряетъ и насъ и Украйну. Теперь повторяемъ тебѣ если и за симъ не запретишь Сеинъ-бею злодѣйствовать, то и мы войско Донское будемъ вооружаться. Чтожь касается до угрозъ твоихъ разорить жилища наши, то они некорыстны, а надобно ихъ доставать твердо головами, стадь же у насъ конскихъ и животинныхъ мало, даромъ тебѣ забиваться въ столь дальній путь.“ (474). Послѣ сей письменной брани набѣги съ обѣихъ сторонъ прекратились

Разбой казаконъ. Спокойное поведеніе казаконъ не долго продолжалось: въ верховыхъ городкахъ, какъ и въ самомъ Черкасскѣ, начали проявляться охотники къ поискамъ, изъ коихъ одни хотѣли рѣкою Волгою пробраться до Персидскихъ предѣловъ и тамъ искать добычи, а другіе идти подъ Азовъ и Крымъ; но всѣ эти замыслы отвращены были твердостью атамана Фрола Минаева и старшинъ (475).

(474) Дѣла крымскія, грамота Мурать Гирей хана Крымскаго войску Донскому и отиска войска Донскаго на сію грамоту.

(475) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1682 г. апрѣля 7-го.

„А изъ Паншина городка казаки Васька Пятинзбскій съ товарищи, пошли вверхъ по Дону, по Крымской сторонѣ и хотѣли сбираться въ Кременскомъ и Клецкомъ и въ иныхъ верховыхъ городкахъ, и собрався хотѣли итти подъ Азовъ войною, а изъ Черкаскаго городка пошли казаки и калмыки и татарова подъ Крымъ войною, а иные хотятъ итти Волгою на морѣ въ Шахову область; да и впредь въ тѣ мѣста ходить хотятъ же, и о томъ въ Черкасскомъ были приговоры въ кругахъ, что нилѣшней весны итти съ Дону въ тѣ вышеупомянутыя мѣста на Волгу.“

Однакожь два буйные казака Илья Ивановъ и Астахъ Грековъ, убѣжавъ изъ Черкаска въ верховые городки, набрали тамъ шайку до 150 человѣкъ и отъ устья рѣки Хопра пошли вверхъ по Дону: на пути приставали къ нимъ разныхъ станицъ казаки и пока дошли они до рѣчки Калитвы, то партія ихъ увеличилась до 300 человѣкъ; разграбивъ на пути всѣ селенія и шесть барокъ, пльвшихъ по Дону, умноживъ число свое еще 40 человѣками русскихъ бродягъ, они обратились назадъ къ казачьимъ городкамъ; брали изъ проходившихъ по Дону барокъ гребцовъ для увеличенія своей партіи, подступали къ казачьимъ городкамъ: Старому и Новому Мигулину, Тишанскому и Рѣшетовому, взяли ихъ приступомъ, забрали силою многихъ казаковъ въ свою шайку и обратились къ Вешенскому городку; по сосѣдніе казаки собрались уже къ нему на помощь и вышедъ подъ начальствомъ вешенскаго атамана, разбили сію разбойничью партію наголову, такъ что изъ 400 человѣкъ осталось въ живыхъ только 115 человѣкъ, тутъ же убитъ и буйный атаманъ Илья Ивановъ. Остатки сей партіи побѣжали внизъ по Дону, остановились на рѣчкѣ Еланѣ, изрубили здѣсь по общему приговору всѣхъ раненыхъ своихъ товарищей и выбравъ въ атаманы Ивана Терскаго, бросились на ногайскую (лѣвую) сторону рѣки Дона; но ихъ настигъ сильный отрядъ казаковъ, посланный изъ главнаго войска, и истребилъ почти всѣхъ бунтовщиковъ, къ совершенному же ихъ искорененію посланы во всѣ городки войсковыя грамоты, что если кто изъ сихъ разбойниковъ окажется въ какомъ либо городкѣ, въ то же время поймавъ его казнить смертію; оставшагося въ живыхъ одного изъ зачинщиковъ сего бунта Ивана Длиннаго въ Черкаскѣ повѣсили на якорь, прочихъ предали смерти по войсковымъ правамъ. И такимъ образомъ водворено по прежнему общее спокойствіе (476).

Походъ казаковъ противъ калмыковъ. Но къ совершенному прекращенію новыхъ своевольствъ всего болѣе

(476) Тамъ же, грамота на Донъ 1682 г. іюня 18 дня.

способствовала открывшаяся война против калмыковъ. Еще въ 1679 г. главный калмыцкій владѣлецъ Аюка тайша замышлялъ поддаться со всѣми подвластными ему калмыкамъ крымскому хану, посылалъ отъ себя пословъ въ Крымъ, согласился дать въ вѣрности аманатомъ роднаго сына своего и брата; но не успѣлъ склонить хана на свою сторону; ибо послѣдній справедливо опасался ихъ непостоянства, когда видѣлъ ясно, что Аюка, получая большое жалованье отъ Россійскаго Государя, не перестаетъ разорять его городовъ; и слѣдовательно былъ увѣренъ, что онъ, кочуя близъ Тавриды, не проминетъ нападать на подвластные ему народы (477).

Не исполнивъ здѣсь своихъ замысловъ, Аюка съ братомъ своимъ Замсою и съ прочими тайшами, собравъ до 40/т. калмыцкаго войска, ворвался въ 1682 г. въ Россійскія границы, по призыву взбунтовавшихся тогда башкирцевъ и чувашей. Они причинили большія опустошенія какъ Россіянамъ, такъ и непроставшимъ къ возмущенію башкирцамъ и чувашамъ, подступали подъ г. Уфу и Мензелинскъ и отогнавъ стада обратились на югъ, захвативъ на пути множество плѣнныхъ.

Государь получивъ о томъ донесеніе, хотѣлъ наказать мятежниковъ; 10 августа войско Донское имѣло уже грамоту о походѣ противъ калмыковъ; въ первыхъ числахъ сентября походный атаманъ Любимъ Архиповъ съ 2,600 казаковъ двинулся къ Царицыну; ему предписано было соединиться съ

(477) Дѣла Крымскія, № 61. Распросныя рѣчи въ Казанскомъ приказѣ, присланныхъ княземъ Каспулатомъ Черкасскій узденей Илимъ Ага да Ишехай Сейдалова.

„ Крымскій де ханъ прошалъ у него Аюкая тайши въ Крымъ въ аманаты сына своего да брата и въ помощь калмыцкихъ ратныхъ людей на войну, и калмыцкіе де посланники то все дать хотѣли, и крымской де ханъ говоря о томъ съ своими ближними людьми, калмыцкимъ посланникомъ вовсе отказали . . . а говорили, что де они калмыки люди непостоянные и правды никогда недержатся, и у В. Государя многое жалованье деньгами и сукнами емлютъ, а всего государства города разоряютъ; такъ же де они калмыки и ему крымскому хану чинить учяутъ тожь, и тѣ де калмыцкіе присыльщики изъ Крыму отпущены при нихъ.“

тамошнимъ воеводою, съ черноярцами и астраханскими войсками и дѣйствовать по повелѣнію астраханскаго воеводы Головина. Ниже Черпаго Яра казаки получили отъ воеводы двухъ плѣнныхъ калмыковъ, которые сказали имъ, что Аюка съ улусами своими кочуетъ около Урала, а едисанскіе и другіе татары, которые были съ нимъ подъ Уфою близъ Астрахани, что злѣйшій измѣнникъ мурза Ишей Ишнинъ еще до прибытія къ Астрахани войскъ донскихъ, собравъ разныхъ улусовъ татаръ, побилъ подъ стѣнами города сего 300 человекъ воинскихъ людей, а съ плѣнными поступалъ варварски: инымъ разрѣзывалъ груди, другихъ, прибывая къ доскамъ, пускалъ по Волгѣ, а многихъ умерщвлялъ разными мученіями. На сихъ то вѣрныхъ союзниковъ Аюки казаки сдѣлали нечаянно нападеніе, разбили ихъ, разграбили ихъ улусъ, и узнавъ, что самъ мурза Ишей стоитъ съ улусомъ своимъ на правой сторонѣ Волги, пониже Астрахани, бросились на него, обратили въ бѣгство всѣхъ его людей, преслѣдуя ихъ семь верстъ: въ обѣихъ этихъ сраженіяхъ казаковъ убито 60 человекъ, татаръ же погибло и захвачено въ плѣнъ обоюдо большое число.

Поощренный столь блистательнымъ успѣхомъ и свѣдавъ отъ плѣнныхъ, что 600 человекъ едисанскихъ татаръ и калмыковъ идутъ на Красный Яръ, съ намѣреніемъ взять оный приступомъ, походный атаманъ Архиповъ поспѣшилъ послать на освобожденіе города донскаго старшину Пахома Сергѣева съ 1,300 казаковъ, которые приплыли подъ Красный Яръ въ одно время съ непріятелями; казаки давъ калмыкамъ свободу переплыть рѣку Бузунъ и подойти къ городу, вдругъ напали на нихъ внезапно и прогнали обратно за рѣку, побивъ 40 человекъ и еще болѣе потопивъ въ рѣкѣ (478).

Атаманъ изъ подъ Астрахани перешелъ зимовать въ Кра-

(478) Дѣла Донскія, распространилъ рѣчи пріѣхавшаго въ Москву отъ походнаго атамана Любима Архипова, станичнаго атамана Семена Степамова и есаула Федора Фролова.

снѣй Ярѣ и спасѣ городѣ этотѣ отъ разоренія, ибо многіе улусы Люкины и братьевъ его, находясь не въ дальнемъ разстояніи отъ города, производили на оный непрерывныя набѣги, не давая казакамъ во всю зиму ни малѣйшаго отдыха. Съ открытіемъ весны, большая часть калмыковъ покочевала въ устьямъ рѣки Урала, ауль же брата Аюки Замсы перешель на правую сторону Волги, и хотя казаки преслѣдовали его всѣми своими силами, но не успѣли воспрепятствовать ему переправиться по льду.

Между тѣмъ какъ все это происходило близъ Астрахани, войско Донское зимою выслало на защиту Царицына другую партію казаковъ, съ станичнымъ атаманомъ Ѳомою Савостьяновымъ, которая много способствовала къ отраженію калмыковъ, кочевавшихъ въ 120 верстахъ отъ Царицына (479). Въ мартѣ мѣсяцѣ 1683 г. походное войско, бывшее противъ калмыковъ, получило повелѣніе, прекратить военныя дѣйствія, возвратиться на Донъ (480). При дворѣ думали, что калмыцкій владѣлецъ или успокоится или удалится, но вышло на-противъ.

Второй походъ казаковъ на калмыковъ. Аюка явился опять съ оружіемъ въ пограничныхъ нашихъ областяхъ, казаки по повелѣнію царскому, снова пошли противъ калмыковъ большимъ отрядомъ, подѣ начальствомъ походнаго атамана Максима Лашенова; въ августѣ мѣсяцѣ заняли они по Волгѣ всѣ мѣста, на кои ожидали набѣгъ непріятелей. Атаману предписано было войскомъ соблюдать самую строгую дисциплину, никакихъ не дѣлать обидъ промышленникамъ по Волгѣ и не разорять тамошнихъ жителей; если же

(479) Тамъ же, похвальная грамота походному атану Ѳомѣ Савостьянову

(480) Тамъ же, распросина рѣчи станичнаго атамана Калины Родіонова, прибывшаго въ Москву мая 16-го 1683 года отъ походнаго атамана Любима Архипова.

„ Великаго Государя грамота дошла къ атану, по которой велѣно имъ ити въ дома свои, апрѣля въ 6 числѣ и по тому В. Государя указу пошелъ въ атаманъ съ Краснаго Яру, тогожь числа, водою въ Царицыну!“

казаки будутъ въ этихъ поступкахъ замѣшаны, то не найдутъ уже себѣ пристанища на Дону, дома ихъ будутъ разрушены, а кого поймаютъ того казнятъ смертію (481).

Вслѣдъ за тѣмъ, для подкрѣпленія ихъ, отправленъ былъ изъ Черкаска другой отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ Максима Скалозуба. Атаманъ этотъ, по прибытіи въ Пятинзбанскій городокъ, имѣлъ отрядъ свой до 3,000 человекъ. Здѣсь онъ съ состоящими подъ начальствомъ его казаками рѣшились было буйствовать, идти въ верхъ по Дону, громить російскіе города и селенія, но удержались отъ этого потому, что Донъ въ тѣхъ мѣстахъ не слишкомъ широкъ и казакамъ будетъ опасно отъ російскихъ войскъ. Но наконецъ казаки въ общемъ совѣтѣ положили: перейти Волгу, взять городъ Терекъ и перезимовать въ немъ, идти весною на Персидскія владѣнія и ожидать тамъ призыву отъ Россійскаго двора, также какъ призывали Степана Разина (482).

Въ этомъ намѣреніи войско раздѣлилось на двѣ части: одна подъ начальствомъ Калны Родіонова, другая Максима Скалозуба, двинулись къ городу Царицыну, таща за собою 60 лодокъ; за десять верстъ отъ сего города встрѣтили ихъ чиновники, посланные отъ царицынскаго коменданта съ требованіемъ, чтобъ они если не имѣютъ государева указа или

(481) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи Посольскаго приказа толмача Тараса Иванова 1683 г. сентября 21 дня.

„И въ то же де время, каково письмо послали къ Максиму Лащену, въ кругу чли; а въ немъ писано, чтобъ онъ Максимъ и всѣ при немъ будучіе казаки по указу великихъ государей гадъ калыцкими улусы и вадъ ихъ улусными людьми, гдѣ ихъ провѣдаютъ, промыслъ чинили всячески радѣтельно и неоплошно; а на Волгѣ русскимъ людямъ, которые пойдуть съ верху на низъ, и съ низу въ верхъ, водянымъ и сухимъ путемъ, ни какого разорѣнія и дурна и грабежу не чинили, и не воровали, такъ же и на Хвальнское море для грабежу и на юрговскихъ астраханскихъ татаръ, которые кочуютъ близко Астрахани, не ходили жъ, не побивали и не грабили жъ; а буде въ томъ воровствѣ онъ атаманъ или кто изъ казаковъ объявится, а буде и всѣ имъ за то, отъ великихъ государей будетъ смертная казнь, а у нихъ въ войску и во всѣхъ городкахъ пристанища не будетъ.“

(482) Тамъ же, грамота на Довъ 1683 г. октября 24-го.

войсковой отписки къ нему о походѣ своемъ, не приближались къ городу, въ противномъ случаѣ онъ остановитъ ихъ вооруженною рукою. Скалозубъ послалъ сказать коменданту, что у него есть и Государевъ указъ и отписка отъ войска; но не успѣлъ обмануть коменданта, который, свѣдавъ о коварствѣ его, приказалъ всему гарнизону царицынскому вооружиться и стать за городомъ съ артиллеріею. Казаки также готовились къ отпору; сначала показалась партія Максима Скалозуба, но будучи встрѣчена артиллеріею, поворотила на лѣвую сторону города и тамъ спустила суда свои въ Волгу; партія же Калины Родіонова должна была выдержать сраженіе и, не взирая на пушечную стрѣльбу, успѣла пройти мимо Царицына на правую сторону опаго, гдѣ равнымъ образомъ спустила суда свои на Волгу. Раздѣленные городомъ, они должны были соединиться. Родіоновъ, посадивъ казаковъ на суда, пошелъ вверхъ Волгою мимо города: здѣсь завязалось у нихъ сраженіе, продолжавшееся пять часовъ, которое кончилось тѣмъ, что казаки отбили гарнизонъ царицынскій отъ берега и соединились съ войскомъ атамана Скалозуба: на семь сраженій убито много царицынцевъ.

Соединеніе казаковъ привело коменданта въ страхъ, онъ полагалъ, что они навѣрно поплывутъ вверхъ по Волгѣ и причинятъ тамъ великія разоренія, какъ судамъ находившимся на Волгѣ, такъ и прибрежнымъ селеніямъ. Желая отвратить гибель сію, онъ началъ съ казаками переговоры: представилъ имъ всю гнустность ихъ предпріятія, то угрожая царскимъ гнѣвомъ, то смягчая милость его. успѣлъ онъ многихъ обратить на службу честную, и весь отрядъ Родіонова возвратился въ дома; но Скалозубъ былъ непреклоненъ: онъ съ 1,000 человекъ казаковъ на 62 лодкахъ прокрался мимо Царицына и поплылъ внизъ по Волгѣ (483).

Разгнѣванный Государь далъ повелѣніе войску Донскому: если Скалозубъ на Дону, поймавъ его, прислать въ Москву,

(483) Дѣла Донскія, грамота на Донъ того жъ года октября 24-го.

другихъ злѣйшихъ его соумышленниковъ казнить по войсковому праву; если же онъ находится на Волгѣ, то послать къ нему лучшихъ старшинъ уговорить о возвращеніи на Донъ, съ обѣщаніемъ прощенія винъ ему и товарищамъ его, если они принесутъ повинную Государю; въ противномъ же случаѣ сказать, что послана будетъ за ними многочисленная рать и истребить ихъ (484).

Поиски атамана Максима Скалозуба противъ калмыковъ. Атаманъ Скалозубъ, можетъ быть опасаясь послѣдствій, смирился и заслужилъ не опалу, но милость царскую. Миновавъ Царицынъ, онъ тихо плылъ рѣкою Волгою къ Астрахани, не тронулъ на пути ни одного судна купеческаго, вышелъ въ Каспійское море и направилъ плаваніе свое къ Уралу. Отъ устья Урала казаки пошли вверхъ мимо Гурьева городка, и отойдя отъ него на пространство двухъ дней ѣзды, увидѣли кочующихъ калмыковъ: то былъ улусъ Аюкина брата Замсы, казаки напали на оный, разгромили ауль, забрали въ немъ весь скоть, 30 человекъ плѣнныхъ, и нагрузивъ суда своимъ мясомъ, поплыли далѣе вверхъ по Яику; на пути встрѣтился съ ними сильнѣйшій калмыцкій ауль Аюки тайши; самъ владѣлецъ онаго жилъ въ земляномъ укрѣпленіи. Казаки бросились на ауль, разбили собранныя калмыцкія войска и потомъ осадили Аюку тайшу въ его укрѣпленіи; по долгому и кровопролитному сраженіи, казаки наконецъ взяли это укрѣпленіе приступомъ, и вытѣснивъ оттуда Аюку тайшу, сѣли въ ономъ сами. Но дорого заплатили за эту крѣпость, ибо лишились на сраженіи храбраго и отважнаго своего атамана Скалозуба; на мѣсто его избранъ былъ Иванъ Беркулатъ.

Взятіемъ Аюкина укрѣпленія, казаки дѣйствительно спасли себя отъ совершенной гибели, ибо эготъ тайша, какъ главнѣйшій изъ всѣхъ калмыцкихъ владѣльцевъ, вскорѣ

(484) Тамъ же.

собрали многочисленное войско, простиравшееся до 40/т. человекъ и осадилъ казаковъ; положеніе ихъ было самое опасное, но они одолжены спасеніемъ своимъ мужеству своему и неустрашимости. Аюка 15 дней сряду приступалъ къ нимъ, наконецъ, потерявъ брата своего и значительное число войскъ, принужденъ былъ отступить и уйти къ Волгѣ. На всѣхъ сраженіяхъ они лишились 110 человекъ убитыми, калмыки же потеряли, по словамъ плѣнныхъ, до 5,000 человекъ.

Избавившись такимъ образомъ отъ сильнаго непріятеля, казаки снова поплыли вверхъ по Уралу, но не доходя за 6 дней до Лицкаго городка застигли ихъ морозы. Рѣка замерзла и они принуждены были, вытащивъ суда на берегъ, бросить ихъ и идти пѣшкомъ. Отдохнувъ въ Лицкомъ городкѣ двѣ недѣли отъ долгаго и утомительнаго похода, послалъ Беркулатъ отъ себя въ Москву станицу съ увѣдомленіемъ о дѣйствіяхъ своихъ противъ калмыковъ, испрашивая дальнѣйшихъ повелѣній (485), которыхъ ожидалъ онъ въ городѣ съ 900 казаками.

(485) Тамъ же, распросныя рѣчи станичнаго атамана Ивана Размачѣва 1684 г. марта 3 дня, посланнаго съ Урала въ Москву походнымъ атаманомъ Иваномъ Беркулатомъ.

„ А Волгою де рѣкою ѣдучи въ низъ, пришли они въ Бузанъ рѣку, которая впадала въ моръ, и ѣхавъ изъ Бузана рѣки, шли моремъ до Яика дней съ 10-ть. А какъ пришли они на Яикъ къ Гурьеву городку и мимо сего городка шли они Яикомъ рѣкою вверхъ полдва дни и отшедъ отъ Гурьева городка сутки идучи по Яику рѣкѣ нашли Аюка тайши брата Самсы улусъ, и тотъ улусъ всѣ они разгромизли и взяли ясырю женска полу и малыхъ робятъ челов. съ 30 и тутъ у нихъ съ калмыки былъ бой и съ того бою Самса съ калмыки ушли, а достальныхъ калмыковъ порубили. А послѣ того въ тожь время Самса съ калмыки собралися и пришли къ нимъ казакамъ къ тому же мѣсту, и тотъ ясырь робятъ и женокъ отдавали имъ же калмыкамъ на окуиъ, а бою не было. Да они же Донскіе казаки у тѣхъ калмыковъ боемъ отбили лошадей и верблюдъ и всякого рогатаго скота съ 20,000 и тѣ лошади и верблюды и скотъ порѣзали и помѣтали на стени, а достальную рогатую скотину для пропитанія себѣ покзали въ струги и отъ тѣхъ калмыковъ по обѣ стороны рѣки Яика шли берегомъ отводомъ въ верхъ къ лицкому войску отводомъ, а струги не большіе люди проваживали на греблѣ. И идучи Яикомъ рѣкою ниже Индейскихъ горъ (Индерскихъ) наши они на самаго Аюка тайшу и на весь его Аюкаевъ улусъ и съ нимъ Аюкемъ и съ

Государь прощая самовольные поступки ихъ подъ Царичынымъ, велѣлъ имъ идти на Донъ; а для облегченія пути приказано было приготовить для нихъ на рѣкѣ Самарѣ 4 струга. Походъ этотъ съ Урала до Самары былъ для казаковъ столь отяготителенъ, что они принуждены были бросать на дорогѣ всѣхъ больныхъ и раненыхъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ походное войско прибыло на Донъ къ Паншинскому городку.

Г Л А В А XV.

Сношенія Донскихъ казаковъ съ запорожцами.—Восенняя дѣйствія ихъ противъ азовцевъ и крымцевъ.—Пожаръ истребляетъ Черкасскъ.—Казаки вновь открываютъ военныя дѣйствія противъ азовцевъ и крымцевъ.—Ссора казаковъ съ калмыками.

Сношенія Донскихъ казаковъ съ Запорожцами. По заключеніи въ 1680 г. мира между Россією, Турцією и Крымомъ до 1685 г., казаки принуждены были сносить всѣ обиды азовцевъ и крымцевъ; въ теченіе этого времени слышны были одни только жалобы ихъ, а Россійскій дворъ, для

калмыки былъ у нихъ бои, и изъ землянаго городка его Аюкай тайшу и калмыковъ выбили и сѣли въ томъ городѣ въ осадѣ сами и на томъ бою атамана Максима Скалозубова и 100 челов. казаковъ изъ огненнаго ружья убито, а на его Максимово мѣсто выбрали они атаманомъ походнымъ изъ рядовыхъ казаковъ Ивана Романова сына Беркулата, и сидѣли они въ томъ городѣ 15 дней до тѣхъ мѣствъ, пока мѣствъ отъ того городка калмыки не отступили, а будучи въ осадѣ, питались они тою скотинною рогатою, что побрана была на первомъ бою, да онижъ казаки на томъ же бою и самого Самсу убили, а было съ тѣмъ Аюкаемъ улусныхъ его калмыковъ съ 40,000 человекъ.

„А какъ Аюкай тайша отъ того городка отступилъ прочь и пошелъ кочевать на зимовье къ Волгѣ и они изъ того городка вышедъ, пришли Янкомъ рѣкою вверхъ же къ Янцкому войску, и идучи къ Янку дорогою взяли дву человекъ Башкирцовъ и одного человека убили, а другаго съ собою на Янкъ привели, котораго съ Янка походной агаманъ съ нимижъ языка къ Москвѣ послалъ, и не доходя Янцаго войска за 6 дней подъ Мергеновымъ струги у нихъ на Янкѣ рѣкѣ замерзли, и тѣ струги вытаскавъ они на берегъ и покня на берегу, пошли сами піши къ Янцкому городку и пришли на Янкъ . . . Николаина дни, и пришедъ жили они до отуска своего на Янкъ двѣ недѣли и походной атаманъ Иванъ Беркулатъ съ казаки съ Янку отпустили ихъ съ отпискою и со взятымъ языкомъ къ Великимъ Государемъ къ Москвѣ, а самъ онъ атаманъ Иванъ и съ нимъ 900 челов. казаковъ остались на Янкѣ и ожидаютъ о походѣ за тѣми жъ калмыки ихъ Великихъ Государей увазу.“

охраненія мира, строго запрещалъ казакамъ мстить за свои обиды. Казаки недовольны были такимъ положеніемъ, скучали бездѣйствіемъ, и нѣкоторые изъ нихъ порывались искать новыхъ приключеній и добычи по Волгѣ и въ Крыму.

Въ такомъ положеніи дѣль на Дону въ маѣ мѣсяцѣ 1684 г. неожиданно явились въ Черкасскъ посланцы отъ Запорожскаго кошеваго атамана Григорія Сагайдашнаго, просить казакъ на службу Польскаго короля, который имѣлъ въ то время войну съ крымцами и турками и съ просьбою пропустить ихъ же къ Аюкѣ тайшѣ для врученія ему королевской грамоты, коею онъ возбуждалъ калмыковъ сдѣлать нападеніе на Крымъ, обѣщая какъ Аюкѣ, такъ и казакамъ за таковое вспомошествованіе большое жалованье. Но казаки отринули приглашеніе Запорожцевъ и отобрали даже отъ посланныхъ грамоту, везенную ими къ Аюкѣ тайшѣ, подъ предлогомъ, что они безъ царской воли не смѣютъ послать къ польскому королю войскъ своихъ и дозволить пропустить грамоту отъ иностраннаго государя къ россійскому подданному; грамоту эту отправили въ Москву съ атаманомъ Дмитріевымъ. Впрочемъ не запрещали сямъ посланцамъ отправиться безъ грамоты въ калмыцкіе улусы (486).

(486) Дѣла Донскія, распросниа рѣчи Донскаго стапичнаго атамана Володимера Дмитріева іюля 26 дня 1684 года.

„ Какъ были на Дону, и при нихъ послали изъ Запороговъ съ коша атамана Григорія Сагайдашнаго къ нимъ въ войско посланцовъ своихъ 6 челов. съ листомъ своимъ да съ ними же де прислалъ онъ же кошевой атаманъ листъ Польскаго короля, каковъ онъ писалъ къ калмыцкимъ тайшамъ, чтобы они шли противъ турокъ и татаръ и говорили чтобы ихъ съ тѣмъ листомъ Польскаго короля пропустить чрезъ Донскіе городки къ калмыцкимъ тайшамъ атаманъ и казаки кошеваго атамана листъ слушалъ, а выслушавъ тѣмъ посланникамъ сказали, что они войскомъ въ калмыцкіе улусы отпустятъ ихъ однихъ и листа Польскаго короля имъ не отдадутъ, для того, что у нихъ въ войску такого Велик. Государей указу, чтобы изъ иныхъ государствъ пропускать грамоты и листы и инши письма къ калмыцкимъ тайшамъ и къ инымъ ихъ государскимъ подданнымъ нѣтъ и остерегаютъ они войскомъ того накрѣпко. А листъ де Польскаго короля къ тайшамъ о чемъ писанъ, того не вѣдомо и ни когда такихъ листовъ отъ короля къ калмыкамъ

Вѣсть о прибывшихъ въ Черкасскъ отъ Запорожцевъ посланцахъ и о приглашеніи польскаго короля на службу противу крымцевъ и турецкаго султана за деньги вскорѣ распространилась по всему Дону. Охотники идти въ эту службу стекались изъ верховныхъ городковъ въ Черкасскъ для полученія дозволенія; но войско рѣшительно имъ въ этомъ отказало и запретило отлучаться съ Дону, представляя, что оно можетъ чрезъ это навлечь на себя гнѣвъ Государя (487). Не ограничиваясь симъ запрещеніемъ, войско послало во всѣ городки грамоты, угрожая казакамъ подъ смертною казнію не только не вступать въ службу польскаго короля, но не пропускать и не принимать даже по городкамъ посылаемыхъ чрезъ войсковыя земли отъ польскаго короля къ калмыкамъ, а отъ нихъ въ Польшу посланцевъ.

Въ началѣ 1685 г. войско Донское вторично получило письмо отъ запорожскаго полковника Семена Палея о томъ, чтобы дозволено было охотникамъ вступить въ службу польскаго короля, обѣщая имъ жалованье, которое уже хранится у него, присовокупляя къ тому: „если намъ на Днѣпрѣ будетъ худо, то и вамъ на Дону не видать добра“ (488).

чрезъ Донское войско не бывало и калмыки издавна въ подданствѣ служить Велик. Государемъ а не Польскому королю и того листа запорожскимъ присылщикомъ войскомъ не отдали и вераспечатывая прислали съ нимъ Володимеромъ съ товарищи къ Велик. Государемъ къ Москвѣ, а запорожскихъ присылщиковъ отпустили изъ войска въ калмыцкіе улусы однихъ.“

(487) Тамъ же.

(488) Дѣла Донскія, письмо запорожскаго полковника Семена Палея къ войсковому атаману Фролу Минаеву и ко всему войску Донскому, 1685 г. мая 24 дня.

„ Будучи азъ у короля его милости и рѣчи посполитой съ товариствомъ моимъ воспріялъ есмь милость, не только себѣ, но и всему полку моему, который при мнѣ прибываетъ, при томъ же что и къ калмыкамъ письмо мнѣ дано, которое посылаю на Донъ съ товариствомъ и донскихъ 4-хъ человекъ, которое письмо явно писано, чтобы всякъ вѣдалъ гдѣ то письмо дойдетъ, чего ради прошу вашей милости и всего войска Донскаго изволите и свое письмо послать къ калмыкамъ противъ того жъ королевскаго листа; а коль скоро придутъ въ Немировъ, то въ рукахъ моихъ имъ готово есть жалованье отъ коро-

Войско Донское хотя не рѣшилось по сему приглашенію послать казаковъ въ Польшу, но приступало въ тожь время къ разорванію тяжкаго для нихъ перемирія съ азовцами, поводомъ къ сему нарушенію долговременнаго мира служило разорѣніе причиненное азовцами въ прешломъ 1684 г. двумъ казачьимъ на Донцѣ городкамъ Каменскому и Луганскому и разграбленіе купеческихъ судовъ, плившихъ по рѣкѣ въ Черкасскъ съ разными товарами.

Казаки немедленно снарядили флотилію, посадили на оную 1,000 человекъ и отправили въ море подъ начальствомъ атамана Корнѣя Матвѣева. Въ устьяхъ Дона войско это напало на два судна турецкія, нагруженныя съѣстными припасами и разными товарами и разграбило оныя; узнавъ объ этомъ азовцы высылали на казаковъ 500 человекъ конныхъ, съ которыми они имѣли бой и многихъ азовцевъ побили; отсюда проникли казаки до Темрюка, но жители окрестныхъ мѣстъ, заблаговременно извѣщенные о походѣ казаковъ, удалились въ безопасныя мѣста съ имуществомъ своимъ, и потому казаки, не предпринимая дальнѣйшихъ поисковъ, возвратились на Дошъ. На Казачьемъ ерикѣ азовскій комендантъ встрѣтилъ ихъ всѣмъ своимъ гарнизономъ, но послѣ кратковременнаго сраженія принужденъ былъ отступить, потерявъ довольное число убитыми турокъ и татаръ, казаки же, безпрпятственно перетавивъ суда свои чрезъ Казачій ерикъ, благополучно достигли до Черкасса (489).

ля, его милости, и отъ рѣчи послолитой; а еще ли такъ какъ прошлаго года далъ Богъ счастье, какъ и нынѣ падѣмся на Бога и милость его получить, ибо какъ около Дѣбра будетъ не добро, такъ и вамъ худо, чего ради прошу вашей милости, не изволите возбранять охотникамъ къ намъ и тѣмъ калмыкамъ и татарамъ, такъ же и казакамъ, что отъ короля его милости милостиво воспріято будетъ.“

(489) Дѣла Донскія, распроснии рѣчи станичнаго атамана Якова Данилова, 1685 г. ноября 12-го.

„ Въ прошломъ де 193 году майѣ мѣсяцѣ выходили съ Дону на Черное море подъ Азовъ и подъ иные турецкіе города и крымскія села въ судахъ для добычи Донскихъ ихъ казаковъ съ 1,000 человекъ идучи на море

Въ сіе время находились уже въ Черкасскѣ посланцы отъ польскаго короля и отъ запорожскаго кошеваго атамана Григорія Еремѣева. Польскій король не престагалъ лъстить себя надеждою получить отъ нихъ помощь, въ чемъ отчасти и не обманулся: хотя и не были отпращены къ нему сухимъ путемъ войска, но казаки обѣщались съ большею дѣятельностію производить набѣги на Крымъ: „мы ради жить съ вами въ дружбѣ, писали они къ кошевому атаману Еремѣеву, но къ польскому королю на службу не поидемъ, весна и лѣто уже миновали, а при томъ боимся и царскаго гнѣва; впрочемъ мы нынѣ размирились съ азовцами, непрерывно посылаемъ на нихъ сухимъ путемъ партіи: 4/т. казаковъ выходили разновременно въ море и разоряли много деревни татарскія, и взяли нѣсколько судовъ съ припасами; симъ движеніемъ мы отвлечемъ силы крымскаго хана отъ предѣловъ Польши. Нынѣ мы для этой же причины посылаемъ вновь на море войска свои“ (490).

взяли два судна турскихъ съ харчемъ и съ товары. а какъ де тѣ суды взяли, и въ то время выходила на нихъ изъ Азова конница человекъ съ 500 и былъ съ ними бой, и на томъ бою побили они многихъ азовцевъ и пошли къ Темрюку и подъ Темрюкомъ били на темрюцкіе села и взяли 2 челов. русскихъ полонениковъ а татаръ въ тѣхъ селахъ ни кого не было, потому что, послыша про ихъ походы, убѣжали всѣ въ горы и они де войскомъ гнались за тѣми татари берегомъ пѣши верстъ съ 10 и ни гдѣ не догнали и шворотились назадъ на море, а взяли де подъ тѣми темрюцкими селами лошадей и быковъ съ 200 и то все на дорогѣ съѣли и пошли назадъ моремъ на Донъ и какъ де были противъ Казачья Ерька, и въ то де мѣсто выходили на нихъ изъ Азова паша азовской, а какъ его зовутъ, того не вѣдаютъ, со всѣми азовскими жителя, и били на нихъ изъ мелкаго ружья и изъ пушекъ, а они де казаки такъ же по нихъ стрѣляли, а сколько де непріятельскихъ людей на томъ бою убито то не вѣдаютъ, а у нихъ де, казаковъ, убитъ одинъ кормщикъ, и переволокли суды чрезъ Казачій Ерикъ пришли на Донъ на кануны Петрова дни.“

(490) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго запорожскому кошевому атаману Григорію Еремѣеву 1685 года.

„А что присланъ къ намъ къ войску королевской листъ о походномъ дѣлѣ и то перевешенная пора и лѣтняя прошла, нить намъ къ нему неколи. и мы о томъ супротивъ свое письмо къ королю послали и о всемъ отписались, что о прежнемъ походѣ Великихъ Государей былъ на насъ гнѣвъ и нынѣ мы тогожъ

Казаки обѣщаніе свое выполнили въ точности. Атаманъ Оома Голодный, предводительствуя 1,500 казаковъ, двинулся на судахъ къ устьямъ Дона, но былъ остановленъ на Казачьемъ ерикѣ превосходными силами азовцевъ, принужденъ былъ возвратиться въ Черкасскъ, потерявъ на мѣстѣ сраженія 50 челов. казаковъ (491); взамѣнъ этой неудачи партія казаковъ, состоящая изъ 150 челов., успѣла пробраться къ Перекопу и захватить тамъ 700 лошадей.

Въ Москвѣ о сихъ сношеніяхъ войска Донскаго съ королемъ польскимъ и запорожскими казаками, какъ равно о нарушеніи мира съ азовцами узнали въ то же время; перехваченное письмо, писанное казаками къ кошевому атаману Еремѣеву, служило яснымъ доказательствомъ; Россійскій дворъ въ то же время отправилъ гонцовъ къ крымскому хану съ извѣстіемъ о самовольномъ поступкѣ казаковъ и съ увѣреніемъ въ дальнѣйшей дружбѣ, на Донъ же грамоту, въ коей укоряли казаковъ въ непостоянствѣ и нарушеніи данной ими царю клятвы (492).

опасны; а чуючи его королевскую войну съ непріятеля, мы войскомъ съ азовцы размирились и ходили многіе казаки конною въ походы и мужиковъ брали; также и судовою на море ходили тысячи съ 4 и войскомъ промыслъ надъ ними чинили, суды брали и на улусы били и деревни разоряли и всякую помѣку ихъ войнѣ мы чинили, для того мы съ азовцы и размирились, чтобъ королевской войнѣ его непріятельскимъ людямъ отъ похода помѣшку учинить, а нынѣ мы судовою на Азовское море идемъ многими людьми для поиска надъ непріятеля и для помѣшки его жъ королевскимъ непріятельскимъ людямъ и воинскому ихъ промыслу для остановки, а товарища вашего мы войскомъ съ Дону отпустили къ вамъ іюля въ 20 день.“

(491) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Якова Данилова, 1685 г. ноября 12 дня.

„ Да въ прошломъ де во 193 году за недѣлю до Семена дни выходило съ Дону изъ войска для добычи подъ непріятельскіе города и села Донскихъ ихъ казаковъ на 35 стругахъ съ 1,500 человекъ, а какъ де пришли къ Казачью ерку, и стали переволакивать суда въ море и азовцы де увидя ихъ выходили на нихъ всѣмъ городомъ и бились, и на томъ де бою побито Донскихъ ихъ казаковъ съ 50 человекъ, а азовцовъ де побито съ 150 человекъ и тѣ де азовцы чрезъ Казачей ерикъ на море ихъ не пропустили и достальныя Донскіе казаки пришли назадъ на Донъ безъ добычи.“

(492) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1685 г. октября 14 дня.

„ И вамъ было атаманамъ и казакамъ безъ нашего великихъ государей ука

Грамота сія была прочтена въ войсковомъ кругу въ присутствіи чиновника привезшаго оную; старшины какъ будто въ изъявленіе своей покорности къ волѣ царской говорили ему, что они желаютъ прекратить ссоры съ азовцами, но для договора о мирѣ къ нимъ ни кого не пошлютъ. Отважные же изъ казаковъ явно говорили, что не пожелаютъ мира съ азовцами, будутъ нападать на нихъ и на крымскіе улусы за ихъ нестерпимыя обиды, а безъ того имъ не чѣмъ будетъ прокормиться. Войсковой атаманъ Фроль Минаевъ, который повидимому недоволенъ былъ разрывомъ мира съ азовцами, для удаленія отъ себя подозрѣнія отъ соучастія въ семъ дѣлѣ съ казаками, изъяснялся тайно съ царскимъ чиновникомъ, что онъ со слезами упрашивалъ казаковъ не нарушать перемирія съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ, но его не послушали, что здѣсь множество есть разнаго званія людей, которымъ совершенно не достается царскаго жалованья, въ такомъ случаѣ они ищутъ добычи и ихъ отъ того удержать невозможно (493).

за, съ Польскимъ королемъ ссылатся и совѣтовать и помочь ему королю для отвращенія непріятельской войны походомъ своимъ на Азовское море въ судахъ и конницею на непріятельскіе улусы и деревни, не токмо чинить, но и мыслить о томъ не годилось, потому, что у насъ великихъ государей съ турецкимъ Салтаномъ и съ крымскимъ ханомъ учиненъ миръ.“

(493) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи Посольскаго приказа толмача Ивана Никитина 1685 г. ноября 27 дня.

„ И атаманъ де Фроль Минаевъ и старшины и вся чернь, принявъ в. государей грамоту, говорили, что они на помощь польскому королю не ходили и ни кого не посылали, и указъ о томъ посланъ войсковою по всѣмъ донскимъ городкамъ, чтобъ ни кто къ польскому королю не ходилъ, а кто пойдетъ и имъ за то будетъ войсковая казнь, а листъ де польскаго короля, каковъ къ нимъ былъ, послали они къ вел. государемъ къ Москвѣ съ станичнымъ своимъ атаманомъ съ Яковомъ Даниловымъ съ товарищи, а съ азовцы де они въ миру быть желаютъ, а къ нимъ посылать для договора о мирѣ не будутъ.

„ И атаманъ де Фроль Минаевъ взялъ его изъ круга къ себѣ въ домъ и обѣдали; а по обѣдѣ отдалъ ему къ велик. государемъ отписку и говорилъ, что онъ со слезами Донскихъ казаковъ унималъ, чтобъ перемирія съ турецкимъ салтаномъ и съ крымскимъ ханомъ не разрушали, только де они его не послушали, потому что много голыдыбы и наброду, и присланное къ нимъ жалованья многимъ не достается и для того унять ихъ невозможно.“

Въ отпискѣ же своей, посланной въ посольскій приказъ, казаки извинялись различными обидами, причиненными имъ азовцами и крымцами, свидѣльствовались опустошенными на Донцѣ городками, множествомъ убитыхъ и тяжкую неволю терпящими казаками, которые въ глазахъ ихъ, отягченные оковами, отправляемы были для продажи за море.

Военныя дѣйствія ихъ противъ азовцевъ и крымцевъ. Казаки за самовольные поступки ожидали грозной опалы царской; но вмѣсто оной имъ отписали только, чтобъ они помирились съ азовцами и перестали нападать на крымскіе улусы. Въ сіе время находились въ Москвѣ послы отъ польскаго короля Криштофъ Гримультовскій воевода познанскій и канцлеръ великаго княжества Литовскаго князь Огинскій, которые по долговременномъ совѣщаніи съ полномочными съ россійской стороны наконецъ заключили вѣчный миръ, по коему вся Малороссія, Кіевъ и Смоленскъ уступлены Россіи на вѣчныя времена; Россія же взамѣнъ того обязалась вспомоществовать имъ въ войнѣ противу турокъ, которые рѣшительными побѣдами сильно тѣснили поляковъ и причинили великія опустошенія въ Подоліи.

29 іюля 1686 г. войско Донское неожиданно получило царское повелѣніе о заключенномъ мирѣ съ Польшею и о дозволеніи имъ сухимъ путемъ и моремъ нападать на владѣнія турецкаго султана и крымскаго хана (494). Казаки приняли

(494) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1686 г. іюля 29 дня.

„ А въ нынѣшнемъ де во 194 г. къ намъ великимъ государемъ, къ нашему царскому величеству прислалъ братъ нашъ намяснѣйшій вел. государь его королевское величество Польской съ своею королевскаго величества грамотою, великихъ и полномочныхъ пословъ своихъ криштофа Гримультовскаго воеводу Познанскаго, да Марціана Александра князя, съ Козельска, Огинскаго, канцлера великаго княжества Литовскаго съ товарищи, и будучи на Москвѣ тѣ его королевскаго величества и рѣчи посольской великіе и полномочные послы учинили между нами В. Г. и королемъ Польскимъ вѣчный миръ и отдали въ нашу царскаго величества сторону вѣчно: Кіевъ съ Запорожьемъ и со всѣми Черкасскими городами, также и Смоленскъ со всѣми жъ городами и уѣздами во вѣки неподвижно, и какъ къ вамъ ся наша великихъ государей

царское повелѣніе съ радостію и въ то же время дали о семъ знать во всѣ свои городки. Между тѣмъ какъ удалцы со всѣхъ городковъ стекались въ Черкасскъ, 800 отборныхъ казаковъ, подъ предводительствомъ атамана Оома Голоднаго, проникнувъ Азовскимъ моремъ до Темрюка, грабили и опустошали окрестности онаго; оставшіеся же въ Черкасскѣ дѣятельно занимались приуготовленіемъ къ походу противу турецкой грѣбности Лютига, стоявшей на Донцѣ (одномъ изъ рукавовъ Дона). Дождавшись казаковъ изъ верховыхъ городковъ, войсковой атаманъ Фроль Минаевъ немедленно повелъ ихъ къ той грѣбности; по предпріятіе это не имѣло ни малѣйшаго успѣха, за мелководіемъ рѣки Донца, по коей не могли пройти суда съ артиллерією; впрочемъ этотъ походъ увѣнчанъ былъ взятіемъ въ плѣнъ нѣсколькихъ турокъ и знатнѣйшаго того времени наѣздника Аги Резепа, о которомъ турки и татары говорили: „легче взять казакамъ Азовъ, нежели плѣнить Резепа.“ Но не столь счастливъ былъ походъ 600 человекъ Донскихъ и Запорожскихъ казаковъ, которые подъ стѣнами Казы-Кермень были совершенно разбиты турками и татарами; атаманъ же Оома Голодный, при возвращеніи своемъ на Донъ, встрѣтилъ въ устьяхъ онаго сильное сопротивленіе отъ татаръ и азовцевъ, которые въ самое то время, какъ казаки опустошали окрестности Темрюка и другія мѣста, стеклись со всѣхъ сторонъ къ Азову, дабы въ устьяхъ Дона остановить ихъ и отнять пограбленныя ими пожитки. Казаки при проходѣ сихъ мѣстъ имѣли всегда крайнюю осторожность, и потому для лучшей безопасности вступили они въ устья Дона на утренней

грамота придетъ, и выѣ атаманы и казаки о постановленіи между нами В. Государей и королеми польскимъ того вѣчнаго миру вѣдали и воздавъ Господу Богу хвалу, по вѣрной своей службѣ, служили намъ Великимъ Государемъ, собравъ всѣмъ войскомъ надъ непріятелями всѣхъ христіанъ, турецкаго салтана и Крымскаго хана и подъ Крымъ и на нине города и села и деревни, за тѣ ихъ неправды, шли войною и воинскій промыслъ надъ ними моремъ и сухимъ путемъ чинили и побивали и корысть себѣ и вольной проходъ на море по прежнему получали, сколько вамъ Всемогущій Господь Богъ помощи подасть.“

зарѣ; азовцы бдительно караулившіе ихъ въ этихъ мѣстахъ стремительно сдѣлали на нихъ нападеніе; цѣлый день продолжалось сраженіе и наконецъ въ вечеру, казаки, тѣсными непріателемъ, принуждены были уступивъ мѣсто сраженія удалиться для безопасности на рѣку Міусъ; тамъ оставивъ для сбереженія судовъ своихъ 300 человекъ казаковъ, возвратились сухимъ путемъ со всею добычею въ Черкасскъ. Препятствіе со стороны азовцевъ не имѣло ни малѣйшаго вліянія на отважный духъ казаковъ; сыскалось вновь 600 человекъ предприимчивыхъ, которые подъ начальствомъ атамана Ивана Бѣляя, прошедъ осторожно до Міуса, сѣли на суда, оставленные тамъ казаками и къ удивленію азовцевъ явились подъ стѣнами самаго Азова, гдѣ въ виду непріятелей, разоривъ нѣсколько жилищъ ихъ, возвратились безпрепятственно въ Черкасскъ (495). Столь неожиданное движеніе казаковъ ни мало не казалось удивительнымъ азовцамъ, которые предполагали, что эти нападенія производятся самовольно, но сколько они были изумлены,

(495) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи войсковаго атамана Фрола Минаева 1686 года декабря 3 дня.

„ А какъ де присланъ къ нимъ о размирьѣ съ Азовцы Великихъ Государей указъ и чтобъ надъ ними моремъ и сухимъ путемъ и въ то де время онъ Фроль Минаевъ и все войско Донское послали изъ войска казаковъ съ 800 челов. судами, съ атаманомъ съ Ѳомою Голоднымъ, и на море де онъ Ѳома былъ и подъ Темирюккіе мѣста билъ, и сколько Господь Богъ помочи подалъ, подъ Темирюкомъ села и деревни разорилъ и разогналъ и побилъ.

„ А какъ пошли они съ моря, и изъ Азова де выходилъ на нихъ казаковъ самъ бей судами и конницею, съ пушками, всѣмъ городомъ и съ иными многими прибыльными людьми, и не допусти устья всрѣтили и учинили бой, и бились съ утра до самаго вечера и на бою татаръ побили много однако жъ де тѣ азовцы изъ морскаго устья въ Донъ ихъ не пропустили и тѣ де казаки поворотили назадъ въ Міусъ, а азовцы де далѣ за ними не пошли и за Божією помощію пришли сухимъ путемъ итти на Донъ въ добромъ здоровьѣ, а суда оставили на Міусѣ и съ ними для бережи казаковъ человекъ съ 300, чаяли на себя я для струговъ азовскихъ татаръ приходу.

„ И того жъ де времени послалъ онъ Фроль Минаевъ на телѣгахъ тѣмъ остальнымъ казакамъ запасы и на перешѣну свѣжихъ людей 500 человекъ, а съ ними атамана Ивана Бѣляя, и изъ тѣхъ де остальныхъ казаковъ иные пришли на Донъ, а достальныя остались при атаманѣ и собрався ихъ съ 600 человъ.

Когда узнали, что на границах россійских находился съ сильнымъ войскомъ князь Козловскій, это обстоятельство сильно тревожило гарнизонъ азовскій, который въ сіе время состоялъ не болѣе какъ изъ полуторы тысячи янычаръ. Крымскій ханъ имѣлъ уже свѣдѣніе о предпріятіяхъ россіянъ, и потому велѣлъ готовиться войскамъ своимъ для защиты Крыма, а между тѣмъ послалъ въ Азовъ 1,200 татаръ, которые и находились въ ономъ до наступленія зимы.

Между тѣмъ Россія дѣятельно приготавлилась къ открытію военныхъ дѣйствій противу Крыма. Съ появленіемъ весны 1687 г. многочисленная россійская армія уже собиралась въ Малороссіи, подъ главнымъ начальствомъ князя Голицына; въ составъ оной войско Донское должно было выслать 500 человекъ конницы, прочимъ же казакамъ предписано было сдѣлать нападеніе на Крымъ со стороны моря. Воля верховнаго правительства была выполнена казаками съ величайшею ревностію; немедленно снарядили они флотъ и посадивъ въ оный 800 отборныхъ казаковъ отправили въ море. Флотиліею сею командовали атаманъ Петръ Калмыкъ и есауль Василій Кутейниковъ. Войсковою атаманъ Фроль Минаевъ, коему предписано было взять начальство надъ сухопутнымъ донскимъ войскомъ, соединясь съ калмыками изъ улусовъ Аюки-тайши, выступилъ въ походъ изъ Черкаска въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и направилъ путь свой прямо черезъ степь къ арміи, которая въ то время находилась уже въ походѣ къ Крыму, имѣя направленіе лѣвымъ берегомъ рѣки Днѣпра. На пути повстрѣчали они на овечьихъ водахъ сильную партію, состоящую изъ 1,000 человекъ отборныхъ татаръ, посланныхъ изъ подъ Перекопа самимъ ханомъ для развѣдыванія о движеніи и числѣ россійскихъ войскъ. Враждующія стороны не долго пребывали въ бездѣйствіи: татары усмотрѣвъ казаковъ немедленно выстроились; по кратковременной перестрѣлкѣ казаки и калмыки сдѣлали столь стремительное на татаръ нападеніе, что въ тожь время раздѣливъ ихъ ряды на двое, обратили ихъ въ бѣгство; поле сраженія усѣяно было татарскими трупами, коихъ найдено

на мѣстѣ 500 человекъ, кромѣ убитыхъ при преслѣдованіи, причемъ взяли въ плѣнъ 50 человекъ, забрали весь ихъ кошъ и отбили до 90 человекъ плѣнныхъ російскихъ людей (496).

Между тѣмъ, какъ казаки на степяхъ крымскихъ разили непріятелей, походный атаманъ морскаго войска громилъ окрестности Темрюка и истреблялъ татарскія селенія, разорилъ улусы ихъ по рѣкѣ Кубани и обоготяся добычею, возвращался уже къ устьямъ Дона: пользуясь темнотою ночи, казаки проплыли устье до Казачьяго ерика и начали уже по одному перетаскивать суда свои, какъ вдругъ нападаютъ на нихъ многочисленныя непріатели, окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и производятъ страшную сѣчу; казаки дрались чрезъ всю ночь отчаянно, но принуждены были уступить превосходству силъ; 400 казаковъ пало на мѣстѣ сраженія, остальные же едва могли избѣгнуть подобной участи, 40 судовъ нагруженныхъ добычею достались въ руки побѣдителямъ, походный ихъ атаманъ Петръ Калмыкъ отягченный ранами былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ въ Азовѣ (497).

(496) Дѣла Донскія, отписка князя Голицына въ Посольскій приказъ отъ 9 іюня 1687 года.

„ Сего настоящаго іюня 8 числа писали ко мнѣ въ полкъ войсковой атаманъ Орелъ Минаевъ да полковникъ Иванъ Семеновъ, Кирей Матвѣевъ съ тѣмъ моимъ вышеупомянутымъ посланнымъ (Алексѣемъ Дуровымъ), что они идучи на вашу В. Г. Г. службу ко мнѣ холопу вашему въ полкъ, паѣхали татарскія сакмы, которыя пошли подъ ваши В. Г. Г. украинныя города и къ нашимъ полкомъ, и тѣми сакмами за татары шли, и іюня 3 дня тѣхъ татаръ дошли возвращающихся отъ вашихъ великихъ государей украинныхъ городовъ и отъ нашихъ полковъ, къ Овечьимъ водамъ и на тѣхъ Овечьихъ водахъ былъ у нихъ съ ними бой. . . . на томъ бою тѣхъ татаръ побили съ 500 человекъ да въ языцехъ взяли 50 человекъ, и изъ тѣхъ отъ ранъ померло 16 человекъ, а 34 человекъ въ отставкѣ да съ 400 лошадей, да вашихъ же В. Г. Г. взятыхъ людей мужеска и женска полу, которые пойманы подъ вашими В. Г. Г. украинными городами, отбили 90 человекъ; и съ тѣми своими вышеупомянутыми старичники прислали ко мнѣ х. в. въ полкъ преже своего приходу для вѣдома и распросу изъ тѣхъ взятыхъ дву человекъ татаръ, а было де ихъ въ послыжѣ по ханскому указу съ Маметжаномъ мурзою переконскимъ тысяча человекъ.“

(497) Дѣла Донскія, челобитная Донскихъ казаковъ, привезенная въ Москву 1687 года.

„ Въ княѣшнемъ В. Г. Г., во 7195 году по вашему В. Г. Г. указу и по гра-

Столь значительная потеря въ людяхъ крайне опечалила казаковъ, они пылали мщеніемъ и только дожидались изъ похода Фрола Минаева, съ коимъ въ то время находились знатнѣйшіе старшины Иванъ Семеновъ и Кирей Матвѣевъ. Въ августѣ мѣсяцѣ казаки обрадованы были приходомъ ихъ на Донъ, и въ то же время на общемъ совѣщаніи положено было идти подъ Азовъ.

По жаръ истребляетъ Черкасскъ. Къ сему предпріятію склонили они союзника своего Чаганъ - тайпу, который къ великой радости казаковъ не замедлил явиться къ Черкаску съ 3,000 калмыковъ; но неожиданное происшествіе

мотѣ, послали мы холопи ваши на вашу великихъ государей службу казаковъ своихъ на море судовою многое число, и они ходили на крымскіе селы и деревни и ногайскіе улусы, были у Чернаго моря и подъ Темрюкъ городъ приходили, на посадъ били и многіе имъ шкоды учинили, селы и деревни разоряли и многихъ побили и въ полонъ побрали, и русскаго ясырю много отбили, и многихъ людей побили, и ясырь поимали, и всякимъ боршнемъ добылись и пошли назадъ домовъ, и они крымскіе люди и ногайскіе, провѣдавъ про ихъ оборотъ и видя у нихъ великую добычь, послали для людей по многимъ своимъ мѣстамъ и собирались всѣ къ Азову, а которые были прибылые люди въ Азовѣ девять ваторгъ да два султана съ конными людьми, для обережи города, и тѣ всѣ не роспущены, да тутъ же государи поспѣли и отъ Крымскаго хана въ Азовѣ по вѣстамъ многіе люди и ждали нашихъ казаковъ съ моря денно и ночью, а наши не вѣдали такого ихъ великаго собранія и не чаяли вашихъ великихъ государей полкомъ роспуску, шли домовъ и пришли въ тѣсныя мѣста и стали перетаскивать суды и какъ будучи на срединѣ сухаго мѣста, и они оплоша нашихъ людей изгодились, со всѣмъ снарядомъ и ночнымъ временемъ ударили на нихъ всѣ конною и судовою и пѣшіе, и обошли кругомъ. И дрались съ ними во всю ночь, и мочи нашихъ съ ними не стало, супротивъ такой великой силы, многихъ нашихъ побили и живыхъ побрали и наругательство великое чинили и суды отбили сорокъ суденъ большихъ, а которые были суды на переди перетащили и тѣ за великимъ боемъ отъ нихъ отошли, а иныхъ отъ судовъ отбили, пришли наги и босы, а иные приходили разбиты раненые и топе-рево страждутъ, а достальныхъ побрали живьемъ терпять не волю.“

Распросныя рѣчи атамана Ивана Семенова, привезшаго въ Москву вышесказанную отписку.

„А было де въ томъ походѣ 800 человекъ добрыхъ молодцовъ, а назадъ пришло изъ нихъ 400 человекъ, атаманомъ былъ Петръ Калмыкъ, ясаулъ Василій Кутейниковъ, и атамана де взяли на бою израненнаго въ полонъ и въ Азовѣ казнили.“

едва не остановило предпріятіе: въ предмѣстіи Черкаска, гдѣ обитали татары, загорѣлся домъ, пламя, распространившееся по всему предмѣстію, немедленно перенеслось и въ самый городъ и истребило оный до основанія; при семъ несчастномъ случаѣ пороховой магазинъ взорвало на воздухъ, а деревянныя стѣны вокругъ, бастіоны и церковь превращены въ пепель (498).

Это всеобщее несчастіе не истребило у казаковъ духа мщенія за побіеніе ихъ собратій азовцами на Казачьемъ ерикѣ; Чаганъ-тайша, вѣрный союзникъ казаковъ, клялся не оставлять ихъ при семъ несчастіи и въ то же время поощрялъ вооружиться противу Азова, предлагая имъ великую добычу, если удастся соединенными силами овладѣть Азовомъ; предложеніе это было принято казаками съ охотою. Но счастье оставило ихъ и при семъ случаѣ; азовцы, предваренные перебѣжчикомъ изъ Черкаска, приняли всѣ мѣры осторожности и храбро отразили приступы казаковъ и калмыковъ безъ малѣйшаго впрочемъ нанесенія вреда осаждавшимъ. Вся добыча полученная ими подъ Азовомъ состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ рогатаго скота, захваченнаго калмыками (499).

(498) Дѣла Донскія, челобитная войска Донскаго, привезенная въ Москву атаманомъ Кирѣемъ Матвѣевымъ 1687 г. декабря 25 дня.

„ Да въ нынѣшнемъ во 196 году ноября въ . . . день, волею Божіею, наслалъ на насъ Владыко праведный свой гнѣвъ, погорѣли мы всѣмъ войскомъ безъ остатку и всѣмъ до конца разорилися, церковь Божія и колокола и городъ и раскаты и ваше государское жалованье, снарядъ, пушки большіе и полковные и свинець—все погорѣло, и пороховая казна поднялася и у торговыхъ людей запасы и всякой борошень погорѣлъ, всѣмъ разорилися, пить-ѣсть не чего, а непріятельскіе люди насъ близко, а намъ оборониться нечѣмъ, пушекъ, свинцу и пороху нѣтъ, и отъ того разоренія многіи люди разошлись и островъ поплннуть хотѣли, и надѣются на Госнода Бога и на ваше великихъ государей милостивое разсмотрѣніе и жалованье, едва на острову удержалися и окопалися землею, живемъ въ великой тѣснотѣ и терпимъ великую нужду и голодь и вамъ великимъ государемъ служимъ неизмѣнно.“

(499) Донскія дѣла, распросныя рѣчи станичнаго атамана Кирея Матвѣева и есаула Ивана Рябинина, пріѣхавшихъ въ Москву съ отписками отъ войска Донскаго 1687 г. декабря 25 дня.

„ А какъ же Чаганъ тайша пришелъ къ нимъ на Донъ, а съ ними калмыковъ съ 3,000 чезов. и больше и онъ говорилъ чтобъ они о томъ пожарномъ разорѣ-

Черкасскъ, въ который они возвратились, представлялъ изъ себя огромное пожарище; не было ни одного дома, въ которомъ можно бы было укрыться отъ осенней погоды; казаки еще никогда не находились въ столь бѣдственномъ положеніи, ибо не только лишены были всѣхъ средствъ защищаться, но принуждены терпѣть величайшій недостатокъ въ хлѣбѣ, который при этомъ несчастіи погорѣлъ безъ остатка; но они не предавались отчаянію, немедленно выстроили себѣ земляныя избы, а для безопасности отъ внѣшнихъ непріятелей оградилъ городъ свой временнымъ укрѣпленіемъ. Слухъ о постигшемъ несчастіи казаковъ распространился во всѣ сосѣднія орды татарскія; выходившіе изъ плѣну казаки и русскіе люди непрерывно подтверждали о намѣреніи крымскаго хана и кубанскихъ татаръ сдѣлать нападеніе на Черкасскъ; это обстоятельство всего болѣе тревожило казаковъ, ибо большая часть городскихъ пушекъ, стоявшихъ на бастіонахъ, растопилась отъ пожара, остальные же не были способны къ дѣйствию за сторгнѣемъ лафетовъ.

ни не сеговали и опасенія никакого не имѣли, хоти де они и погорѣли и пушки растопились, однако жъ бы уповали въ томъ на Бога и на милость великихъ государей, ихъ царскаго величества; а онъ де того походу за тѣмъ ихъ разореніемъ не отставляеть.

„ И на другой де день послѣ того пожару, войсковою атаманъ Ороль Минаевъ да полковникомъ нынѣшней ихъ станицы атаманъ Кирей Матвѣевъ, да ясаулы Илья Григорьевъ да Лукьянъ Максимовъ, а съ ними казаковъ съ 2,000 челов., собрався и молебствовалъ и совокуился съ Чаганомъ тайшею и съ его улусными людьми, пошли подъ Азовъ того жъ дни конною въ вечеру, а пѣхоту, которой итти было съ нимижъ, оставили для осторожности около окопу на пожарище, и по утру де пришедь подъ Азовъ къ земляному валу, и на тотъ валъ били всѣмъ войскомъ и за тѣмъ де валомъ азовцы были въ готовности и били по нихъ изъ пушекъ и изъ всякаго ружья, и было у нихъ того бою съ напусками часа съ три, и бився разѣхались въ цѣлости, и ни кто изъ нихъ казаковъ и калмыковъ не убитъ и не раненъ, а азовцевъ де на томъ бою по вѣдомости отъ переметчиковъ и отъ выходцовъ къ нимъ на Донъ убито челов. съ 10, да въ тожъ время калмыки отогнали у нихъ азовцевъ многую скотину, которая была съ ихъ Донскихъ казаковъ стороны, а вѣдомость въ Азовѣ о походѣ ихъ учинилась въ скорыхъ дняхъ отъ перебѣдника ихъ Донскаго казака отъ Ивашки Мурзенка, и на томъ де бою онъ Ивашка съ ними азовцы былъ же.“

Въ такомъ положеніи казаки всю надежду имѣли на милость царскую; послали въ Москву зимовую станицу. и въ оной атаманомъ знатнаго старшину Кирѣя Матвѣева съ убѣдительною просьбою о присылкѣ къ нимъ годоваго жалованья, пушекъ и другихъ вещей нужныхъ къ оборонѣ отъ непріятелей. Государь приказалъ отпустить войску Донскому годовое жалованье, три полковыя пушки и сто рублей для постройки собора, а въ слѣдующихъ за тѣмъ годахъ прислано было сверхъ еще три пушки, 50 пуд. пороха, нѣсколько лодокъ для морскихъ поисковъ и 200 руб. денегъ на сооруженіе собора и нѣкоторыя другія вещи, не входящія въ составъ обыкновеннаго жалованья. Такимъ образомъ въ теченіи двухъ лѣтъ Черкасскъ былъ выстроенъ вновь, поставили вокругъ онаго стѣны и выстроили новый деревянный соборъ. Въ продолженіи всего 1688 г. войско Донское было занято усмиреніемъ возмущившихся раскольниковъ, не предпринимая ни какихъ походовъ противу азовцевъ и Крыма.

Казаки вновь открываютъ военныя дѣйствія противъ Азовцевъ и Крымцевъ. Въ началѣ 1689 г. Россія вновь вооружилась противу Крыма еще съ большею дѣятельностію; войску Донскому предписано было командировать въ главную армію 500 человекъ казаковъ, подъ начальствомъ войсковаго атамана Фрола Минаева, съ тѣмъ чтобы онъ къ 1-му числу марта мѣсяца непременно прибылъ съ казаками въ новопостроенную на рѣкѣ Самарѣ крѣпость Богородицкую; прочимъ же казакамъ велѣно открыть военныя дѣйствія противу Азова и отправить знатную часть казаковъ моремъ подъ Крымъ для отвлеченія силъ татарскихъ; для побужденія же казаковъ къ скорѣйшему выполненію воли царской отправленъ былъ въ Черкасскъ изъ посольскаго приказа чиновникъ Часовниковъ, которому поручено было также склонить и Чагана-тайшу къ отправленію въ армію 2,000 человекъ калмыковъ; но тайша этотъ, подъ предлогомъ опасности отъ казаковъ по случаю происшедшихъ тогда между ими ссоръ, отъ похода уклонился и самопроизвольно бѣжалъ со

ясѣми своими улусами за Волгу.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца сего года 700 человекъ казаковъ, выступили въ походъ подъ начальствомъ старшины Ивана Семенова. Въ это время необыкновенное разлитіе водъ рѣки Дона причинило великое опустошеніе, какъ въ казачьихъ городкахъ, такъ и въ самомъ Черкасскѣ, затопило множество скота, разнесло дома и деревянныя стѣны вновь поставленныя вокругъ этого города; возвышеніе воды было столь велико, что казаки принуждены были ставить пушки для защиты города и учреждать караулы на домахъ (500). Сіе обстоятельство было причиною, что казаки, вопреки царскаго повелѣнія, не позволили войсковому атаману Фролу Минаеву принять начальство надъ походнымъ войскомъ; любовь народная и довѣренность къ нему были столь велики, что казаки въ отсутствіе его не почитали себя безопасными отъ окружавшихъ ихъ непріятелей: „если будетъ царскій гнѣвъ, говорили они Фролу Минаеву, то не на тебя одного, а на все войско Донское, а намъ тебя при теперешнемъ несчастіи какъ отпустить“ (501).

Вслѣдъ за отправленіемъ казаковъ въ дѣйствующую армию войско Донское отпустило на море въ 45 лодкахъ 1,000 человекъ казаковъ, подъ начальствомъ атамана Зота Камышникова. Флотилія эта имѣла направленіе правымъ берегомъ азовскаго моря; достигнувъ до Топкихъ водъ, казаки узнали, что Россійская армія отступила отъ Перекопа и потянулась къ Россійскимъ границамъ; въ такомъ случаѣ они немедленно обратились къ Темрюку, напали на окружавшія этотъ городъ турецкія и татарскія селенія, ограбили оныя, схватили 15 человекъ въ плѣнъ и съ добычею возвратились безпрепятственно въ Черкасскъ.

(500) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Ивана Жиловатаго, пріѣхавшаго въ Москву 1689 г. мая 30 дня.

(501) Тѣхъ же дѣлъ, изъ распросныхъ рѣчей вышесказаннаго станичнаго атамана.

Счастливо оконченный походъ этотъ и добыча, полученная подъ Темрюкомъ, поощрили и прочихъ казаковъ на подобное предпріятіе. Въ августѣ мѣсяцѣ 69 (*) человекъ отважныхъ казаковъ подъ предводительствомъ атамана Тимофея Долгова, пробравшись тайно Казачьимъ ерикомъ, вступили въ море и сверхъ всякаго ожиданія явились въ устьяхъ Кубани, отсюда они къ удивленію тамошнихъ жителей производили грабежи и опустошенія, жгли села и деревни, предавали смерти всѣхъ сопротивлявшихся имъ и такимъ образомъ нагрузивъ суда свои всякаго рода пожитками возвращались въ свои жилища; вошедъ въ Азовское море, повстрѣчались съ ними два судна плившія изъ Азова въ Константинополь съ 150 янычарами, казаки немедленно вступили съ ними въ сраженіе, и по кратковременномъ сопротивленіи, овладѣли обѣими судами; при семъ случаѣ 80 человекъ янычаръ лишились жизни, прочія же сдались плѣнными, оба суда сіи казаки привели съ собою въ Черкасскъ.

Между тѣмъ какъ казаки съ большимъ успѣхомъ производили нападенія на крымскихъ татаръ, 120 человекъ казаковъ отправленные изъ войска подъ ногайскіе улусы къ Кубани, наѣхали нечаянно на ногайскаго мурзу Навруза, выѣхавшаго изъ улуса своего съ 30 татарами въ поле на звѣриную охоту, казаки примѣтивъ ихъ, столь удачное сдѣлали на нихъ нападеніе, что ни одинъ изъ сихъ татаръ не могъ спасти себя бѣгствомъ, самъ мурза и девять съ нимъ человекъ израненныхъ были взяты въ плѣнъ, прочіе же были побиты (502).

(*) Вѣроятно 690.

(502) Дѣла Донскіи, распросныя рѣчи войсковаго атамана Фрола Минаева, приѣхавшаго въ Москву 1689 г. декабря 13 дня.

„Онъ же Фроль Минаевъ и казаки сказали: какъ де по указу вел. государей и по наряду въ прошломъ въ 197 г. ходили изъ войска на море судовою для помску надъ гурскими городки и надъ ногайски и вѣрты казаковъ 1,000 челов. въ тожъ время, въ которое пошли въ полки въ крымскій походъ конною, и тогда де тѣ казаки дошли было до Тонкихъ водъ, до Перекопа верстъ за 20 и послыша, что государскіе полки отъ Перекопа отступили и они переѣхали

Ссоры казаковъ съ Калмыками. Аюка - тайша по смерти отца своего Пунчака наслѣдовалъ многочисленнымъ Торгоутскимъ поколѣніемъ, имѣя вліяніе и на прочія плѣмена сего же народа. Власть его надъ калмыками по смерти брата его Замсы умножилась до такой степени, что онъ управлялъ почти всѣмъ калмыцкимъ народомъ самовластно, имѣя сверхъ того въ подданствѣ до 20/т. едиганскихъ татаръ. Близкое со-сѣдство народа сего, столь же воинственного какъ и Донскіе казаки, было поводомъ къ непрерывнымъ обоюднымъ набѣгамъ; нерѣдко многочисленныя партіи калмыковъ, подбѣгая подъ казачьи городки, хватали и убивали людей, забирали ихъ скотъ и прочее имущество и отгоняли въ свои улусы; въ от-мщеніе за эти обиды казаки платили имъ тѣмъ же. Таковыя обоюдныя ссоры доходили иногда до явной войны, но всѣ сіи непріятности были превращаемы миромъ, который обыкновенно оканчивался тѣмъ, чтобы все то, что только калмыками по-граблено у казаковъ или казаками у калмыковъ, другъ на другѣ не спрашивать. Но миръ таковой никогда не былъ про-должителенъ чрезъ самовольство калмыковъ, которые при вся-комъ удобномъ случаѣ поступали съ казаками какъ съ непріа-телями; дерзость свою наконецъ простерли они до того, что подбѣгали подъ Россійскія границы; разоряли села и деревни, хватали людей и отводили въ свои улусы, въ коихъ можно было видѣть столько же Россійскихъ плѣнныхъ людей, сколько и на Кубани. Нерѣдко партіи этихъ охотниковъ были совер-шенно разбиваемы казаками и тогда поносная смерть дѣла-лась обыкновенною участію плѣнныхъ. При подобныхъ случаяхъ казаки гораздо снисходительнѣе поступали съ турками и тата-рами.

Усиливавшаяся время отъ времени власть Аюки-тайши надъ калмыцкимъ народомъ, приобрѣтала ему большое уваженіе не только крымскаго хана, но и турецкаго султана; съ того вре-мени сношенія его въ особенности съ Крымомъ сдѣлались ча-ще. Ханъ ласкалъ его, посылалъ къ нему ежегодно подарки въ намѣреніи склонить подъ власть турецкаго султана, но мѣ-

стное положеніе не позволяло сему тайшѣ принять это предложеніе, однакожь съ сего времени видимъ Аюку-тайшу не всегда вѣрнымъ подданнымъ Россіи.

Во время перваго похода російскихъ войскъ подъ Крымъ, ханъ крымскій явно обнаружилъ свое дружеское сношеніе съ Аюкою. Вельможа его Богатырь-ага, именемъ хана упрасивая князя Голицына заключить миръ, между прочимъ писалъ къ нему: „мы заключили съ калмыками договоръ на томъ, что если крымскій ханъ будетъ находиться въ дружбѣ съ Россійскимъ Государемъ, то и калмыки обоимъ симъ державамъ будутъ мирны; въ противномъ случаѣ если между обоими сими Государями нарушится миръ, тогда и калмыки вамъ непріятель;“ но при заключеніи вновь мира съ крымскимъ ханомъ, Россія обязана заплатить Аюкѣ-тайшѣ 10/т. ефимковъ, 1,000 ефимковъ золотомъ и на пять тысячъ товаровъ, какихъ они пожелаютъ взять отъ русскихъ (503).

на ногайскую сторону межъ Темрюка и Кубани, на Турскіе и Ногайскіе села и деревни и милостію Божіею и велик. государей счастіемъ въ тѣхъ мѣстахъ села и деревни разорили и взяли въ полонъ 15 человекъ и пришли на Донъ безъ урону только равни изъ нихъ двухъ человекъ.

„А послѣ того съ моря пріѣхавъ и спустя день съ 10, въ августѣ мѣсяцѣ, ходили на то же Азовское море, съ атаманомъ съ Тимкомъ Долгимъ, казаковъ 69 челов., да конницею на Ногайскую сторону и подъ черкесы и ногайцы 120 челов., атаманомъ у нихъ былъ Кирей Игнатьевъ, и тѣ де казаки, которые пошли судовою, били въ Кубанѣ на села и деревни, и многія разорили и пожгли и татаръ многихъ же побили, да въ полонъ взяли 20 челов., а какъ пошли назадъ, и съ ними де встрѣтились на водѣ двѣ фуракаты съ янычаны, которые шли съ перемѣны изъ Азова въ Царь - городъ, и учинили съ ними бой и тѣ фуракаты взяли и янычанъ многихъ побили, да въ полонъ взяли 80 челов., а сказали де они, что было ихъ на тѣхъ фуракатахъ 150 человекъ, а коннымъ казакамъ на ногайской сторонѣ, не доѣзжая ногайскаго Навруза мурзы улуса за полдни, встрѣтился съ ними тотъ мурза, а съ нимъ татаръ 30 челов., а гулялъ онъ въ поле за охотою со птицы и съ собаки, и учинили съ ними бой и тѣхъ де при немъ будучихъ татаръ, побили а достальныхъ 9-ть человекъ, и того самаго мурзу раненаго взяли въ полонъ же.“

(503) Письмо къ болрину князю Голицыну ближняго крымскаго хана человека Богатырь-Аги юля 6-го 1689 года.

„Мы съ калмыками накрѣпко договоръ учинили на томъ, что какъ съ вами въ дружбѣ будемъ, такъ и калмыки за одно съ нами и вами, а буде межъ нами не дружба, и съ калмыки у васъ не будетъ дружбы, а съ нами

Но еще болѣе калмыки оказывали дружество къ азовцамъ, къ коимъ непрерывно пригоняли они на продажу скотъ свой, и взамѣнъ того получали отъ нихъ разныя необходимыя для себя вещи. Казаки неоднократно приносили жалобу Россійскому Государю на сію дружественную связь ихъ, вредную для нихъ и для пограничныхъ россійскихъ провинцій; пока наконецъ дано было имъ дозволеніе нападать и отбивать у калмыковъ скотъ и другія вещи, везенныя ими на продажу въ Азовъ.

Аюка-тайша нерѣдко употреблялъ насильственные мѣры къ присоеванію себѣ улусовъ слабѣйшихъ владѣльцевъ. Это самое обстоятельство заставило въ 1690 г., начальна Сетеря мурзу, а потомъ Саломъ - Сереня тайшу сына Богатырь - Черкеса съ подвластными имъ калмыками бѣжать въ Черкасскъ. Казаки, бывъ обрадованы этимъ приходомъ калмыковъ, приняли ихъ ласково; одарили владѣльцевъ и старшинъ панцырями, пищалями и луками и другими вещьми, взяли отъ нихъ присягу на вѣрность службы Россійскому Государю и позволили имъ кочевать вмѣстѣ съ Донскими калмыками близъ Черкаска (504).

Для безопасности отъ набѣговъ непріятельскихъ, Государь приказалъ казакамъ построить для нихъ въ удобномъ мѣстѣ вѣрность и не отдавать ихъ кочевье отъ казачьихъ городковъ. Но владѣльцы сіи не избѣгли мщенія Аюки-тайши; онъ чрезъ нѣсколько времени по переходѣ ихъ на Донъ послалъ сильное войско подъ начальствомъ брата Черкесова Мункотемира тайши, который, перешедъ тайно чрезъ рѣку Донъ, напалъ внезапно на улусъ брата своего и безъ всякаго сопротивленія забралъ оный со всѣмъ ихъ имуществомъ; Богатырь-Черкесъ едва могъ спастись бѣгствомъ съ нѣсколькими приверженными къ нему калмыками въ Гундоровскій казачій городокъ, а от-

пожелаете миру и вы къ Аюкаю калмыку дайте 10 т. ефимковъ да 1,000 ефимковъ золотыхъ, на 5 т. ефимковъ товару, какова они похотятъ взять.“

(504) Распросныя рѣчи станичнаго атамана Дмитрія Федорова, пріѣхавшаго въ Москву 1690 г. марта 22 дня.

туда въ Черкасскъ. Мункотемиръ при переходѣ своемъ чрезъ Донъ причинилъ великое опустошеніе казачьимъ городкамъ и захватилъ множество людей съ ихъ имуществомъ. Нападеніе это на калмыковъ и на казачьи городки произведено было въ то самое время, когда знатная часть казаковъ преслѣдовала азовцевъ и другихъ татаръ учинившихъ нападеніе на Торъ. Аюка тайша не ограничиваясь симъ мщеніемъ, подъ благовиднымъ предлогомъ подослалъ въ Черкасскъ раскольника Ѳедора Болдыря съ тѣмъ, чтобы онъ зажегъ городъ и другіе казачьи городки въ то время, когда казаки будутъ преслѣдовать Мункотемира; но злодѣй сей былъ схваченъ и получилъ достойное наказаніе. Казаки не столько огорчились претерпѣнными разореніями отъ калмыковъ, сколько отнятіемъ отъ нихъ насильно улуса Богатырь - Черкеса, въ коемъ находилось болѣе 2,000 мужскаго и женскаго пола душъ.

Россійскій дворъ въ подобныхъ случаяхъ по жалобамъ казаковъ на калмыковъ обыкновенно предписывалъ ихъ владѣльцамъ возратить пограбленное; но со стороны ихъ никогда сего выполняемо не было, и потому войско Донское дабы не лишитъ многихъ казаковъ собственности, дозволило старшинѣ Филипу Сулѣ собрать охотниковъ со всѣхъ казачьихъ городковъ для нападенія на улусы Аюки-тайши, снабдивъ его для сего предпріятія судами и пушками. Казаки, перетащивъ суда свои изъ Дона въ Волгу, приплыли къ Черному Яру; здѣсь узнали они, что не въ дальнемъ разстояніи вочуютъ Аюки тайши и Мункотемировы улусы съ подвластными имъ едисанскими татарами. Казаки приблизились къ улусамъ тайно и безъ всякаго сопротивленія бросились грабить имущества и убивать беззащитныхъ; набравъ сколько могли добычи и захватя 15 человекъ лучшихъ татаръ и калмыковъ въ плѣнъ, казаки отступили къ Черному Яру. Астраханскій воевода князь Пріимковъ-Ростовскій, извѣщенный о семъ нападеніи казаковъ на калмыцкіе улусы, выслалъ для защиты ихъ три приказа стрѣльцовъ и 300 человекъ татаръ съ полковникомъ Кохановскимъ, который и настигъ казаковъ близъ Чернаго Яра. Казаки за-

медлили въ этомъ мѣстѣ по случаю тому, что вели переговоры съ калмыками о выкупѣ захваченныхъ у нихъ людей, за каждаго по 500 руб. Кохановскій окружилъ казаковъ и причинилъ жестокіе побои походному атаману Филипу Сулѣ и другимъ и отнялъ у нихъ всѣхъ забранныхъ ими въ плѣнъ калмыковъ и татаръ. Походный атаманъ предполагалъ найти себѣ защиту въ астраханскомъ воеводѣ, послалъ къ нему казаковъ съ просьбою о возвращеніи отнятыхъ у него полковникомъ Кохановскимъ плѣнныхъ; но воевода этотъ не только не дѣлалъ имъ никакого удовлетворенія, но послѣ жестокостей нанесенныхъ присланнымъ казакамъ велѣлъ ихъ посадить въ тюрьму, гдѣ они томились болѣе четырехъ мѣсяцевъ, пока наконецъ по царскому повелѣнію были освобождены. Походный атаманъ принесъ на воеводу жалобу Государю и въ то же время увѣдомилъ о всемъ происходившемъ войско Донское, которое съ своей стороны не проминуло утруждать просьбою Государя объ удовлетвореніи походнаго атамана Филипа Сулу и казаковъ въ нанесенныхъ имъ обидахъ. Посланная по сему изъ Посольскаго приказа грамота къ воеводѣ объ удовлетвореніи казаковъ въ ихъ претензіи не была исполнена, ибо князь Примковъ-Ростовскій вскорѣ по доставленіи къ нему отнятыхъ у казаковъ плѣнныхъ калмыковъ и татаръ, отпустилъ въ ихъ улусы. Въ Посольскій же приказъ отписалъ, что взятые казаками въ плѣнъ калмыки и татары не принадлежатъ Аюкѣ-тайшѣ, а есть юртовые, кочующіе близъ Астрахани, которые никогда не нападали на казачьи городки. Это возбудило казаковъ къ возраженію противъ дѣйствій воеводы: они въ сильныхъ выраженіяхъ жаловались Государю на его поступки, доказывая, что ни одни калмыки причиняютъ казачьимъ городкамъ разоренія, но что вмѣстѣ съ ними и юртовскія татары находящіеся подъ непосредственнымъ его начальствомъ; что татары эти хватая казаковъ, продаютъ въ Азовѣ и въ другихъ мѣстахъ со свѣдѣнія его и что таковыхъ татаръ находится у нихъ въ Черкасскѣ довольно число и сидятъ на окупу; „и потому если (продолжаютъ они въ той же отпискѣ) не велѣно

будеть отдать намъ отнятыхъ у калмыковъ астраханскимъ воеводою плѣнныхъ татаръ и калмыковъ, то въ такомъ случаѣ мы будемъ отданы въ поруганіе; тогда некому будетъ вооружаться на Шамхала (горскаго владѣльца) и на раскольниковъ находящихся подъ его покровительствомъ; всѣ разбредутся въ разныя мѣста, ибо мы живемъ на Дону угрожаючи межъ себя другъ другу, а не досаждаючи, да и то многіе измѣняютъ Государю и бѣгутъ къ раскольникамъ“ (505). Но не взирая на

(505) Память изъ Посольскаго приказа въ приказъ казанскаго дворца; отъ 8 августа 1691 года.

„И потому де ихъ (Донск. казаковъ) челобитью великіе государи пожаловали указали ему боярину и воеводѣ (князю Пріимкову Ростовскому) тотъ ихъ ясирь отдать и казаковъ ихъ Василья Зацкаго съ товарищи изъ тюрьмы освободить, и о томъ къ нему боярину и воеводѣ ихъ в. государей грамоты, и они де съ тѣми грамотами послали изъ войска въ Астрахань казаковъ своихъ и онъ де бояринъ и воевода по тѣмъ грамотамъ казаковъ свободялъ, а ясирю не отдавъ ни одного человѣка, дружа и наровя бусурманамъ, взявъ съ нихъ великія взятки, а ихъ имъ велик. государемъ обогалъ, писалъ ни дѣломъ, что будто тотъ ясирь астраханской юртовой, а тотъ де ясирь не астраханской Аюкинныхъ улусовъ; да онъ же де бояринъ и воевода ихъ атамановъ и казаковъ бесчестить, называя ихъ измѣнниками и бранить всячески, а они де войскою ни какія за собою измѣны не знаютъ и впредь ни на какое худо не помышляють, ради они имъ вел. государемъ служить со всякимъ радѣніемъ, а если бы де тотъ ясирь былъ и астраханскихъ юртовъ, и они бы того тапты не стали, для того что съ Аюкины калмыки приходили войною многія и изъ Астрахани юртовья татаровя и городки порубили и живыхъ побрали, и нынѣ у нихъ въ войску сидятъ на окупѣ, и какая де его боярина и воеводы къ нимъ великимъ государемъ вѣрная служба, а къ намъ правда, для чего онъ отъ нихъ вел. государей въ Астрахань присланъ, того бы было ему смотрѣть и беречь накрѣпко, и юртовья де татаровя на православныхъ христіанъ ходять, соединясь съ ордами, войною непрестанно и многыхъ всякихъ чиновъ людей приводять въ Азовъ и продають за морѣ, а онъ бояринъ и воевода имъ потакаетъ для своей бездѣльной корысти и милости у нихъ в. государей о томъ просятъ всѣмъ войскою Донскимъ, чтобъ они вел. государи пожаловали ихъ, велѣли, взятой ихъ безвинно ясирь, боярину и воеводѣ астраханскому отдать имъ въ войско, или на чемъ было . . . заплатить за нихъ окупъ, чтобъ тотъ ихъ ясирь безвинно у нихъ не продалъ; а ему бы де боярину и воеводѣ впредь не повадно было ихъ мѣнять на бусурмановъ, а что де онъ бояринъ и воевода называлъ ихъ все войско измѣнниками, и о томъ бы указали они в. государи свой государской милостивый указъ учинить; а если де ихъ государской милости и указу объ отдачѣ того ихъ ясыря не будетъ и они де ему боярину въ

столь сильное настояніе, войску Донскому не было отдано взятыхъ казаками подъ Астраханью въ плѣнъ татаръ и калмыковъ, вѣроятно потому, что казаки взяли ихъ не на берегахъ Дона, когда они приходили подъ казачьи городки, а близъ Астрахани въ ихъ жилищахъ; что войско Донское посылало казаковъ подъ улусы калмыцкіе безъ царскаго дозволенія; и что грамота изъ Посольскаго приказа, по донесенію астраханскаго воеводы, объ отпускѣ тѣхъ плѣнныхъ въ ихъ улусы была получена имъ; впрочемъ нѣкоторымъ образомъ въ удовлетвореніе за это приказано было выдать походному атаману Филипу Султѣ и бывшимъ съ нимъ въ походѣ казакамъ 500 руб. денегъ изъ государственнаго казначейства.

Въ отмщеніе за разореніе казаками ихъ улусовъ калмыки 1691 года приходили съ многочисленнымъ войскомъ подъ начальствомъ знатнѣйшаго ихъ наѣздника Малая Батыря подъ Черкасскъ и подъ другіе казачьи городки, рѣзали и брали въ плѣнъ казаковъ и женъ ихъ; нѣкоторые городки совершенно уничтожили и отогнали изъ подъ казачьихъ городковъ разнаго рода скота болѣе 20/т. Въ мартѣ мѣсяцѣ сего года казакамъ удалось схватить Малая Батыря подъ Азовомъ, котораго въ тожь время посадили въ воду, отвергнувъ предлагаемыя имъ за полученіе свободы 2/т. лошадей; казѣкамъ же поймав-

поруганіе и въ посмѣшищѣ выданы будутъ, а надъ шевкаломъ и надъ раскольники промыслу никакого нечинится и отъ нихъ изъ войска многіе разбредутся куда кому сручно, а въ Русь иной и не поидеть для того, что у нихъ людъ вольной и бѣглеы отъ бояръ люди и крестьяне, имъ негдѣ дѣваться, туда жъ въ погнбелъ къ раскольникамъ пойдуть, а они де живутъ въ крайнемъ мѣстѣ, угождаючи межъ себя другъ другу, а не досаждаючи, и такъ де имъ отъ худыхъ людей стало жить худо, и многіе оставя свѣтъ идуть во тму и пишутъ они къ великимъ государемъ неспрестанно, а помощи имъ ни какой въ такое Богомъ изволивше въ шаткое время подать они в. государи не изволятъ, и въ томъ ихъ государская воля, и въ предъ имъ ожидать добра кромѣ худа нечего, и пишутъ они къ нимъ в. государемъ со слезами въ послѣднія, а житью своему разуму какъ приобѣтъ не знаютъ, не вѣдомо имъ (сереженія держать отъ непріятельскихъ людей, а на ипаки отъ своихъ по прелести Шавкаловой и враговъ измѣнниковъ (раскольниковъ бѣжавшихъ на Куму) и дураковъ явится у нихъ много и пишутъ они къ нимъ в. государемъ нескрываючи“ . . . ,

шимъ его заплатили изъ войсковой суммы 200 руб., которые въ послѣдствіи времени были пополнены по царскому повелѣнію изъ государственнаго казначейства.

За претерпѣнное разореніе казаками отъ калмыковъ войско Донское рѣшилось открыть Аюкѣ-тайшѣ явную войну; войско-вой атаманъ Фроль Минаевъ самъ хотѣлъ предводительствовать казаками и собиралъ уже для сего войско. Аюка-тайша, извѣщенный о семъ вооруженіи, три раза присылалъ посланцовъ своихъ просить о заключеніи съ ними мира, общаясь во всемъ удовлетворить казаковъ; наконецъ послѣ неоднократныхъ совѣщаній, казаки изъявили согласіе заключить миръ съ калмыками на слѣдующихъ условіяхъ: чтобы Аюка-тайша возвратилъ взятыхъ въ плѣнъ казаковъ и отогнанный изъ подъ ихъ городковъ скотъ, чтобы впредь со стороны калмыковъ подобныхъ набѣговъ на казаковъ и на російскіе украинные города производимо не было; съ раскольниками и съ азовцами никакихъ сношеній не имѣть и для продажи къ нимъ скота и другихъ вещей не посылать; въ противномъ случаѣ казаки имѣютъ полную свободу съ таковыми калмыками поступать какъ съ неприятелями. Договоръ этотъ калмыцкіе посланцы утвердили клятвою въ присутствіи всѣхъ казаковъ (506).

Съ сего времени казаки пойманныхъ калмыковъ на воровствѣ никогда не отдавали на окупъ, но всегда предавали ихъ на мѣстѣ преступленія поносной-смерти. Въ 1694 г. казаки разбивъ партію азовцевъ, калмыковъ, ногайцевъ и едисанцевъ, взяли въ плѣнъ 48 человекъ, въ числѣ коихъ 27 калмыковъ, между воими находились ближніе люди Аюки-тайши; сихъ плѣнныхъ доставили въ Чераскъ въ то время, когда находились въ ономъ отъ него послы, которые вида какой участи они подвергнутся, убѣждали казаковъ отдать калмыковъ этихъ на окупъ, предлагая имъ за каждаго дать по 200 и 300 лошадей; но казаки желая избавиться отъ набѣговъ ихъ навсегда,

(506) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Якова Афонасьева 1691 года апрѣля 15 дня.

растаскали своихъ плѣнниковъ лошадыми, привязавъ къ хвостамъ въ присутствіи посланцевъ; тѣмъ же казакамъ, кои взяли калмыковъ въ плѣнъ, выдали изъ войсковыхъ суммъ 250 рублей (507).

Г Л А В А XVI.

Проншествія на Дону до завоеванія Азова.—Дѣйствія казаковъ въ 1-ю компанію Петра 1-го подъ Азовомъ.—Дѣйствія ихъ во вторую компанію подъ Азовомъ.—Послѣдующія проншествія до заключенія мира съ турками.—Славный подвигъ казаковъ при усмиреніи Астраханскаго бунта.—

Происшествія на Дону до завоеванія Азова. Донскіе казаки будучи обезпоеваемые калмыками и азовцами, принуждены были въ декабрѣ мѣсяцѣ 1689 г. заключить съ послѣдними мирный договоръ, съ условіемъ не нападать на казачьи городки и южныя предѣлы Россіи. Миръ этотъ продолжался до 1691 года. Главнѣйшія причины, побудившія казаковъ къ сохраненію столь продолжительнаго и совершенно бесполезнаго для Россіи мира, были: заведшіяся у казаковъ съ калмыками ссоры; угрозы раскольниковъ въ соединеніи съ калмыками, ногайцами и азовцами разорить Черкасскъ и казачьи городки и наконецъ выкупъ плѣнныхъ турокъ и татаръ, взятыхъ казаками въ прошломъ 1689 году въ разныхъ мѣстахъ. Перемиріе это азовцы дѣйствительно соблюдали свято

(507) Распросныя рѣчи станичнаго атамана Тимофея Ѳедорова 1694 года октября 2 дня.

„И какъ де тѣ вышеписанныя походные казаки съ тѣми языки пришли на Донъ, и въ войску де тѣхъ Аюкаевыхъ калмыковъ распрашивали, и по распросамъ явились Аюкаевы ближніи люди, и они де казаки петерпя Аюкаевыхъ досады, тѣхъ языковъ при Аюкаевыхъ прислыщникахъ, которые въ то время присланы были къ нимъ въ войско, растаскали конями, привязавъ къ хвостамъ, по острову вѣхъ. А Аюкаевы де посланцы давали за тѣхъ языковъ окупу войску по 200 и по 300 лошадей за человѣка и они де того окупу за нихъ не взяли, и оскудя себя изъ войска, изъ ихъ в. государей обыкновеннаго жалованья дали за тѣхъ языковъ походнымъ казакамъ, вмѣсто окупу, на добычъ 250 рублей.“

въ отношеніи только къ казакамъ, но границы російскія безпрерывно были обезпечиваемы отъ нихъ.

Войско Донское бывъ въ это время занято защитою собственныхъ своихъ жилищъ отъ безпрерывныхъ набѣговъ калмыковъ и отвращеніемъ происковъ кабардинскаго владѣльца Шамхала, употреблявшаго въ то время всѣ средства на склоненіе казаковъ къ побѣгу съ Дону въ его владѣнія, не въ состояніи было унять азовцевъ отъ хищническихъ набѣговъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1690 года азовскій бей, по наущенію злѣйшихъ раскольниковъ Петра Мурзенка и Льва Маноцкаго, выступилъ съ тысячью человекъ азовцевъ, раскольниковъ и татаръ къ Тору, куда обыкновенно съ украинскихъ городовъ собирались жители для добыванія соли; въ окрестныхъ мѣстахъ повстрѣчались они съ этими промышленниками, шедшими за дровами. Раскольники увѣрили ихъ, что они Донскіе казаки и идутъ для развѣдыванія о непріятелѣ; обезпеченные сими увѣреніями, несчастные жители не приняли никакихъ мѣръ осторожности къ своей защитѣ и были жертвою своего легковѣрія. Азовцы напали на нихъ, предали сопротивляющихся смерти, а прочихъ увели въ плѣнъ. При этомъ случаѣ бей былъ тяжело раненъ въ руку, которую ему послѣ того въ Азовѣ отрѣзали. Войско Донское хотя и имѣло свѣдѣніе о семъ походѣ азовцевъ, но не въ состояніи было выслать противу нихъ 400 человекъ казаковъ, которые не могли предпринять ничего рѣшительнаго. Таковое внезапное вторженіе азовцевъ, сопряженное съ лишеніемъ тысячи человекъ жителей, было причтено къ недѣйствию со стороны войска Донскаго и продолжительному миру съ непріятелемъ, всегда готовымъ опустошать Россійскія границы (508).

Въ это время раскольники имѣли сношенія со всѣми горскими владѣльцами, которые уважали ихъ за храбрость и отважность, какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути; время отъ

(508) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи в. атамана Ивана Семенова, пріѣхавшаго въ Москву 1690 г. декабря 15 дня.

времени они сдѣлались для нихъ необходимы и главными указателями пути къ Донскимъ казачьимъ городкамъ и Россійскимъ границамъ; пользуясь таковымъ довѣріемъ, раскольники предприняли намѣреніе согнать съ Дону казаковъ, разорить Черкасскъ и прочіе городки, населить ихъ раскольниками и татарами, и потомъ всю эту страну отдать во владѣніе турецкому султану; такое намѣреніе предполагали они привести въ исполненіе зимою. Азовскій бей принялъ это съ охотою и умѣлъ склонить къ сему предпріятію Аюку-тайшу, ногайскихъ и горскихъ владѣльцевъ. Войска всѣхъ этихъ разноплеменныхъ народовъ уже стекались къ Азову, а войско Донское еще не имѣло никакихъ свѣдѣній о непріятельскихъ замыслахъ. Къ счастью казаковъ въ это время былъ схваченъ въ Черкасскѣ дзутчикъ, посланный азовскимъ беємъ для разузнанія о числѣ войскъ, находящихся въ Черкасскѣ и объ укрѣпленіи онаго: отъ него-то узнали они о замыслахъ непріятельскихъ. Таковыя непріязненные дѣйствія азовцевъ и окружавшихъ ихъ народовъ, заставили казаковъ принять всѣ осторожности и на всякій случай послали они въ Москву станицу просить у Государя войскъ для защищенія своихъ жилищъ и объ отклоненіи Аюку-тайшу отъ предпріятого имъ намѣренія; но вооруженіе это, предпріятое непріателемъ съ ревностію, неизвѣстно по какимъ причинамъ мгновенно разсѣялось, а съ нимъ вмѣстѣ и желаніе овладѣть землею населяемою казаками (509).

(509) Тѣхъ же дѣлъ, грамота на Донъ 23 января 1691 г.

„ А притомъ намъ в. государемъ извѣстно чините что соединяются на васъ атамановъ и казаковъ войною турки, и крымцы, и ногайцы, и черкесы и калмыцкій Аюкай тайша съ воинскими своими людьми, которыхъ уже его Аюкаевыхъ калмыкъ ницѣ въ Азовъ съ мурзою съ Будачереннымъ сыномъ Кашкюю съ 500 челов. и больше пришло, а къ тому ожидаютъ отъ него жъ Аюки и еще въ прибавку людей его въ скорѣ, да съ ними жъ измѣнники Кумскіе казаки и хотять приступить къ Черкасскому большимъ собраніемъ вскорѣ, а розоря бы Черкасской и Донъ рѣку очистятъ, отдать во владѣніе турецкому салтану, и какъ Донъ очистятъ, тогда и подъ украинные в. государей города имѣютъ намѣреніе свое приходитъ войною жъ и бѣете челомъ намъ в. государемъ чтобъ васъ отъ тѣхъ непріятелей оборонить и Аюкай тайшу отъ совѣта и отъ соеди-

Войско Донское оскорбленное таковымъ поступкомъ азовцевъ, сдѣланнымъ ими во время перемирія, въ тожь время приступило къ разорванію онаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ начатію военныхъ дѣйствій, которыя они открыли въ началѣ весны 1691 г. какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ. 800 чело- вѣкъ отборныхъ казаковъ, посланные два раза на море, причинили опустошенія ногайскимъ и крымскимъ улусамъ, по- брали большое число въ плѣнъ и освободили множество рос- сійскихъ людей. Столь же счастливо окончился походъ 200 че- ловѣкъ казаковъ, посланныхъ подѣ Перекопъ, гдѣ удалось имъ схватить 35 чело- вѣкъ татаръ въ плѣнъ (510).

Въ слѣдующемъ 1692 году войско Донское производило морскіе поиски, еще съ большею дѣятельностію: въ іюнѣ мѣ- сяцѣ сего года 1,200 чело- вѣкъ, посаженные на 76 струговъ, неожиданно явились подѣ стѣнами Темрюка и Казылташа; приступали къ этимъ городамъ, разграбили окрестности оныхъ и сожгли нѣсколько татарскихъ деревень; захватили 130 че-

ненія съ крымцы и азовцы унять; да станичной вашъ атаманъ Иванъ Аверкіевъ въ нашемъ государственномъ Посольскомъ приказѣ въ распросѣ сказалъ, что до ихъ изъ Черкаскаго поѣзда за недѣлю подосланы были изъ Азова въ Чер- каской съ товары для провѣдыванія вѣстей въ лазутчикахъ азовцовъ два чело- вѣка, которые вамъ сказали, что прислалъ къ вамъ ихъ для всякихъ вѣдо- мостей и для осмотра въ Черкаскомъ крѣпостей азовскій бей и личарской ага, а осмотрѣвъ городъ и всякія крѣпостя, такъ же смѣта казаковъ и сколько пушекъ, боею и агѣ сказать, а они де бей и ага намѣрены приходить войною подѣ Черкаской и разорить и выжечь.“

(510) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1692 г. февраля мѣсяца.

„ И что вы атаманъ и казаки въ прошломъ во 199 году въ разныя времена посылали изъ войска казаковъ на морѣ для воинскаго надѣ неприятели про- мысла, по 800 чело- вѣкъ, которые будучи въ тѣхъ походахъ многіе неприятельскія жилища разорили и ихъ побили, и живыхъ съ женами и съ дѣтми въ полонъ многіхъ побрали и изъ неволи христіанъ многіхъ освободили и вывезли съ собою на Донъ. Да выжь въ третіе посылали за азовцами и за Люкасыми калмыки, увѣдавъ приходить ихъ войною подѣ наши великихъ государей украин- ные города, и тѣ посланные ваши казаки тѣхъ неприятелей, не допусая до украинскихъ городовъ, разбили и многіхъ побили и въ лыцехъ поймали, и мы великіе государи васъ атамановъ и казаковъ за ту вашу службу жалуемъ милос- тиво похваляемъ.“

ловѣкъ обоого пола и освободили изъ плѣну 200 русскихъ людей. При возвращеніи своемъ въ Черкасскъ хотя и встрѣтили препятствіе азовцевъ въ устьяхъ Дона, но мужественно отразивъ ихъ, пошли безъ малѣйшей потери. Въ слѣдъ за этимъ войско Донское вновь отправило на море казаковъ на 15 стругахъ, которые по выходѣ въ Азовское море, встрѣтились съ турецкимъ флотомъ, шедшимъ изъ Константинополя въ Азовъ, съ войскомъ, провіантомъ и амунициею; вступили съ нимъ въ бой, но по неравенству силъ, принуждены были отступить и обратиться къ предмѣстію Азова, около коего разграбивъ что могли и взявъ 10 человекъ въ плѣнъ, возвратились въ Черкасскъ (511).

Между тѣмъ какъ казаки громили непріятельскіе села и улусы, азовцы изыскивали всѣ средства вредить черкасскимъ жителямъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ (1692 г.) 100 человекъ азовцевъ и калмыковъ улуса Аюки-тайши, пользуясь темнотою ночи, прокрались тайно подъ Черкасскъ, захвативъ 200 лошадей, ходившихъ между онымъ и Манычскимъ городкомъ и отогнали въ Азовъ. Успѣхъ этотъ возбудилъ въ нихъ охоту отогнать всѣ казачьи табуны; для сего предпріятія собралось ихъ подъ начальствомъ знатнѣйшаго наѣздника Кубекъ-аги болѣе 509 человекъ. Достигнувъ безпрепятственно въ ночи до

(511) Тамъ же, отписка в. Донскаго, привезенная въ Москву атаманомъ Лукьяномъ Максимовымъ, 1692 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ.

„ Наши походные казаки за моремъ непріятельскія селы и деревни пожгли и на ихъ же бусурманскіе города Темрюкъ и Казылбашъ боемъ били и всякіе приступы чинили, и ихъ непріятелей, около тѣхъ городовъ будучи жъ, разорили жилища и многихъ побили и живьемъ ихъ и жспъ ихъ и дѣтей побрали душъ со сто съ трицать, такожды и полону русскаго изъ ихъ бусурманскихъ рукъ вывели душъ съ двѣсти и больше; а какъ тѣ наши вышеписанные морскіе казаки изъ походу пришли и прешедъ будучи у насъ въ войску, такожды мы холопи ваши служба вамъ в. государемъ сентября въ тѣхъ же скорыхъ числѣхъ, послазали мы холопи ваши и въ другой разъ судовою на морѣ въ 15 лодкахъ своихъ казаковъ и тѣ наши казаки будучи на морѣ на суды ихъ бусурманскіе, которые къ Азову шли, боемъ били и около Азова всякое утѣсненіе имъ чинили и на отѣзжіе ихъ азовскіе караулы боемъ били жъ и до смерти многихъ побили и живьемъ взяли ихъ бусурмановъ душъ съ десять.“

рѣчки, называемой Василѣвъ, около коей ходили казачьи лошадиные табуны, захватили здѣсь на утренней зарѣ болѣе полуторы тысячи лошадей и погнали въ Азовъ; вѣсть объ этомъ похищеніи быстро дошла до Черкаска, а затѣмъ и до Манычскаго городка . . . тысяча казаковъ въ одно мгновеніе выступили изъ Черкаска за похитителями. Войсковою атаманъ Фроль Минаевъ, дабы вѣрней поразить непріятеля, отрядилъ напередъ знатную часть казаковъ къ рѣкѣ Аксаю, гдѣ непременно должны азовцы переправляться чрезъ эту рѣку, а самъ съ остальными казаками началъ преслѣдовать ихъ. По приближеніи азовцевъ къ переправѣ Фроль Минаевъ сдѣлалъ стремительное нападеніе на нихъ; между тѣмъ бывшіе въ засадѣ казаки ударили на враговъ съ тыла. Азовцы не выдержавъ перваго натиска казаковъ смѣшались и начали искать спасенія въ бѣгствѣ. Топкія болота окружавшія эти мѣста были причиною гибели многихъ непріятелей; при этомъ случаѣ казаки не только отбили всѣ свои табуны, но захватили даже непріятельскихъ 300 лошадей съ сѣдлами, взяли въ плѣнъ 60 человекъ татаръ, между коими два Бешлейскихъ аги, которые вскорѣ отъ ранъ померли; Кубекъ-агъ перебилъ руку и онъ едва могъ спастись бѣгствомъ. Потеря непріятелей убитыми и ранеными была значительная; три дня казаки или убивали или брали въ плѣнъ, отыскивая ихъ въ топкихъ болотахъ и по камышамъ, гдѣ они скрывались избѣгая смерти (512).

Пораженіе азовцевъ подъ Черкасскимъ привело ихъ въ такую слабость, что они чрезъ весь 1693 г. не предпринимали никакихъ поисковъ у пограничныхъ Россійскихъ городовъ. Среди этихъ происшествій Малороссійскіе казаки (1694) имѣя намѣреніе наказать азовцевъ и калмыковъ за грабительства,

(512) Тамъ же, вышесказанная отписка войска Донскаго, распросныя рѣчи Воульскихъ жителей, посланныхъ воеводою того города въ Черкасскъ, для вѣстей, показаніе толмача Даниила Леншина, посланнаго изъ Москвы на Донъ съ грамотами.

пришли въ знатныхъ силахъ на вершину рѣки Калміуса, въ томъ намѣреніи, чтобы посредствомъ высланныхъ партій на устьѣ этой рѣки Міуса и Берды, подѣ предложемъ рыбной и звѣриной ловли, вызвать изъ Азова татаръ и калмыковъ и потомъ преградя имъ дорогу къ обратному возвращенію, истребить ихъ совершенно: Малороссійскіе казаки желая склонить къ этому предпріятію Донскихъ, прислали къ нимъ посланцевъ своихъ. Но войско Донское въ это время занято было преслѣдованіемъ 400 человѣкъ азовцевъ, калмыковъ, ногайцевъ и раскольниковъ, отправлявшихся для добычи подѣ Россійскіе украинные города, и отказалось участвовать въ предпріятіи малороссійскихъ казаковъ.

Упомянутая толпа азовцевъ, калмыковъ и ногайцевъ, достигнувъ предѣловъ городовъ: Рыбнаго, Ольшанскаго и Усерда, предпринимала уже намѣреніе отдѣльными партіями напасть на жителей тѣхъ городовъ, занимавшихся снятіемъ хлѣба на поляхъ, какъ вдругъ показываются противу нихъ 900 человѣкъ казаковъ подѣ начальствомъ войсковаго атамана Ивана Семенова. Татары сначала полагали, что партія казаковъ не многочисленна, устремились было на нихъ всею силою, но увидѣвъ, что казаковъ болѣе ихъ, обратились въ бѣгство: казаки гнались за ними болѣе 30 верстъ и весь этотъ путь усѣяли трупами своихъ непріятелей, въ плѣнъ же взяли 32 человѣка (513).

Въ отмщеніе за это пораженіе, азовцы въ августѣ мѣсяцѣ

(513) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Василья Горбунова 1694 г. августа 5 дня.

„Войсковою атаманъ Иванъ Семеновъ собрався всемъ войскомъ, человекъ 900 и больше, на другой день пошли за ними тою ихъ саемою и дошли ихъ а было ихъ азовцевъ и калмыковъ и едсанцовъ и ногайцовъ и астраханскихъ татаръ, да съ нимижь воры и раскольники Левка Манацкой съ товарищи, всего съ 400 человекъ и тѣ де непріятели, чая что ихъ малолюдно, хотѣли на нихъ ударить прямо, и какъ увидели что ихъ казаковъ многолюдно, дали тылъ, а они де били ихъ и гнали верстъ съ 30 и больше, и многихъ ихъ побили и переранили, а въ полонъ взяли азовцовъ 32 чел. и привезли на Довъ.“

(1994 г.) подбѣгали къ Хоперскимъ казачьимъ городкамъ, подъ конми схвативъ 8 человекъ казаковъ, направили путь свой для добычи къ Тамбовскому уѣзду. Встревоженные таковыми нападеніемъ окрестныхъ городовъ, казаки немедленно погнались за азовцами и настигли ихъ между рѣчекъ Турса и Елани, не въ дальнемъ разстояніи отъ г. Тамбова, напали на нихъ и обратили въ бѣгство, при этомъ преслѣдованіи казаки многихъ побили и 48 человекъ взяли въ плѣнъ (514).

Неограничиваясь одними только наблюденіями за движеніемъ непріятелей и защитою Россійскихъ границъ и собственныхъ жилищъ, войско Донское посылало на море въ 60 лодкахъ 1,000 человекъ казаковъ, съ атаманомъ Борисомъ Даниловымъ. Главные предметы казачьихъ поисковъ были: Темрюкъ и Казылташъ; но жители этихъ городовъ и окрестныхъ деревень, предупреденные азовцами, приняли всѣ средства къ своему защищенію, казаки застали одни только пустыя селы, которыя они и выжгли, затѣмъ приступали къ упомянутымъ городамъ, но были отбиты съ урономъ. Такимъ образомъ казаки безъ всякой добычи принуждены были предпринять обратный путь къ Черкаску. Между тѣмъ какъ Донцы занимались опустошеніемъ турецкихъ владѣній, азовцы готовились съ оружіемъ въ рукахъ принять ихъ въ устьяхъ Дона: тутъ поставлено было 30 кораблей и разныхъ военныхъ судовъ, на конхъ посаженъ былъ едва не весь азовскій гарнизонъ; но казаки не взирая на неравенство силъ, бросились на турецкій флотъ, въ намѣреніи пробиться сквозь оный, отбили у нихъ одинъ корабль и одно судно, но принуждены были потерять болѣе 20 казаковъ, кромѣ раненыхъ, и отступить къ рѣкѣ Мису, гдѣ затопивъ суда свои, прошли въ Черкасскъ степью; азовцы, примѣчавшіе за ихъ движеніемъ, немедленно отыскали тѣ суда и пожгли оныя безъ остатка.

Черезъ нѣсколько времени послѣ сего войско Донское вновь

(514) Тамъ же, распросиши рѣчи станичнаго атамана Тимофія Федорова 1694 г. октября 2 дня.

отправило казаковъ на 17 лодкахъ правою стороною Азовскаго моря; на топкихъ водахъ повстрѣчались они съ Запорожскими казаками, которые искали добычи въ крымскихъ улусахъ. Здѣсь условились они сдѣлать нападеніе на Чингарскій городокъ; но жители примѣтивъ намѣреніе казаковъ заблаговременно удалились, оставивъ въ добычу все свое имущество, какое только не въ состояніи были вынести съ собою. Казаки вступивъ въ этотъ городокъ нашли въ ономъ семь пушекъ и одно знамя; три пушки и знамя достались на часть Донскимъ казакамъ, а прочія получили Запорожцы; городокъ же выжгли и разорили до основанія (515).

Дѣйствія казаковъ въ первую компанію Петра I-го подъ Азовомъ. Во время послѣднихъ неудачныхъ походовъ подъ Крымъ, война съ турками была

(515) Тамъ же, описка в. Донскаго, привезенная въ Москву 1695 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ.

„Да мы жъ посылали отъ себя изъ войска казаковъ своихъ на морѣ судовою въ 65 лодкахъ подъ турецкіе и ногайскіе мѣста; . . . тѣ наши морскіе подъ Темрюкомъ городомъ и Казылтамомъ приступали и жестокіе бои съ ними непріатели чинили, хотя и себѣ досаду приняли, а которые были ногайскіе и черкаскіе села близъ моря и будучія въ нихъ люди и тѣ отбѣгли вдаль къ степнымъ мѣстамъ, а наши казаки тѣ многія села и ногайскіе улусы пожгли все безъ остатку, и какъ по возвращеніи изъ тѣхъ непріательскихъ мѣстъ пойдутъ наши тѣ морскіе походные казаки къ Азову, чтобъ пройти мимо Азова къ намъ въ войско, и какъ придти къ морскимъ гирлямъ, и въ то время по присяжѣ турскаго салтана его ратные люди больше 30 судовъ въ каторгахъ и въ корабляхъ и въ иныхъ мелкихъ судахъ и заступили проходы, и тѣ наши казаки били на нихъ боемъ на тѣ суды и отбили одинъ корабль бѣломорскихъ кораблей и притомъ корабль будучи тумбасъ отбили и приступъ учинили къ тому кораблю и большой бой съ непріатели, кои на томъ корабль, и по смотрѣнію Божію, они непріательскіе люди нашимъ казакамъ трутнизну учинили не малую, въ смерть побили больше 20 человекъ, а иныхъ переранили, и наши отъ нихъ непріателей отступили, да мы жъ тѣмъ же временемъ послали въ 17 лодкахъ казаковъ своихъ другою стороною моря подъ крымскія мѣста къ Топкиямъ водамъ и ходомъ соединились съ Запорожскими казаками и посоветавъ между собою, пошли подъ крымскіе жилища и пришедъ къ Гнилому морю, били боемъ на отводной Чингарской городокъ, и тотъ городокъ взаи и совѣмъ разорили безостатку, и взяли семь пушекъ.“

оставлена. Римскій Императоръ тщетно убѣждалъ Петра I-го къ возобновленію союза противъ турокъ: Царь желая водворить порядокъ внутри государства, отклонялъ эти предложенія; наконецъ въ исходѣ 1694 года, заключа съ этимъ Императоромъ и королемъ Польскимъ миръ, рѣшился обратить оружіе свое на Азовъ, обладаніе коимъ могло доставить ему свободное плаваніе по Азовскому морю. Не дожидаясь окончанія новаго флота, начатаго въ Воронежѣ, Петръ повелѣлъ боярину Шереметеву со сто-тысячною арміею двинуться къ нижней части Днѣпра и угрожая туркамъ и Крыму, не допустить ихъ подать помощь Азову, который между тѣмъ будетъ осажденъ бояриномъ Шейномъ съ другою арміею изъ 31/т. человекъ состоящею (516).

Войско назначенное къ осадѣ Азова должно было собраться въ Тамбовѣ, откуда по первому весеннему пути идти на рѣку Хоперь; а потомъ внизъ правою стороною Дона къ Черкаску. Войску же Донскому предписано было сдѣлать распоряженіе дабы всѣ казаки верховыхъ городковъ, по мѣрѣ приближенія войскъ, соединялись съ этимъ корпусомъ и слѣдовали къ Черкаску; и чтобы какъ этимъ, такъ и всѣмъ казакамъ находящимся въ Черкасѣ быть подъ начальствомъ командующаго войсками Генерала Гордона и дѣйствовать противъ азовцевъ по его повелѣніямъ; а дабы таковое движеніе русскихъ войскъ не могло сдѣлаться извѣстнымъ непріятелю, то велѣно войсковому-атаману Фролу Минаеву повелѣніе хранить тайно и никому кромѣ лучшихъ старшинъ не объявлять (517).

(516) Дополненіе къ дѣяніямъ Петра I-го томъ IV стр. 128.

(517) Грамота войску Донскому 1695 г. марта 16.

„Указали мы Великіе Государи быть на нашей Великихъ Государей службѣ на Дону Московскаго выборнаго полку генералу нашему Петру Ивановичу Гордону и полковникомъ и начальнымъ людямъ и съ солдатскими и съ стрѣльчскими полки, а избираться ему съ тѣми полки въ тотъ воинскій походъ въ Тамбовѣ и идти изъ Тамбова на Хоперь; а съ Хопера на Донъ въ Черкаской, а въ томъ воинскомъ промыслу съ нимъ генераломъ и съ нашими Велик. Государей ратными людьми быть и промыслъ надъ непріятелю чинить тебѣ войско-

Но какъ не скрытно происходили эти приуготовленія, Аюк-тайша недоброжелательства Россіи, въ тожь время извѣстилъ азовскаго коменданта о вооруженіи Россіи противу Азова; самъ же онъ освѣдомился вѣроятно отъ астраханцевъ, которые, какъ равно Донскіе, Терскіе и Гребенскіе казаки, должны были по царскому повелѣнію участвовать при осадѣ Азова. Комендантъ азовскій не довѣряя совершенно словамъ Аюки-тайши, послалъ 3,000 человекъ подъ Черкаскъ въ намѣреніи получить чрезъ плѣнныхъ обстоятельное объ этомъ свѣдѣніе; но войсковою атаманъ Фроль Минаевъ прогналъ ихъ съ большимъ урономъ; и хотя при семъ случаѣ были взяты въ плѣнъ 9-ть человекъ казаковъ, но отъ нихъ азовцы не могли ничего узнать. Это обстоятельство заставило азовскаго коменданта разослать партіи къ російскимъ украинскимъ городамъ, за коими вслѣдъ со стороны войска Донскаго было послано нѣсколько сотъ отборныхъ казаковъ (518).

Между тѣмъ Русскія войска въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца достигли до Черкаска, а 8-го числа того же мѣсяца прибылъ самъ Государь и немедленно повелъ оное подъ Азовъ. Осада производилась хотя и довольно удачно, но Азовъ, имѣвшій свободное сообщеніе съ моремъ и будучи снабжаемъ припасами всякаго рода, не помышлялъ о сдачѣ; русская же армія,

вому атаману Фролу Минаеву и всему войску Донскому а сей бы нашъ Великихъ Государей указъ былъ у васъ тайно и кромѣ тебя войскового атамана и старшинъ, кому надлежитъ, инымъ былъ не вѣдомъ, и порадѣть бы вамъ атаманамъ и казакамъ о томъ и какъ возможно крѣпость въ войскѣ учинить, чтобъ о приходѣ нашихъ великихъ Государей ратныхъ людей на Донъ непріатели въ Азовѣ прежде времени не увѣдали:

(518) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Григорія Бѣлицкаго явившагося въ Москву 1695 г. марта 29 дня.

„Подбѣгали къ намъ на Донъ къ Черкасскому азовской бей и янычанскій ата съ жителями азовскими служилыми людьми съ 3,000 челов. и больше . . . и тѣхъ де испрительскихъ людей, за помощію Божіею, отогнали войсков. атаманъ Фроль Минаевъ съ казаками съ 500 челов., . . . а изъ нихъ де казачкаго войска порापено казаковъ съ 50 человекъ, а до смерти убитъ одинъ человекъ да 9 челов. казаковъ въ полонъ взяты:“

расположенная въ степи, начинала чувствовать недостатокъ въ продовольствіи; къ тому жъ неискство инженеровъ и измѣна гвардіи капитана Якена продлила осаду. Въ таковыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, рѣшились на открытое нападеніе; но какъ и это предпріятіе не имѣло желаемаго успѣха, то Царь велѣлъ снять осаду и отступить съ арміею, оставивъ въ Черкасѣ тяжелую артиллерію и порохъ (519).

Впрочемъ этотъ походъ увѣнчанъ былъ взятіемъ двухъ каланчей (крѣпостей), поставленныхъ турками на рѣкѣ Дону въ близкомъ разстояніи отъ Азова; и какъ въ этихъ, такъ и въ новопостроенной противъ Азова Сергіевской крѣпости оставилъ 3,000 человекъ войскъ подъ начальствомъ воеводы Ржевскаго, приказавъ войску Донскому, вслучаѣ непріятельскаго нападенія, вспомоцествовать всѣми силами (520).

Съ этою цѣлію войско Донское выслало изъ Черваска 1 ч. января мѣсяца 1696 г. къ Сергіевской крѣпости 2/т. человекъ казаковъ. Тутъ казаки посовѣтовавшись съ воеводою Акимомъ Ржевскимъ, послали сильную партію засѣсть въ скрытныхъ мѣстахъ и выжидать непріятелей. Азовцы не замедлили сдѣлать нападеніе на городокъ и переранивъ 7 человекъ ратныхъ людей, хотѣли взять оныхъ въ плѣнъ, но засѣвшая партія казаковъ мгновенно бросилась на азовцевъ, обратила ихъ въ бѣгство и схватила одного знатнаго татарина, который при допросѣ показалъ, что азовцы вскорости ожидаютъ къ себѣ отъ крымскаго хана 900 человекъ емановъ, и великое множество ногайцевъ, черкесовъ и туроевъ подъ начальствомъ салтановъ Шабанъ-гирея и Капланъ-гирея и Муртазы-паши, съ которыми на 5,000 арбахъ будутъ привезены провіантъ и разные воинскіе припасы, для осажденія новопостроенной Сергіевской крѣпости. Свѣдѣнія эти чрезъ нѣсколько времени послѣ того подтвердили и бѣжавшіе изъ Азова 6 человекъ русскихъ

(519) Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, томъ IV, стран. 132 и слѣдующія.

(520) Дѣла Донскія, грамота в. Донскому 1696 г. генваря 8-го.

людей. По этому случаю со стороны войска Донскаго немедленно отправлено для усиленія Сергіевской крѣпости лучшихъ казаковъ 400 человекъ (521). Войска непріятельскія хотя въ послѣдствіи и дѣйствительно приходили въ Азовъ, но Сергіевская крѣпость, какъ равно и Каланчинскія башни, отъ нихъ осаждаемы не были, по той причинѣ, что въ оныхъ находилось достаточное число гарнизона, состоящаго изъ ратныхъ русскихъ людей и казаковъ, а при томъ и войско Донское всегда готово было въ знатныхъ силахъ сдѣлать вспомошествованіе осажденнымъ. Почему они разсудили за благо искать добычи въ другомъ мѣстѣ и напали на Русскіе украинные города (522).

(521) Тѣхъ же дѣлъ, грамота на Донъ отъ 4 февраля 1696 года.

„Писали къ намъ Великому Государю вы атаманы и казаки что генваря въ 1 день ходили вы всѣмъ войскомъ конницей и пѣхотой, для воинскаго промыслу надъ непріятельскими людьми, подъ Азовъ, и по общему совѣту новопостроеннаго Сергіева города съ воеводою съ Ржевскимъ пристойныя мѣста залегли, а непріятельскія люди въ то жъ время приходили къ Сергіеву и Сергіевскихъ ратныхъ людей 7 человекъ переранили, и вы на нихъ непріятелей били и въ полонъ тѣхъ ратныхъ людей взять не дали, и гнали за тѣми непріятелями отъ Сергіева до самаго Азова и взяли изъ нихъ знатнаго азовскаго татарина, и прислали того татарина къ Москвѣ, а по допроснымъ того взятаго татарина рѣчамъ явилось, что отъ хана крымскаго пришла въ Азовъ подлинная вѣдомость, отпущенъ де въ Азовъ въ Крымъ Шабанъ-гирей салтанъ, а съ ними 900 емаповъ, и пѣшихъ людей; а въ Тамани и въ Керчи и въ иныхъ ближнихъ городѣхъ Мургуза - наша съ братьями, съ пѣхотою лянчанскою въ готовности и ждутъ ихъ азовцы къ себѣ въ скорѣ; а будетъ та пѣхота съ Шабанъ-гиреемъ салтаномъ и съ Мургозою, съ казною и со всякими хлѣбными запасы на 5,000 арбахъ, да на тѣхъ же арбахъ прислано будетъ 20 можжеровъ, а съ тѣми можжеры 50 человекъ мастеровъ; да съ ногайскою ордою и съ черкесы и со всею конницею большимъ собраніемъ будетъ другой салтанъ Каплай-гирей, а приказалъ де ханъ, чтобъ тѣмъ ихъ ногайскимъ войскамъ итти мимо Азова и приступать къ Сергіеву и можжерами городъ зажечь, а изъ Царя-града отъ салтана прислано будетъ со льдомъ вмѣстѣ войско, для строенія Азова и къ тому строенію въ Азовъ прислано мастеровъ 10 человекъ и по тѣмъ вѣдомостямъ вы атаманы и казаки, служа намъ Великому Государю, послали въ Сергіевъ ратнымъ людямъ да помощь 400 человекъ казаковъ“

(522) Тѣхъ же дѣлъ, отписка войска Донскаго въ Посольскій приказъ 1696 г. февраля мѣсяца.

Дѣйствія ихъ во вторую компанію подъ Азовомъ. Въ началѣ 1696 г. Царь Русскій съ арміею состоящею изъ 64,735 человекъ (523) подъ начальствомъ того жъ боярина Шеина и съ новопостроеннымъ флотомъ выступилъ въ Азову, имѣя при себѣ 5,120 человекъ Донскихъ казаковъ. Шереметевъ съ 70,000 человекъ вторично противу поставленъ крымскимъ татарамъ.

Государь, оставя за собою боярина Шеина со всею арміею, 9 мая съ флотомъ прибылъ въ Черкасскъ, гдѣ войсковою атаманъ Фроль Минаевъ донесъ ему о поискѣ надъ неприятелемъ походнаго атамана Леонтія Поздѣва, который съ 250 казаками посланъ былъ для развѣдыванія о турецкомъ флотѣ. Вышедъ въ море, онъ усмотрѣлъ два корабля плывшіе къ Азову; презрѣвъ видимое превосходство силъ неприятеля, храбрый Поздѣвъ стремительно атаковалъ ихъ и не смотря на сильную пушечную стрѣльбу и отчаянную оборону турокъ, казаки производя непрерывный ружейный огонь, пристали къ кораблямъ, мгновенно прорубили бока оныхъ при самой поверхности воды и со всѣми людьми и грузомъ ихъ затопили, не потерявъ своихъ ни одного человека (524).

Поздѣвъ сверхъ того извѣстилъ Государя, что въ Азовскомъ морѣ остался турецкій флотъ, состоящій изъ 15 кораблей, 13 большихъ галеръ и 13 полугалеръ, на которыхъ находились разные военные снаряды и вспомогательныя Азову войска. Петръ вознамѣрился не допустить къ крѣпости этотъ флотъ и если возможно разбить оный. Въ этомъ намѣреніи 12 мая повелѣлъ онъ флотъ свой состоящій изъ 2 военныхъ кораблей, 23 галеръ, 2 галіотовъ и 4 брандеровъ провести изъ Черкаска въ Каланчамъ.

(523) Походъ боярина Шеина стр. 56. Г. Голиковъ въ 4, части дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго полагаетъ, что Россійская армія подъ Азовомъ состояла изъ 544,144 человекъ.

(524) Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, томъ 4, стр. 157.—Въ Азовской исторіи сказано, что казаки принуждены были отступить отъ сихъ кораблей, но г. Голиковъ замѣчаетъ на той же стр. что сіе противно всѣмъ на шамъ лѣтописамъ.

Отсюда съ 16-ю галерами поплылъ было въ Кутеремское устье, но не могъ онѣмъ пройти въ море, по причинѣ убыли воды отъ сильнаго сѣверо-восточнаго вѣтра; однакожъ это препятствіе не остановило предпріятій: зная отважность казаковъ въ плаваніи по водамъ, Государь оставилъ свои галеры, пересѣлъ въ легкую казачью лодку и пустился въ море въ сопровожденіи 100 таковыхъ же лодокъ, изъ коихъ каждая вмѣщала по 60 казаковъ и нѣсколько солдатъ.

Обозрѣвъ все устье Дона, Петръ присталъ къ Канаарскому острову и увидѣвъ оттуда 9 большихъ турецкихъ кораблей и нѣсколько галеръ подошедшихъ къ Азову, приказалъ своей флотиліи укрыться за островъ. На разсвѣтѣ другаго дня турки не видя никакой опасности, отправили къ крѣпости съ воинскими снарядами 14 тумбасовъ, но лишь только эти суда поотдались отъ главнаго флота, какъ Россійскій Царь съ своими казаками вышелъ изъ за острова, настигъ турецкія суда и съ толикою быстротою ударилъ на оныя, что казаки въ виду непріятельскаго флота мгновенно овладѣли 9 тумбасами, находившихся на оныхъ людей побили, потопили и взяли въ плѣнъ 27 человекъ, всѣ снаряды перегрузили на два судна и привели оныя къ острову, а прочія сожгли, остальнымъ пяти тумбасамъ удалось уйти къ главному своему флоту, который испугавшись успѣшилъ поднять паруса и обратился въ бѣгство. Казаки одушевленные присутствіемъ Государя, устрѣмились преслѣдовать бѣгущій турецкій флотъ, настигли два корабля, атаковали и послѣ упорнаго сраженія овладѣли ими: одинъ затопили, а другой сожгли, людей частію изрубили, въ плѣнъ взяли одного агу и 270 человекъ. Сверхъ сего захватили 10 полугалеръ и столько же большихъ судовъ загнавши на мель. Этотъ смѣлый подвигъ казаковъ стоилъ туркамъ весьма дорого. Кромѣ потонувшихъ и сгорѣвшихъ, они потеряли убитыми до 2,000 человекъ; а на отнятыхъ судахъ найдено 50/т. червонныхъ, сукна на 4,000 человекъ, множество воинскихъ снарядовъ, 70 мѣдныхъ пушекъ, 300 бомбъ, 4,000 гранатъ, 80 бочекъ пороху, большое количество свин

цу, сабель и другаго мелкаго оружія.

Воздавъ Всевышнему благодареніе за первую дарованную надъ врагами побѣду, признательный Государь пожаловалъ всѣ деньги, сувно и прочую мелкую добычу храбрымъ своимъ сподвижникамъ, а воинскіе снаряды и оружіе повелѣлъ обратить въ казну (525).

Эта морская побѣда останется навсегда у Донскихъ казаковъ знаменитымъ происшествіемъ: въ первый разъ они сражались подъ личнымъ предводительствомъ Величайшаго изъ Монарховъ Россіи и храбростію своею заслужили его милости и доброе о себѣ мнѣніе.

Между тѣмъ бояринъ Шейнъ, съ главною русскою арміею, плывя по Дону, встрѣченъ былъ 19 мая наказнымъ войсковымъ атаманомъ Ильею Зерциковымъ и знатными войска Донскаго старшинами и казаками. Прибывъ въ Черкасскъ и узнавъ, что войсковому атаману Фролу Минаеву съ Донскими казаками повелѣно выступить къ Азову, бояринъ вмѣстѣ съ нимъ и со всѣмъ своимъ войскомъ поспѣшилъ къ этому городу и остановился между Сергіевскою крѣпостью и Каланчами.

Между тѣмъ 28 мая генераль-маіоръ Регимонъ и войска Донскаго походный атаманъ Савинъ съ своими отрядами отдѣлены для составленія авангарда, и подавшись весьма близко къ Азову, расположились лагеремъ. Азовцы сдѣлавъ вылазку, съ ожесточеніемъ на нихъ напали, но Донскими казаками были разбиты и съ немалымъ урономъ преслѣдуемы до самой крѣпости (526). 3 іюня изъ авангарда этого калмыки схватили подъ стѣнами города одного татарина, а прочихъ побили и отогнали 139 воловъ.—7 числа всѣ войска подступили подъ Азовъ и начали готовиться къ приступу; въ продолженіи этихъ работъ русская армія часто развлекаема была сильными нападеніями кубанскихъ и крымскихъ татаръ,

(525) Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, томъ 4, стр. 157, 158 и 159 в Азовская исторія стр. 168. в слѣд.

(526) Походъ боярина Шейна къ Азову, стр. 88.

которые однако всегда съ великою потерю были отражаемы и въ бѣгствѣ своемъ преслѣдуемы Донскими и Малороссійскими казаками.

Но чтобы стѣснить крѣпость со стороны моря и не допустить къ оной вспомогательный турецкій флотъ, состоящій изъ 40 фрегатовъ и множества галеръ, Государь повелѣлъ адмиралу Лефорту со всѣмъ флотомъ своимъ выступить въ море, а лодки Донскихъ казаковъ расположить въ устьяхъ Дона подъ прикрытиемъ войскъ разставленныхъ по берегамъ этой рѣки, чрезъ которую была протянута желѣзная цѣпь.

Наконецъ Государь рѣшился взять Азовъ приступомъ; 17 числа повелѣлъ онъ регулярнымъ войскамъ для развлеченія вниманія непріятели сдѣлать фальшивыя нападенія вдругъ съ трехъ сторонъ. Устрашенные азовцы со всѣми своими силами устремились къ оборонѣ этихъ мѣстъ, а между тѣмъ Донскіе казаки съ войсковымъ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ, а Малороссійскіе съ наказнымъ гетманомъ Яковомъ Лизогубомъ произвели рѣшительное нападеніе съ четвертой стороны, мгновенно овладѣли двумя бастіонами и четырьмя пушками; турки тщетно покушались вытѣснить казаковъ и послѣ отчаяннаго и жестокаго въ продолженіи шести часовъ сраженія были прогнаны въ городъ съ великимъ урономъ (527).

На другой день татары, желая провести въ городъ 2,000 вспомогательнаго войска, напали на русскій лагерь, но были разбиты и прогнаны. Послѣ этого Государь 19 числа повелѣлъ войскамъ своимъ готовиться къ генеральному приступу; но азовскій гарнизонъ, отчаявшись получить откуда либо помощь, сдался на условіи, чтобы ему со всѣми жителями былъ свободный выходъ изъ крѣпости; гарнизонъ турецкій состоялъ изъ 3,700 человекъ; кромѣ того въ крѣпости находилось 5,900 человекъ жителей обоого пола. Русскіе нашли въ Азовѣ 96 мѣдныхъ пушекъ и 4 мортиры.

Послѣ этого по повелѣнію Государя главнокомандующій бо-

(527) Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго стр. 178.

яринъ Шейнъ, 20 іюля послалъ сухимъ путемъ и водою отрядъ русскихъ войскъ, съ Донскими казаками и калмыками, для покоренія турецкой крѣпости Лютика, но она сдалась безъ всякаго сопротивленія на одинавихъ съ Азовомъ условіяхъ (528).

Побѣдоносный Монархъ изъявилъ арміи благоволеніе, щедро наградивъ всѣхъ, и укрѣпивъ Азовъ, отпустилъ Малороссійскихъ и Донскихъ казаковъ въ жилища ихъ; а самъ съ регулярнымъ войскомъ возвратился съ торжествомъ въ Москву. Въ Азовѣ оставилъ Государь комендантомъ князя Львова съ достаточнымъ гарнизономъ. Войску же Донскому предписано было, при нападеніяхъ непріятельскихъ на Азовъ и на новопостроенную Сергіевскую крѣпость и Каланчи, вспомоствовать всѣми силами. (*).

Послѣдующія происшествія до заключенія мира съ турками. Взятіемъ Азовской крѣпости, Россія пріобрѣла большія выгоды вліаніемъ своимъ на народы, кочевавшіе на рѣкѣ Кубани: многіе изъ нихъ тогда же признали власть надъ собою Россіи, другіе, бывъ утѣсняемы набѣгами Донскихъ казаковъ, скрылись по ту сторону Кубани и тѣмъ содѣлались менѣе опасными Россійскимъ границамъ и казачьимъ городкамъ. Аюка-тайша, измѣнявшій неоднократно Россіи, торжественно принесъ повинную предъ Государемъ и получилъ дозволеніе съ подвластными ему калмыками кочевать по Хопру, Медвѣдицѣ и Манычи.—Турецкій султанъ предугадывалъ всѣ слѣдствія могущія произойти отъ потери этой важной крѣпости, и потому не отлагалъ времени

(528) Походъ боярина Шеина въ Азову стр. 127.

(*) Грамота войску Донскому 1697 г. января 10.

„И городъ Азовъ также и новопостроенной городъ Сергіевъ, и Каланчи и Лютинъ и всѣ свои казачьи городки отъ непріятельскаго нахождения берегли со всякимъ усерднымъ радѣніемъ и до взятія и ни до какого разоренія не допустили и посылали бы вы отъ себя изъ войска въ тѣ города и въ Каланчи въ помощь нашимъ В. Государя ратнымъ людямъ Донскихъ казаковъ по немалому числу:“

вооружить подвластные ему народы на возвращеніе оной.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1697 г., многочисленная армія, состоящая изъ турокъ, крымцевъ, ногайцевъ и горскихъ народовъ, уже собиралась въ Тамани, въ намѣреніи обложить Азовскую крѣпость до прихода русскихъ войскъ и построить выше оной на рѣчкѣ Койсугѣ и на Донцѣ крѣпости; вѣсть объ этомъ вооруженіи турокъ принесли въ Черкасскъ бѣжавшіе изъ Керчи казаки, которые были свидѣтелями тѣхъ приготовленій.

Войско Донское немедленно отрядило, для усиленія гарнизона Сергіевской крѣпости и Каланчей, болѣе 300 отборныхъ казаковъ; въ Москву же послало наскоро легкую станицу съ донесеніемъ о непріятельскомъ движеніи и о ихъ намѣреніи противъ Азова. Россійскій дворъ, желая предупредить нечаянное нападеніе на завоеванныя отъ турокъ мѣста, въ тожъ время далъ предписаніе войсковому атаману Фролу Минаеву, находившемуся тогда въ Воронежѣ съ зимовою станицею, немедленно отправиться въ Черкасскъ и быть готовымъ со всѣмъ войскомъ какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ на отраженіе непріятелей (529). А между тѣмъ главнокомандующему боярину Шеину предписано со всею арміею слѣдовать къ Азову. Въ іюлѣ мѣсяцѣ непріятельскія войска, подъ предводительствомъ Калги султана, приблизились къ Азову; бояринъ Шеинъ устроивъ войска свои въ выгодной позиціи, столь мужественно принялъ ихъ, что послѣ кровопролитнаго 11 часовъ продолжавшагося сраженія, разсѣялъ и обратилъ непріятельскія войска въ бѣгство; а легкая кавалерія и Донскіе казаки преслѣдуя бѣгущихъ татаръ до рѣчки Кагальника многихъ изъ нихъ побили, потопили въ рѣкѣ и взяли въ плѣнъ.

Но до приходу еще русской арміи къ Азову, турецкій флотъ помышался сдѣлать высадку къ этому городу; въ маѣ мѣсяцѣ они отправили значительное число войскъ на брига-

(529) Грамота войсковому атаману Фролу Минаеву 1697 г. апрѣля 5 дня.

тинахъ своихъ, которые сповойно и безпрепятственно вошли уже въ устьѣ Дона; но расположенные въ этомъ мѣстѣ для наблюденія Донскіе казаки, бросаясь въ легкія свои лодки, мужественно встрѣтили непріятельскія суда, многія изъ нихъ съ находившимся высаднымъ войскомъ потопили, а прочія принуждены были спастись бѣгствомъ (530). Такимъ образомъ предпріятіе турокъ овладѣть Азовомъ, распоряженіемъ Государя уничтожено; и съ того времени турки не предпринимали уже болѣе никакихъ мѣръ на возвращеніе оной.

Съ этого времени казаки разъѣздами своими подъ Крымъ и Кубань, непрерывно тревожили непріятелей, преграждая имъ всѣ пути къ набѣгамъ на Россійскія границы. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего же 1697 года, казаки посылали нѣсколько лодокъ подъ Темрюкъ и Казылташъ, но по принятымъ со стороны турокъ предосторожностямъ возвратились безъ всякаго успѣха (531). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ казаки, по общему условію съ калмыками, въ числѣ 630 чел. вторглись въ ногайскій улусъ Кубека-мурзы, кочевавшій на Кубани, отбили 1,200 лошадей, взяли въ плѣнъ 7 человекъ татаръ и нѣсколько калмыковъ принадлежавшихъ сему мурзѣ; жителей же этого улуса предали смерти безъ различія пола и возраста (532).

Въ 1698 г. 1,000 человекъ казаковъ съ атаманомъ Акимомъ Филиповымъ были командированы по царскому повелѣнію въ армию князя Долгорукова, охранявшаго завоеванныя крѣпости отъ крымскихъ татаръ и участвовали во всѣхъ по-

(530) Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, томъ 4-й, стр. 359 и 360.

(531) Дѣла Донскія, грамота войску Донскому 1697 г. октября 20 дня.

(532) Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станичнаго атамана Максима Фролова 1698 г. января 16.

„Въ нынѣшнемъ во 206 году ноября въ послѣднихъ числахъ, съ присланными Аудкинныи калмыками съ 500 чел., съ черкесомъ Батыремъ, изъ войска посылаетъ оны, Максимъ, съ Донскими казаками атамана на Кубань, а съ нимъ было казаковъ и калмыковъ 130 чел., и пришедъ они съ черкесомъ Батыремъ на Кубань и высмотря Кубековъ улусъ, на него били и отогнали табуну 1,200 лошадей, да 7 чел. кубанцовъ, которые тѣхъ лошадей стерегли взяли.“

бѣдахъ, одержанныхъ этимъ полководцемъ надъ татарами и турками; а между тѣмъ войско Донское непрерывными разбѣздами тревожило непріятелей.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего же года значительная партія казаковъ, отправленная Азовскимъ моремъ къ новопостроенному турками городу Ачуеву, встрѣтилась съ непріятельскими судами, разсѣяла оныя, взяла двухъ человѣкъ въ плѣнъ и отбила нѣсколько казаковъ, находившихся у нихъ въ плѣну (533). Черезъ нѣсколько потомъ времени 90 человѣкъ казаковъ, соединясь съ Исупъ-мурзою, бѣжавшимъ въ Черкасскъ изъ за Кубани, отогнали у едисанскихъ татаръ, кочевавшихъ близь рѣки Лабы, 500 лошадей; вскорѣ за тѣмъ другая партія казаковъ, состоящая изъ 150 человѣкъ, подъ начальствомъ того же мурзы, вторично подбѣгала подъ тѣ же улусы, отогнала 600 лошадей и схватила 2-хъ человѣкъ татаръ (534). Въ отмщеніе за это разореніе кубанцы, соединясь съ ногайцами и съ казаками раскольниками, въ числѣ 300 человѣкъ, вознамѣрились зажечь корабли, строящіеся по царскому повелѣнію въ Паншинскомъ городкѣ; не доходя до этого городка, они встрѣтили между городкомъ Пятігизбянскимъ и г. Царицынымъ 23 человѣка Донскихъ казаковъ и астраханскихъ татаръ, везшихъ на Донъ для продажи персидскіе товары, напали на нихъ, отняли всѣ товары и взяли въ плѣнъ 3-хъ

(533) Тѣхъ же дѣлъ, грамота в. Донскому 1698 г. октября 24 дня.

„Въ нынѣшнемъ во 207 г. октября въ 16 день къ намъ В. Государю писали вы . . . что нынѣшняго году въ сентябрѣ мѣсяцѣ послали вы для воинскаго промыслу Азовскимъ моремъ подъ новопостроенной городъ Ачуеву, казаковъ своихъ и тѣ ваши посланные не дошедъ до того новопостроеннаго турскаго города набѣхали на непріятельскихъ людей и ихъ разбили и взяли въ языкѣхъ двухъ человѣкъ, и взятыхъ у нихъ Донскихъ казаковъ отбили.“

(534) Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи ставнчнаго атамана Кирѣя Болдыря.

„И послѣ де приходу своего (Исупа мурзы) въ Черкасской на шестой день человѣкъ съ 90 съ нимъ мурзою на Кубань ходили и на пятой де день въ почи переправясь Кубань рѣку объ урочищѣ близко Лабы рѣки, отогнали у едисанцовъ, которые отъ Аюки кочевали, конскаго табуну съ 500 лошадей.“

человѣкъ. Извѣщенные о семь подбѣгѣхъ непріятелей сосѣднихъ станицъ казаки въ тожь время собрались и нагнали татаръ близъ Кубани, вступили съ ними въ бой, убили одного татарина и отняли у нихъ на 500 руб. товаровъ; а дабы впредь не могли они причинить какого либо поврежденія строящимся въ Паншинскомъ городкѣ кораблямъ, предписано было отъ войска верховыхъ городковъ атаманамъ и казакамъ, подъ смертною казнію, употреблять всѣ мѣры осторожности отъ непріятельскихъ набѣговъ, и быть во всякое время готовыми на отраженіе ихъ (535).

Съ этого времени набѣги закубанскихъ народовъ подъ казачьи городки сдѣлались чаще и продолжались не только до заключеннаго въ 1700 г. мира съ турками, но даже и послѣ онаго; и хотя со стороны войска Донскаго всегда платили имъ подобнымъ же разореніемъ ихъ улусовъ, но татары ни мало отъ того не унимались.

Въ маѣ мѣсяцѣ сего года партія татаръ, состоящая изъ 380 человѣкъ, со свѣдѣнія Шагинъ-гирея, султана кубанскаго, отправились къ Камышину для грабежей.—Войско Донское, извѣщенное отъ казаковъ Кумшацкаго и Цымлянскаго городковъ, подъ конми они схватили пять человѣкъ, отрядило для преслѣдованія непріятелей 700 чел. казаковъ и калмыковъ подъ начальствомъ атамана Максима Фролова, съ конми и повстрѣчались они при возвращеніи татаръ изъ Камышина на рѣчкѣ Соленой, впадающей въ рѣку Салъ; казаки вступивъ съ ними въ бой, опрокинули ихъ и преслѣдовали до рѣки Маныча; съ непріятельской стороны убитъ одинъ знатный мурза и нѣсколько татаръ, взято въ плѣнъ 13 человѣкъ, въ числѣ конхъ одинъ мурза, отбито 100 лошадей, разное имущество, забратое ими подъ Камышинымъ и одинъ русскій человѣкъ (536).

(535) Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станичнаго атамана Ильи Григорьева 1698 г. декабря 7 дня.

(536) Распросныя рѣчи станичнаго атамана Максима Фролова 1700 г. іюня 25 дня.

По заключеніи мира съ турками, казакамъ всего несноснѣе было видѣть себя стѣсненными въ отмщеніи непріятелямъ за ихъ обиды; ибо имъ не дозволялось преслѣдовать ихъ до жилищъ, а велѣно въ подобныхъ случаяхъ приносить жалобу азовскому коменданту, который обязанъ былъ ходатайствовать, о возвращеніи пограбленнаго, у Ачуевскаго паши, но казаки никогда не получали удовлетворенія. Усилившіеся потомъ, время отъ времени, набѣги татаръ на казачьи жилища, были причиною дозволенія казакамъ, по просьбѣ ихъ, преслѣдовать хищниковъ до ихъ улусовъ, и отмщать за причиненныя ими обиды (537).

По заключеніи 3 іюля 1700 года съ Турціею 30-лѣтняго мира, Россія приступила къ сѣверному союзу, составившемуся противу Швеціи; съ сего времени Донскіе казаки постоянно участвовали во всѣхъ веденныхъ войнахъ съ сосѣдними и отдаленными народами, и, сверхъ сего, защищали свои жилища и охраняли южные предѣлы Россіи отъ вторженія закубанскихъ народовъ и воровскихъ набѣговъ калмыкъ.

Славный подвигъ казаковъ при усмиреніи Астраханскаго бунта. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1705 г. загорѣлся въ Астрахани страшный мятежъ. Царицынскій воевода Афонасій Турчаниновъ, извѣщенный объ этомъ отъ калмыцкаго Чеметь-мурзы, немедленно отправилъ гонцовъ къ войску Донскому съ увѣдомленіемъ, что буйные стрѣльцы, убивъ астраханскаго воеводу Тимофея Ржевскаго и 300 человекъ знатнѣйшихъ гражданъ, отправили 1,500 человекъ Волгою къ Царицыну въ намѣреніи распространить пламя бунта на Дону, въ Азовъ и Тамбовѣ, и потому просилъ войско Донское прислать казаковъ для защиты Царицына и окрестныхъ мѣстъ. Войсковою атаманъ Акимъ Филиповъ немедленно собралъ кругъ и, въ присутствіи всѣхъ старшинъ и казаковъ, объявилъ преступное дѣйствіе астраханскихъ стрѣльцовъ, потомъ увѣщавалъ товарищей своихъ не приставать къ астра-

(537) Грамота войску Донскому 1700 г. іюля мѣсяца.

ханскимъ бунтовщикамъ и не внимать пагубнымъ ихъ совѣтамъ; но по долгу вѣрноподанныхъ служить Государю, не щадя послѣдней капли крови и самой жизни, для блага и спокойствія отечества. За тѣмъ въ присутствіи всѣхъ цѣловаль Крестъ и Евангеліе; этому примѣру послѣдовали старшины и бывшіе въ собраніи казаки. Тогда же приговорено было разслать во всѣ верховые по Дону и другимъ рѣкамъ городки къ атаманамъ и казакамъ войсковыя грамоты съ увѣщаніемъ, чтобы ни кто, подѣ опасеніемъ смертной казни, ни отъ кого возмутительныхъ писемъ не принималъ и никакихъ бунтовщиковъ не укрывалъ; но служилъ бы своему Государю и отечеству вѣрно и въ томъ бы вездѣ учинили присягу.

Потомъ приговорили послать изъ Черкаска тотчасъ подѣ Царицынъ 2,000 конныхъ казаковъ, подѣ начальствомъ атамана Максима Фролова и 2-хъ старшинъ: Василія Поздѣва и Ефрема Петрова, предписавъ въ то же время во всѣ верховые городки, чтобы отъ Черкаскаго до Паншинскаго, выслали казаковъ изъ десятка по два человекъ, выше же сего лежащія городки по Дону и другимъ рѣкамъ по половинѣ, давъ имъ въ начальники старшинъ: Федора Фролова, Семена Терентьева и Семена Васильева, коимъ также предписано было, что если возмутители прошли Царицынъ вверхъ по Волгѣ, то въ такомъ случаѣ немедленно, перетавивъ суда отъ Дона къ Волгѣ, слѣдовать за ними этою рѣкою, въ противномъ же случаѣ оставаться при Царицынѣ и Паншинскомъ городкѣ (538).

(538) Распросныя рѣчи атамана Саввы Кочетова, прибышаго въ Москву 1705 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

„И тѣ де астраханскіе лазутчики 5 челов. и съ ними черноярцовъ 2 челов., а всего 7 челов. . . . пріѣхали въ Черкасскъ прежде бывшему ихъ войсковому атаману Ляиму Филиппеву и онъ де войск. атаманъ того жъ числа учинилъ кругъ, и въ томъ кругу при казакахъ собранихъ, тѣхъ подѣ смышлящиковъ спрашивалъ съ какими они дѣлами присланы и тѣ де ихъ подсыльщики объявили противъ того, какъ и въ войсковой отпискѣ написано, и которые съ ними присланы прилестные письма, и тѣ всѣ письма они подсыльщики имъ атаману и казакамъ объявили и подали и войсковой де атаманъ и

Между тѣмъ прибыли отъ астраханскихъ возмутителей въ Черкасскъ, 25 августа, 7 человекъ стрѣльцовъ, Михайла Скорняковъ съ товарищами, и явились къ войсковому атаману Акиму Филиппеву, который въ тотъ же день собралъ войсковой кругъ. Мятежники въ присутствіи всѣхъ старшинъ и казаковъ вручили войсковому атаману возмутительную отписку астраханскихъ бунтовщиковъ, которые жаловались на различ-

прочіе съ нимъ собранные всѣ казаки велѣли тѣ письма войсковому своему писарю прочесть въ слухъ, и какъ тѣ письма прочли, тогда они атаманъ и всѣ казаки единогласно закричали, что они никогда къ такому злему дѣлу не пристанутъ и приставать не будутъ потому, что де они казаки ему, Великому Государю, служатъ всегда вѣрно и неизмѣнно, и заговоры и измѣнниковъ не стоятъ, и приговорили де они казаки тѣхъ посыльщиковъ и съ прелестными ихъ письмами отослать безъ мотчанія къ Москвѣ и о тѣхъ де подсылщикахъ для вѣдома писали они въ Азовъ къ губернатору А до того де ихъ подсылщиковъ въ Черкасское пріѣзду, по вѣдомостямъ съ Царицына о томъ ихъ астраханскихъ бунтовщиковъ злохитромъ вымыслѣ, было у нихъ, казаковъ, въ Черкасскомъ крестное цѣлованіе, чтобъ ни кто изъ нихъ казаковъ къ тому злему дѣлу не приставалъ, о чемъ и во всѣ Донскіе и верхніе городки къ атаманамъ и казакамъ посланы съ нарочными посыльщиками войсковые ихъ письма съ жестокимъ смертнымъ страхомъ, дабы и съ тѣхъ верхнихъ казачьихъ городковъ къ тѣмъ астраханскимъ и къ инымъ ни къ какимъ ворамя не приставали жъ.

„Да по тѣмъ же де Царицынскимъ вѣдомостямъ, служа имъ Великому Государю вѣрно, послали они казаки изъ Черкасскаго конныхъ казаковъ болѣе 2,000 человекъ съ атаманомъ съ Максимомъ Фроловымъ и съ полковниками съ Василіемъ большимъ Познѣвымъ и съ Ефремомъ Петровымъ съ товарищи, которымъ приказано взять съ собою въ прибавку изъ верховыхъ городковъ, которые до Паншина, отъ 10 по 2 человекъ, а за Паншинымъ по Дону и по Хопру и по Медвѣдицѣ велѣно итти изъ всякаго городка по половицѣ, у которыхъ казаковъ есть добрые лошади и тѣбъ были въ конницѣ, а безконные шли бъ судами, и для того де водянымъ путемъ казачьаго собору, oprичъ Максима Фролова съ товарищи, послано изъ Черкасска и изъ старшинъ Ѳедоръ Фроловъ, Семенъ Терентьевъ, Семенъ же Васильевъ съ товарищи, которымъ какъ сухимъ, такъ и водянымъ путемъ приказано изъ войска итти къ Царицыну мимо Паншина и тотъ городокъ отъ приходу воровъ и бунтовщиковъ остерегать всякими мѣрами какъ возможно, и тѣмъ де Донскимъ казакамъ, которые будутъ въ водяномъ пути, суды свои отъ Паншина до Царицына велѣно вѣсти на подводахъ степью и тотъ де вышеписанной атаманъ Максимъ Фроловъ съ товарищи и съ конными казаками, въ тотъ путь изъ Черкасскаго поѣхали августа въ послѣднихъ числахъ воинскимъ собраніемъ и съ

ныя притѣсненія, наносимыя имъ астраханскимъ воеводою и другими начальниками; „насъ отлучаютъ отъ церкви, писали они въ своемъ воззваніи, приказываютъ брить бороды, носить нѣмецкое платье и курить табакъ; обрѣзываютъ полы платья, если кто изъ насъ или женъ нашихъ пойдетъ въ церковь въ старомъ платьѣ, наругаются надъ ними и дѣтьми нашими; приказываютъ поклоняться кумирамъ, наложили на насъ тяжкія подати, берутъ банныхъ денегъ по рублю и по гривнѣ за погреба отъ каждой сажени; воевода Тимофѣй Ржевскій, безъ царскаго дозволенія отобралъ у насъ всѣ ружья и хотѣлъ всѣхъ насъ предать смерти; отняли у насъ хлѣбное жалованье, употребляли насъ въ тяжкія работы и причиняли различныя угнетенія. Сверхъ сего мы получили свѣдѣніе, что въ Казани и по другимъ городамъ поставлены на квартирахъ по два и по три человѣка нѣмцевъ, которые производятъ всякаго рода насильства жителямъ тѣхъ городовъ и наругаются надъ женами ихъ и дѣтьми. Бывъ обременены такими угнетеніями, и дабы не умереть въ смертномъ грѣхѣ мы рѣшились сбросить съ себя тягостное для насъ иго, болѣе виновныхъ въ нашемъ злополучіи предали смерти, а другихъ содержимъ за карауломъ; васъ все войско Донское просимъ стать вмѣстѣ съ нами за вѣру христіанскую и прислать къ намъ на вспоможеніе казаковъ своихъ“ (539). Казаки выслушавъ эту отписку, съ негодованіемъ отвергли ее и въ то же время приговорили заковать возмутителей въ желѣза и отправить съ ихъ возмутительною отпискою въ Москву, подъ охраненіемъ станичнаго атамана Саввы Кочетова и тогда же дали знать объ этомъ проишествіи Азовскому коменданту, а въ Воронежъ адмиралу Апраксину.

добримъ ружьемъ и отпустили ихъ въ тотъ исходъ съ мелечнымъ и нѣмемъ, и тѣхъ де ихъ казаковъ конною и водянымъ отправленіемъ въ томъ походѣ по сибѣ будетъ больше 10,000 человекъ.“

(539) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго въ Иессольскій приказъ 1705 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ и списокъ съ письма астраханскихъ бунтовщиковъ 1705 г. іюля 31 дня къ войсковому атаману Акиму Филиппеву и всему войску Донскому.

Въ Москвѣ этотъ атаманъ и казаки были приняты съ честью; для содержанія ихъ было выдаваемо во все время пребыванія ихъ тамъ противу обыкновенныхъ дачъ въ двое, на отпускъ же одарены разными вещами. Атаману Кочегову поручено было именемъ войска Донскаго принести благодареніе Государю за ненарушеніе ихъ прежнихъ обычаевъ: „мы взысканы, говорилъ онъ боярамъ, паче всѣхъ подданныхъ, до насъ не коснулся государевъ указъ о платьѣ и о бородахъ; мы живемъ по древнему обычаю, всякій одѣвается какъ ему угодно: одинъ черкесомъ, другой по калмыцки, иной въ русское платьѣ стараго покроя, и мы не насмѣхаемся другъ надъ другомъ. Нѣмецкаго же платья никто у насъ не носитъ и охоты къ нему вовсе не имѣетъ; если же угодно будетъ Государю заставить насъ носить нѣмецкое платье, то мы противиться тому не будемъ“ (540).

Между тѣмъ походный атаманъ Максимъ Фроловъ съ войскомъ пришелъ къ Царыцыну въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и тогда же отправилъ 300 человекъ казаковъ съ старшиною Василиемъ Паздѣвымъ къ Черному Яру для развѣдыванія о движеніи астраханскихъ возмутителей и для взятія языковъ; съ этимъ же намѣреніемъ отправлены были два казака къ Аюкѣ-тайшѣ, который въ то время кочевалъ съ своими улусами по лѣвой

(540) Тѣхъ же дѣлъ, распросниа рѣчи станичнаго атамана Саввы Кочегова, бывшаго въ Москвѣ 1705 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

„И тѣмъ де они Донскіе казаки предъ иными народами отъ него, Великаго Государя, пожалованы и взысканы, что къ нимъ и по се число о бородахъ и о платьѣ Его, Великаго Государя, указу не прислано, и платьѣ де они нинѣ носятъ по древнему своему обычаю, какъ кому изъ нихъ которое понравится, иные де любятъ носить платье и обувь по черкески и по калмыцки, а иные обыкли ходить въ русскихъ стародревняго обичая въ платьѣ и что де кому лучше побочитца, тотъ тако и творить, и въ томъ же между ими казаками распри и никакого посмѣханія другъ надъ другомъ нѣтъ; а нѣмецкаго де платья ни кто изъ нихъ казаковъ у нихъ на Дону не носитъ и мастеровъ, то есть портныхъ, которые бъ нѣмецкое платье могли дѣлать, въ городкахъ ихъ казацкихъ не живутъ, и охоты де у нихъ казаковъ, кромѣ изволенія государсваго, къ тому нѣмецкому платью нѣтъ; а когда къ тому будетъ изволеніе на нихъ его государское, и они де воли его государской противны не будутъ.“

сторонѣ Волги. Астраханцы узнавъ, что казаки находятся въ калмыцкихъ улусахъ, послали сказать имъ, что они имѣютъ намѣреніе вступить съ ними въ переговоры ниже Чернаго Яру. Казаки не замедлили явиться на назначенное мѣсто, но астраханцы, не вступая съ ними ни въ какія сношенія, пробѣжали Волгою въ лодкахъ къ Черному Яру; отсюда направили они путь свой къ Царицыну и остановились близъ онаго на Сарпинскомъ острову. Здѣсь удалось имъ схватить нѣсколько человѣкъ царицынскихъ жителей, которыхъ принудили они провести безопасными мѣстами на казачью заставу, поставленную не въ дальнемъ разстояніи отъ города. Пользуясь темнотою ночи, астраханцы 24 октября напали на казаковъ и взяли весь отрядъ, состоящій изъ 70 человѣкъ съ войсковымъ бунчугомъ. На другой день возмутители приблизились къ Царицыну; комендантъ города со всѣми войсками, находившимися въ то время при немъ, а походный атаманъ Фроловъ съ казаками вступили въ сраженіе; астраханцы долго сопротивлялись, но принуждены были съ большимъ урономъ отступить въ низъ по рѣкѣ Волгѣ. Послѣ этого сраженія возмутители прислали къ Донскимъ казакамъ двухъ человѣкъ съ предложеніемъ о вступленіи съ ними въ переговоры; походный атаманъ, оставя ихъ у себя въ аманатахъ, послалъ къ нимъ есаула Ермолая Михайлова съ нѣсколькими казаками; намѣреніе его состояло въ томъ, чтобы уговорить бунтовщиковъ къ возвращенію взятыхъ ими въ плѣнъ казаковъ и войсковаго бунчуга (541). Но бунтовщики сихъ посланныхъ удержали у себя, а сами отправились рѣкою Волгою въ Астрахань; къ походному Донскому войску между прочимъ отписали: „что они взятыхъ ими въ плѣнъ казаковъ не отдадутъ, потому что астраханскій воевода не пропускаетъ въ Астрахань купеческихъ судовъ съ провіантомъ и товарами, что этотъ воевода болѣе уважаетъ

(541) Тѣхъ же дѣлъ. Двѣ отписки войска Донскаго, доставленныя въ Посольскій приказъ 1705 года въ декабрѣ мѣсяцѣ съ станичнымъ атаманомъ Ефремомъ Петровымъ.

калмыковъ, нежели ихъ; если же вы уговорите воеводу пропускать къ намъ суда съ хлѣбомъ и другими товарами, то мы отдадимъ вамъ всѣхъ взятыхъ нами въ плѣнъ казаковъ и бунчугъ.“ Далѣе, какъ бы желая старшину Савельева привести у казаковъ въ сомнѣніе, присовокупили: „что старшина вашъ Степанъ Савельевъ съ царицынскимъ воеводою думаетъ за одно, и что стрѣльца нашего, находившагося у васъ, звали они въ ночное время къ себѣ для распросовъ безъ вашего походнаго войска вѣдома“ (542).

Коль скоро городъ Царицынъ былъ освобожденъ отъ астраханскихъ бунтовщиковъ, какъ въ то же время возникло возмущеніе въ Царицынѣ отъ солдатъ Петровскаго полка въ пользу астраханскихъ стрѣльцовъ.—Казаки схватили изъ нихъ 100 человекъ, которые съ пытки сознались, что въ заговорѣ было ихъ до 200 человекъ. Войско Донское, извѣстясь объ этомъ происшествіи предписало походнымъ атаманамъ, что если откроется кто въ этомъ заговорѣ изъ Донскихъ казаковъ, таковыхъ, по существующему обычаю, вѣшать, не спрашивая на то войсковаго разрѣшенія (543).

Такимъ образомъ Донскіе казаки освободивъ Царицынъ отъ угрожавшей опасности, возвратились на Донъ по недостатку съѣстныхъ припасовъ, оставивъ въ Царицынѣ 900 человекъ своихъ собратьевъ подъ начальствомъ храбрахъ старшинъ Тимофѣя Пирожникова и Леонтія Поздѣева. Между тѣмъ Рос-

(542) Тѣхъ же дѣлъ. Письмо астраханскихъ бунтовщиковъ походному Донскому войску, находящемуся въ Царицынѣ, 1705 г., привезенное въ Москву означеннымъ станичнымъ атаманомъ Ефремомъ Петровымъ.

(543) Тѣхъ же дѣлъ. Отписка войска Донскаго въ Посольской приказъ 1706 г. въ генварѣ мѣсяцѣ.

„Служа тебѣ, В. Государю, и радѣя, писали на Царицынъ къ походному войску, буде приличаетъ къ тѣмъ Петровскимъ бунтовщикамъ изъ нашихъ холопей твоихъ казаковъ, чтобъ они Тимофѣй Федоровъ и Леонтей Поздѣевъ и все наше холопей твоихъ походное войско, не обсылаясь бѣ къ намъ холопемъ твоимъ въ Черкасской, чинили бѣ ворами и бунтовщикамъ на Царицынѣ смертную казнь, по нашей холопей своихъ обыкности, вѣшали бѣ за ноги, чтобъ смотря на тѣхъ воровъ впредъ такихъ бунтовщиковъ не было.“

сійскій дворъ предпринялъ намѣреніе склонить возмутителей къ поворности всепрощеніемъ, послали въ Астрахань съ царицынскими стрѣльцами, черезъ улусы Аюки-тайши, милостивую грамоту; но возмутители принявъ оную, сочли ее подложною, потому болѣе, что грамота эта прислана изъ Царицына черезъ калмыцкихъ владѣльцевъ: „если бы милостивая Царская грамота, говорили возмутители, была прислана изъ Москвы съ знатными людьми, или съ старшиною войска Донскаго, въ такомъ случаѣ они не имѣли бы подозрѣнія и Государю покорились“ (544).

Черноярскіе стрѣльцы оказали меньшее сопротивленіе; для увѣщанія ихъ посланы были изъ походнаго войска старшины: Тимофѣй Пирожниковъ и Леонтій Поздѣвъ, которые убѣдили ихъ безусловно покориться воли государевой, обѣщая имъ именемъ его прощеніе. Стрѣльцы убѣжденные представленіями старшинъ, въ знакъ своей покорности, собрались въ церковь и въ присутствіи ихъ молебствовали о здравіи государя (545). А когда фельдмаршалъ Шереметевъ приблизился къ этому городу съ войсками, то возмутители вышли изъ города на встрѣ-

(544) Тѣхъ же дѣлъ, отписка въ Посольскій приказъ старшинъ Тимофѣя Пирожникова и Леонтія Поздѣва 1706 г. января 5 дня.

„ Да онижъ де (казакъ Аникей Сисоевъ, съ товарищи, находившіеся въ Астрахани въ плѣну,) слышали отъ астраханцевъ, какъ пріѣхали въ Астрахань съ грамотами В. Государя Царицынскіе стрѣльцы, и они де ихъ посадили за караулъ и говорить, что тѣ грамоты не подлинныя и присылаются съ Царицына черезъ калмыцкихъ владѣльцевъ, и у нихъ де въ Астрахани ящиковъ много, есть де гдѣ имъ лежать, а естли де пришлютъ съ твоими В. Государя указы съ Москвы знатныхъ людей или изъ нихъ Донскихъ войсковыхъ казаковъ старшинъ и они де съ повинною своею тебѣ В. Государю итти ради.“

(545) Грамота фельдмаршалу Шереметеву 1706 г. января 26 дня.

„ Въ нынѣшнемъ 1706 г. января въ 21 день, писали къ намъ великому Государю съ Царицына, изъ Донскаго походнаго войска, Донскіе казаки старшина Тимофѣй Федоровъ и Леонтій Поздѣвъ, что они подъ Черный Яръ ради переговоровъ съ тамошними бунтовщиками ѣздили, и съ ними пріѣхавъ къ надолобамъ переговаривала, и переговора на другой день быди у нихъ въ городѣ и въ церквѣ за нашего в. государя многолѣтнее здравіе молебствовали, и намъ в. государ. они черноярцы въ грубости своей вину свою приносятъ.“

чу съ женами и дѣтьми, неся предъ собою въ знакъ покорности топоръ и плаху.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1706 г. астраханскій мятежь прекращенъ былъ фельдмаршаломъ Шереметевымъ. Признательный Государь возвелъ его въ графское достоинство, а Донскимъ казакамъ за усердную и вѣрную ихъ службу, сверхъ обыкновеннаго годоваго жалованья, повелѣлъ выдать единовременно 2/т. руб., оставшимся же въ Царицынѣ старшинамъ и казакамъ деньгами и соболями на 1865 руб.; но въ незабвенную память позднѣйшаго потомства войска Донскаго Монархъ пожаловалъ оному войсковыя клейноды, какъ то: войсковымъ атаманамъ, въ знакъ начальствованія ихъ и управленія войскомъ, серебряный перначъ, вызолоченный и украшенный дорогими камнями, бунчугъ съ яблокомъ, доскою и съ трубкою вызолоченною и большое войсковое знамя, писанное на камѣ золотомъ; сверхъ сего шесть станичныхъ знаменъ, писанныхъ золотомъ и серебромъ; изображенная на сихъ Всемиловѣйше дарованныхъ клейнодахъ надпись свидѣтельствуетъ, что Великій Государь жалуетъ храброе войско Донское за его отличную и усердную службу въ вѣчную не смертельную память потомкамъ ихъ.

Въ данной по этому случаю Государемъ Петромъ I-мъ 1706 г. февраля 21 дня войску Донскому милостивой грамотѣ, Государь свидѣтельствуетъ свое благоволеніе слѣдующими словами: „и того ради Мы, Пресвѣтлѣйшій и Державнѣйшій, Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, и проч. Наше Царское Величество, сію нашу Великаго Гусударя милостивую жалованную грамоту имъ Донскимъ атаманамъ и казакамъ и всему войску Донскому дать повелѣли, усмотря тѣ ихъ вышеписанныя многія вѣрныя и усердно-радѣтельныя службы, въ неугасаемую ихъ славу и дѣтямъ и сродникамъ и потомкамъ ихъ. Видя такую неизрѣченную къ себѣ нашего Царскаго Величества милость и жалованье, намъ Великому Государю, нашему Царскому Величеству, и сыну на-

шему, Царскаго Величества, Благовѣрному Государю Царевичу и Великому Князю Алексѣю Петровичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи и наслѣдникамъ нашимъ, служить такожде, всегда вѣрно и радѣтельно, за что къ нимъ атаманамъ и казакамъ, и къ дѣтямъ, и къ сродникамъ, и къ потомкамъ ихъ за вѣрныя ихъ предъ будущія службы, наша Царскаго Величества милость будетъ всегда съ приращеніемъ“ (546).

(546) Грамота Донскому войску, 21 февраля 1706 г.

„ Пожаловали Донскихъ атамановъ и казаковъ, войсковаго атамана Лукьяна Максимова и все войско Донское, ведѣли за многіе ихъ и вѣрныя службы, а особливо которую учинили въ прошломъ 1705 г. въ возмущеніе Астраханское, на вѣчную имъ и дѣтямъ ихъ и сродникамъ ихъ славу, дать сію нашу великаго государя нашего царскаго величества милостивую жалованную грамоту за нашею царскаго величества собственною рукою и за государственную нашею царскаго величества печатью, для того, въ прошлыхъ годѣхъ служили они отцу нашему великаго государя блаженныя и вѣчно достойныя памяти великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу и братьямъ нашимъ великаго государя блаженныя жъ и вѣчно достойныя памяти, великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Федору Алексѣевичу и Иовану Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцамъ, намъ великому государю нашему царскому величеству во всѣхъ крымскихъ и азовскихъ и иныхъ многихъ воинскихъ походѣхъ были до отпуска; и будучи въ тѣхъ походѣхъ, чинили многіе надъ непріятелемъ поиски, а которые изъ Донскихъ и иныхъ запольныхъ рѣкъ казаки, забывъ страхъ Божій и къ намъ великому государю свое обѣщаніе, и заповѣди святыхъ Апостольскія соборныя церкви, и явились въ расколѣ и въ иныхъ противностяхъ, и тѣхъ они по вѣрной своей къ намъ великому государю, къ нашему царскому величеству, службѣ казнили смертью и ни до какова злова намѣренія тѣхъ возмущителей не допустили, а иныхъ, ради подлиннаго розыску, перелова, прислали къ намъ великому государю къ Москвѣ.—А прошедшаго лѣта Господня 1705 г. астраханскіе служилые и иныхъ чиновъ жалецкіе люди, забывъ страхъ Божій и должность свою и крестное цѣлованіе, учинили въ Астрахани бунтъ, и тамо будущаго воеводу стольника нашего Тимофея Ржевскаго, и полковниковъ и иныхъ начальныхъ людей до смерти побили, и для равнаго съ собою возмущенія, желал присовокушиться къ тому своему воровству и ихъ Донскихъ атамановъ и казаковъ и все войско Донское, прислали они астраханцы къ нимъ, атаманомъ и казакомъ и ко всему войску, въ Черкасское съ прелесными воровскими ложными письмами, астраханцовъ московскихъ бывшихъ стрѣльцовъ Гришку Артемьева съ товарищи семь человекъ, у которыхъ они войсковою атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ знатною и съ разумною старшиною и съ прочими добрыхъ сердцеъ казаками, принявъ тѣ прелесныя письма, тѣхъ подсылщиковъ и съ прелесными письмами прислали, оковавъ, къ намъ великому государю, къ

Г Л А В А XVII.

Происшествія споспѣшествовавшія Булавинскому возмущенію.—Убіеніе князя Долгорукова.—Воззваніе Булавина къ казакамъ.—Слѣдствіе онаго.—Войсковой атаманъ Максимъ Лукьяновъ разбиваетъ Булавина.—Удаленіе Булавина въ Запороги и помощь оттуда.—Разбитіе войсковаго атамана Максимова.—Овладѣніе Черкасскомъ.—Булавинъ провозглашенъ войсковымъ атаманомъ.—Государь посылаетъ до 20 т. войска для усмиренія бунта сего, подъ предводительствомъ князя Долгорукова.—Наказъ данный князю Долгорукову.—Сраженіе войскъ Булавина съ русскими.—Убіеніе Булавина.—Истребленіе сообщниковъ Булавина.—Побѣгъ Некрасова съ казаками на Кубань.—Государь прощаетъ вины казаковъ.—Слѣдствія сего возмущенія.

Происшествія споспѣшествовавшія Булавинскому возмущенію. Приступая къ описанію возмущенія Булавина и вникая въ сокровенныя причины онаго, нельзя не видѣть, что оно было только послѣдствіемъ многихъ событій, внѣ войска Донскаго совершившихся; но прежде нежели будетъ подробно изложено это происшествіе, необходимо нужно изяснить здѣсь нѣкоторыя причины, которыя споспѣшествовали оному.

нашему царскому величеству къ Москвѣ, съ станичнымъ атаманомъ Саввою Кочетомъ съ товарищи; и писали они войсковой атаманъ и все войско Донское къ намъ великому государю, къ нашему царскому величеству, объявляя и утверждая службы свои паче прежняго: что они того ихъ астраханскаго злаго совѣту не приняли, и ни кому изъ Донскихъ казаковъ къ тому непристойному и злomu дѣлу приставать отнюдь невелѣли, и заказъ отомъ учинили крѣпкой подъ смертнымъ страхомъ; и сами они войсковой атаманъ, и старшина, и прочіе всѣ Донскіе казаки служить обещаются и впродъ вѣрно. И того жь дня, какъ оныя бунтовщики изъ Астрахани къ нимъ присланы, собрався во кругъ ради лучшаго о службѣ своей къ намъ великому государю утвержденія цѣловали святое Евангеліе и Крестъ, что имъ никому изъ нихъ къ тѣмъ астраханскимъ бунтовщикамъ не приставать, и злаго ихъ совѣту не принимать и намъ великому государю, нашему царскому величеству, служить вѣрно, безо всякой измѣны, о чемъ они войсковой атаманъ и знатная старшина съ доброго и усердно радѣтельнаго своего совѣту, во всѣ Донскіе верховыя городки свои послали того жь времени къ станичнымъ атаманамъ и казакамъ крѣпкіе войсковыя указы съ нарочными посмьщени, чтобъ въ тѣхъ Донскихъ городкахъ отнюдь никто изъ нихъ станичныхъ атамановъ и изъ казаковъ къ тому злomu дѣлу не приставали, и ни какихъ воровскихъ прелестныхъ писемъ, ежели отъ нихъ

Извѣстно, что войско Донское существованіе свое поддерживало непрерывнымъ приходомъ свободныхъ и помѣщичьихъ людей изъ разныхъ Россійскихъ городовъ; здѣсь бѣглецы сіи находили надежное убѣжище и покровительство. Но когда общество казаковъ увеличилось до значительнаго числа, тогда верховное правительство начало полагать къ побѣгу на Донъ нѣкоторыя преграды; въ 1675 г., на требованіе въ Москву нѣкоторыхъ казаковъ, избличенныхъ въ разбояхъ и грабежахъ, войско Донское отвѣтствовало: „напередъ сего мы никогда не выдввали людей съ Дону; мы поддерживаемъ свое существованіе приходящими къ намъ людьми, и если ты, Государь, велишь ихъ отбирать у насъ, то и остальные разбредутся врознь.“—1682 г. въ первый разъ послѣдовало запрещеніе о неприниманіи казаками верховыхъ городковъ свободныхъ и

астраханцовъ съ кѣмъ тайно и явно въ присылкѣ впредь будутъ къ нимъ, не слушали, и въ томъ бы во всемъ также они Донскихъ верховыхъ городковъ казаки крестъ цѣловали жъ; а кто къ крестному цѣлованію на правдѣ приходитъ не будетъ, и тѣхъ велѣли они войсковою атаманъ и все войско Донское по обыкновенію войсковому сажать въ воду; и ради обереженія города Царицына и иныхъ мѣстъ отъ тѣхъ же астраханскихъ бунтовщиковъ они жъ войсковою атаманъ и вся старшина отобравъ нѣсколько тысячъ добраго воинства со всякимъ воинскимъ оружіемъ и съ знатною и доброю и вѣрною старшиною съ Максимомъ Фроловымъ да съ Васильемъ Поздѣвымъ съ товарищи къ Царицыну послали безъ мотчанія, которые бывъ тамо астраханскихъ бунтовщиковъ, которые шли въ верховые города для возмущенія, не пропустили, и съ царицынскими служилыми людьми многіе воинскіе промыслы имѣли; но что видя тѣ бунтовщики астраханцы и московскіе стрѣльцы, что они Донскіе атаманы и казаки къ нимъ не прістали и служатъ намъ великому государю вѣрно, въ томъ своемъ зломъ намѣреніи устрасясь побѣжали въ Астрахань, и они Донскіе атаманы и казаки къ нимъ не прістали и служатъ намъ великому государю вѣрно, въ томъ своемъ зломъ намѣреніи устрасясь побѣжали въ Астрахань, и они Донскіе атаманы и казаки походное войско знатная поминутая старшина Максимъ Фроловъ и Василій Поздѣвъ и всѣмъ войскомъ оставили на Царицынѣ впредъ для остерегательства отъ нихъ бунтовщиковъ войска тысячу человекъ съ доброю жъ старшиною Тимофѣемъ Пирожниковымъ да съ Леонтьемъ Поздѣвымъ, а сами для нужды хлѣбныхъ запасовъ отступили на Донъ и были всегда противъ такихъ воровъ и бунтовщиковъ во всякой готовности, и о томъ къ намъ великому государю къ нашему царскому величеству писали по часту, за которую ихъ войсковую вѣрную службу того яъ прошедшаго году по имен-

помѣщичьихъ людей.—Въ слѣдующемъ 1683 г. начали имѣть наблюдение за зимовыми станицами, возвращавшимися изъ Москвы чрезъ Воронежъ на Донъ, дабы они не вывозили съ собою бѣглыхъ людей; на пограничной же съ войсковою землею заставѣ, учрежденной въ Коротоякѣ, велѣно дѣлать обыскъ онымъ. Около 1685 г. послѣдовало большое приращение въ людяхъ въ городкахъ, поселенныхъ по рѣкамъ: Хопру и Медвѣдицѣ, отъ бѣжавшихъ туда изъ Тамбовскаго уѣзда разнаго званія людей. Побѣги эти были столь чувствительны для того края, что Государь, по жалобѣ помѣщиковъ, велѣлъ учредить заставы для удержанія людей отъ побѣговъ, запретивъ въ то же время и войску Донскому принимать бѣглецовъ; но средства эти не были столь рѣшительны, чтобы могли удержать отъ того казаковъ; ибо въ 1690 г. видимъ мы, что побѣги на

ному нашему великаго государя, нашего царскаго величества, указу сверхъ обыкновеннаго годоваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья, что къ нимъ по вся годы наша великаго государя милость посылается, послано къ нимъ атаманамъ и казакамъ и ко всему войску Донскому нашего царскаго величества жалованья денегъ двадцать тысячъ руб. Да въ нынѣшнемъ въ 1706 г. къ нимъ же атаманомъ и казакомъ, которые нынѣ на Царицынѣ, къ вышеписаннымъ старшинамъ и къ рядовымъ казакамъ, съ присланными отъ нихъ съ Царицына казаками, съ станичнымъ атаманомъ Антономъ Ильинымъ съ товарищи, послано деньгами и собольми тысяча восемьсотъ шестьдесятъ пять рублевъ, а настояще наше великаго государя нашего царскаго величества годовое денежное и хлѣбное жалованье, и порохъ и свинець и желѣзо и вино, на нынѣшній 1706 годъ къ нимъ атаманомъ и казакомъ и ко всему войску Донскому противъ прошлыхъ лѣтъ послано сполна жъ. Да для предбудущихъ лѣтъ на память той ихъ Донскихъ атамановъ и казаковъ и всего войска Донскаго вышеписанной къ намъ Великому государю, къ нашему царскому величеству, вѣрные службы, пожаловали мы, великій государь, наше царское величество, ихъ же Донскихъ атамановъ и казаковъ и все войско Донское честными и знатными войсковыми клейноты: войсковымъ атаманомъ въ знакъ ихъ управленія перначъ серебрянной съ камнемъ золочень, бунчукъ съ яблокомъ и доскою и съ трубкою серебряною золоченою, знамя большое писанное на камлѣ золотомъ, и на тѣхъ воинскихъ клейнотахъ подписано имянно, что пожалованы они, Донскіе атаманы и казаки, симъ нашимъ великаго государя жалованьемъ за вышеписанные ихъ службы въ вѣчную не смертельную память потомкамъ ихъ да къ вышеписаннымъ же воинскимъ клейнотамъ указали мы, великій государь, послать въ прибавку къ нимъ же атаманомъ и казакомъ шесть знаменъ камчатыхъ писанныхъ золотомъ и

Донъ всякаго званія людей не только не прекратились, но даже увеличались и притомъ до такой степени, что многіе изъ пограничныхъ уѣздовъ къ землѣ войска Донскаго совершенно запустѣли. Казаки таковымъ сильнымъ приходомъ людей сами не были довольны: это видно изъ того, что они воспретили переселенцамъ упражняться въ хлѣбопашествѣ, „а если кто, какъ сказано въ войсковомъ опредѣленіи, станетъ пахать землю и сѣять хлѣбъ, и того бить до смерти; отъ чего многіе изъ бѣглецовъ возвратились въ свои мѣста“. Съ этого времени хотя хлѣбопашцы и воздержались переходить на войсковыя земли, но пріемъ другаго званія людей продолжался безпрепятственно. Съ постепеннымъ умноженіемъ разнаго званія людей на Дону, казаки безпрепятственно занимали впускъ лежащія мѣста, по Дону, Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку, Донцу и по выпадающимъ въ эту послѣднюю рѣчкамъ: Бахмуту, Деркулу, Бугучару и обѣимъ Калитвамъ.

Въ 1700 г. по царскому повелѣнію велѣно было всѣхъ людей, зашедшихъ послѣ 1695 г. на Хоперь, Медвѣдицу и другія

серебромъ станичныхъ, и того ради мы, всепресвѣтлѣйшій державнѣйшій великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣвичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и государь и обладатель, наше царское величество, сію нашу великаго государя милостивую жалованную грамоту имъ Донскимъ атаманомъ и казакомъ, и всему войску Донскому, дать повелѣли, усмотря тѣ ихъ вышписаннія многіе вѣрныя и усердно радѣтельныя службы, въ неугасимую ихъ славу, и дабы имъ и дѣтямъ и сродникамъ и потомкамъ ихъ, видя такую неизрѣченную къ себѣ нашу царскаго величества милость и жалованье, намъ великому государю, нашему царскому величеству, и сыну нашему царскаго величества благовѣрному государю царевичу и великому князю Алексѣю Петровичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи и наслѣдникомъ нашимъ служить также всегда вѣрно и радѣтельно; за что къ нимъ атаманомъ и казакомъ, и къ дѣтямъ, и къ сродникомъ и къ потомкамъ ихъ, за вѣрныя ихъ предбудущіе службы, наша царскаго величества милость будетъ всегда съ приращеніемъ. Дана сія наша царскаго величества милостивая жалованная грамота за нашею царскаго величества государственною печатью въ царствующемъ нашемъ велицемъ градѣ Москвѣ дѣла отъ созданія міра 7214, а отъ Рождества избавителя нашего Иисуса Христа 1706 мѣсяца февраля 21 дня, государствованія нашего 24 году.“

запольныя рѣчки, поселить по дорогамъ, идущимъ отъ Волуйки и Рыбнаго къ Азову, на рѣчкахъ: Кундрючьѣ, Лихой, Донцу, Каменкѣ, Бѣлой и Черной Калитвамъ, Березовой, Тихой и Грязной, коихъ и было поселено на означенныхъ мѣстахъ до 1,000 семей.

Наконецъ въ 1703 г. посланы были на Донъ стольники Кологривовъ и Пушкинъ, для приведенія въ гласность казачьихъ городковъ, поселенныхъ по рѣкамъ: Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку, Донцу и Дону до Паншинской станицы и для высылки изъ оныхъ на прежнія мѣста всѣхъ тѣхъ людей, кои зашли туда послѣ 1695 г., съ наказаніемъ cadaго изъ нихъ и отосланіемъ десятаго человѣка въ Азовъ на работы, включая сюда и тѣхъ, кои хотя зашли на Донъ и до сего года, но неучаствовали въ походахъ подъ Азовомъ; тѣ же городки, кои населены 1701 г. по дорогамъ отъ Рыбнаго и Волуйки до Азова, оставить на прежнемъ мѣстѣ, выславъ только изъ оныхъ людей, зашедшихъ туда послѣ того 1701 г.—Этимъ же чиновникамъ велѣно было обязать подписками атамановъ и казаковъ означенныхъ городковъ, дабы они не принимали впредь бѣглыхъ людей подъ смертною казнію (547).

Такое царское повелѣніе привело казаковъ въ недоумѣніе; но непрекословя его священной волѣ, они просили Царя, чрезъ посланную станицу, оставить на Дону по крайней мѣрѣ тѣхъ людей, кои зашли на Донъ до 1695 года, но не участвовали въ азовскихъ походахъ, по случаю тому, что они, по распоряженію войска Донскаго, во время этихъ походовъ оставались въ городкахъ для защиты отъ непріятельскихъ набѣговъ, и что много изъ нихъ есть и такихъ, кои родились въ тѣхъ городкахъ; словесно же приказали атаману той станицы объявить боярамъ, что атаманъ и казаки тѣхъ городковъ, коимъ велѣно произвести перепись и выслать изъ оныхъ въ Россію людей, находятся въ сомнѣніи, что Государь имѣетъ на нихъ гнѣвъ, потому, что вышеозначенное изслѣдова-

(547) Грамота на Донъ 1703 г. іюля 11 дня.

ніе велѣно произвести только по Паншинской городокъ, а не по всему Дону.

Государь склонился на прошеніе казаковъ, обнадежилъ ихъ своею къ нимъ милостію, увѣрилъ ихъ при томъ, что верховые городки останутся на прежнихъ мѣстахъ и что перепись людей и городковъ велѣно произвести для свѣдѣнія сколько находится ихъ по Дону, давно ли они тамъ поселены, и нѣтъ ли въ тѣхъ городкахъ вновь пришедшихъ людей для того, что бѣглецы эти, обобравъ своихъ помѣщиковъ, скрываются съ покраденными вещами не наказаны (548).

Не бывъ совершенно довольны запрещеніемъ принимать бѣглыхъ людей въ свои городки и высылкою оныхъ на прежнія мѣста, казаки еще болѣе огорчились, какъ изыясняютъ они въ отпискѣ, насильственными поступками чиновниковъ, присланныхъ изъ Адмиралтейскаго Приказа на Донъ, почти въ то же время, для описи корабельнаго лѣса, которые самопроизвольно высылали казаковъ изъ городковъ въ Россію безъ всякаго различія, причиняя имъ обиды; не менѣе того огор-

(548) Грамота на Донъ 1704 г. марта 15 дня.

А что они жъ Донскіе казаки черезъ помянутыхъ своихъ присыльщиковъ ему великому государю доносили о томъ, что ниже Паншина въ ихъ же казацкихъ городкахъ ни кого тѣ посланные изъ разряду стольника не переписываютъ и не разбираютъ, отъ чего де верховыхъ казацкихъ городковъ казаки въ великомъ сумнѣніи пребываютъ, чая на себя его государственнаго гнѣва, и великій государь его царское величество указалъ въ томъ ихъ казаковъ обнадежить, понеже его государскаго гнѣва на тѣхъ верховыхъ городковъ казаковъ нѣтъ и имѣеть ихъ всегда въ своей государской милости, какъ и прочихъ нижнихъ городковъ казаковъ, и въ томъ разборѣ и въ перепискѣ они казаки ни како сумнѣнія не имѣли, для того, что все то учинено, по его государскому изволенію, не ради иного чего, токмо ко увѣдомленію и къ душей явственной смѣтѣ, сколько по Дону тѣхъ верховыхъ казацкихъ городковъ старыхъ и новопостроенныхъ числомъ и какъ какому городку имя или званіе и что въ нихъ людей, и нѣтъ ли откуду какихъ бѣглецовъ и пришлыхъ людей, о чемъ ему великому государю многое есть челобитье разныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ что люди ихъ и крестьяне, бѣгая со многими ихъ краденными пожитками, ухораниваются въ тѣхъ верховыхъ городкахъ; однакожъ великій государь всѣмъ по Дону стоящимъ городкамъ указалъ по той перепискѣ быть въ прежнемъ остояніи, гдѣ которой городъ стоять, не перенося тѣхъ городковъ на иные мѣста:“

чителенъ былъ для войска Донскаго поступокъ маіора Шанкѣва, присланнаго изъ означеннаго приказа на рѣчку Бугучарь, для розысканія и высылки людей подвѣдомственныхъ Адмиральтейскому приказу, который не увѣдомивъ войско Донское, приступилъ къ уничтоженію Бугучарскаго казачьяго городка и къ высылкѣ всѣхъ жителей онаго въ Россію.

По приведеніи такимъ образомъ въ гласность казачьихъ городковъ и по высылкѣ изъ оныхъ разнаго званія зашедшихъ туда изъ Россіи людей, Государь приступилъ къ ограниченію свободы казаковъ самопроизвольно занимать земли по рѣкѣ Донцу и по-впадающимъ въ оной съ правой стороны рѣчкамъ, и вслѣдствіе того 1705 г. въ маѣ мѣсяцѣ повелѣлъ уничтожить всѣ тѣ городки, которые поселены не по указу и послѣ 1695 г., жителей перевести для поселенія на лѣвую сторону Донца, находившихся же въ оныхъ бѣглыхъ людей высылать въ Россію и впредь безъ указу не занимать подь поселенія мѣста. Казаки медлили выполненіемъ этого предписанія, просили Государя о оставленіи по крайней мѣрѣ поселенныхъ по рѣкѣ Айдару городковъ: Новаго Айдару, Беленскаго, Закотнаго и Кубаньего, но въ просьбѣ казаковъ было отказано; для понужденія же ихъ къ скорѣйшему выполненію царской воли, былъ отправленъ на Донъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1706 г. стольникъ Леонтій Шеншинъ, которому, между прочимъ, въ данномъ ему по сему предмету наказѣ повелѣно было обходиться съ войсковымъ атаманомъ, старшинами и казаками вежливо, не вымогать отъ нихъ взятокъ и не требовать излишняго корму и подводъ (549).

(549) Грамота на Донъ Іюля 7 дня (1706 г.)

„Какъ къ вамъ ся наша В. Государя грамота придетъ, и выбѣ атаманы и казаки и все войско Донское тѣ поминутые городки, которые поселены не по указу и на шляхахъ, а имено: Новой—Айдаръ Шельгинъ, Осиновой, Ревенекъ на Красной Кабинѣ и которые построены, кромѣ стараго Айдара, по иимъ запольнымъ рѣчкамъ, послѣ Азовской службы, велѣли свѣсть и старожитныхъ казаковъ, которые въ тѣхъ городкахъ живутъ, перевести за Сѣверской Донецъ, а новопришлыхъ, которые пришли изъ нашихъ В. Государя украинныхъ горо-

Около сего времени возникли ссоры у Донских казаковъ, поселенныхъ по Донцу, съ казаками Изюмскаго полка за границы, главнѣйшею причиною сихъ ссоръ, которая имѣла немалое вліяніе на возмущеніе казаковъ, было присвоеніе полковникомъ Изюмскаго полка Шидловскимъ соляныхъ источниковъ, находившихся во владѣніи Донскихъ казаковъ, куда торскіе и другихъ окрестныхъ мѣстъ жителей, побуждаемые прибыточнымъ добываніемъ соли, начали переселяться (около 1701 года) безъ вѣдома верховнаго правительства и заняли подъ солеварни многія мѣста принадлежащія къ юрту Бахмутскаго казачьяго городка. Полковникъ Изюмскаго полка, поддѣржляя новыхъ переселенцовъ слободскими казаками, тѣснилъ бахмутскихъ жителей, причинялъ имъ побои и разорялъ жилища ихъ, основанныя на рѣчкахъ: Бахмутѣ, Красной, и Жеребцѣ; въ 1703 г. по его же приказанію разоренъ одинъ казачій городокъ, построенный близъ границъ Изюмскаго полка, истреблены всѣ соляныя варницы; разломана часовня и забрана вся церковная утварь и книги. Послѣ сего въ 1704 г. самопроизвольно наложилъ онъ на бахмутскихъ казаковъ пошлины съ соляныхъ варницъ, бралъ насильно соль подъ предлогомъ будто бы въ казну; истреблялъ сѣновосные луга; эти поступки наводили казакамъ огорченіе. Въ это время былъ станичный

дковъ, бѣгая отъ службы и отъ азовскихъ и корабельныхъ работъ, распрося выслать за провожатыми въ украинные города, кто отъ козь пришелъ, не дожидаясь впредь къ себѣ о томъ нашего В. Государя указу, для того что тѣ городки по справкѣ построены вновь и послѣ азовскихъ походовъ, а городкамъ же, которые поселены по Сѣверскому Донцу, Старой Айдаръ и выше Айдару иные на предъ сего до азовскихъ походовъ и тѣмъ городкамъ быть по прежнему, а въ городкахъ же, что на шляхахъ въ Закавказьи и во Боленскомъ жилищевъ всѣхъ велѣтъ переписать по именамъ, и старожильцовъ казаковъ оставить и велѣтъ имъ жить въ тѣхъ городкахъ для почтовой гоньбы а которые люди по перепискѣ явятся въ тѣхъ городкахъ новопришлые, изъ какихъ они нибудь чиповъ, и тѣхъ перешедшихъ за указомъ выслать, по прежнему въ тѣхъ мѣста, отъ куда кто пришелъ, и для того нынѣ посланъ къ вамъ съ Москвы стольникъ нашъ Леонтій Шиншинъ, которому велѣно у васъ быть до тѣхъ мѣстъ, какъ по прежнему и по сему нашему в. государя указу то все исполните!

атаманъ въ Бахмутскомъ городкѣ отважный Кондратій Булавинъ, онъ не упустилъ удобныхъ случаевъ къ отмщенію за претерпѣваемыя отъ Изюмскихъ полчанъ обиды, имѣя между тѣмъ повелѣніе и отъ войска Донскаго употреблять всѣ средства къ защищенію войсковыхъ границъ. Изъ этихъ обоюдныхъ ссоръ возникли жалобы, которыя на первый разъ рѣшены были тѣмъ, чтобы какъ войску Донскому, такъ и Изюмскаго полка казакамъ впредь до разграниченія между ними границъ, владѣть тѣми землями, кому они напредь сего принадлежали и отнюдь бы другія не входили довольствіями въ непринлежащія имъ мѣста.

Между тѣмъ послѣдовало изъ Посольскаго приказа предписание объ отобраніи какъ у Донскихъ, такъ и у Изюмскихъ казаковъ соли въ казну и о продажѣ оной на мѣстѣ высшими цѣнами. Булавинъ огорченный, или наложеніемъ пошлыны на вывариваемую казаками соль, или обидами, которыя претерпѣвали они отъ Изюмцевъ, собралъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1705 г. значительную партію казаковъ, напалъ на жителей, занимавшихся вывариваніемъ близъ рѣчки Бахмута соли, разорилъ всѣ строенія и заводы, побралъ всю готовую соль казенную и частнымъ лицамъ принадлежащую, а также деньги и прочее имущество. Наказный полковникъ Изюмскаго полка Шустъ, въ отмщеніе за такія разоренія, вооружилъ въ декабрѣ мѣсяцѣ того жъ года подчиненныхъ ему казаковъ и обложилъ Бахмутскій городокъ, но узнавъ, что Булавинъ извѣстилъ о своемъ положеніи окрестныя казачьи городки, немедленно снялъ осаду и распустилъ свои войска. Булавинъ съ своей стороны этотъ поступокъ наказнаго полковника Шуста не оставилъ безъ отмщенія: онъ въ то же время перешелъ съ казаками рѣчку Бахмутъ и разорилъ до основанія всѣ солеваренныя заводы; нѣсколько человекъ убилъ до смерти; побралъ всю казенную соль и продалъ тамъ же на мѣстѣ; мщеніе его простиралось даже и на домашнихъ животныхъ, коихъ онъ приказалъ безъ всякой надобности убивать. Уничтоживъ такимъ образомъ всѣ бывшія на томъ мѣстѣ заведенія

и разогнав тамошних жителей, Булавинъ завладѣлъ всѣми соляными источниками и началъ съ казаками вываривать соль, не допуская ни кого изъ иногороднихъ участвовать въ этомъ промыслѣ.

Изюмскій наказный полковникъ, на сей самовольный поступокъ, принесъ жалобу въ Адмиральтейскій приказъ, отъ коего былъ посланъ на рѣчку Бахмутъ дьякъ Горчаковъ съ командою солдатъ, подъ начальствомъ капитана Трунева, какъ для описанія пограбленнаго и разореннаго имущества Изюмскаго поля жителей, такъ и для недопущенія ссорящихся до дальнѣйшихъ разореній, пока воспослѣдуетъ повелѣнiе о разграниченiи между Донскими и Изюмскими казаками спорныхъ земель. Дьякъ Горчаковъ съ солдатами прибылъ къ Бахмутскому городку 4 июня 1706 г., имѣя съ собою 30, а по показанiю Донскихъ казаковъ 400 человекъ Изюмскихъ, Торскихъ и Маяцкихъ жителей, для указыванiя спорныхъ соляныхъ заводовъ. Булавинъ извѣщенный о прибытiи дьяка къ городу, вышелъ противъ него съ многочисленною партiею казаковъ въ полномъ вооруженiи и спрашивалъ его: „для чего онъ въ такомъ многочисленномъ собранiи вооруженныхъ Изюмскихъ жителей прибылъ къ ихъ городку?“ Получивъ удовлетворительный отвѣтъ отъ дьяка Горчакова, Булавинъ позволилъ ему вступить съ солдатами въ городокъ, а вмѣстѣ съ ними пяти человекамъ старожиламъ, прочимъ велѣлъ немедленно удалиться отъ городка. Горчаковъ объявилъ здѣсь Булавину и казакамъ грамоту, данную ему изъ Адмиральтейскаго приказа и настаивалъ по оной объ удовлетворенiи. Булавинъ не только не допустилъ его къ изслѣдованiю порученнаго ему дѣла, но даже поставилъ у квартиръ дьяка Горчакова и солдатъ карауль, не выпуская ихъ изъ оныхъ 8 дней, пока не получилъ на донесенiе свое отъ войсковаго круга разрѣшенiе, коимъ предписывалось ему не допускать дьяка Горчакова къ описыванiю разграбленныхъ соляныхъ варницъ, потому что оныя учреждены изюмскими казаками на земляхъ принадлежащихъ войску Донскому; старшины привезшіе эту грамоту изъясни-

лись съ дьякомъ лично о правахъ на сіи земли. Такимъ образомъ Горчаковъ принужденъ былъ возвратиться въ Воронежъ безъ исполненія возложенной на него порученности. Впрочемъ войско Донское въ объясненіи своемъ, данномъ по этому предмету, обвиняетъ дьяка Горчакова въ томъ, что онъ безъ всякой причины не приступилъ къ изслѣдованію порученнаго ему дѣла, и что со стороны онаго препятствія ему дѣлано не было (550).

Эти обоюдныя неудовольствія еще болѣе поддерживаемы были, когда Изюмскій полковникъ Шидловскій принялъ въ свое вѣдѣніе, по указу царскому, въ февралѣ мѣсяцѣ 1706 г., селитренные заводы, принадлежавшіе прежде полковнику Ахтырскаго полка Перекрестову, изъ коихъ нѣкоторые находились на войсковыхъ земляхъ, гдѣ истребляли войсковые заповѣдныя лѣса и причиняли различныя утѣсненія казакамъ въ поземельныхъ довольствіяхъ (551).

Убіеніе Князя Долгорукова. Стольникъ Шеншинъ, коему предписано было уничтожить нѣкоторые Донскіе казачьи городки и выслать бѣглыхъ въ Россію, повидимому не былъ посланъ на Донъ, ибо о дѣйствіяхъ его по этому предмету въ современныхъ актахъ нигдѣ не упоминается; это обстоятельство доказывается еще и тѣмъ, что въ слѣдующемъ 1707 г. былъ посланъ на Донъ съ таковымъ же порученіемъ полковникъ князь Долгоруковъ.

Все это въ совокупности, а при томъ и мѣры принятія верховнымъ правительствомъ къ обузданію своевольства на Дону, привели въ раздраженіе тѣхъ Донскихъ казаковъ, до которыхъ особливо оныя касались.

Въ это время, такъ сказать, коренныхъ казаковъ лучшаго и отборнаго воинства, не было на Дону, съ самаго открытія войны съ Швеціею; одна часть ихъ подвизалась на сѣверѣ,

(550) Грамоты на Донъ 1706 г. февраля 28, августа 11, и отписка в. Донскаго въ Посольскій приказъ того жъ года въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

(551) Отписка войска Донскаго въ Посольскій приказъ 1706 года.

а другая, подъ предводительствомъ старшины Максима Кумшацкаго, находилась въ Россійской арміи, дѣйствовавшей въ Польшѣ и южныхъ предѣлахъ Россіи. Отсутствие этихъ вѣрныхъ государю воиновъ всего болѣе благопріятствовало Булавину, исполни ть давно скрывавшееся въ душѣ его ужасное намѣреніе. Склонивъ на свою сторону всѣ Донецкіе и по запольнымъ рѣчкамъ поселенные городки, Булавинъ немедленно отправился на рѣку Хоперь; тамъ съ сообщниками своими имѣлъ онъ совѣщаніе, на коемъ положено было умертвить князя Долгорукова и всѣхъ при немъ бывшихъ, и потомъ возжечь пламя бунта по всему Дону. Это намѣреніе привелъ онъ въ исполненіе на рѣчкѣ Айдарѣ, гдѣ князь Долгорукій, съ Ефремомъ Петровымъ и другими старшинами со стороны войска, занимался розысканіемъ бѣглыхъ и гдѣ въ восьми казачьихъ юртахъ найдено оныхъ болѣе 3,000 человекъ (552).

Воззваніе Булавина къ казакамъ. Принеся такимъ образомъ въ жертву мести своей до 1,000 человекъ солдатъ и офицеровъ, Булавинъ немедленно разослалъ по всѣмъ казачьимъ городкамъ возмутительное письмо, которое содержало слѣдующія выраженія: „Всѣмъ старшинамъ и казакамъ, за домъ Пресвятыя Богородицы, за истинную христіанскую вѣру и за все великое войско Донское, также сыну за отца, брату за брата и другу за друга стать и умереть за одно. Зло на насъ умышляютъ, жгутъ и казнятъ напрасно, вводятъ въ еллинскую вѣру и отъ истинной отвращаютъ. А вы вѣдаете нынѣ наши дѣды и отцы на семь полѣ жили и какъ оно тогда крѣпко держалось; нынѣ же наши супостаты старое наше поле все перевели и нивочто вмѣнили, и такъ чтобы намъ его вовсе не потерять, должно защищать единодушно и въ томъ бы всѣ мнѣ (Булавину) дали твердое слово и клятву:“ Далѣ увѣряетъ, что всѣ Запорожскіе казаки и Бѣлогород-

(552) Дополненіе къ дѣяніямъ Петра великаго, томъ 7 стр. 427, в отпискѣ Булавина и войска Донскаго къ войску Запорожскому 1708 г. мая 17 дня.

ская татарская орда готовы соединиться съ Донцами въ предстоящемъ дѣлѣ; а заключаетъ повелѣніемъ, что коль скоро гдѣ это войсковое письмо прочтено будетъ, тамъ одной половиной людей остаться въ куреняхъ, а другой быть готовою выступить конно-вооруженною въ походъ по назначенію, кромѣ вольницы, которая вся безъ изъятія должна двинуться; но что если кто изъ тѣхъ и другихъ явится ослушникомъ и противникомъ, тотъ преданъ будетъ смертной казни (553).

Слѣдствіе онаго. Письмо Булавина разлило пламя возмущенія во всей верхней части Дона и по рѣкамъ: Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку и Донцу; войсковою атаманъ тщетно разсылалъ увѣщательныя войсковыя грамоты не слушать клеветамъ и не приставать къ возмутителямъ, но легковѣрные не внимали этимъ убѣжденіямъ.

Войсковою атаманъ Лукьянъ Максимовъ разбиваетъ Булавина. Булавинъ, начальствуя 20/т. войскомъ, состоящимъ наиболѣе изъ бѣглецовъ, или вольницы, намѣренъ уже былъ идти къ Москвѣ и убивать боярѣ и нѣмцевъ, какъ войсковою атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ старшинами и казаками нижнихъ Донскихъ городковъ, не приставшихъ къ возмутителямъ, выступилъ противъ бунтовщиковъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1707 г., разбилъ ихъ, захватилъ нѣсколько человекъ въ плѣнъ и отправилъ въ Москву съ старшиною Ефремомъ Петровымъ. Государь считая этотъ мятежъ оконченнымъ, двумя письмами извѣщалъ объ этомъ полководца своего князя Меньщикова (554). Въ Москвѣ же, присланной съ Дону зимовой станицѣ, съ станичнымъ атаманомъ Акимомъ Филиппевымъ, велѣно отпустить войску Донскому обыкновенное годовое жалованье.

Удаленіе Булавина въ Запороги и помощь оттуда. Между тѣмъ пораженный оружіемъ вѣрныхъ казаковъ Булавинъ потянулся съ остатками скопища къ Бах-

(553) Дѣявія Петра Великаго, томъ 2, стр. 436 и 437.

(554) Дополненіе въ дѣліямъ Петра Великаго, томъ 7, стр. 431 и 437.

муту, откуда отправился въ Запорожскую Сѣчь; тамъ представлялъ онъ Запорожцамъ, что войско Донское отъ Государя отложилось, и что онъ присланъ къ нимъ просить кошеваго атамана и все товарищество о сдѣланіи войску Донскому вспомошествованія противу Россійскихъ войскъ. Петръ Великій, узнавъ о томъ, поручилъ гетману Мазепѣ его поймать, но Мазепа, будучи и самъ въ сердце своемъ измѣнникъ, не исполнилъ того подъ нѣкоторыми благовидными причинами, и подъ рукою допустилъ, что для Булавина сдѣлано было въ Сѣчи собраніе, на которомъ дано позволеніе Запорожскимъ казакамъ идти къ Булавину кто хочетъ. Государь требовалъ отвѣта отъ Запорожцевъ въ поступкахъ ихъ и повелѣлъ до полученія онаго задержать въ Москвѣ зимовую станицу ихъ, состоящую изъ 88 человекъ. Запорожцы отвѣтствовали, что въ то время, когда сдѣлались въ Запорогахъ извѣстны преступныя дѣйствія Булавина, войско Запорожское просило гетмана Мазепу дозволить имъ идти на бунтовщиковъ, но отъ него никакого повелѣнія по сему предмету не получало, и потому нѣкоторые своевольные казаки, присоединились къ Булавину, смотря на Малороссійскихъ казаковъ и Великороссійскихъ людей, приставшихъ къ возмутителю въ большомъ числѣ (555).

(555) Отписка войска Запорожскаго къ Государю Петру 1-му 1703 г. августа 6 дня.

„ Когда еще, благочестивый нашъ Монархъ, самый почаль былъ бунтамъ и воровству отъ погибшаго злаго сына Булавина, за взятій и всему народови въ великороссійскихъ и малороссійскихъ городахъ, подъ благочестивою державою вашего цар. прес. величества обрѣтающихся, явленный, тогда хотячи мы атаманъ-кошевой съ старшиною войсковою, по вѣрной своей къ вашему прес. цар. величеству службѣ, не допустити итить своему товариству на тое бунтовщице дѣло писали съ коша до вѣрнаго подданнаго вашего цар. прес. величества гетмана и кавалера Ивана Степановича Мазепы, чтобъ онъ по своему раднѣю и вѣрной службѣ учинилъ извѣстно вашему цар. пресв. величеству о томъ, чтобъ наше войско Запорожское низовое на томошние вѣрныя службы затягнены были, и имъ гдѣ войсковое дѣло указать повелѣли, и въ томъ нашемъ желаніи жаднаго полученія у себе мы не имѣли, и по такой нуждѣ нѣкоторое товариство наше сечовое, яко есть вольное, въ малой лѣчбѣ туда до Булавина удалося, взираючи

Булавинъ, условясь съ запорожцами объ обоюдномъ защищеніи, оставилъ Сѣчь въ началѣ весны 1708 года и вывелъ оттуда до 3,000 Запорожцевъ (556), къ коимъ присоединя многихъ изъ малороссійскихъ казаковъ, двинулся къ рѣкѣ Хопру, гдѣ единомышленники его: Некрасовъ, Дроновъ, Головъ и Хохоль, въ отсутствіи его, приготовили многочисленное войско, состоящее по большей части изъ великороссійскихъ бѣглецовъ.

Разбитіе войсковаго атамана Максимова. Войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ, извѣщенный о новыхъ преступныхъ намѣреніяхъ измѣнниковъ, вторично разослалъ по всѣмъ казачьимъ городкамъ войсковыя грамоты, увѣщевая казаковъ не приставать къ возмутителямъ и не слушать ложныхъ ихъ навѣтовъ, но по долгу вѣрноподанныхъ, вооружилсь бы противу злодѣевъ и шли въ Черкасскъ для соединенія съ войсковымъ атаманомъ, на уничтоженіе буйнаго скопища и ихъ замысловъ. По собраніи вѣрныхъ казаковъ

и засмотрючи на городовыхъ великороссійскихъ и малороссійскихъ людей, которые подъ крѣпкимъ суть завстягненіемъ, а въ десятерогисячную лѣткою на тое бунтовщицѣ булавинское поуходили, замысли и всему злу они городовые люди суть причасы и насъ своимъ злымъ и многолюднымъ походомъ вашему цар. пресв. величеству въ немилость и гнѣвъ приправили, понеже и сами отъ страхованья въ нивочто же обратилися, утративши своего во всѣхъ злыхъ намѣреніяхъ и бунтахъ приводцу. А мы атаманъ кошевой, зо всѣмъ посполствомъ, яко прежде вѣрною, радѣтельною, постоянною и усердною нашею службою были вашему цар. пресв. величеству угодны, такъ и нынѣ непремѣнно службы наши вѣрны ронити готовы, не щадя своего здоровья, желючи службы всеусердно отъ вашего цар. пресв. величества благопризрительнаго помилованія и прещедрой монаршей получить ласки, которой нынѣ при доземномъ нашемъ рабскомъ поклоненіи себѣ всеблагодѣжно споручаемъ.“

(556) Собраніе россійскихъ законовъ, томъ 4, № 2,233, грамота Гетману Скоропадскому и всему малороссійскому народу, 1709 мая 26 дня.

„Такожъ и въ краткомъ времени вора и бунтовщика Донскаго казака Булавина, державъ опи запорожцы у себя на кошу долгое время, отпустили на Донъ, придавъ ему отъ себя съ 3,000 казаковъ, который тамо съ ними запорожцы учинилъ многія смятенія и бунты, но съ помощію Божіею отъ войскъ нашихъ пораженъ и восприялъ по дѣламъ своимъ возмездіе купно съ единомышленники своими.“

въ Черкасѣ, войско приговорило идти немедленно всему войску противу бунтовщиковъ, подъ начальствомъ войсковаго атамана Лукьяна Максимова; азовскій губернаторъ Толстой снабдилъ ихъ артиллеріею и послалъ къ нимъ на помощь азовскій конный полкъ и калмыковъ всего 5,000 человекъ. 28 марта войсковою атаманъ выступилъ съ вѣрными казаками изъ Черкаска, приведя ихъ напередъ на вѣрность службы къ присягѣ, оставивъ въ ономъ наказнымъ атаманомъ Илью Григорьева.

Въ это столь смутное время остались вѣрными своему Государю городки: Донецкій, Казанскій, Усть-Медвѣдицкій, Правоторовскій и Бурацкій, которые запершись, сопротивлялись всѣмъ усиліямъ измѣнниковъ; также поступили городки и въ низъ по Дону, начиная отъ Нижне-Курмоярскаго до Черкаска; прочія же станицы или сами пристали къ бунтовщикамъ, или принуждены были неволью принять ихъ сторону.

Между тѣмъ войсковою атаманъ 9 апрѣля настигъ скопища возмутителей на рѣчкѣ Голубой, близъ Голубинской станицы, вступилъ съ ними въ бой, но по неравенству силъ былъ опрокинутъ и обращенъ въ бѣгство, Булавинъ овладѣлъ станомъ его и всѣми пушками (557).

О в л а д ѣ н і е Ч е р к а с к о м ѣ . Послѣ сего устрѣмился

(557) Грамота на Довъ 1708 г. мая 3.

„Апрѣля 26 дня нынѣшняго 1708 г. къ намъ В. государю писалъ стольникъ нашъ Степанъ Бахметевъ, что съ москвичи противъ воровъ и бунтовщиковъ въ походѣ къ Пристанскому городку пошелъ онъ тогожъ апрѣля 20 дня, а въ отпискѣ вашей войсковаго атамана Лукьяна Максимова съ войскомъ апрѣля 16 дня къ нему Степану списано, апрѣля жъ въ 9 день съ войскомъ бывшимъ походѣ со оными ворами и бунтовщиками на рѣкѣ Голубой былъ у васъ бой, а Сѣверской Донецъ весь отложился и собираются съ ворами же Старо-Айдарской станицы съ Семеномъ Дранымъ. А съ Кондрашкою Булавинымъ Хоперь, Бузулукъ и Медвѣдица отложились же, и чтобъ ему Степану идти къ вамъ войску въ Черкасской съ великимъ поспѣшеніемъ денно и ночно, а Донецкой, Усть Медвѣдицкой, Казанка, Правоторовской, Бурацкой, пять городковъ, къ вору не пристали и сидѣли въ осадѣ, а отъ нижней Курманіарской станицы на низъ всѣ съ вами войскомъ заедино.“

онъ въ Черкаску и проходя напередъ приготовленныя къ возмущенію станицы по Дону, увеличивалъ число своихъ войскъ, и хотя встрѣчалъ отъ нѣкоторыхъ городковъ храбрую оборону, но лестию и жестокостію преодолювая всякое сопротивленіе, достигнулъ главнаго городка Донскихъ казаковъ. Увидѣвъ сдѣланныя въ ономъ для отраженія его укрѣпленія и не надѣясь взять силою, Булавинъ прибѣгнулъ къ хитрости, угрожая мучительною смертію жителямъ расположенныхъ въ предмѣстїи города трехъ Рыковскихъ станицъ, заставилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ ночное время съ семействами своими бѣжать въ городъ и просить убѣжища и защиты, будто бы отъ его жестокости; имъ отворили ворота, Булавинъ въ то жъ время ворвался въ городъ и занялъ всѣ караулы. Несчастные жители увидѣли обманъ, но уже поздно. Мятежники схватили войсковаго атамана и казнили, нѣкоторые изъ старшинъ подверглись той же участи, а Ефремъ Петровъ, который не ужасаясь смерти, съ благородною твердостію патріота укорялъ губителя своей отчизны, былъ мучительски удушенъ. Яростное изступленіе злодѣевъ излилось на всѣхъ вѣрныхъ и преданныхъ своему государю; многіе почтеннѣйшіе граждане потоплены, семейства ихъ истреблены, а дома и имущества разграблены; другіе бѣжали въ Азовъ и укрывались въ мѣста отдаленныя и неизвѣстныя; въ числѣ сихъ были и дѣти любимаго Петромъ I-мъ войсковаго атамана Фрола Минаева (558).

Булавинъ провозглашенъ войсковымъ атаманомъ. Убійцы, обагрившись кровію согражданъ своихъ, провозгласили въ Черкасѣ предводителя своего Булавина войсковымъ атаманомъ, который тогда же отъ имени войска Донскаго послалъ къ запорожскому кошевому атаману Гордіенку и ко всему войску Запорожскому послапцевъ, съ увѣдомленіемъ, что войско Донское въ бившемъ прошломъ 1707 года собраніи на рѣкѣ Хопрѣ единодушно положило стать

(558) Дѣявія Петра Великаго, томъ 2-й, стр. 437 и дополненіе въ дѣявіямъ томъ 8, стр. 55.

за домъ Пресвятыя Богородицы, за православную христіанскую вѣру и за святныя Апостольскія церкви, дабы утвердить въ ономъ прежнія обыкновенія, какъ у дѣдовъ, у отцовъ нашихъ и у насъ бывали. Къ этому столь единодушному собранію подалъ намъ поводъ князь Долгоруковъ, который, вопреки царскому повелѣнію, разорилъ и пожегъ многіе наши городки, пыталъ казаковъ, билъ кнудомъ, рѣзалъ имъ носы и губы безъ всякой причины, наругался надъ женами нашими и вѣшалъ дѣтей нашихъ младенцевъ по деревьямъ. Видя такое разореніе и насиліе, приговорили съ нынѣшнимъ нашимъ войсковымъ атаманомъ Кондратіемъ Булавинымъ, убить его и всѣхъ при немъ бывшихъ. А дабы учредить въ войскѣ Донскомъ порядокъ и виновныхъ въ нарушеніи онаго наказать, мы рѣшились всѣмъ войскомъ идти въ Черкаску, но бывшій войсковою атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ старшинами и казаками въ ономъ заперся и стрѣляли по насъ изъ пушекъ; презрѣвъ всѣ преграды, положенныя намъ врагами нашими, мы помощію казаковъ, усердныхъ намъ, вошли въ городъ и войсковаго атамана и прочихъ старшинъ за ихъ вины, приговорили всѣмъ войскомъ Донскимъ казнить смертію, а на мѣсто его выбрали войсковымъ атаманомъ Кондратія Булавина и старшинъ другихъ. Нынѣ же намъ войску Донскому извѣстно, что государевы полки стоятъ на Донцѣ близъ Святогорскаго монастыря и въ другихъ мѣстахъ и имѣютъ намѣреніе идти къ Черкаску, и потому просимъ васъ, какъ вы обѣщались нашему войсковому атаману Кондратію Булавину, прислать къ намъ на Донъ на защиту жилищъ нашихъ войскъ своихъ, а мы вамъ войскомъ Донскимъ противъ вашихъ непріятелей, какъ о томъ у насъ договоръ былъ, помогать рады, дабы намъ жить навсегда въ добромъ согласіи и другъ за друга постоять въ правдѣ и себя защищать общими силами (559).

(559) Отписка Булавина и войска Донскаго къ войску Запорожскому, 1708 г. мая 17 дня.

„ И въ нынѣшнемъ 1708 г. нашъ войсковою атаманъ Кондратій Булавинъ

Такимъ образомъ, содѣлавшись повелителемъ всего войска Донскаго, Булавинъ утихъ на нѣкоторое время, послалъ въ Москву станицу съ оправданіемъ своихъ поступковъ, а въ Азовъ увѣреніе, что ничего противнаго предпринимать уже не будетъ; но когда онъ искалъ сими путями привести въ оплошность азовское начальство, въ то самое время тайно старался посѣять въ Азовѣ возмущеніе; открытъ въ заговорѣ съ нимъ таганрогскій протопопъ съ своимъ сыномъ и перехвачены письма Булавина къ татарамъ, поданнымъ турецкимъ.

со всѣмъ войскомъ Донскимъ собрався пришли подъ Черкасской, чтобъ прежнихъ нашихъ бывшихъ старшинъ, атамана Лукьяна Максимова и при немъ будущихъ которые съ нимъ чинили неправду, отъ дѣлъ ихъ оставить и выбрать иныхъ старшинъ, и о такомъ совѣтѣ мы войскомъ Донскимъ къ вамъ атаманомъ молодцамъ отъ себя напередъ сего писали, чтобъ намъ дали отъ себя руку помощи и быть бы вамъ съ нами вкупѣ единодушно. А какъ атаманъ нашъ войсковой. Кондратій Булавинъ былъ у васъ атамановъ молодцовъ въ Запорогахъ объ сырной, недѣли, у тебя Константина Гордѣевича и у писаря и у многихъ атаманьевъ, и межъ себя совѣтовали и души позадовали, чтобъ всѣмъ вамъ съ нами в. Донскимъ быть въ соединеніи и другъ за друга радѣть единодушно, и отъ васъ къ намъ помощи къ Черкасскому для совѣту никто не пришелъ. А какъ мы войскомъ Донскимъ стояли подъ Черкасскимъ на Василевѣ, и они Лукьянъ съ товарищи отъ насъ сѣди въ осадѣ и били по насъ изъ пушекъ, а которые съ ними ворами сдѣли въ осадѣ казаки по неволѣ, и они Лукьяна и старшинъ, которые были къ воровству приличны, ихъ намъ выдали, и мы приговорили ихъ воровъ, смотря по винѣ, казнити смертью и выбрали для управленія В. Государя и нашихъ войсковыхъ дѣлъ войсковаго атамана Кондратія Афонасьевича Булавина и старшинъ иныхъ. А нынѣ намъ войску Донскому слышно чинитца, что де собраніемъ государевы полки пришли разорять наши казачьи городки и стоять на Донѣ близъ Святогорскаго монастыря и въ иныхъ мѣстѣхъ, и хотять де итти подъ Черкасской, и мы всѣмъ в. Донскимъ, в. нашъ атаманъ Кондратій Булавинъ, просимъ у васъ атамановъ молодцовъ, у тебя войсковаго атамана Константина Гордѣевича и у всего войска Запорожскаго милости, если вамъ слышно про приходъ царевыхъ полковъ на наше разореніе и вы намъ дайте помощи, чтобъ намъ стать вкупе обще, а въ разореніе намъ себя напрасно не отдать, а у насъ в. Донское въ походъ посланы тысячь съ пятнадцать и больши для того, если государевы полки стануть насъ разорять, и мы имъ будемъ противиться, чтобы они насъ въ конецъ не разорили напрасно, такжежь и вашему в. Запорожскому зла не учинили; а естли будетъ вамъ слышно про приходъ государевыхъ полковъ, гдѣ они стоять будутъ, и вамъ бы о томъ писать къ намъ войску вѣдомость въ скорѣ; а очемъ у насъ съ вами атаманы молодцы

Государь посылаетъ до 20/т. войска на усмиреніе бунта. Государь, получивъ свѣдѣніе о возвращеніи Булавина изъ Запорогъ и о собраніи многочисленной партіи измѣнниковъ на Хопрѣ, предписалъ воеводамъ пограничныхъ провинцій принять всѣ мѣры осторожности противу возмутителей; а между тѣмъ тогда же отправилъ изъ дѣйствующей арміи часть войскъ для истребленія Булавинскаго скопища. Въ составъ сего ополченія поступили: корпусъ Степана Бахметева, бригада генералъ-маіора Шидловскаго, Слободской Острогожскій казачій полкъ съ стольникомъ и полковникомъ Тевяшовымъ, изъ Ахтырскаго и Сумскаго полковъ по баталіону, Малороссійскіе полки: Полтавскій съ полковникомъ Ливенцомъ и Компанейскій съ полковникомъ Кожуховымъ, изъ Москвы полки: Драгунскій и новый пѣхотный, при которыхъ находился полковникъ Рыхманъ, также всѣ дворяне, царедворцы (а) и прочіе конные, какіе только въ Москѣ оставались, изъ Воронежа 4,000 драгунъ и нѣкоторые полки изъ С.-Петербурга, а также, рязанцамъ и другихъ городовъ помѣщикамъ и вотчинникамъ. Кромѣ того назначено князю Хованскому взять нѣсколько калмыковъ изъ ихъ улусовъ; изъ Кіева отправлены со всею скоростію въ Азовъ Смоленскій полкъ, а въ Таганрогъ два полка драгунъ съ полковникомъ Кропотовымъ. Для прикрытія Воронежа отъ бунтовщиковъ, повелѣно привести къ окончанію крѣпость на рѣкѣ Осередѣ, что нынѣ Павловскъ.

межъ себя былъ совѣтъ обще на нашихъ корамдарей и на пановъ и которымъ путемъ обѣщались вы съ нами, такъ и творите, чтобъ намъ совѣтъ благой былъ къ намъ не премѣнить и того бы не оставлять, а во всемъ вы атаманъ молодцимъ Запорожское войско противъ супостатъ надѣйтесь на милость Божію, а мы войскомъ Донскимъ вамъ всѣ помощники и о томъ бы къ намъ въ Черкаской прислать бы вамъ отъ себя человекъ 20 или 30 своихъ казаковъ лучшихъ людей; а мы у васъ атаманъ молодци о всемъ вышенисанномъ просимъ милости всѣмъ в. Донскимъ любезно, чтобъ намъ жить въ купѣ и во всякомъ добромъ совѣтѣ и другъ за друга постоятъ въ правдѣ и свое здоровье намъ межъ собою оберегать купно.“

(а) Царедворцы, какъ то: стольникъ, страпчіе и другаго званія приворные чиновники.

Начальство надъ всѣми этими войсками, коихъ числомъ считалось до 20/т. человекъ, и вообще надъ Украйною поручено 12 апрѣля 1708 г. брату убиеннаго Булавинымъ гвардіи маіору князю Василю Владиміровичу Долгорукову.

Наказъ данный Долгорукову. Тогда война съ Шведами была въ полномъ пламени, и Карлъ XII приближался къ Россійскимъ границамъ; столь затруднительное положеніе Россіи заставило Государя Петра I-го принять въ отношеніи бунтовщиковъ рѣшительныя и сильныя мѣры. Наставленія, данныя Государемъ князю Долгорукову, состояли въ томъ, что коль скоро придуть къ нему назначенныя полки изъ Петербурга, шель бы немедленно къ Черкаску и производилъ поиски надъ бунтовщиками; вѣрныхъ казаковъ утверждалъ въ Государевой милости и велѣлъ бы имъ выбрать атаманомъ добраго человека; что Азовскому губернатору Толстому повелѣно имѣть съ нимъ непрерывное сношеніе; отвращать солдатъ азовскаго гарнизона отъ соблазновъ Булавина, ссылаться съ Черкасскими казаками, какія найдутся благомыслящими, чтобы они совокупно съ нимъ (княземъ Долгоруковымъ) промышляли надъ Булавинымъ сухопутно и водою; на каковой конецъ отправить подъ Черкаскъ нѣсколько кораблей, брандеровъ и галеръ; что по исполненіи предписаннаго въ отношеніи Черкаска, слѣдовать ему князю Долгорукову назадъ, и лежащія по Дону казачьи городки до Донецкаго (а) оставить какъ существующъ, а лежащія по Дону, Медвѣдицѣ, Хопру и Бузулуку и Иловлѣ сжечь и разорить до основанія, людей рубить, а заводчиковъ сажать на колъ и колесовать; однако кто принесетъ повинную, съ тѣмъ поступать ласково (560).

Князь Долгорукій, получивъ Монаршія наставленія, разослалъ къ бунтовщикамъ увѣщательныя грамоты, обѣщая по-

(а) Теперь Донецкій не существуетъ, ибо на томъ мѣстѣ, поставленъ монастырь, переведенный изъ Азова въ 1711 году.

(560) Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго томъ 8, стр. 45, 46, 47 и 59 и грамоты на Донъ 1708 г. апрѣля 20, 27, 28, и мая 3.

щаду тѣмъ, которые раскаются, и разгласилъ, что онъ идетъ съ большими силами и что самъ Госудаѣ туда же будетъ. Но эти увѣщанія и угрозы не произвели желаемого дѣйствія.

Сраженіе войскъ Булавина съ Русскими. Еще до прибытія къ войскамъ князя Долгорукова на Донъ, стольникъ Бахметевъ, полковники Тевяшовъ и Рыхманъ встрѣтили за Битюкомъ на рѣчкѣ Куртлакѣ, 28 апрѣля, 1,000 человекъ бунтовщиковъ, предводимымъ Лучкою Хохлачемъ, разбили ихъ, взяли три знамя и въ плѣнъ 143 человекъ, коихъ и повѣсили на дорогахъ ближайшихъ къ казачьимъ городкамъ. Въ этой схваткѣ въ войскахъ ранены полковникъ Рыхманъ и прочихъ чиновъ 10 человекъ (561).

Булавинъ оставаясь въ Черкасскѣ въ ожиданіи новаго подкрѣпленія отъ Запорожцевъ, которые однако стараніями князя Долгорукова и Толстаго къ донскимъ бунтовщикамъ не допущены, послалъ къ сторонѣ Волги одну партію съ Игнатомъ Некрасовымъ, для подкрѣпленія тамъ мятежниковъ, которая и пресѣкла судоплаваніе къ Астрахани; а другую съ Дранымъ въ верхъ по Дону въ числѣ 2,000 человекъ.

Между тѣмъ какъ князь Долгоруковъ соединя войска, приступилъ къ уничтоженію казачьихъ городковъ, Булавинъ отправилъ изъ Черкасска къ Азову 5,000 человекъ, подъ начальствомъ Хохлача, Казанкина и Ганьшина. Эта толпа переправилась чрезъ рѣку Каланчу 5 іюля 1708 года и на разствѣтѣ

(561) Грамота на Донъ 1708 г. маія 7 дня.

„ Сего маія 3 дня къ намъ великому государю писалъ стольникъ нашъ Степанъ Бахметевъ, что съ ратными людьми, которые принелъ есть и съ Острогскимъ полковникомъ полку его съ кумпанейцы и съ полковникомъ Рыбманомъ случились, апрѣля 27 числа получа о ворахъ булавинцахъ вѣдомость, которые были въ собраніи съ тысячу челов. и больше, и на рѣчкѣ Куртлакѣ со оными ворами была потреба, на которой ихъ побито многое число, для того было той потреба на двадцати верстахъ и больше, развѣ которые спаслись лѣсами и болотами, а живьемъ взято сто сорокъ три человекъ, да три знамя и ружье и лошади и верблюды разобрали на той потребѣ ратные люди, а при водцовъ и атамановъ у оныхъ воровъ былъ Булавина товарищъ Лукьянъ Хохлачъ.

другаго дня приближась къ Азову, стала тамъ, гдѣ былъ тогда дѣловой дворъ и лѣсные запасы. Изъ Азова высланы были казачій полкъ и Черкаскіе казаки удалившіеся сюда заблаговременно, предводимые войсковымъ старшиною Василиемъ Фроловымъ (сыномъ атамана Фрола Минаева). Полковникъ Николай Васильевъ, начальствовавшій ими, слабъ былъ, чтобы выгнать злодѣевъ изъ занятыхъ мѣстъ, и они съ великою наглостію приступили къ Матроской слободѣ. Тогда Васильева подкрѣпили изъ Азова четыре роты солдатъ; и онъ, съ пособіемъ непрерывной пушечной пальбы изъ трехъ батарей Азовскихъ и съ кораблей, обратилъ бунтовщиковъ въ бѣгство, преслѣдовалъ ихъ до рѣчки Каланчи, откуда они и разсыпались въ разныя стороны. На семъ сраженіи убито бунтовщиковъ 423, потонуло до 400, взято одно знамя и въ плѣнъ 60 человекъ, которые и отосланы въ Москву; изъ азовскаго гарнизона убитъ только одинъ и ранено 10 человекъ (562).

Убіеніе сего измѣнника. Когда Булавинъ чрезъ это пораженіе пришелъ въ слабость, тайныя внушенія Толстаго, которыя онъ предъ этимъ всегда дѣлалъ, возымѣли тогда свою силу надъ оставшимися въ Черкасскѣ. Казаки трехъ Рыковскихъ станицъ, состоящихъ въ составѣ города Черкасса, согласясь съ Черкасскими, провозгласили 7 іюля войсковымъ атаманомъ Илью Зерщикова и предводимые имъ, окружили курень занятый Булавинымъ и его ближними, съ тѣмъ чтобы взять его живаго. Булавинъ защищался и убилъ своими руками 2-хъ человекъ; казаки подвезли пушки и начали громить ими и ружьями занимаемый ими домъ; потерявъ надежду на свою защиту, Булавинъ застрѣлилъ самъ себя изъ пистолета. Трупъ его присланъ въ Азовъ и съ отсѣченной головою повѣшенъ за ноги у рѣчки Каланчи; совѣтники его обложены оковами и отправлены въ Москву (563).

(562) Историческое свѣдѣніе о Некрасовцахъ, помѣщенное 1828 г. въ „Сѣверной пчелѣ“ въ № № 105 и 106.

(563) Тамъ же и 2 томъ дѣяній Петра Великаго стр. 447.

Погибель Булавина Петръ Великій принялъ съ несказанною радостію и торжествовалъ молебствіемъ 23 іюля. Толстаго повысилъ чиномъ, а солдатамъ, бывшимъ въ бою, пожаловалъ трехмѣсячное, а не бывшимъ—мѣсячное жалованье. Князю Долгорукову, который пожалованъ въ подполковники, подтвердилъ прежній указъ о разореніи назначенныхъ казачьихъ городковъ, который и былъ имъ исполненъ, смягчилъ нѣсколько строгость въ отношеніи людей и повелѣлъ казнить смертію только знатнѣйшихъ заводчиковъ бунта, иныхъ же ссылатъ на каторгу, другихъ выслатъ въ мѣста, откуда сбѣжали на Донъ, а прочихъ обнадежить милостію и прощеніемъ.

Извѣстіе о смерти Булавина не укратило въ сообщникахъ его мятежническаго духа, хотя скопище ихъ подъ начальствомъ Семена Дранаго, бывшее на Донцѣ при Сухаревской станицѣ, разбѣжалось, но прочіе главные товарищи Булавина не переставали противиться. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ они разбили весь полкъ Бальсовъ, что отнесено было къ худому Бальсову распоряженію, а въ октябрѣ или полбрѣ мѣсяцѣ Голый овладѣлъ караваномъ, изъ 100 барокъ состоящимъ, который отправленъ былъ изъ Коротояка съ артиллерією, денежною казною и провіантомъ по Дону въ Азовъ. Некрасовъ съ 5,000 казаковъ свирѣпствовалъ около Качалинской станицы и по Волгѣ около Царицына; прочія же бродящія шайки бунтовщиковъ угрожали Воронежу.

Для истребленія всѣхъ этихъ возмутителей посланы были изъ Азова вверхъ по Дону два корабля, брандеръ и двѣ галеры, а сухопутно знатная партія казаковъ. Князь же Долгоруковъ съ регулярнымъ корпусомъ, проходя въ низъ по Дону, истреблялъ вездѣ мятежническія партіи и водворялъ по станіцамъ прежній порядокъ сообразно Высочайше данному повелѣнію. Между тѣмъ Распопинской станицы атаманъ Семенъ Изваловъ и Федосѣевъ, собравъ изъ разныхъ верховыхъ станицъ казаковъ и вольницы до 500 человекъ, сразился съ Никитою Голымъ подъ Мигулинскимъ городкомъ, и хотя былъ разбитъ отъ сего послѣдняго, но вскорѣ опять пришелъ въ

силу и ревностно преслѣдоваль сообщниковъ Голога. Наконецъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1708 г., пойманы были въ Песковатской станицѣ казаками, бывшими подъ начальствомъ Тимофѣя Соколова, главный сообщникъ Голога есауль его Иванъ Стерледевъ и Николай Колычевъ; а въ декабрѣ 21 числа привезли въ Черкасскъ съ рѣки Медвѣдицы злѣйшаго возмутителя Максима Маноцкаго, коихъ и отправили въ Москву съ атаманомъ зимовой станицы Василиемъ Поздѣвымъ (564). Вскорѣ за этимъ пойманъ былъ и самъ Никита Голый, а въ слѣдъ за нимъ отправленъ былъ въ Москву и войсковой атаманъ Зерщиковъ, подвергшійся подозрѣніямъ по оговору Голога.

Побѣгъ Некрасова съ казаками на Кубань. Некрасовъ будучи тѣснимъ со всѣхъ сторонъ Россійскими войсками, вѣрными казаками и калмыками и видя что главный ихъ возмутитель Булавинъ и всѣ ихъ сообщники со всѣмъ ихъ скопищемъ истреблены и разсѣяны, собравъ изъ разныхъ станицъ до 600 семей раскольниковъ, бѣжалъ на рѣку Кубань, отдался въ покровительство крымскаго хана и водворился на Таманскомъ островѣ, между Таманью и Капыломъ, въ 30 верстахъ отъ моря, тремя селеніями, которыя назывались Себелей, Каръ-Игнатъ (а) и Контиде. Тутъ нашли они своихъ годовѣрцевъ, бѣжавшихъ съ Дону въ 1688 и 1692 годахъ съ коими и поселились вмѣстѣ (565).

Государь прощаетъ вины казаковъ. Между тѣмъ на Дону волненія утишились и казаки въ исходѣ 1708 г. прислали въ Москву знатнаго старшину Василя Поздѣва

(564) Дѣянія Петра Великаго, часть 2, стр. 449, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 1709 г. въ генварѣ мѣсяцѣ.

„И тѣхъ измѣтниковъ, Николку Калычева и есаула Голога Ивашку, да вора жъ Екимку Солодовника и Максиму Маноцкаго мы холопы твои войскомъ съ вышепомянутымъ зимовой станицы атаманомъ (Василіемъ Поздѣвымъ) къ тебѣ В. Государю къ Москвѣ послали.“

(а) Черный Игнатъ.

(565) Историческое свѣдѣніе о Некрасовцахъ.

съ повинною; Государь, прощая казаковъ, обѣщаль содержать ихъ въ прежней милости, если они истребятъ всѣ бродящія по Дону шайки возмутителей и водворятъ по всѣмъ станицамъ совершенное спокойствіе. Казаки сію Высочайшую милость приняли съ радостію, встрѣтили Поздѣва съ грамотою внѣ города, съ знаменами и ружейною пальбою, вычли оную въ кругу, отслужили благодарственный Господу Богу молебенъ и два дни производили ружейную и пушечную со всѣхъ батарей стрѣльбу, и тогда же отправили войсковыя грамоты по всѣмъ станицамъ во всеобщее извѣстіе о сей монаршей милости, съ строгимъ подтвержденіемъ не приставать къ возмутителямъ и не слушать ихъ ложныхъ внушеній, но употреблять всѣ мѣры къ изловленію и къ доставленію ихъ въ Черкасскъ; а дабы каждая станица могла быть совершенно удостовѣрена въ прибытіи изъ Москвы Василя Поздѣва съ царскою милостивою грамотою, повелѣно было отъ войсковаго круга прислать въ Черкасскъ изъ каждой станицы по два человѣка лучшихъ людей (566).

Государь былъ столь милостивъ къ войску Донскому, что повелѣлъ отправить съ Воронежа, по просьбѣ казаковъ, окладное на 1708 г. жалованье, задержанное тамъ по случаю возмущенія Булавина, и выдать старшинѣ Василю Фролову и его командѣ 1400 руб., атаманамъ Извалову и Ѳедосѣеву по 100 руб., съ ихъ товарищами, за ихъ усердныя службы.

Слѣдствія сего возмущенія. Въ Булавинскій бунтъ болѣе 7,000 казаковъ казнено и побито, уничто-

(566) Войсковая грамота по всѣмъ станицамъ 1708 г. декабря мѣсяца.

„И вамъ бы атаманомъ молодцамъ, по всѣмъ станицамъ, видя къ себѣ такое въ винахъ своихъ отъ великаго государя прощенье и премногую милость, такожь во всякой станицѣ всѣмъ народомъ молебное пѣніе справа и за него великаго государя благодареніе воздавъ и чинить изъ мелкаго ружья стрѣльбу и жить бы вамъ атаманамъ молодцамъ за помощію Божию и за милостію государевую по прежнему въ добромъ состояніи благодарно и худова дѣла отнюдь не помышлять да вамъ бы же атаманамъ молодцамъ изъ всякой станицы, для вѣрности, что Василий Лаврентьевичъ пріѣхалъ съ государевою милостію прислать, немедленно изъ станицъ по два человѣка людей добрыхъ.“

жены городки поселенные на Донцу, по Луганскому, по Айдару, Деркулу, Калитвамъ и по другимъ рѣчкамъ впадающимъ въ Донецъ—всѣ, по Медвѣдицѣ, Хопру и Бузулуку—всѣ, по р. Иловлѣ по Иловлинской городокъ. Отторженныя отъ Донскихъ казаковъ земли по Донцу причислены къ Бахмутской провинціи съ нѣкоторою частію оставшихся здѣсь Донскихъ казаковъ; земли по Айдару пожалованы Острогожскому казачьему полку; а земли въ верховьѣ рѣки Хопра, опустѣвшія по разореніи казачьихъ станицъ Пристанской, Бѣляевской, Григорьевской и прочихъ причислены къ Воронежской губерніи.

За этимъ послѣдовало новое подтвержденіе прежнихъ указовъ о высылкѣ съ Дону людей, зашедшихъ туда послѣ азовскихъ походовъ, и чтобы Донскіе казаки російскихъ бѣглецовъ и всякихъ безпаспортныхъ людей не держали и не принимали; войско Донское съ своей стороны сдѣлало распоряженіе, что если какая станица станетъ таковыхъ людей принимать, то той станицѣ лучшимъ людямъ десяти челобѣтамъ учинена будетъ смертная казнь, а станица будетъ разорена и отъ юрта отказана. Но не взирая на всѣ таковыя строгости, казаки продолжали передерживать бѣглыхъ по Дону, Хопру и прочимъ рѣкамъ, почему о высылкѣ ихъ на прежнія жилища вновь подтверждено указами 1721, 1724 и 1726 годовъ, а 1728 г. былъ присланъ для сего на Донъ генералъ - маіоръ Таракановъ; но по прошенію войсковаго атамана и всего войска Донскаго повелѣно было Высочайшимъ указомъ 9 сентября 1728 г., во уваженіе вѣрной службы войска Донскаго, высылку бѣглыхъ сдѣлать изъ тѣхъ только, которые зашли на Донъ съ 1710 г., т. е. со времени утишенія Булавинскаго бунта. Съ этого времени принятіе казаками бѣглыхъ людей нѣсколько умалилось. Опустошенныя жилища казаковъ по Медвѣдицѣ, Хопру и Бузулуку, мало по малу опять населены.

Г Л А Б А XVIII.

Перемѣны въ жилищахъ казаковъ.—Раздѣленіе земель между городками.— Военные обычаи и образъ войны казаковъ.—Образъ частной жизни казаковъ.— Начало званія старшинъ и явленіе ихъ на дѣла общественныя.—О зимовыхъ и легкихъ станицахъ, посылаемыхъ въ Москву.—О встрѣчѣ на Дону зимовыхъ станицъ съ царскимъ жалованьемъ.—О власти войсковыхъ атамановъ и войсковыхъ есауловъ.—

Перемѣны въ жилищахъ казаковъ. Въ послѣдней половинѣ XVI столѣтія казачьи городки стали умножаться и имѣть лучшее устройство, нежели въ началѣ. Самое многочислнѣйшее населеніе казаковъ находилось въ нижней части Дона, гдѣ основаны были главные ихъ городки: первоначально Раздоры, потомъ Монастырскій и наконецъ Черкасскъ. Этотъ городокъ обнесенъ былъ земляною стѣною или валомъ и рвомъ, который наполнялся водою.

Въ XVII столѣтіи поселенія по р. Дону значительно умножились, такъ что въ 1672 году считалось 48 казачьихъ городковъ (567). Черкасскъ въ это время состоялъ изъ трехъ

(567) Дѣла Донскія, показаніе станичнаго атамана Фрола Минаева, въ Посольскомъ приказѣ, Декабря 7 дня 1672 года.

А Донскіе де города состоятъ отъ Коротояка.

1 Мигулинъ.	17 Пятизбы.	33 Нижней-Каргалы.
2 Тишанской.	18 Чирь-Верхней.	34 Михалевъ.
3 Вешки.	19 Чирь-Нижней.	35 Траилитъ.
4 Усть-Хопра.	20 Кабылкинъ.	36 Кагальникъ.
5 Усть-Медвѣдцы.	21 Ясауловъ.	37 Ведерниковъ.
6 Распоинъ.	22 Зимовейко.	38 Бабей.
7 Клецкой.	23 Нагайкинъ.	39 Кочетовъ.
8 Перекопской.	24 Курманъ-Яръ.	40 Семикаракорскъ.
9 Кременской.	25 Курманъ-Яръ Нижній.	41 Раздоры.
10 Григорьевской.	26 Терновыя.	42 Мелеховъ.
11 Сиротанъ-Новой.	27 Цыгла.	43 Бесергеневъ.
12 Сиротанъ-Старой.	28 Кумшакъ.	44 Багай.
13 Илова.	29 Романовской.	45 Манычъ.
14 Качалинъ.	30 Каргалы-Верхней.	46 Черкасской.
15 Паншинъ.	31 Камышкинъ-Ивановъ.	
16 Голубне.	32 Выстрианской.	

станіць: Черкасской, Дурновской и Скородумовской.

Большое умноженіе городковъ послѣдовало около 1685 г., отъ бѣжавшихъ въ то время въ большомъ числѣ великоросійскихъ и малоросійскихъ разнаго званія людей, такъ что въ 1692 году казачьи селенія завелись, кромѣ р. Дона, по рѣкамъ: Донцу, Хопру, Медвѣдицѣ и Бузулуку. Черкасскъ въ это время раздѣлялся уже на 11 станицъ, подъ слѣдующими названіями: Черкасская, Средняя, Павловская, Прибылянская, Дурновская, Скородумовская, Тютюревская, Верхне-Рыковская, Старо-Рыковская, Нижне-Рыковская и Татарская; эта послѣдняя населена была татарами.

По присоединеніи Азова въ Россіи, Петръ I-й повелѣлъ войску Донскому, въ 1700 г., засѣлить двѣ дороги идущія отъ Волуйки и Рыбнаго до Азова, употребля для сего заселенія тѣхъ казаковъ, которые обитали по рѣкамъ Хопру и Медвѣдицѣ. Дороги эти были дѣйствительно заселены въ 1701 г., но во время Булавинскаго бунта сіи новыя поселенія казачьи уничтожены и переведены въ Донецкіе ихъ городки. Кромѣ того уничтожены тогда же и другіе казачьи городки по рѣкамъ: Дону—до Донецкаго городка (*), Хопру—до Усть-Медвѣдицкаго, по Бузулуку—всѣ, Донцу—до Луганскаго, Иловлѣ—до Иловлинскаго.

Въ образѣ устроенія жилищъ казачьихъ, въ первой половинѣ XVII столѣтія, не представляется ничего отличнаго отъ первобытнаго ихъ состоянія. Главный городъ Черкасскъ состоялъ изъ землянокъ, среди коихъ находилась часовня, для отправленія Богослуженія. Въ концѣ второй половины сего столѣтія Черкасскъ принялъ иной видъ: войсковые атаманы, старшины и зажиточные казаки завели въ ономъ хорошіе деревянные дома; а въ 1653 г. построена тутъ первая деревянная церковь во имя Воскресенія Христова, и для отправленія въ ней службы Божіей присланы изъ Москвы три свя-

(*). Нынѣ Донецкій городокъ не существуетъ, на томъ мѣстѣ поставленъ былъ въ 1711 году монастырь, переведенный изъ Азова.

щенника и одинъ діаконъ. Во время славной азовской защиты (въ 1641 г.) казаки, тѣснимые непріателемъ, дали обѣтъ соорудить церковь сію, если Богъ избавитъ ихъ отъ враговъ. Донцы одержали побѣду надъ турками, но церковь до 1649 г. не была начата. Въ этомъ году сдѣлалось въ Черкасѣ ужасное моровое повѣтріе: казаки обратились къ Богу съ прежнимъ обѣтомъ—повѣтріе исчезло; въ слѣдующемъ году они приступили къ сооруженію храма (568). 1670 г. церковь сія сгорѣла; вмѣсто оной, черезъ два года послѣ того выстроена другая деревянная же, которая также, какъ и первая, въ бывшій 1687 г. пожаръ сгорѣла со всею утварью. Послѣ сего казаки соорудили въ Черкасѣ двѣ каменные церкви: одну во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла 1692 г. (569), а другую соборную во имя Воскресенія Христова 1719 года (570).

Городокъ Черваскій—мѣстопробываніе войсковыхъ атамановъ управлялъ всѣми казачьими городками и назывался въ тогдѣшнее время „Главное войско.“ Тутъ была непрерывная дѣятельность: наряжали сухопутныя и морскія партіи для поисковъ, принимали посланцевъ отъ сосѣдственныхъ народовъ и отсюда отправляли своихъ къ нимъ, заключали миръ и объявляли войну.

Раздѣленіе земель между городками. Въ началѣ, новые пришельцы на Донъ, безъ всякаго свѣдѣнія со стороны Главнаго войска, занимали городками въ пустѣ лежавшія мѣста по рѣкѣ Дону и по другимъ впадающимъ въ оную большимъ рѣкамъ, но когда время отъ времени поселенія умножились, тогда началось раздѣленіе поземельныхъ довольствій (или юртовъ) между городками и ограниченіе права захватывать самовольно новыя земли. Желающіе основать городокъ въ пустомъ мѣстѣ, являлись въ Главное войско съ словесною въ томъ просьбою; войсковою кругъ по разсмотрѣ-

(568) Тамъ же, докладъ государю царю Алексѣю Михайловичу, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1650 года.

(569) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1692 года.

(570) Дѣла Донскія, докладная записка государю.

ниі таковой просьбы, дозволялъ охотникамъ занять просимыя мѣста и собрать столько людей, сколько могутъ отъ того юрта прокормиться (571). Заимщики сихъ новыхъ юртовъ, для составленія городка, или приглашали старожиловъ изъ другихъ городковъ, или принимали въ свое общетство бѣглецовъ разнаго званія.

Разграниченіе юртовыхъ довольствій производили новопоселяющіеся казаки сами съ общаго согласія сосѣднихъ станицъ; они составляли по сему предмету запись и представляли ее въ Главное войско. Вслѣдствіе сего войско выдавало станицамъ такъ называемыя разводныя грамоты. Надобно замѣтить, что въ разграниченіе входили только самыя удобныя мѣста, какъ то: лѣса, луга и озера, находящіяся при берегахъ рѣкъ, и нѣкоторая часть прилежащей къ тѣмъ рѣкамъ степи; отдаленныя же отъ станицъ земли находились въ общемъ довольствіи, границы юртовъ означаемы были не столбами или другими знаками, а просто живыми уручищами или замѣчательными признаками природы. Весьма легко случалось, что таковыя границы чрезъ нѣкоторое время уничтожались; отъ этого происходили между станицами споры за поземельныя довольствія. Въ такихъ случаяхъ недовольные, обыкновенно, искали правосудія въ войскѣ. Для прекращенія споровъ войсковою кругъ поручалъ кому либо разобрать дѣло на мѣстѣ, или склонялъ спорящихся къ согласію на общую

(571) Войсковая грамота 1681 г.

Отъ Донскихъ атамановъ молодцовъ отъ Фрола Минаевича и отъ всего великаго войска Донскаго, въ верхъ по запольной нашей рѣкѣ по Сѣверскому Донцу, городокъ отъ городка покамѣсть нашъ казачій присудъ. Вѣдомо вамъ атаманы молодцы будетъ: въ нынѣшнемъ въ 7189 г., генваря въ 3 день, били челомъ великому государю и великому князю Фѣдору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, въ кругу словесно изъ Кагальницкаго городка Михайло Ивановъ да Ведерникова городка Иванъ Медвѣдь, Анка, а въ словесномъ своемъ челобитѣ сказали, чтобъ имъ великій государь пожаловалъ велѣлъ имъ занять юрту Гундоровской, и по указу великаго государя и по нашему войсковому приговору, мы все великое войско Донское велѣли ему Михайлѣ Иванову съ товарищи въ Гундоровскомъ юрту поселиться и станицу собрать, сколько имъ угодно, чтобъ прокормиться

правду, т. е. на рѣшеніе какого нибудь старожила, который, поклявшись предъ Евангеліемъ поступить въ этомъ дѣлѣ по совѣсти, долженъ былъ со святою иконою пройти точно по тѣмъ мѣстамъ, какъ помнилъ онъ прежнюю границу: чрезъ какія урочища проходилъ сей посредникъ тяжбы, такъ и считалась граница юрта.

Въ началѣ XVIII столѣтія, когда поселенія казацкія умножились, то и обрядъ дозволенія со стороны Главнаго войска на занятіе новыхъ юртовъ нѣкоторымъ образомъ измѣнился. Объявившимъ желаніе завести новую станицу давалась отъ войска такъ называемая заимная грамота; въ ней излагалось дозволеніе занять безпрепятственно отъ сосѣднихъ станицъ въ пустѣ лежащія мѣста, и собрать станицу. Когда по такому дозволенію учреждалось поселеніе, тогда основатели станицы обязаны были вновь входить съ прошеніемъ въ войско и представить отъ себя и отъ сосѣднихъ станицъ разводчиковъ, на совѣсть коихъ полагалось безобидное разграниченіе поземельныхъ дольствій съ смежными станицами. За тѣмъ разграниченіе это записывали и представляли въ войско на утвержденіе; послѣ сего войско выдавало уже разводныя грамоты. Иногда выдавались заимныя грамоты съ такимъ предписаніемъ, чтобъ какъ основатели новой станицы, такъ и станицы смежныя, съ общаго согласія между собою, назначили сами границы новаго юрта и составили о томъ запись, въ отвращеніе на будущее время споровъ.

Военныя обычаи и образъ войны казаковъ. Главные непріатели казаковъ были Азовцы, съ ними вели они почти непрерывную брань. Азовъ, какъ важная турецкая пограничная крѣпость, содержалъ въ себѣ всегда, смотря по силамъ и предпріятіямъ казаковъ, отъ трехъ до четырехъ тысячъ войска.—Казаки мирились съ азовцами только для выкупа или размѣны плѣнныхъ, и потомъ, вскорѣ, подъ разными предлогами, разрывали миръ. Побудительная причина къ частому разрыву мирныхъ договоровъ заключалась въ томъ, что казаки въ войнѣ находили источникъ своего довольства и бо-

гатства. Нерѣдко случалось, что, казаки должны были по повелѣнію царскому содержать перемиріе годъ или два, въ такомъ случаѣ присылалось къ нимъ изъ Москвы прибавочное жалованье.

Въ старину казаки почитали безчестіемъ просить мира у азовцевъ и никогда не начинали переговоровъ о перемиріи. При заключеніи мира соблюдаемы были нѣкоторые обряды сопровождаемые обоюдною клятвою. Дѣло, обыкновенно, начиналось тѣмъ, что въ Главное войско пріѣзжали мировщики склонять казаковъ къ прекращенію войны, и когда успѣвали въ томъ, то поставляли условія договора, утверждаемыя со стороны казаковъ присягою лучшихъ атамановъ, а со стороны азовцевъ шертованіемъ старѣйшинъ города. Статьи мирныхъ договоровъ, обыкновенно, заключались въ томъ, чтобы казакамъ чрезъ замирныя мѣста не ходить на море, а азовцамъ на Русскую Украину и на казачьи городки. Иногда въ договорахъ объяснялось по какой именно городокъ азовцы не должны ходить войною на казаковъ (572). Бывали случаи, что азовцы выговаривали у казаковъ извѣщать ихъ о томъ, что будетъ писано въ грамотахъ Русскаго царя на Донъ, обязываясь взаимно увѣдомлять казаковъ о всѣхъ дѣлахъ и намѣреніяхъ Турціи и Крыма; но сіи условія со стороны казаковъ не были исполняемы, хотя сами они изъ Азова получали подробныя извѣстія (573). При разрывѣ мира казаки

(572) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи войсковаго атамана Ивана Семенова, 1690 г. декабря 15 дня.

„ А перемирье де у нихъ изстари съ Азовцы обykle, и бываеъ по мѣсяцу и по два и по году и больша, только для освобожденія взятыхъ своихъ казаковъ, на обмѣнъ за взятыхъ же Азовцевъ и за деньги, а недля чего инаго, и договор. . . . чтобъ имъ на государевы украинные города, такъ же и подъ ихъ казачьи городки до Пятизбъ войною не ходить, и когда де подъ украинные города войною пойдуть и тогда они собрався войскомъ за ними же ходить и догнавъ бьютъ.“

(573) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи Волуйскаго станичника Савина, іюня 8 дня 1655 г.

„ А у Донскихъ казаковъ съ Азовцы миръ, а замиренность у Азовцевъ съ

посылали въ Азовъ размирную грамоту. Послѣ таковаго объявленія полагалось три дня не начинать войны; по прошествіи же срока отрывались съ обѣихъ сторонъ непріятельскія дѣйствія (574).

По замиреніи обѣ стороны никогда не имѣли довѣренности одна къ другой, по этому при размѣнѣ или выкупѣ плѣнныхъ на окупномъ мѣстѣ, находилось всегда съ обѣихъ сторонъ по нѣскольку сотъ вооруженнаго войска. Случалось что вѣроломные азовцы не только отнимали плѣнныхъ силою, но даже захватывали и самыхъ казаковъ; чрезъ это обыкновенно возгаралась вновь война. Не взирая на сильную ненависть къ туркамъ и татарамъ, казаки иногда имѣли въ Азовѣ пріятелей, которые, бывъ подкуплены деньгами и ласками, доставляли имъ свѣдѣнія о движеніяхъ непріятельскихъ и о ихъ замыслахъ. Людей этихъ въ войскѣ никогда не безчестили укорительнымъ наименованіемъ шпионовъ или перемѣтчиковъ; но принимали какъ добрыхъ своихъ пріятелей и обыкновенно называли ихъ: наши прикормленные люди.

Казаки знали не только что дѣлалось въ Азовѣ, но даже въ Крыму и на Кубани, куда ежегодно посылали изъ войска

Донскими казаками на томъ, что имъ другъ другу про всякія вѣсти сказывать: Азовцамъ сказывать куды турецкаго царя повелѣнье будетъ крымскому царю и татаромъ въ войну итти, или крымскій царь куды пошлетъ татаръ въ войну, хотя и безъ турецкаго вѣдома; а Донскимъ казакамъ сказывать имъ каковы государевы грамоты присланы будутъ къ нимъ на Донъ и какой государевъ указъ въ тѣхъ грамотахъ писанъ будетъ къ нимъ. И у Азовцевъ де съ Донскими казаки вѣтъ не любы за то, Азовцы говорятъ, что они на правдѣ своей стоять, про турецкіе и про крымскіе вѣсти имъ Донскимъ казакамъ сказываютъ, а къ нимъ на Донъ государевы грамоты присылаютъ и о томъ они Донскіе казаки имъ Азовцамъ не сказываютъ.“

(574) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Ларіона Орлова и ясаула Емельяна Иванова, 1679 года марта мѣсяца.

„ А какъ они съ Дону поѣхали, и милостію де Божією и великаго государя счастіемъ на Дону все было здорово и смирно; а съ азовцы де они не въ миру а какъ де размирились и межъ ними де былъ договоръ, чтобъ послѣ трехъ дней ходити изъ войска ихъ подъ Азовъ иногда для поиска языковъ и для добычи.“

по нѣскольку партій для язиковъ. Въ Черкасскъ присылали за вѣстями изъ Астрахани, Царицына, Тамбова и Воронежа. Казаки сами посылали по нѣскольку разъ въ годъ вѣстовыя станицы въ Мосеву.

Для стадъ своихъ казаки готовили близъ городковъ на зиму сѣно, которое оставалось среди луговъ.—Быль тогда постоянный договоръ у казаковъ съ азовцами ни въ какомъ случаѣ не жечь сѣна; во время войны все позволялось: брать людей въ плѣнъ, умерщвлять ихъ, сжигать городки, грабить имущество, но сѣна не трогать (575).

Въ мщеніи казаки доходили до величайшей жестокости. Прикочевавшіе въ сосѣдство къ казакамъ (около 1650 г.) калмыки часто то мирились, то враждовали съ ними. Даже во время мира украдкой переходили они чрезъ Донъ, хватали казаковъ, жгли ихъ сѣно, угоняли стада и нерѣдко разоряли самые городки. Въ такихъ набѣгахъ, казаки однажды, поймавъ нѣсколько знатныхъ калмыковъ, привязали ихъ къ хвостамъ лошадей и растаскали близъ Черкасса, въ присутствіи калмыцкихъ пословъ, которые предлагали казакамъ выкупъ за каждаго плѣннаго по 200 и 300 лошадей (576).

(575) Тамъ же, докладъ царю Алексѣю Михайловичу 1648 г.

„А въ зимѣ де они (говорилъ войсковой есаулъ Василій Микитинъ) готовятъ сѣна, и Крымцы де и Ногайцы и Азовцы сѣнъ у нихъ не жгутъ, потому только де у нихъ сѣна жечь, и они де пришедь подъ Азовъ, около Азова все разорять и въ томъ де у нихъ съ Азовцы живеть мирь.“

(576) Дѣла Донскія, описка войска Донскаго въ Посольскій приказъ.

„А съ крымскимъ ханомъ и турецкимъ султаномъ сердечное дружелюбіе имѣть (Аюка ханъ), и боругаемся такими поруганьми, привязавъ къ лошадинымъ хвостамъ, таскаемъ предъ присланными посланды его жъ аюбаевыми и мункотемировыми, а присланы были для юрговыхъ межъ нами дѣль; а тѣхъ аюбаевыхъ и мункотемировыхъ посланцовъ прислано къ намъ было больши ста человекъ, и они де поруганія нашего и до указу у тѣхъ нашихъ походныхъ казаковъ окупомъ окупать хотѣли, и по торговлѣ цѣною давали окупу по двѣсти и по триста лошадей за человекъ, потому что знатные люди были, а мы холопи ваши, межъ собою всѣмъ войскомъ придумавъ, имъ походнымъ казакамъ не окупно отдавать заказали, и оскуда себя войско, изъ вашего великихъ государей присланнаго обыкновеннаго годоваго жалованья деньгами выдали за нихъ 250 рублей.“

Запорожцы, всегдашніе сподвижники Донскихъ казаковъ, почти ежегодно приходили на Донъ; казаки честили ихъ, раздѣляли съ ними всё опасности, но не позволяли имъ входить въ Черкасскій городокъ кромѣ меньшаго числа (577), называемая всегда людьми непостоянными и склонными къ измѣнѣ. Дѣйствительно, въ Азовѣ находилось нѣсколько десятковъ запорожцевъ, принявшихъ магометанскую вѣру: таковыхъ отступниковъ казаки называли охрианами. Если кто изъ отступниковъ попадался въ плѣнъ, то ихъ вѣшали на якорѣ. — У казаковъ было принято за непрѣмное правило казнить смертію всѣхъ тѣхъ плѣнныхъ, кои были пойманы на острову, на которомъ стоялъ Черкасскъ. Въ поискахъ своихъ казаки брали все что лучше, цѣннѣе и нужнѣе для нихъ, въ особенности они привозили весьма много плѣнныхъ и освобожденныхъ ими изъ неволи разныхъ націй и званія людей. Плѣнныхъ непріятелей умерщвляли только тогда, когда не было возможности помѣстить на своихъ ладьяхъ. Грековъ щадили во всякомъ случаѣ. Въ Черкасскѣ находилось иногда тысячи по двѣ плѣнныхъ: сюда привозили изъ Астрахани, Царицына и изъ другихъ украинскихъ городовъ для покупки ясырю и разныхъ вещей, добытыхъ на поискахъ (578). Рядовыхъ воиновъ и простолудиновъ вымѣнивали на русскихъ невольниковъ, ко-

(577) Донскія дѣла, распросныя рѣчи волуйскаго вожа Никиты Зарубина, 25 апрѣля 1650 года.

„ Да при немъ же де пришло на Донъ запорожскихъ черкасъ холостыхъ 700 человекъ конныхъ, а сказали что де они пришли на Донъ въ войско для добычи собору, и Донскіе де казаки тѣхъ черкасъ къ себѣ въ войско не приняли, остерегаясь отъ нихъ всякаго дурна, и чаятъ того, что они пришли къ нимъ по подсылкѣ Хмельницкаго, а велѣли тѣмъ черкасамъ стать особо на яру, на другомъ острову ниже Черкаскаго.“

(578) Дѣла турецкія, распросныя рѣчи воронежца Тимофѣя Махнева 1651 года.

„ . . . „А которые де казаки съ моря пришли на Донъ и полонъ де и всякую добычу учали продавать, и для де покупки полоняниковъ и всякія рухляди привозили на Донъ изъ государевыхъ городовъ торговые люди изъ Астрахани и изъ Царицына и изъ иныхъ изъ многихъ городовъ, и ясырь у казаковъ покупали рублей по 20 и по 30 и по 40 челомъ.“

ихъ отпускали въ свои мѣста; иностранцамъ же предоставлялась свобода оставаться на Дону или идти въ свое отечество (579). Россійскіе купцы, находившіеся въ Черкасскѣ, при отправленіи казаковъ на морскіе поиски, нерѣдко участвовали въ сихъ походахъ; другіе же ссужали казаковъ порохомъ, свинцомъ и ружьями съ условіемъ воспользоваться изъ полученной добычи половиною или третію частію (580).

Казаки отправляясь на морскіе поиски, не брали ничего съ собою, кромѣ небольшого числа сухарей, муки, пшена, толочна, сушеннаго мяса и рыбы. Хмѣльныхъ напитковъ не велѣно брать подъ смертною казнію. Одѣвались въ старую вѣтошь; даже самое оружіе имѣло бѣдную наружность. Вышедъ въ море, рѣшали куда предпринять походъ въ Крымъ ли, въ Румелійскимъ ли или Анадолійскимъ берегамъ. Въ войсковомъ же кругу назначалось просто: идти на море; симъ средствомъ пресѣкали казаки перебѣжчикамъ возможность открывать истинное намѣреніе свое (581).

Военное устройство казаковъ было почти такое же, какъ и въ предъидущемъ періодѣ. Въ началѣ XVII столѣтія, каждое

(579) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи Донскаго казака Тимофея Иванова съ товарищи, 12 сентяб. 1648 г.

. „А приходили де (казаки) на Урмаметевы улусы, и въ то де время шли татарова изъ Литвы съ полономъ, и казаки де отбили у татаръ литовскаго полону Ляховъ, шляхтъ, человекъ съ 30 и привели на Донъ, и нынѣ де тѣ шляхта у нихъ на Дону въ войскѣ, а дали имъ волю, будетъ которые похотятъ служить въ войскѣ и тѣ бѣ остались, а будетъ которые похотятъ итти въ Литву, и они бѣ шли въ Литву.“

(580) Тамъ же, память изъ приказа Казанскаго дворца въ Посольскій 15 сентября 1685 г.

. „А которые де купецкіе люди пріѣзжаютъ къ нимъ съ Воронежа и съ Ельда и изъ иныхъ украинныхъ городовъ съ запасы и со всякими товары, и они де привозятъ порохъ и свинець тайнымъ обычаемъ многое число и съ ними въ походы ходятъ и ружье имъ на ссуду даютъ изъ полу и изъ трети.“

(581) Дѣла турецкія, № 1-й, распросныя рѣчи Воронежца Трофима Мохнева, 1651 г.

. „А на которые мѣста итти имъ (казакамъ), того не вѣдомо, потому, что казаки про походъ свой, куда имъ итти, связываютъ вышедъ на море, а пока мѣста на море не выдутъ, и до тѣхъ мѣстъ мысли своей да куда имъ итти ни кому не объявляютъ.“

большое походное войско подчинялось, какъ и прежде, походному атаману; раздѣлялось на полки, управляемые полковниками (или старшинами), есаулами, сотниками и хорунжими.

Казаки, смотря по надобности, составляли пѣхоту и конницу, пѣхота употреблялась болѣе въ морскихъ поискахъ, иногда и на сухомъ пути противъ азовцевъ и въ другихъ не отдаленныхъ походахъ. Впрочемъ въ 1678 г. 1,000 пѣшихъ казаковъ находилось въ походѣ къ Чигирину противъ турокъ и крымцевъ; конница же употреблялась неоднократно въ войнахъ съ Польшею и Швеціею.

Городъ Черкасскій всегда содержалъ въ себѣ отъ 2/т. до 5/т. вооруженнаго войска, и, кромѣ землянаго вала, двойная, а иногда и тройная цѣпь пикетовъ охраняла оный, учреждались ближніе конные разѣзды. Военныя суда стоявшія у берега Дона были прикованы цѣпями или затоплены. Въ зимнѣе время берега близъ города ежедневно очищались отъ льда, и вообще наблюдалась тутъ величайшая осторожность отъ непріятели.

Суда, на которыхъ казаки совершали плаваніе по Азовскому и Черному морямъ, были одномачтовья, имѣли въ длину отъ 6 до 8 саж., въ 16 или 40 весель; бока обкладывались камышемъ для защиты отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, и въ отвращеніе опасности быть опрокинутымъ волнами во время бури. Суда вооружали иногда пушками и фалконетами, на каждомъ суднѣ помѣщалось отъ 30 до 80 человекъ.

Когда сильный непріятель грозилъ казакамъ истребленіемъ ихъ, тогда они прибѣгали съ просьбою къ Государю о помощи; и въ такихъ случаяхъ иногда присылались на Донъ по нѣскольку тысячъ ратныхъ людей. Вообще въ большой опасности отъ непріятелей, или при предпріятіи значительнаго похода, казаки старались дѣйствовать соединенными силами,—тогда, обыкновенно, отправляло войско посольныхъ по всѣмъ городкамъ съ войсковыми грамотами о собраніи атамановъ и казаковъ въ Главное войско, назначая именно сколько съ каждаго городка должно выступить въ по-

ходъ (582); оставшіеся же съ женами и дѣтьми сходились изъ 5 или 6 городковъ въ одно мѣсто.

Образъ войны казаковъ, на сухомъ пути и на морѣ, состоялъ, по большой части, во внезапномъ и быстромъ нападеніи на непріятеля, пользуясь или темнотою ночью или оплошностію его. Малыя партіи казаковъ, отправляемыя непрерывно подъ Азовъ, въ Крымъ и на Кубань, рыскали по полямъ, ища на травѣ слѣда (сакмы) непріятельскаго; по немъ узнавали они направленіе, число и время прохода непріятелей по тѣмъ мѣстамъ. Смотри по обстоятельствамъ, казаки или обращались назадъ, или преслѣдовали враговъ, или ожидали ихъ въ скрытныхъ мѣстахъ и нападали на нихъ нечаянно, отбивали плѣнныхъ и все пограбленное ими въ російскихъ украинныхъ селеніяхъ или городахъ. Если не находили сакмы, то быстро стрѣмились къ своей цѣли—врывались въ удусы, хватали тамъ людей и скотъ и поспѣшно возвращались на Донъ. Нерѣдко случалось, что казаки отбивали цѣлыя табуны, тысячи по двѣ и болѣе головъ. Азовцы, ближайшіе непріятели казаковъ, находились во всегдашнемъ безпокойствѣ; казаки непрерывно подбѣгали подъ стѣны онаго, прятались днемъ въ густыхъ камышахъ и пользуясь или оплошностію непріятеля, или ненастной погодою, хватали людей и отгоняли скотъ. По сему азовцы, для безопасности своей, нерѣдко вы-

(582) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи стольника Косогова и дьяка Богданова, 1671 ноября 8 дня.

. . . . „ А какъ они (Донскіе казаки) предъ святымъ Евангеліемъ вѣру učinяли, и въ то время они стольникъ и дьякъ имъ атаманамъ и казакамъ говорили, чтобъ они атаманы и казаки и все войско, показуячи свою вѣрную службу, шли подъ Астрахань. И они атаманы и казаки говорили радостными сердцами, что они великому государю служить ради и подъ Астрахань пойдутъ. И въ нынѣшнемъ во 180 г. говорили они атаманы и казаки послать подъ Астрахань изъ Черкаскаго городка съ десятка по человѣку; а которые казаки во время взятія Стеньки Разина подъ Кагальникомъ не были, и тѣмъ итти всѣмъ, а изъ городковъ отъ Черкаскаго городка по Паншина городокъ третьей части казакамъ, а отъ Паншина городка до Мигулина городка половинѣ казакамъ.“

жигали камыщъ около города версть на десять (583).

Случалось ли переплывать широкую рѣку,—казаки въ тожь время устраивали пантонъ особаго рода: связавъ плотно нѣсколько пуковъ камышу, казакъ клалъ на оный свое сѣдло и вьюкъ, а самъ ухватясь за гриву коню, пускался вплавъ. Это называлось переправляться на салахъ.

Пѣхота сражалась въ стройномъ порядкѣ, имѣя во флангахъ конницу: нападенія ея были стремительны и смѣлы; и если не удавалось разстроить непріятеля, то отступала въ порядкѣ. Въ такихъ случаяхъ казаки выходили всегда съ пушками.

Любимѣйшее упражненіе казаковъ состояло въ морскихъ поискахъ, которые производили они съ особеннымъ искусствомъ и величайшею смѣлостію. Весьма часто случалось, что во время сихъ поисковъ казаки лишались судовъ своихъ, или отнимали у нихъ азовцы, при обратномъ возвращеніи на Донъ; но ни въ какомъ случаѣ не имѣли они въ судахъ недостатка. При обратномъ возвращеніи съ моря, въ устьяхъ Дона, казаки встрѣчали иногда непреодолимые препятствія: крымцы и ногайцы извѣщенные о выходѣ казаковъ въ море засыпали камнями единственный проходъ—Казачій ерикъ, а при устьѣ Дона ставили суда свои и пушки. Казаки подходя къ Дону, имѣли величайшую предосторожность и всегда увѣдомляли Главное войско о своемъ положеніи, которое всѣми силами спѣшило на избавленіе своихъ собратій. Если не могли преодолѣть многочисленнаго непріятеля, то въ такомъ

(583) Тамъ же, распросныя рѣчи станичнаго атамана Алексѣя Еремѣева съ товарищи, 1678 г. іюля 12 дни.

. Да они жь сказали, какъ де въ Азовѣ про посылку на Донъ ратныхъ людей вѣдомость учинилась, и азовскіе де люди около Азова версть по десяти камыщъ весь выжгли, для того, чтобъ имъ какакамъ подъ городъ для язиковъ подходить и въ камыщѣ лежать было, нельзя; а на предъ сего, какъ у нихъ тотъ камыщъ не выжженъ былъ, и у нихъ де изъ войска охочіе молодцы для добычи камышныиномъ подъ городъ близко подхаживали и азовскихъ жителей имывали; а нынѣ де имъ ни коими мѣрами подойти близко города не мочно, потому что съ города все видать“.

случаѣ походные казаки обращались въ рѣку Міусъ, и затопивъ въ оной суда свои, проходили съ добычею сухимъ путемъ въ Черкасскъ. Казаки перѣдко отправляли въ море двѣ или три лодки для языковъ; трудность прохода между Каланчинскими башнями заставляла ихъ прибѣгать къ хитрости: они пускали въ ночное время по рѣкѣ бревна, кои ударяя въ цѣпи, протянутыя чрезъ Донъ, содержали въ непрерывной тревогѣ гарнизонъ турецкій и нерѣдко доводили до того, что онъ пренебрегалъ сими плавнями; тогда казаки пользуясь безпечною стражи проплывали въ маленькихъ лодкахъ между бревнами въ море.

Отважность, съ какою производили казаки морскіе поиски, почти невѣроятна. На малыхъ судахъ своихъ, безъ компаса, безъ географическихъ свѣдѣній, пускались они въ Азовское и Черное моря; пападали на военные и купеческія суда и весьма часто брали ихъ, разоряли приморскіе города и селы: Трапезонтъ, Синопъ, Риза, Каменный-Базаръ, Керчь, Кафа, Балаклава, Темрюкъ и другіе города, были предметами ихъ поисковъ, и даже окрестности Константинополя нерѣдко подвергались ихъ разгромленію.— Нападенія на корабли и каторги непріятельскіе казаки, обыкновенно, производили ночью или въ туманную ненастную погоду: окруживъ корабль своими судами, они старались взойти на него, и если встрѣчали сильное сопротивленіе, то прорубивъ бока его затопляли.

Образъ частной жизни казаковъ. Частная жизнь казаковъ сообразно съ военнымъ ихъ положеніемъ была единообразна; все ихъ занятіе, послѣ военныхъ трудовъ, заключалось въ звѣриной и рыбной ловлѣ. Гулебичики (такъ назывались охотники) ѣздили отрядами человекъ по ступицѣ болѣе по Задонскимъ степямъ, Хопру, Медвѣдицѣ и даже по Кумѣ, для ловли звѣрей; тамъ проводили они часть лѣта и почти всю зиму. Другіе камышники жилали по камышамъ съ капканами и тететами. Рыбная ловля весьма много способствовала къ поддержанію пропитанія казаковъ; хлѣбо-

пашество, какъ несообразное съ родомъ ихъ жизни, было отъ войска строго запрещено. Въ 1690 году войсковой кругъ, узнавъ, что по рѣкамъ Хопру и Медвѣдицѣ начали сѣять хлѣбъ, послалъ по всѣмъ городкамъ свои грамоты, чтобы никто земли не пахалъ и хлѣба не сѣялъ: „а если стануть пахать и того бить до смерти и грабить“ (584). Это обыкновеніе старалось поддерживать и верховное правительство, какъ видно изъ грамоты на Донъ (585).

Казакъ живали по братски: набѣтъ ли кто дичины, наловить ли рыбы, все дѣлили по равной части, не заботясь о будущемъ. Общества ихъ раздѣлялись по сумамъ, точно такъ, какъ у Запорожцевъ по казанамъ; человекъ по десяти и по двадцати имѣли все общее; поэтому еще и нынѣ казаки называютъ товарища или друга односумъ.

Живя въ городкахъ, казаки проводили большую часть времени на майданѣ или въ станичной избѣ. Здѣсь, сидя въ кругу, они вязали сѣти и тенета, рассказывали про подвиги свои и товарищей своихъ, и воспламенясь главными дѣлами, пѣли объ нихъ богатырскія пѣсни. Молодые казаки въ присутствіи старыхъ стрѣляли изъ луковъ и ружей въ цѣль и скакали на коняхъ.

Въ нижнихъ юртахъ представлялось со всѣмъ иное жилище, здѣсь была вѣчная дѣятельность. Кромѣ казаконъ, составлявшихъ гарнизонъ города Черкаска, тутъ всегда находилось большое число торговыхъ людей изъ украинскихъ городовъ: Воронежа, Бѣлгорода, Волуекъ, Ливенъ, Ельца, Оскола, Саратова и другихъ, съ хлѣбомъ, виномъ, медомъ и многими другими припасами. Сюда присылали ежегодно посыльщиковъ изъ Астрахани, Царицына, Саратова, Тамбова и изъ другихъ городовъ, для узпанія на Дону вѣстей. Стеченіе народа увеличивалось съ прибытіемъ воеводы съ царскимъ жалованьемъ, или Запорожцевъ для морскихъ поисковъ обще съ Донскими

(584) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1690 г. марта 9 дня.

(585) Там же.

казаками. Это стеченіе народа разнообразили почти ежегодно приѣзжающіе турецкіе и крымскіе послы съ ихъ многолюдными свитами и російскіе сановники, высылаемые въ Черкасскъ для встрѣчи ихъ и провожанья въ Москву и обратно до Азова. Въ мирное время тутъ всегда можно было видѣть азовцевъ, ногайцевъ и въ особенности калмыковъ, которые приходили въ Черкасскъ или для продажи ясыря и лошадей, или для того, чтобы погулять съ своими знакомцами.

Казаки, страстные къ веселію, любили среди стеченія народнаго показывать свою пышность въ одеждѣ. Тутъ можно было видѣть много въ бархатномъ и камчатномъ кафтанѣ, опоясаннаго дорогимъ турецкимъ кушакомъ, другаго въ атласномъ и настрафильномъ зипунѣ, съ шелковою рубашкою, въ красныхъ или желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ и въ куньей шапкѣ съ бархатнымъ верхомъ. Иные одѣвались въ богатые турецкія, черкескія или калмыцкія одежды. Нѣмецкаго же платья казаки чуждались. Сему обычаю не измѣнили они даже до конца XVIII столѣтія. Петръ Великій предписавъ въ Россіи повсѣмѣстно употребленіе нѣмецкаго платья и запретивъ носить бороды, не распространилъ сего на казаковъ: они, въ 1705 г., чрезъ атамана своего, принесли Монарху благодарность за столь милостивое вниманіе къ ихъ обычаямъ (586).

При угощеніи русскихъ дворянъ и калмыцкихъ пословъ, казаки старались казаться пышными, разливая медъ и вино въ серебрянныя чаши и ковши. Гостепріимство у казаковъ почиталось первѣйшимъ народнымъ обычаемъ.

На поискахъ казаки брали въ плѣнъ весьма много женщинъ, женъ знатныхъ мурзь отдавали въ окупъ, прочихъ же, привѣтливимъ обхожденіемъ, пріохочивали ко всегдашней жизни у себя, и обыкновенно женились на нихъ. Нѣкоторые вѣнчались по уставу, другіе ограничивались однимъ простымъ объявленіемъ предъ народомъ объ избранныхъ ими женахъ.

(586) Дѣла Донск., показаніе станичнаго атамана Саввы Кочета 1705 года.

Сей послѣдній обрядъ въ старину былъ всеобщій и совершался такимъ образомъ: женихъ и невѣста, согласившись на супружество, приходили вмѣстѣ въ собраніе народа на площадь. Помолясь Богу, кланялись на всѣ стороны, и женихъ назвавъ невѣсту по имени, говорилъ ей: „ты будь мнѣ жена.“ Невѣста, поклонившись ему въ ноги, отвѣчала также называя его по имени: „а ты будь мнѣ мужъ.“ Послѣ сихъ словъ, вступившіе въ бракъ цѣловали другъ друга и принимали отъ всего собранія поздравленіе. Этимъ оканчивался весь обрядъ и совершенное такимъ образомъ супружество почиталось законнымъ.

Сколь легко было по обычаямъ казаковъ заключать супружество, столь же легко и разорвать оное: мужъ могъ сдѣлать это во всякое время даже подъ тѣмъ предлогомъ, что жена ему не нравилась. При разводахъ существовалъ особенный обрядъ: мужъ, введя жену свою въ собраніе народа, говорилъ „атаманы-молодцы, она была мнѣ услужливая и вѣрная; теперь она мнѣ не жена, а я ей не мужъ.“ Отказанную жену тутъ же могъ взять другой, прикрывъ ее полою своего платья, и точно съ тѣмъ же объявленіемъ предъ всѣмъ народомъ: „ты будь мнѣ жена и проч.“ Прикрытіе полою почиталось весьма важнымъ: оно значило снять съ отказанной жены безчестіе развода. Впрочемъ въ старину большая часть казаковъ оставались холостыми, такъ что въ иномъ городкѣ не было болѣе одного или двухъ женатыхъ. Изъ преданій извѣстно, что таковая безбрачная жизнь казаковъ продолжалась до исхода XVII столѣтія.

Кромѣ плѣнныхъ татарокъ, турчанокъ и черкешенокъ, казаки нерѣдко уводили насильно замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ изъ пограничныхъ Россійскихъ городовъ и селеній. Въ старину у казаковъ женщины вообще не пользовались уваженіемъ. Они обязаны были всегда и вездѣ оказывать мужчинамъ почтеніе: если случалось женщинѣ встрѣтиться съ вооруженнымъ казакомъ на узкихъ помостахъ тѣсныхъ улицъ Черкаска, то она, не смотря на грязь, должна была уступить мѣсто воину.

Продолжительное пребываніе въ Черкасскѣ россійскихъ куп-

цовъ, прїѣзжавшихъ съ различными товарами, частые поѣздки казаковъ въ Москву и обладаніе ихъ болѣе пяти лѣтъ городомъ Азовомъ имѣли сильное вліяніе на умягченіе нравовъ казачьихъ и на введеніе лучшаго устройства въ жилищахъ ихъ. Болѣе уважаемые атаманы Донскіе: Наумъ Васильевъ, Осипъ Петровъ, Михайло Самарянинъ, Павелъ Ѳедоровъ, Родіонъ Осиповъ и Корнило Яковлевъ, прїохочиваемые въ Москвѣ ласковыми прїемами, часто живали тамъ; и присмотрѣвшись къ жизни бояръ русскихъ, охотно перенимали ихъ пышность, и тѣмъ непримѣтно вводили на Дону прїятныя для нихъ новости въ общежитіи, удаляясь отъ старинныхъ привычекъ. Таковыя нововведенія въ послѣдствіи поддерживаемы были атаманами: Иваномъ Семеновымъ, Лукьяномъ Максимовымъ и въ особенности Фроломъ Мпнаевымъ, знатнѣйшимъ изъ всѣхъ бывшихъ до него на Дону атамановъ. Онъ не менѣе 20 разъ былъ избираемъ казаками въ войсковые атаманы; пятьдесятъ лѣтъ дѣятельной военной жизни доставили ему значительное богатство, умѣнье управлять мнѣніями и сердцами народа, милостивую благосклонность Государя Петра Великаго и уваженіе тогдашнихъ русскихъ вельможъ. Вообще во время управленія Мпнаева войскомъ Донскимъ общежитіе казаковъ весьма много сблизилось съ образомъ жизни русскихъ. Въ его управленіе сооружена была въ Черкаскѣ каменная церковь во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла и начата постройка каменнаго собора и по нынѣ существующихъ.

Съ этого времени общественные обычаи на Дону примѣтно начали усовершенствоваться, къ чему очень много способствовало отнятіе у турокъ Азова и запрещеніе верховнаго правительства производить казакамъ самовольно морскіе и сухопутные набѣги.—Съ этого жъ времени полки казачьи стали употребляться въ составѣ російской арміи. Врожденная дѣятельность казаковъ, не находя для себя пищи въ военныхъ занятіяхъ въ сосѣдствѣ жилищъ своихъ, обратилась на житейскій кругъ: у нихъ явились большія стада рогатаго скота

и табуны лошадей, явилось хозяйство, о которомъ они прежде мало заботились.

Начало званія старшинъ и явленія ихъ на дѣла общественыя. Отличная храбрость и благоразуміе всегда были уважаемы казаками: они охотно подчиняли себя мужамъ искуснымъ въ военномъ дѣлѣ и называли ихъ атаманами. Въ царствованіе Іоанна Васильевича и Θεодора Іоанновича грамоты на Донъ (послѣ титула) писывали: „на Донъ Донскимъ атаманамъ и казакамъ!“, или „на Донъ Донскимъ атаманамъ (слѣдуютъ имена ихъ) и всѣмъ атаманамъ и казакамъ!“

Сіи самыя атаманы были никто иной въ послѣдствіи времени какъ старшины, которые руководили казаковъ и на войнѣ и во время мира. Названіе старшины въ первый разъ упоминается 1649 г. въ донесеніи дворянина Андрея Лазарева въ Посольскій приказъ, гдѣ слово старшины употреблено вмѣсто атамана (587).

Потомъ въ показаніи станичнаго атамана Казьмы Дмитріева, пріѣхавшаго съ Дону въ Москву 1655 г., въ Посольскомъ приказѣ онъ между прочимъ сказалъ, что начальникомъ у нихъ въ морскомъ походѣ былъ старшина Павелъ Нескочишинъ. Послѣ сего весьма часто встрѣчается въ актахъ названіе старшина, которое означало одно и то же, что и атаманъ. Съ 1680 года названіе атамановъ весьма рѣдко встрѣчается въ актахъ, кромѣ однихъ только грамотъ, въ коихъ обыкновенно писывали; „на Донъ въ нижніе и верхніе юрты атаманамъ и казакамъ, войсковому атаману (такому-то) и всему войску Донскому;“ въ донесеніяхъ же въ Посольскій приказъ разныхъ чиновниковъ, бывшихъ на Дону, атамановъ всегда называли старшинами

(587) Дѣла Донскія, отписка въ Посольскій приказъ дворянина Андрея Лазарева, полученная въ Москвѣ 1649 г., сентября 13 дня.

„ А какъ они казаки почали нарязать же на море, и я холопъ твой, о томъ нѣмъ говорилъ старшинамъ и всѣму войску, что они дѣлають не противу твоего Государева указу“.

(588). Въ 1695 году Государь Петръ I-й посылая изъ Тамбова на Донъ корпусъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Гордона, предписывалъ войску Донскому, чтобы для встрѣчи и провожанія тѣхъ войскъ посланы были изъ Черкаскаго въ верхніе городки изъ старшины войсковой знатные люди, чтобы сей указъ кромѣ войсковаго атамана Фрола Минаева и старшины кому надлежитъ, ни кому не былъ извѣстенъ. Послѣ сего, названіе старшина сдѣлалось столь общимъ, что и войско Донское въ донесеніяхъ своихъ къ Государю именовало знатныхъ людей своихъ старшинами: „и мы выбравъ въ кругу—доносили казаки Государю въ 1705 года—старшинъ Максима Фролова, Василья большаго Познѣева, Ефрема Петрова и прочихъ послали ихъ войскомъ подъ Царицынь“ (589).

Изъ современныхъ актовъ не видно, въ какое именно время названіе старшинъ обратилось въ чинъ. Сіе вѣроятно послѣдовало въ половинѣ XVII столѣтія, когда число казаковъ значительно умножилось на Дону, основались постоянныя жилища ихъ, и когда нравы и образъ жизни совершенно переѣнились: вмѣсто древней простоты мало по малу начала водворяться роскошь, а съ тѣмъ вмѣстѣ развиваться честолюбіе. Отсюда родились въ войскѣ разнаго рода дѣла какъ-то: раздача земель подъ поселеніе новыхъ городковъ, разбирательство споровъ между станицами за юртовья доволствія, тяжбы за имѣнія, наказанія за поступки уголовныя, которые рѣшались тогда обыкновенно въ войсковомъ кругу—старшинами и казаками. Атаманы и старшины, какъ первенствующій классъ народа, естественно имѣли перевѣсъ надъ прочими казаками, отличаясь отъ онаго умомъ и богатствомъ, и потому

(588) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи Посольскаго приказа толмача Тараса Иванова, пріѣхавшаго съ Дона въ Москву 1683 г. сентября 21 дня.

(589) Дѣла Донскія, отписки войска Донскаго въ Посольскій приказъ 1705 года.

„ И послали мы холопы твои, на противность имъ, Астраханскимъ избѣнникомъ, выбравъ конную въ кругу изъ старшинъ Максима Фролова, Василья большаго Познѣева, Ефрема Петрова съ товарищи“

не было никакого препятствія имъ присвоить себѣ навсегда преимущества, сопряженныя съ ихъ званіемъ.

Власть старшинъ начала увеличиваться съ ограниченіями своеволя казаковъ, что послѣдовало вскорѣ по возшествіи на престоль Государя Петра I-го; старшины мало помалу приходили въ силу и наконецъ присвоили себѣ право распоряжаться всѣми войсковыми дѣлами, коими прежде управлялъ кругъ. Сему способствовали разныя обстоятельства, а главнѣйшія изъ нихъ—безпрерывное командированіе казаковъ въ составъ російской арміи подъ начальствомъ старшинъ, назначеніе войсковаго атамана отъ верховной власти безъ перемѣнно. Возведеніе въ званіе старшинъ зависѣло отъ войска, оно же и лишало сего достоинства за преступленія (590); но въ 1754 г. запрещено войску Донскому производить въ старшины безъ представленія въ Военную Коллегію.

О зимовыхъ и легкихъ станицахъ, посылаемыхъ въ Москву. Зимовыя станицы получили свое наименованіе и происхожденіе отъ ежегоднаго отправленія изъ войска въ Москву опредѣленнаго числа казаковъ, подъ начальствомъ знатнаго атамана, для полученія царскаго жалованья и доставленія онаго въ войско. Легкія станицы такъ названы потому, что изъ войска отправляли по нѣскольку разъ въ годъ наскоро въ Москву не большое число казаковъ въ Посольскій приказъ съ войсковыми отписками о разныхъ пограничныхъ вѣстяхъ, а иногда съ представленіями плѣнныхъ татаръ или турокъ. До 1672 г. легкія станицы состояли изъ станичнаго атамана, есаула и десяти или болѣе рядовыхъ казаковъ; но въ семь году велѣно Донскому войску присылать впредь въ легкихъ станицахъ по два человѣка, зимою въ Волуйку, а лѣтомъ въ Воронежъ, гдѣ и отдавать войсковыя отписки тамошнимъ воеводамъ, отъ коихъ выдавалось каждому казаку по 5 руб.—Если съ станицею будутъ посланы плѣнные, то представлять ихъ прямо въ Москву; и въ

(590) Войсковая грамота во всѣ казачьи городки 1751 г. ноября 29 дня.

станицахъ таковыхъ должно находиться казаковъ вдвое противъ плѣнныхъ (591). Въ 1693 г. поставлено за непремѣнное правило, чтобы впредь зимовыя станицы состояли изъ 98 рядовыхъ казаковъ, одного атамана и есаула, а легкія станицы не болѣе 10 человекъ.

Назначеніе въ зимовыя и легкія станицы почиталось важною наградою и потому въ составъ оныхъ поступали люди отличной храбрости. Зимовыя станицы, обыкновенно, отправляемы были подъ начальствомъ войсковыхъ атамановъ или знатнѣйшихъ старшинъ. Въ Москвѣ донскія зимовыя станицы удостоиваемы бывали особенныхъ почестей: на прїѣздѣ и на отпускѣ ихъ представляли Царю; угощали въ дворцѣ царскимъ столомъ съ довольствомъ и подчивали романею; жаловали атамана, есаула и каждаго казака порознь подарками.

Выдача подарковъ зимовой станицѣ производилась въ разное время не одинаково. Въ 1692 г. на прїѣздъ пожаловано было: атаману серебряный ковшъ въ полтора фунта, камки 10 аршинъ, тафты 5 аршинъ, сукна лундышъ 5 аршинъ, 40 соболей въ 30 руб. и деньгами 20 руб., есаулу: сукна лундышъ 5 арш., тафты 10 аршинъ, пара соболей въ 5 руб., деньгами 13 руб.; рядовымъ казакамъ, каждому сукно англійское 5 аршинъ, деньгами 11 руб., пара соболей въ 3 руб. Зимовая станица обыкновенно находилась въ Москвѣ три мѣсяца и получала ежедневно на содержаніе изъ казны деньги, вино, медъ и пиво: атаману поденнаго корму 6 алтынъ и 4 деньги, 6 чарокъ вина, 3 кружки меду и 3 кружки пива; есаулу 4 алтына и 2 деньги, 4 чарки вина, 3 кружки меду и 3 кружки пива; рядовымъ казакамъ 3 алтына и 2 деньги, 3 чарки вина, 1 кружка меду и 2 кружки пива. Въ день Рождества Христова на всю зимовую станицу выдаваемо было 20 ведръ вина, 20 ведръ меду и 4 ведра пива, да на покупку 20 рублей деньгами. На отпускѣ вся станица получала новые по-

(591) Дѣла Донскія, справка ученевная въ Посольскомъ приказѣ 1682 года.

дарки: атаманъ денегъ 12 руб., да деньгами жъ: за сукно лундышъ 6 руб., за камку 5 руб., за пицаль 5 руб., за пару соболей на шапку 10 руб.; есауль денегъ 10 руб., за сукно англійское 3 руб., за тафту 2 руб., за пицаль 3 руб.; рядовые казаки: денегъ по 9 руб., за сукно англійское по 3 руб., итого по 12 руб.. да сверхъ того по два фунта пороху и по два фунта свинцу. Станица подчивана была въ дворцѣ три раза: на приѣздъ, въ день Богоявленія Господня и на отпускъ; но съ 1716 года вмѣсто тѣхъ трехъ столовъ была выдаваема имъ за то денежная дача по 215 руб. 70 коп., атаману для ѣзды въ Москвѣ давали съ государевой конюшни лошадь съ санями; а въ послѣдствіи вмѣсто того на наемъ лошади для ѣзды по рублю на недѣлю.

Сверхъ трехъ мѣсячнаго пребыванія въ Москвѣ зимовой станицы продолжаема была поденная денежная дача по два мѣсяца на дорогу въ оба пути.

Легкой станицы атаманы и казаки пользовались въ Москвѣ меньшими преимуществами противъ зимовыхъ станицъ. Во время приѣзда войскового атамана Корнилы Яковлева съ легкой станицею, который привезъ въ Москву въ 1671 г. извѣстнаго бунтовщика Разива, также и во время приѣзда въ 1706 г. станичнаго атамана Саввы Кочетова, который привезъ въ Москву астраханскихъ возмутителей, атаманамъ и казакамъ было дано поденнаго корму вдвое противъ прежнихъ дачъ, а именно: атаману въ день по 5, есаулу по 4, рядовымъ казакамъ по 3 алтына и по двѣ деньги; медъ и пиво и прочіе подарки, противъ зимовыхъ станицъ. Въ послѣднихъ годахъ царствованія Петра Великаго станичнымъ атаманамъ жалованье и поденныя дачи кормовыхъ денегъ были удвоены. Зимовыя станицы обыкновенно отправлялись изъ войска на г. Волуйку откуда на подводяхъ были доставляемы въ Москву, число подводъ давано было какъ при слѣдованіи въ Москву, такъ и обратно до Воронежа: атаману 3, есаулу 2, а рядовымъ казакамъ по одной подводѣ. Изъ Воронежа въ Черкасскъ зимовыя станицы слѣдовали рѣкою Дономъ.

Во время нахождения въ Москвѣ зимовыхъ станицъ нерѣдко посылали на Донъ изъ тѣхъ станицъ казаковъ съ нужнѣйшими грамотами, въ такомъ случаѣ посланнымъ выдавали изъ казны, кромѣ кормовыхъ денегъ, еще на лошадей по 10 и по 15 рублей.

О встрѣчѣ на Дону зимовыхъ станицъ съ царскимъ жалованьемъ. Царское жалованье войско Донское начало получать со временъ Царя Ѳодора Іоанновича; оно состояло въ деньгахъ, продовольственныхъ и воинскихъ припасахъ, а иногда посылались пушки, желѣзо, лодочныя трубы, писчая бумага, для церквей: колокола, ладонь, церковное вино, книги и проч. Для получения жалованья войско отправляло, какъ выше сказано, въ Москву зимовую станицу съ войсковою челобитною объ отпускѣ жалованья на такой то годъ; челобитная обыкновенно заключалась такими словами: „чтобъ намъ холопемъ твоимъ, живучи на твоей государственной службѣ на Дону, голодною смертію не умереть и вѣчно твоей государевы вотчины рѣки Донъ вѣчнымъ непріателемъ туркамъ и крымцамъ не подать и отъ вѣчныхъ непріателей въ посмѣхъ не быть“ (592). Зимовая станица возвращалась изъ Москвы сухопутно до Воронежа; въ Воронежѣ изготовившись къ отплытію рѣкою Дономъ, отправлялась оттуда въ Черкасскъ на нѣсколькихъ баркахъ, съ царскимъ жалованьемъ, по первой полои водѣ, въ сопровожденіи особаго, назначеннаго для того, царскаго дворянина, который, по прибытіи на мѣсто, обязанъ былъ сдать войску Донскому всѣ деньги и вещи съ нимъ посланныя.

Встрѣча царскаго дворянина и принятіе жалованья сопровождаемы были особенными обрядами, которые были постоянно соблюдаемы казаками въ послѣдней половинѣ XVIII столѣтія, съ нѣкоторыми только измѣненіями. Во время слѣдованія барокъ съ жалованьемъ рѣкою Дономъ, каждая станица

(592) Дѣла Донскія, челобитная Донскаго войска объ исправленіи денежнаго и хлѣбнаго жалованья 1672 г. ноября 10 дня.

обязана была встрѣтить оныя на границахъ своего юрта и проводить ихъ до сосѣдняго, съ ружейною и пушечною пальбою.

Дворянинъ, доставлявшій жалованье, получалъ по предмету сему особый наказъ отъ Посольскаго приказа, въ которомъ излагался весь церемоніаль сдачи жалованья. Церемоніаль этотъ былъ также однообразенъ, съ нѣкоторыми только измѣненіями, особенно въ послѣдней половинѣ XVII столѣтія. Дворянину предписывалось: по прибытіи въ нижніе юрты послать отъ себя въ войско нарочнаго свазать, что онъ посланъ отъ Государя къ Донскимъ атаманамъ и казакамъ съ государевымъ жалованьемъ, и они бѣ встрѣтили его и къ себѣ въ юрты приняли честно, по прежнему обычаю, и мѣсто, гдѣ въ юртахъ стоятъ, указали.

По сему извѣщенію войсковой атаманъ, въ сопровожденіи войсковыхъ есауловъ, старшинъ и всѣхъ станичныхъ атамановъ и наличныхъ казаковъ выѣзжалъ изъ города, и по приближеніи къ зимовой станицѣ встрѣчавшіе производили ружейную пальбу. Затѣмъ войсковой атаманъ съ старшинами и станичными атаманами входилъ на барку, на которой находился атаманъ зимовой станицы; тутъ поздравляли они другъ друга съ царскою милостію и благополучнымъ прибытіемъ; пили за здоровье царское и за все войско изъ того серебряннаго ковша, которымъ жалованъ въ Москвѣ атаманъ зимовой станицы. Послѣ сего весь поѣздъ приближался къ Черкаску, и встрѣчаемъ былъ пушечными выстрѣлами со всѣхъ городскихъ батарей.

По приѣздѣ въ Черкасскъ, дворянинъ и всѣ встрѣчавшіе атаманы и казаки шли въ церковь, слушали молебень. Потомъ дворянинъ, вышедъ изъ церкви, кланялся по обычаю отъ себя атаманамъ и казакамъ и спрашивалъ о здоровьѣ; а за тѣмъ говорилъ по наказу: „Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, Его Царское Величество, васъ атамановъ и казаковъ и все Донское войско, за вашу къ нему . . .

вѣрную службу, жалуетъ, милостиво похваляетъ; и велѣлъ васъ атамановъ и казаковъ спросить о здоровьѣ“ (593). По окончаніи сихъ словъ объявлялъ о жалованьѣ. Полученное жалованье атаманы и казаки дѣлили межъ собой по равной части.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича обыкновенно войско получало ежегодно въ жалованьѣ: денегъ 2,000 р., хлѣба 400 четв., вина 50 ведръ, пороху 40 пуд., селитры 40 пуд., сѣры 40 пуд., свинцу 40 пуд., сукна 40 поставовъ. Таковая выдача жалованья производилась не всегда одинаково, а болѣе соображаемо было съ заслугами казаковъ, отчего они получали болѣе или менѣе. При Петрѣ первомъ, жалованье войску Донскому увеличено, и получало оно денегъ 5,000 руб., хлѣба 6,500 четвертей, вина 500 ведръ, пороху 230 пуд., свинцу 115 пуд., 10 пуд. желѣза и 430 поставовъ сукна.

О власти войсковыхъ атамановъ и войсковыхъ есауловъ. Правленіе Донскихъ казаковъ, какъ въ семь періодъ, такъ и въ предыдущемъ заключалось въ войсковомъ кругу; но власть войсковаго атамана, въ концѣ сего періода примѣтно пріобрѣтала большую силу. Войсковой атаманъ былъ прямой начальникъ казаковъ во дни мира и брани; къ его обязанности относились дѣла разнаго рода, по внутреннему управленію: онъ мирилъ ссорящихся, защищалъ обиженныхъ, раздѣлялъ царское жалованье между казаками, принималъ посланцевъ турецкихъ, татарскихъ и калмыцкихъ, велъ съ ними переговоры предварительно и потомъ передавалъ на сужденіе круга. Ближайшими и единственными помощниками войсковаго атамана въ дѣлахъ исполнительной власти, по прежнему, были два войсковые есаула, которые избирались въ сіе званіе войсковымъ кругомъ ежегодно.

Войсковые атаманы, въ знакъ управленія своего, носили всегда въ рукахъ своихъ насѣку (трость), которую, при пере-

(593) Дѣла Донскія, Наказъ дворянину Андрею Лазареву, отправленному изъ Москвы на Донъ 1648 года мая 24 дня.

мѣнѣ своей, передавали вновь избранному въ сіе званіе съ особенною церемоніею. Петръ Великій, желая предать войсковымъ атаманамъ болѣе важности и власти, пожаловалъ въ 1704 г. войску Донскому серебряную печать, а для ношенія войсковымъ атаманамъ насѣку, украшенную на концахъ серебряною оправою, и съ надписью на верхней оправѣ: „насѣка войска Донскаго 1704 года“ (594); а въ 1706 г. въ знакъ ихъ управленія перначъ, вызолоченный по серебру и украшенный цвѣтными каменьями.

Казакѣ въ войсковомъ кругу избирали войсковыхъ атамановъ до 1718 г. Первый войсковой атаманъ, опредѣленный въ семь году до указа безъ перемѣны, былъ Василій Фроловъ; а по смерти его 1723 г. опредѣленъ былъ на его мѣсто старшина Андрей Лапатинъ; 1735 г. заступилъ его мѣсто Иванъ Фроловъ; а въ 1738 г. опредѣленъ былъ войсковымъ атаманомъ Данило Ефремовъ. Съ сего времени назначеніе войсковыхъ атамановъ зависѣло отъ Высочайшей власти (595).

(594) Грамота войску Донскому 1704 г. сентября 21 дня.

„Отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, на Донъ въ нижніе и верхніе юрты, атаманамъ и казакамъ, войсковому атаману Якиму Филиппеву и всему войску Донскому, нашего Царскаго Величества милостивое слово. Пожаловали мы, Великій Государь, по имянному нашего Великаго Государя указу васъ атамановъ и казаковъ и все войско Донское, за вѣрную вашу къ намъ Великому Государю показанную службу, указали новоздѣланную войсковую серебрянную печать, которая по нашему царскаго величества указу сдѣлана нынѣ вновь на Москвѣ, и подписано на ней сичевыми словами: печать войска Донскаго; также и насѣку, вновь учиненную на Москвѣ, деревянную, у которой насѣки по обонимъ концамъ какъ сверху, такъ и съ низу оправлено серебромъ и подписано на ней по сему: насѣка войска Донскаго 1704 г., и тое насѣку и печать послать къ вамъ, атаманамъ и казакамъ“

(595) Имянный Высочайшій указъ Правительствующему Сенату 1738 года марта 7 дня.

„Понеже мы за благо и потребно разсуждаемъ при Донскомъ войскѣ особливаго, для нынѣшняго военнаго случая, вмѣсто наызнаго атамана, котрымъ до нынѣ войсковыя дѣла управляемы были, опредѣлить настоящаго войскаго атамана, того ради мы онаго войска старшину Данилу Ефремова, за долговременныя и ревностныя его намъ и предкамъ нашимъ службы, въ оный

Назначеніе отъ верховной власти войсковыхъ атамановъ способствовало къ быстрому установленію порядка и благоустройства въ гражданственной жизни казаковъ.

Записки эти, объемля дѣянія казаковъ отъ появленія ихъ на берегахъ Дона или съ начала XVI вѣка до конца перваго десятилѣтія XVIII вѣка, заключаютъ, такъ сказать, собственную исторію Донскаго войска. Съ этого же времени Донцы начинаютъ постоянно ратовать въ составѣ російскихъ войскъ — и собственная исторія ихъ кончилась. Петръ первый покореніемъ Азова, перемѣнилъ положеніе дѣлъ на Дону и вмѣстѣ съ тѣмъ явилъ значительное вліяніе на жизнь казаковъ. Съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія она получаетъ иной видъ: нравы и обычаи Донцовъ постепенно начинаютъ дѣлаться болѣе гражданственными; во внутреннемъ управленіи незамѣтно вводится благоустройство; отважные морскіе набѣды казаковъ на владѣнія султана и крымцевъ прекращены, всѣ распоряженія по войску о значительныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, кромѣ нѣкоторыхъ сухопутныхъ малыхъ набѣговъ на Кубань, на Куму и на крымскіе улусы, дѣланныхъ казаками произвольно въ первой половинѣ XVIII вѣка, производятся отъ верховной власти; войско Донское посылаетъ казаковъ въ составъ Російскихъ армій, подъ начальствомъ своихъ походныхъ атамановъ, уже опредѣленными полками. И такимъ образомъ Донцы участвуютъ во всѣхъ войнахъ, веден-

чинъ войскаго атамана Всемилостивѣйше жалуемъ и повелѣваемъ нашему Сенату о такомъ нашемъ Всемилостивѣйшемъ опредѣленіи отправленіемъ на Донъ и куда надлежитъ грамоты и указовъ и прочими потому потребными исправленіями учинить по сему нашему указу.“

ныхъ Россією въ теченіи XVIII столѣтія, и участіе ихъ было честное и славное: за шведскую войну, продолжавшуюся 20 лѣтъ и оконченную 1721 года, Петръ Великій пожаловалъ войску Донскому въ 1722 г. знамя; за дѣла во время персидской войны (1722 — 1732) Императрицею Анною Иоановною, въ 1733 г., пожаловано войску Донскому два знамя; за подвиги въ шведской войнѣ (1741 — 1743) пожаловано Императрицею Елисаветою Петровною, въ 1744 г., войску Донскому знамя; за прусскую войну, извѣстную подъ именемъ семилѣтней, окончившуюся 1763 года, пожаловано Донцамъ Императрицею Екатериною II-ю, въ 1764 г., знамя. Вообще въ блистательный вѣкъ Екатерины II-й Донскіе казаки покрыли себя отличною славою: за турецкую войну, достопамятную побѣдами Россіянъ подъ Чесмою и Кагуломъ, пожалованы войску Донскому, въ 1775 году, похвальная грамота, знамя, бунчукъ, а войсковымъ атаманамъ, въ знакъ ихъ управленія, булава и насѣка; за другую турецкую войну, славную побѣдами подъ Ачаковомъ и Измаиломъ, пожаловано войску Донскому, въ 1795 г., два знамя. Наконецъ XVIII вѣкъ заключили казаки подвигами въ Италіи (1799 г.), за которые Императоромъ Павломъ I-мъ пожаловано войску Донскому, въ 1800 г., знамя (*). Военныя же дѣянія Донцовъ, совершенныя въ настоящемъ столѣтіи, замѣчательны въ исторіи войнъ Россіи, и также увѣнчаны милостивымъ вниманіемъ Великихъ ея Монарховъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

(*) Рисунки со всѣхъ войсковыхъ регалий еще въ 1834 г. я имѣлъ счастье представить Верховному правительству.

С. В.